И.А. БАРАНОВ

ТАВРИКА В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1990

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

И.А.БАРАНОВ

ТАВРИКА В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(салтово-маяцкая культура)

Киев Наукова думка 1990

Баранов И.А. **Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура/ / АН УССР. Ин-т археологии; Отв. ред. О.М.Приходнюк. – Киев : Наук. думка, 1990. – 168 с. – ISBN 5-12-001511-5 (в обл.) : 3 р. 10 к.**

В монографии рассматривается широкий круг вопросов истории и культуры населения раннесредневекового Крыма и Юго-Восточной Европы VII–X вв. Археологические материалы, полученные главным образом в результате раскопок автора на протяжении двух последних десятилетий, позволили выделить в Крыму памятники салтово-маяцкой культуры и впервые показать, что ее носители были основным этническим компонентом Крымской Хазарии. Археологические памятники Таврики рассматриваются на фоне родственных этнокультурных общностей в Юго-Восточной Европе, Поволжье и на Балканах. Анализируя салтово-маяцкую культуру в Крыму, автор связал ее появление на полуострове с миграцией кочевых и полукочевых тюркских племен, входивших в состав раннефеодального объединения в Приазовье и Хазарского каганата. Проблемы истории Крымской Хазарии рассматриваются в их переплетении с вопросами Киевской Руси, Хазарского каганата и Византийской империи.

Для археологов, историков, этнографов, преподавателей и студентов вузов.

Ответственный редактор *О.М.Приходнюк*

Утверждено к печати ученым советом
Института археологии АН УССР

Редакция литературы по социальным проблемам зарубежных стран, археологии и документалистике

Редактор *Т.Н.Телиженко*

Научное издание

БАРАНОВ Игорь Авенирович

ТАВРИКА В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(салтово-маяцкая культура)

Художник обложки *С.В.Назаров*
Художественный редактор *И.П.Савицкая*
Технический редактор *Т.К.Валицкая*
Оператор *В.Н.Курган*
Корректоры *В.Н.Семенюк, Е.И.Мазниченко*

ИБ № 10774

Сдано в набор 25.09.89. Подп. в печ. 16.02.90. Формат 70x108/16. Бум. офс. № 1. Гарн. Пресс Роман. Офс. печ. Усл.печ. л. 15,05. Усл. кр-отт. 15,58. Уч.-изд. л. 17,69+вкл. 0,25 = 17,94. Тираж 1260 экз. Заказ 9-747. Цена 3 р. 50 к.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка". 252601 Киев 4, ул. Репина, 3. Киевская книжно-журнальная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул. Репина, 4.

Б $\frac{0504000000\text{-}170}{\text{М221 (04)-90}}$ 63-90

ISBN 5-12-001511-5

© И.А.Баранов, 1990

ВВЕДЕНИЕ

Находясь на перекрестке Запада и Востока и являясь своеобразным мостом, соединяющим народы Древней Руси и Приазовья с византийским Причерноморьем и западноевропейским Средиземноморьем, Крымский п-ов занимал особое положение в истории Восточной Европы. На его территории известно более 300 археологических памятников эпохи раннего средневековья, большая часть которых принадлежит провинциально-византийской культуре, сложившейся в результате синтеза полиэтничных культур крымско-византийских городов и местных земледельческих племен и народов, переживших кровавые катаклизмы Великого переселения. Традиционно им уделяется главное внимание исследователей, в то время как немногочисленные и яркие, но не менее важные для понимания исторических процессов в Крыму и Юго-Восточной Европы, невизантийские памятники второй половины VII–X в. так же традиционно остаются за пределами их научных интересов. Между тем появление таких памятников в Таврике связано с деятельностью Хазарского каганата, игравшего заметную, хотя зачастую и негативную роль в судьбах населения полуострова и региона в целом. Следствием его политики, в частности, были значительные перемещения кочевых и полукочевых народов, часть которых попала и в Крым, существенно изменив политическую и этнокультурную ситуацию.

Письменные источники – отрывочные и противоречивые – позволяют лишь в общих чертах представить ход исторического процесса в Таврике и связать его с событиями в Причерноморье. Конкретизация представлений о нем возможна лишь на основании археологического материала. В связи с этим особое значение приобретают введение в научный оборот и историческая интерпретация невизантийских памятников VII–X вв., обнаруженных в разных районах Крымского п-ова. Значительная часть их принадлежит салтово-маяцкой культуре, распространенной, главным образом, за пределами Крыма на большей части Юго-Восточной Европы и территориально совпадающей с историческими границами Хазарского каганата. Крымские памятники этого круга и являются объектом настоящего исследования.

Изучение салтово-маяцкой культуры продолжается уже более семидесяти лет. В ходе длительной дискуссии по поводу имени ее носителей наметились три основных направления: венгерское, славянское и алано-булгаро-хазарское.

Довоенный этап венгерского направления в историографии проблемы представляли Й.Хампель, Г.Ильинский, В.Арендт и др. [1–3]. Для обоснования угорского происхождения салтово-маяцкой культуры Юго-Восточной Европы они использовали отдельные вещи из некрополей Подонья, материалы двух воинских погребений у сел Волошенское и Поднепровье и Воробьево близ Воронежа, а также весьма противоречивое сообщение Константина Багрянородного о Либедии. Чрезмерное преувеличение значения древневенгерских материалов в салтово-маяцких древностях неоднократно подвергалось критике в отечественной литературе [4, с. 243–246; 5, с. 131–168; 6, с. 189–191]. Видимо не без ее влияния в послевоенное время среди венгерских археологов получил распространение взгляд на салтово-маяцкую культуру как многоэтничную, в составе которой наряду с многими другими представлен и угорский компонент. Эта точка зрения нашла отражение в работах Э.Мольнара, Й.Перини и И.Эрдели [7, p. 79–114] и была поддержана некоторыми советскими исследователями [6, с. 190].

В отечественной историографии дискуссии происходили, главным образом, вокруг двух других направлений, которые возникли практически одновременно и довольно долго развивались параллельно.

Корни славянского направления следует искать в давней дискуссии о Приазовской Руси, которую подробно излагает А.В.Гадло [8, с. 55–65]. Остановимся на последнем этапе полемики, интерпретирующем раннесредневековые комплексы с сероглиняной кухонной керамикой салтовского типа из Южного Приазовья и Восточной Таврики. Такие материалы начали поступать еще в начале столетия [9, с. 88–96], но они носили случайный характер, что мешало научной оценке памятников. Положение коренным образом изменилось в 20–30-е годы, когда в оборот были введены материалы из раскопок на холме Тепсень в Коктебеле, а также раннесредневековые комплексы, обнаруженные в верхних горизонтах некоторых античных городищ Боспора [10, с. 4–6; 11, с. 190–204; 12, с. 47–52, 68–71, 100–105, 120–123]. Одновременно получают широкую известность исследования А.А.Миллера, М.И.Артамонова и И.И.Ляпушкина на Тамани и Дону [13, с. 67–68; 14; 15, с. 161–246].

Изучение поселения Тепсень связано в первую очередь с именем Н.С.Барсамова, которому принадлежит приоритет в постановке вопроса о славянской принадлежности памятников этого типа в Восточной Таврике и Южном Приазовье. Наличие на этих поселениях сероглиняных кухонных горшков, украшенных линейно-волнистым орнаментом, похожих на древнерусские горшки XI–XII вв., а также сходство планировки раскопанного им храма с некоторыми древнерусскими церквами позволили Н.С.Барсамову определить эти памятники как древнерусские, связав их с Тмутараканским княжеством. Исходя из чисто общеисторических посылок, он датировал тепсеньские материалы XI–XII вв. [10, с. 48–49]. Эту гипотезу поддержали В.А.Городцов и А.С.Башкиров, а в первые послевоенные годы она получила развитие в работах А.П.Смирнова, Н.П.Надинского и др. [16, с. 81–83; 17, с. 45–57; 18, с. 67–70]. Тогда же зародилось и третье, ныне господствующее, направление в интерпретации крымских материалов тепсеньской группы – салтово-маяцкое. Его первый этап связан с именами М.И.Артамонова, И.И.Ляпушкина [15, с. 226], взгляды которых стали превалирующими, несмотря на ожесточенную полемику [19, с. 270]. Анализируя керамический комплекс Таманского городища и синхронный ему крымский материал, И.И.Ляпушкин доказал, что слои с кухонными сероглиняными горшками, изготовленными на ручном круге и украшенными линейно-волнистым орнаментом, датируются не временем Тмутараканского княжества, а хазарской эпохой. Он показал, что как крымская, так и таманская кухонная посуда VIII–X вв. типологически и по технике формовки отличается от синхронной древнерусской, но аналогична керамике из салтовских городищ Подонья [15, с. 226]. Однако В.П.Бабенчиков, продолживший раскопки Тепсеня в 1949–1953 гг., отрицал связь между керамикой Тепсеня и материалами салтово-маяцких памятников Юго-Восточной Европы, выдвинув предположение о принадлежности раннесредневековых памятников Юго-Восточной Таврики к так называемой северопричерноморской культуре [9, с. 88–146]. Его точку зрения полностью воспринял М.А.Фронджуло, изучавший Тепсень в 1959–1963 гг. [20, с. 168–182; 21, с. 132]. По мнению В.П.Бабенчикова и М.А.Фронджуло, северопричерноморская культура отличается как от древнерусской, так и салтово-маяцкой культуры; она сложилась в местной среде Восточной Таврики и развивалась в изоляции без существенного влияния других культур этого региона [21, с. 132; 22, с. 476–484].

Необоснованность их вывода о замкнутом развитии культуры в пределах одного региона с относительно плотным населением, принадлежавшим разным культурным общностям, подвергли критике А.В.Гадло, О.И.Домбровский и др. [23, с. 96–104; 24, с. 7; 25, с. 4]. Мы также не можем принять вывод о создании поселений VIII–X вв. в Юго-Восточной Таврике жителями античных боспорских городов. Он методически неоправдан, так как строится на почти полном отсутствии в этом районе материалов послегуннского периода. Столь же бездоказательно утверждение об античной преемственности строительных традиций поселений VIII–X вв. Так, приведенные М.А.Фронджуло в качестве подкрепления этого вывода планы домов Ольвии, Тиритаки и Илурата принципиально неверны. В его типологической таблице они изображены как совершенно аналогичные домам Тепсеня [21, рис. 24, *1–3*], на самом деле они многокамерные с перистильными двориками [26, с. 380, рис. *24г, 26а–з*; 27, рис. 35; 28, с. 151–161, табл. 88, 89]. Такие жилые комплексы действительно типичны для античных городов Северного Причерноморья, но совершенно не характерны для сельских поселений раннесредневековой Таврики.

Страдает ошибками и составленная М.А.Фронджуло историческая схема. Появление поселений северопричерноморской культуры нельзя связывать с ослаблением хазарского господства в Крыму в VIII в. [21, с. 131–132]. Наоборот, все без исключения письменные источники, свидетельствующие о хазарах, указывают на резкое усиление напряженности в Таврике именно в VIII в., когда хазары установили контроль над Горной Таврикой и разорили Южный берег [29, с. 151–162].

Северопричерноморская культура не была признана археологами. Именно в этот период под влиянием теоретических разработок М.И.Артамонова и И.И.Ляпушкина формируется современный взгляд на салтово-маяцкую культуру и ее локальные варианты. Первые шаги в ее интерпретации предпринял в 1950 г. П.Н.Шульц, который пришел к выводу, что раннесредневековые поселения Юго-Восточной Таврики относятся к крымскому локальному варианту салтово-маяцкой культуры [30, с. 154–155]. С его мнением согласились В.Ф.Гайдукевич, А.Л.Якобсон и др. [31, с. 485–487]. Последний еще в своих ранних работах повторяет взгляды П.Н.Шульца о салтовской принадлежности восточно-крымских памятников и развивает мысль И.И.Ляпушкина о ее носителях [31, с. 182–195; 33, с. 35–44]. Эта идея получила окончательное оформление в работах С.А.Плетневой, которая разделила памятники салтово-маяцкой культуры в Юго-Восточной Европе на два этнокультурных массива, связав северный с аланами, а южный – с тюрками [34, с. 18; 35, с. 185; 36, с. 9–14]. Ее типология и этническая оценка памятников принята большинством исследователей [37, с. 119–120; 8, с. 55–65]. Опираемся на них и мы [38, с. 3–7; 39, с. 57–58].

К середине 60-х годов был накоплен значительный материал по региональному изучению памятников салтово-маяцкого круга [40–43]. Он позволил С.А.Плетневой завершить работу по выделению локальных вариантов салтово-маяцкой культуры, наметить их границы и сформулировать принципы выделения самой культуры. Они сводятся к следующему.

1. Салтово-маяцкая культура сложилась в бассейне Дона и в Приазовье. Ее носителями были аланы, переселившиеся с Северного Кавказа в первой трети VIII в. Здесь культура была воспринята кочевыми и полукочевыми тюрками, которые стали основной этнической средой.

2. В салтово-маяцкой культуре выделяются семь локальных вариантов, сложившихся в результате миграций племен Юго-Восточной Европы: два аланских (донской и северо-кавказский) и пять тюркских (дагестанский, дунайский, волжский, азовский и крымский). Они совпадают по основным характеристикам, различаясь между собой лишь степенью местного и византийского влияния [35, с. 7; 44, с. 43, 76]. Последнему, естественно, в наибольшей степени был подвержен крымский вариант салтово-маяцкой культуры в зоне непосредственных контактов тюрок с провинциально-византийской культурой Таврики.

Работы С.А.Плетневой внесли значительный вклад в изучение салтово-маяцкой культуры и оказали влияние на исследователей раннесредневековых древностей Подонья, Приазовья и Таврики. В отношении последней это прежде всего относится к А.В.Гадло, который раскопал в 1962–1964 гг. салтовские поселения близ сел Героевское и Пташкино на Керченском п-ове. Его работы явились серьезным шагом вперед на пути создания фундированной истории кочевых и полукочевых племен, образовавших в VII–VIII вв. в степях Северного Причерноморья и Поволжья три мощных государственных объединения. Критически подойдя к исследованиям своих предшественников и современников, он подверг всестороннему анализу не отдельные предметы из крымских поселений VIII–X вв., а археологические комплексы, и доказал, что салтовские поселения Восточной Таврики возникли в результате оседания кочевников, названных им так же, как их называли византийские хронисты, – хотциры [45, с. 3–25; 46, с. 78–84; 47, с. 160–168; 48, с. 143–144]. Кроме того, данные нумизматики и хронологизация некоторых групп импортной византийской керамики из раскопанных им памятников привели к постановке вопроса о наличии на них культурных горизонтов второй половины VII в., которые он связывает с первым этапом процесса седентаризации кочевников Крымского Приазовья [49, с. 74].

С середины 60-х годов приток новых материалов с поселений салтово-маяцкого круга в Крыму постепенно возрастал в основном из сопутствующих работ при изучении античных памятников на северо-западном побережье [50, с. 254–261], а также

эпизодических раскопок в Южной Таврике [51, с. 105–111; 52, с. 217–232; 53, с. 71–85; 54, с. 117–120; 55, с. 55–67]. В рамках программы изучения салтово-маяцкой культуры в Крыму нами проводились планомерные исследования некоторых салтово-маяцких поселений, могильников и городищ в Южной Таврике. Так, в 1969–1970 гг. было полностью раскрыто поселение в уроч. Тау-Кипчак на р. Зуе, в 1974–1980 гг. раскапывалось поселение Кордон-Оба в пос. Курортный, в 1975 г. – аналогичное поселение в Щебетовке в том же районе Таврики, в 1977 г. – раннесредневековое поселение под Загайтанской скалой в Инкермане, в 1985–1986 гг. – салтовские комплексы и фортификация хазарского горизонта Судакской крепости и в 1986–1989 гг. – поселение, укрепление и некрополь той же культуры на мысе Ай-Фока у с.Морское. Кроме того, в разные годы получены салтовские материалы при раскопках Сюйренской крепости, раннесредневековых укреплений на мысах Плака и Троицы, в пещерах Чатырдага и Караби-Яйлы. Одновременно с раскопками в конце 70-х – середине 80-х годов производились значительные по масштабам археологические разведки, существенно расширившие археологическую карту полуострова. Особенностью последнего этапа в изучении салтово-маяцкой культуры в Крыму является изменение методики исследований – главное внимание уделялось стратифицированному анализу материалов и привлечению при их обработке современных естественных и точных методов. В результате эти материалы позволили по-новому представить процесс оседания кочевников в Таврике и раскрыть их роль в культурной и политической жизни региона. Впервые появилась возможность, хотя из-за характера археологических и литературных источников не всегда достаточно полно и однозначно, рассмотреть социально-экономическую структуру салтово-маяцкого общества и обосновать правомочность выделения в салтово-маяцкой культуре Юго-Восточной Европы этапа формирования, датированного нами второй половиной VII в. и связанного не только с этнокультурными влияниями алан Северного Кавказа и Подонья, но и местных этнических групп Северного Причерноморья, Приазовья и славянского населения Нижнего Поднепровья.

ГЛАВА I
ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ

Археологические памятники населения, входившего во второи половине VII–X вв. в состав Хазарского каганата, рассматриваются нами в пределах относительно небольшой (25 тыс. км^2) территории Крымского п-ова, называвшегося в эпоху раннего средневековья Таврикой. Природный ландшафт и климатические зоны, диктовавшие хозяйственное районирование, определили типологическое разнообразие протоболгарских памятников на полуострове.

По ландшафту и климатическим особенностям Таврику можно разделить на две неравномерные по площади части. Большая часть ее территории входит в зону южных сухих степей Русской равнины. За исключением рек, берущих начало в горах, степные реки мелководны и в летние месяцы совершенно пересыхают. На Тарханкуте и Керченском п-ове степи переходят в районы возвышенной равнины, а на юге – в горы. Крымские горы состоят из трех дугообразных гряд (Внешней, Внутренней и Главной) длиной 150 км и шириной до 50 км. С юга на север они прорезаны глубокими речными долинами с полноводными реками и многочисленными источниками. Склоны Внутренней и Главной гряд поросли густыми хвойными лесами, а обширные яйлы Главной гряды – тучными травами, источником традиционного отгонного скотоводства.

По существующему геоботаническому и почвенно-географическому районированию равнинный Крым и Керченский п-ов располагаются в подзоне ковыльных сухих степей, развитых на малогумусированных черноземах и темно-каштановых почвах, пригодных для хлебопашества. В Присивашье, Каркинитском и Евпаторийском побережьях они переходят в солонцеватые каштановые почвы, традиционно использовавшиеся под пастбища и лишь в районах с достаточным количеством воды – в качестве пахотных земель. На склонах гор и в речных горных долинах развиты горно-лесные черноземы, дававшие в древности наиболее устойчивые урожаи зерновых, а на южном побережье – бурые лесные и коричневые почвы, пригодные для виноградарства.

Сопоставляя археологическую картину раннесредневековых памятников Крымского п-ова с картой почв, можно отметить закономерность, что наибольшая плотность поселений приходится именно на районы, пригодные по составу почв и увлажненности для хлебопашества или виноградарства, т.е. на прибрежную зону равнинной части и склоны гор. Кроме того, заселялись надпойменные террасы полноводных равнинных рек с мощными гумусированными черноземами. Глубинная степь с солонцеватыми и маломощными почвами оседлым населением не была освоена, однако в ней повсеместно отмечаются впускные погребения кочевников, свидетельствующие об интенсивном использовании степей для кочевого и отгонного скотоводства.

В настоящее время в разных орографических зонах Таврики известно более 250 археологических памятников эпохи раннего средневековья (V – X вв. н.э.). Большая часть их обнаружена в горных речных долинах юго-западной части полуострова и в прибрежной полосе ее южного побережья; оба района принято называть Южной Таврикой. Памятники этого района принадлежат, в основном, византинизированной культуре, которая сложилась здесь в эпоху Великого переселения народов и уходит корнями в глубокую античность. Между тем более двух десятков впускных погребений в курганах равнинной зоны полуострова, а также 120 поселений и входящих с ними в комплекс грунтовых могильников существенно отличаются от провинциально-византийских как по характеру погребального обряда, так и археологическим материалам (рис. 1). Наши предшественники отнесли значительную часть этих памятников к крымскому варианту

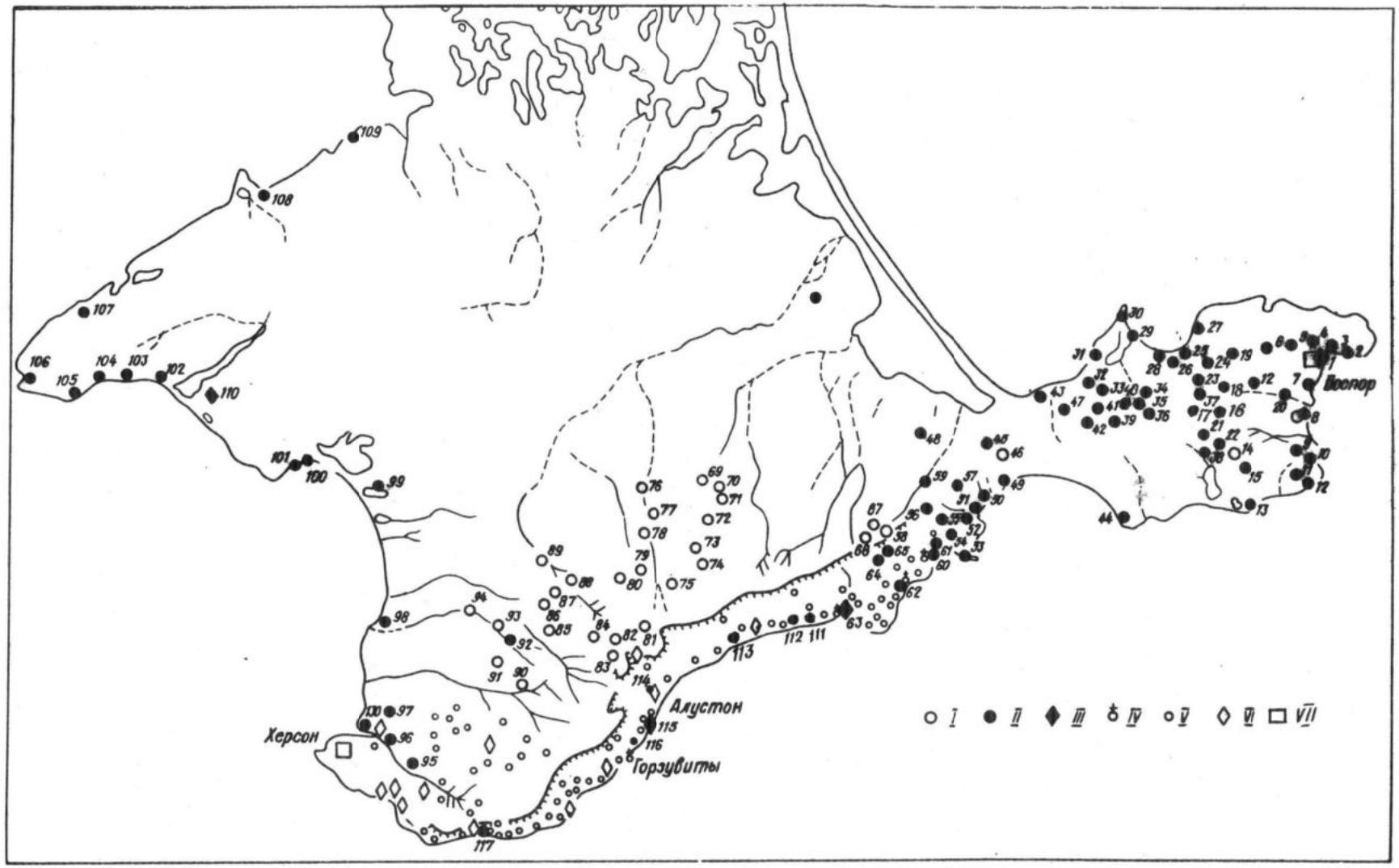

Евпатория
Алушта
Херсон
Горзувиты
I II III IV V VI VII

Рис. 1. Таврика в эпоху Хазарского каганата (VII–X вв.).
I – поселения-аилы этапа формирования салтово-маяцкой культуры (вторая половина VII – первая половина VIII в.), II – салтово-маяцкие поселения второй половины VIII–X вв., III – хазарские укрепленные лагеря и городища, IV – византийские монастыри, V – поселения провинциально-византийской культуры VIII–X вв., VI – византийские укрепления, VII – приморские города.
1 – Керчь (Боспор, Корчев); *2* – Опасное; *3* – Войково (на месте античного городища Мирмекий); *4* – Войково (на территории поселка); *5* – Михайловка; *6* – Багерово; *7* – Аршинцево (на месте античного городища Тиритака); *8* – Героевское; *9* – Костырино; *10* – Заветное; *11* – Коренково; *12* – на месте античного городища Китей; *13* – гора Опук; *14* – Пташкино; *15* – Марьевка; *16* – Сокольское; *17* – Ивановка; *18* – Горностаевка; *19* – Чистополье; *20* – Приозерное; *21* – Марфовка; *22* – Тамарино; *23* – Алексеевка; *24* – Репьевка; *25* – Слюсарево; *26* – Зеленый Яр; *27* – Пресноводное; *28* – Песочное; *29* – Азовское; *30* – Мысовое; *31* – Семеновка; *32* – Чапаево; *33* – Семь Колодезей; *34* – Золотое; *35* – Ленино; *36* – Виноградное; *37* – Новоселовка; *38* – Прудиково; *39* – Красногорка; *40* – Красный Кут; *41* – Королево; *42* – Луговое; *43* – Кирово; *44* – мыс Чауда; *45* – Птичкино; *46* – Фронтовое; *47* – Бранное Поле; *48* – Кировское; *49* – Дальние Камыши; *50* – Ближние Камыши; *51* – Феодосия (район порта); *52* – Айвазовское; *53* – Насыпное; *54* – Подгорное; *55* – мыс Киик-Атлама; *56* – Гончаровка; *57* – Тамбовка; *58* – Старый Крым (северо-западная окраина); *59* – Журавки; *60* – Планерское (холм Тепсень); *61* – Планерское (ущелье Дарлак); *62* – Курортное (холм Кордон-Оба); *63* – Судакская крепость; *64* – Щебетовка (водохранилище лесхоза); *65* – Щебетовка (подножие горы Медовой); *66* – Старый Крым (1,5 км южнее города); *67* – Старый Крым (юго-восточная окраина у шоссе Феодосия – Симферополь); *68* – Новоемельяновка; *69* – Марьяновка; *70* – скала Ак-Кая (северо-западное подножие); *71* – Вишневое; *72* – Новокленовка; *73* – Богатое; *74* – Караби-Яйла (уроч. Казанлы); *75* – Межгорье; *76* – Меловое; *77* – Цветочное; *78* – Ароматное; *79* – Курортное; *80* – уроч. Тау-Кипчак (затоплено Балановским водохранилищем); *81* – Барановка (близ пещеры Еникала III); *82* – Мраморное (северо-восточный склон горы Чатырдаг); *83* – пещера "Партизанская" на нижнем плато горы Чатырдаг: *84* – Краснолесье (на территории биостанции); *85* – Почтовое; *86* – Фонтаны; *87* – балка Холодная близ Симферополя; *88* – Лозовое (затоплено Симферопольским водохранилищем); *89* – Хмелевое; *90* – гора Базман; *91* – Глубокий Яр; *92* – Баклинское городище и его подножие; *93* – Трудолюбовка; *94* – Заветное; *95* – Гончарное; *96* – Поворотное (пос. Заря Свободы); *97* – Инкерман (подножие Загайтанской скалы); *98* – Песчаное (устье р. Альмы); *99* – Саки (на территории города); *100* – Евпатория (юго-восточная окраина города); *101* – Евпатория (на месте античного городища "Чайка"); *102* – оз. Донузлав (на месте античного городища Беляус); *103* – Лазурное; *104* – Тарпанчи (на месте античного городища); *105* – Морское (на месте античного городища); *106* – Оленевка; *107* – Черноморское (на месте античного городища Калос-Лимен); *108* – Стерегущий; *109* – Лебяжьи острова близ с.Портовое; *110* – Аблемитское городище на берегу оз. Донузлав; *111* – Морское (мыс Ай-Фока); *112* – Морское (на территории прибрежной части поселка); *113* – Канакская балка; *114* – Алуштинская крепость (Алустон, Луста); *115* – мыс Плака; *116* – Фрунзенское (Партениты); *117* – Кучук-Исар (мыс Троицы); *118* – городище Чуфут-Кале; *119* – балка Майрам-Дере у Успенского монастыря; *120* – городище Кыз-Кермен; *121* – Сюйренская крепость; *122* – уроч. Сюйрен (подножие скалы Куле-Бурун); *123* – Ивановка (балка Терен-Аир); *124* – Симферополь (пос. ГРЭС); *124* – Дружное (у дороги на Долгоруковскую яйлу); *125* – Передовое; *126* – Родниковое (к югу от села); *127* – Новобобровка (к северу от села); *128* – Новобобровка (к северо-востоку от села); *129* – уроч. Холодный Ключ близ с. Поворотное; *130* – Севастополь (Северная сторона).

салтово-маяцкой культуры и доказали их неразрывную связь с кочевыми и полукочевыми тюрками, составлявшими основную часть податного населения крымского домена Хазарского каганата. Продолжая изучение этих древностей, мы заострили внимание на вопросах менее освещенных или совсем не затронутых в работах других исследователей. К их числу прежде всего относится изучение причинно-следственных связей процесса седентаризации кочевников в Крыму.

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЕДЕНТАРИЗАЦИИ КОЧЕВНИКОВ

Картографирование раннесредневековых памятников Таврики показало, что салтовцы наиболее плотно заселяли речные долины предгорий центральной и восточной части полуострова, Керченский п-ов, районы северо-западного побережья между Лебяжьими о-овами в Каркинитском заливе и устьем р.Альмы и юго-восточное побережье (см. рис. 1). На южном побережье, как и на востоке равнинной части полуострова, салтовцы селились исключительно в поймах рек или близ непересыхающих источников, выбирая склоны холмов с южной экспозицией и плато, в частности Кордон-Оба, Тепсень, Фрунзенское, мыс Троицы (рис. 2; 3). Приморские поселения находились на минимальном удалении от морского побережья на берегу бухт, в результате чего некоторые из них (Тепсень, Героевка и др.) частично уничтожены при обрушении берегов, а другие (Лебяжьи острова, Беляус, Тарпанчи, Ай-Фока, Алчак, поселение в портовой части Сугдеи) частично затоплены морем при поднятии его уровня*. Зачастую выбор салтовцами

* В нашу задачу не входит рассмотрение геологических причин изменения уровня Черного моря. Мы лишь констатируем, что подводные исследования Судакской экспедиции ИА АН УССР в 1983–1986 гг. в Судакской и Новосветской бухтах выявили жилища и гончарные печи VIII–X вв., ныне находящиеся на глубине 5–7 м, и кромку древнего пляжа на глубине 10–12 м.

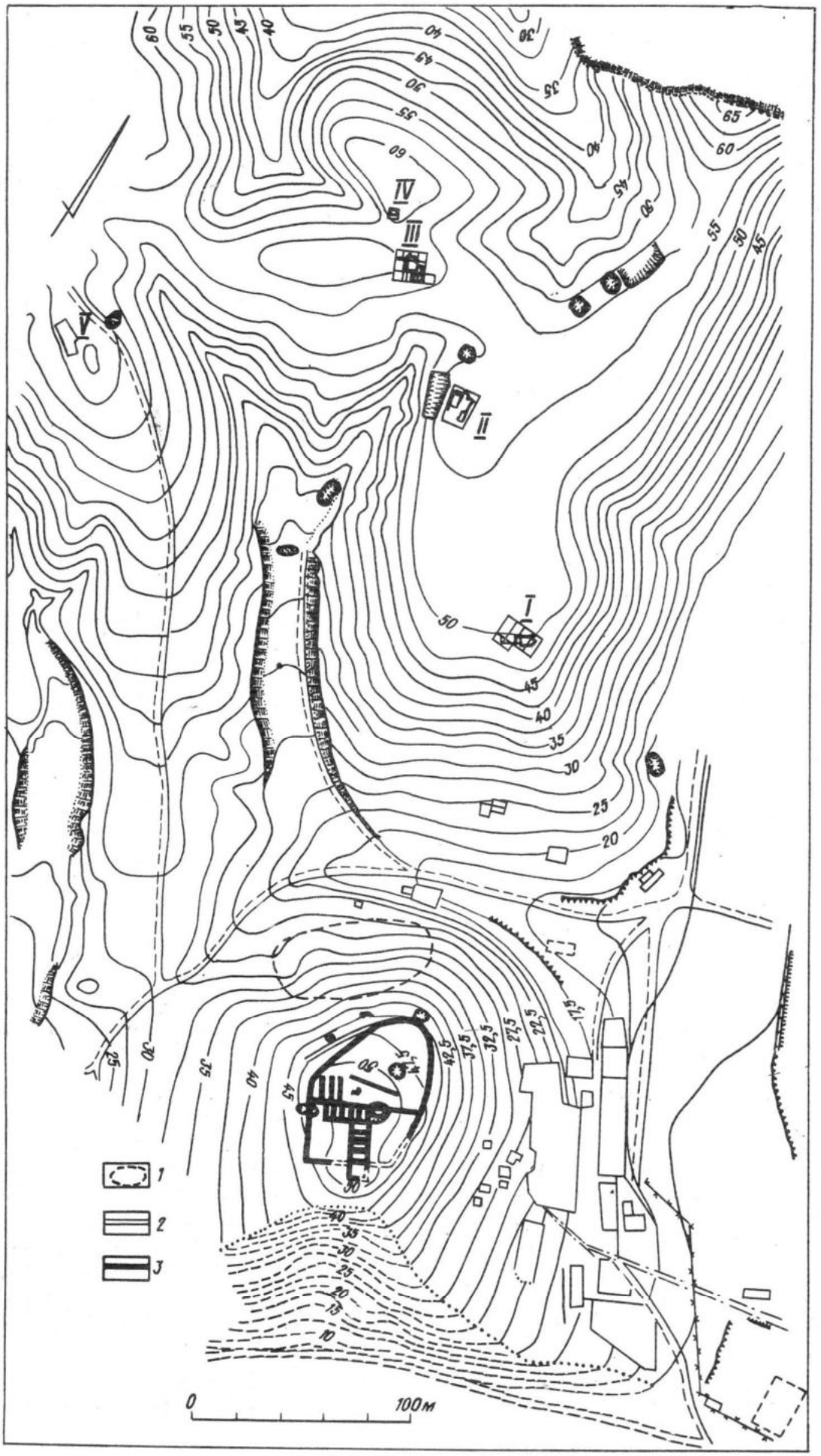

I
II
III
IV
1
2
3
0
100 м

Рис. 2. Поселение и укрепление на холме Кордон-Обы.
1 – границы салтово-маяцких могильников; *2* – кладки стен поселения; *3* – оборонительная стена раннесредневекового городища.
I – храм IX–X вв., II – землянка VIII в., III – усадьба № 1, IV – усадьба № 2 с металлургической мастерской, V – усадьба № 3 с гончарной мастерской.

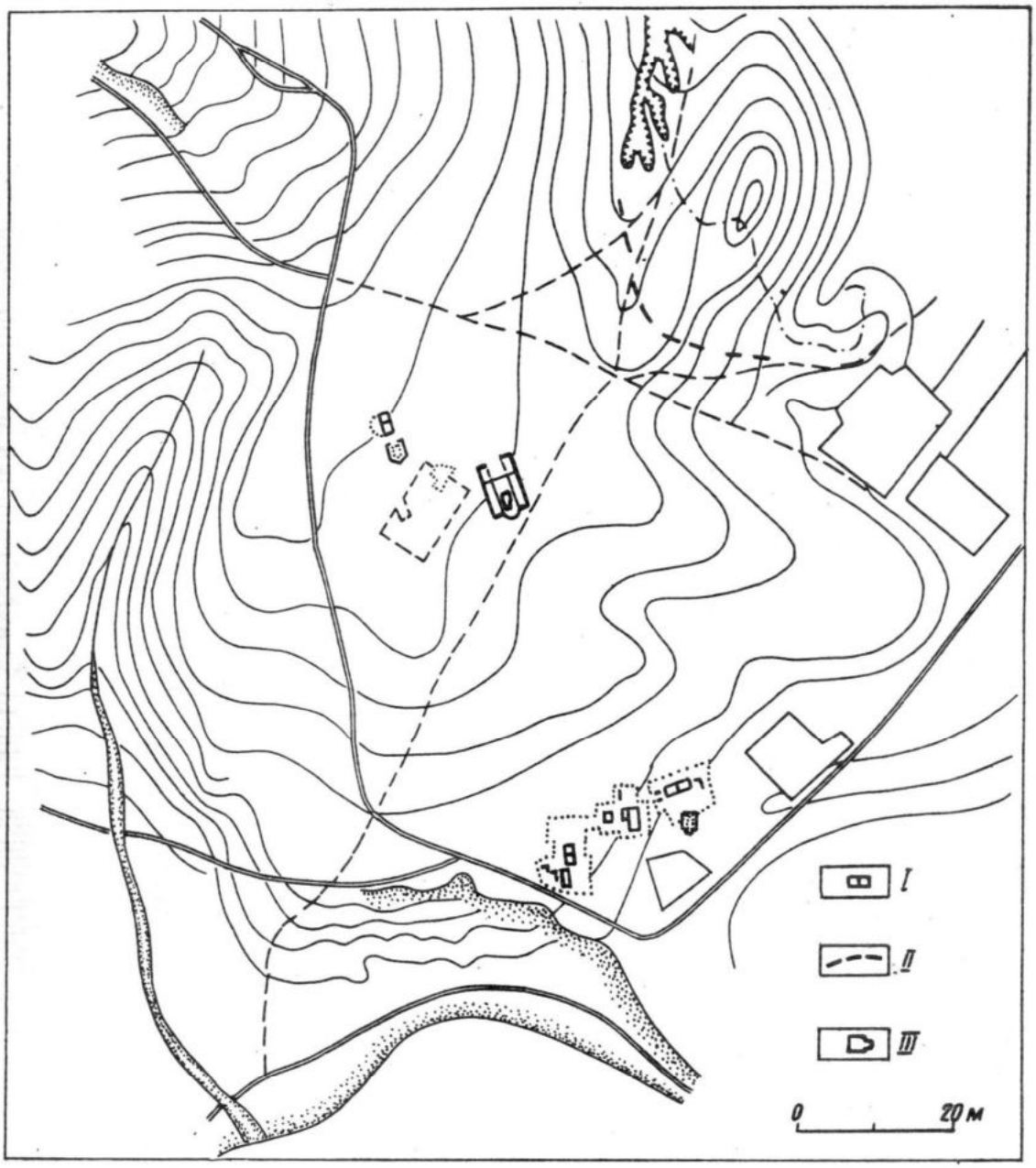


Рис. 3. Поселение на холме Тепсень в пос. Планерское.
I – стены построек салтово-маяцкого поселения; II – византийские храмы; III – границы грунтового некрополя.

места под поселение совпадал с границами поселений предшествующего времени. Так, поселения Ойрат, Беляус, "Чайка", селище на Петровских скалах в Симферополе, Мирмекий и Илурат возникли на местах античных городищ и скифских поселений, а Героевское, Тепсень, Кордон-Оба, Судак, Бакла (рис. 4), Мангуп и Инкерман – на руинах византийских поселений.

В юго-западной, наиболее изученной, зоне Таврики поселения с керамикой салтово-маяцкого типа немногочисленны и расположены, главным образом, в плодородных долинах между Внешней и Внутренней грядами Крымских гор, достигая Главной гряды лишь в районе Байдарской долины. В глубине крымской степи раннесредневековые земледельческие поселения не известны. Наиболее северное поселение у с. Емельяновки Красногвардейского р-на находится в пойме непересыхающей летом р. Биюк-Карасу (см. рис. 1). В приморской полосе Южного берега Крыма между мысами Айя и Троицы

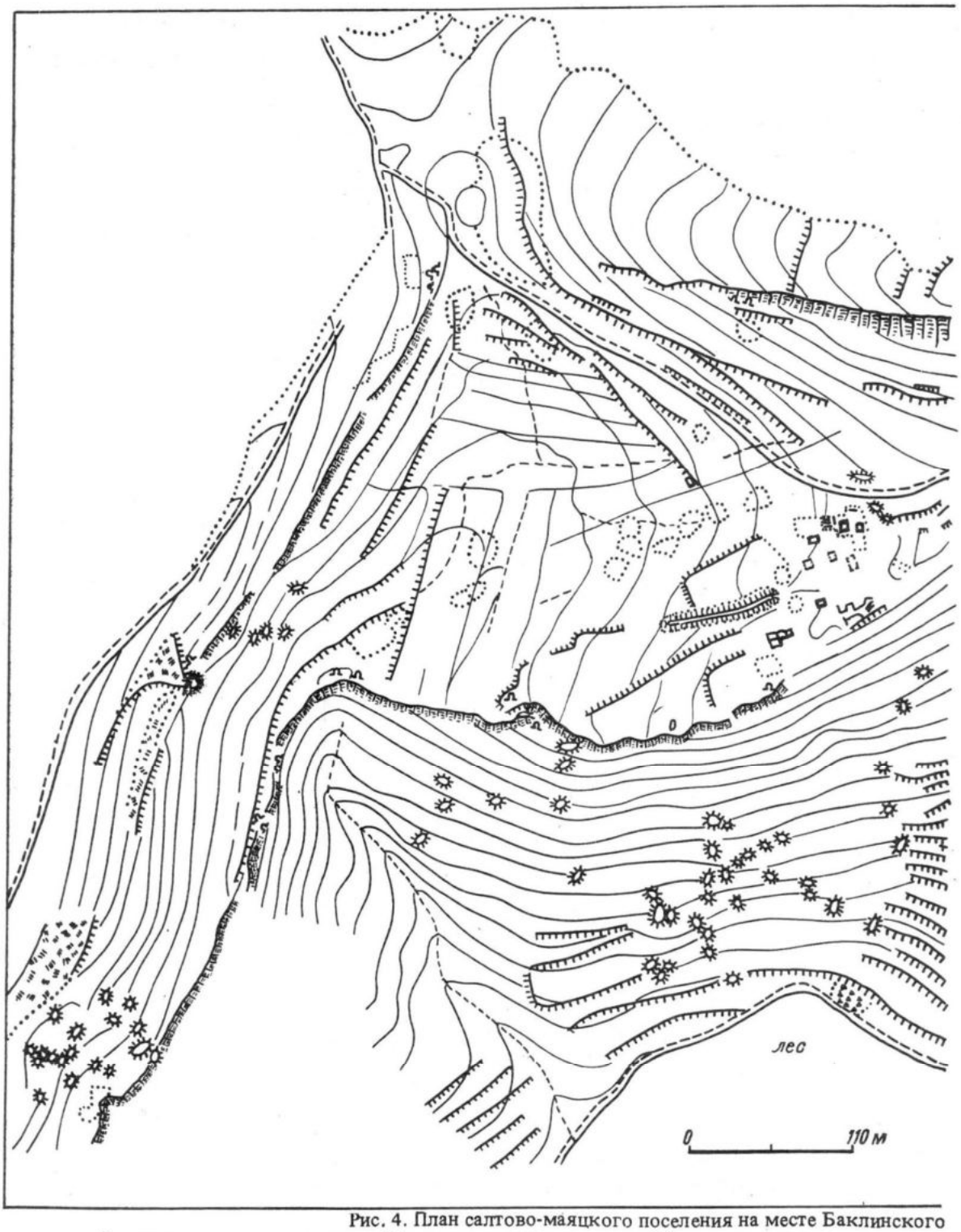
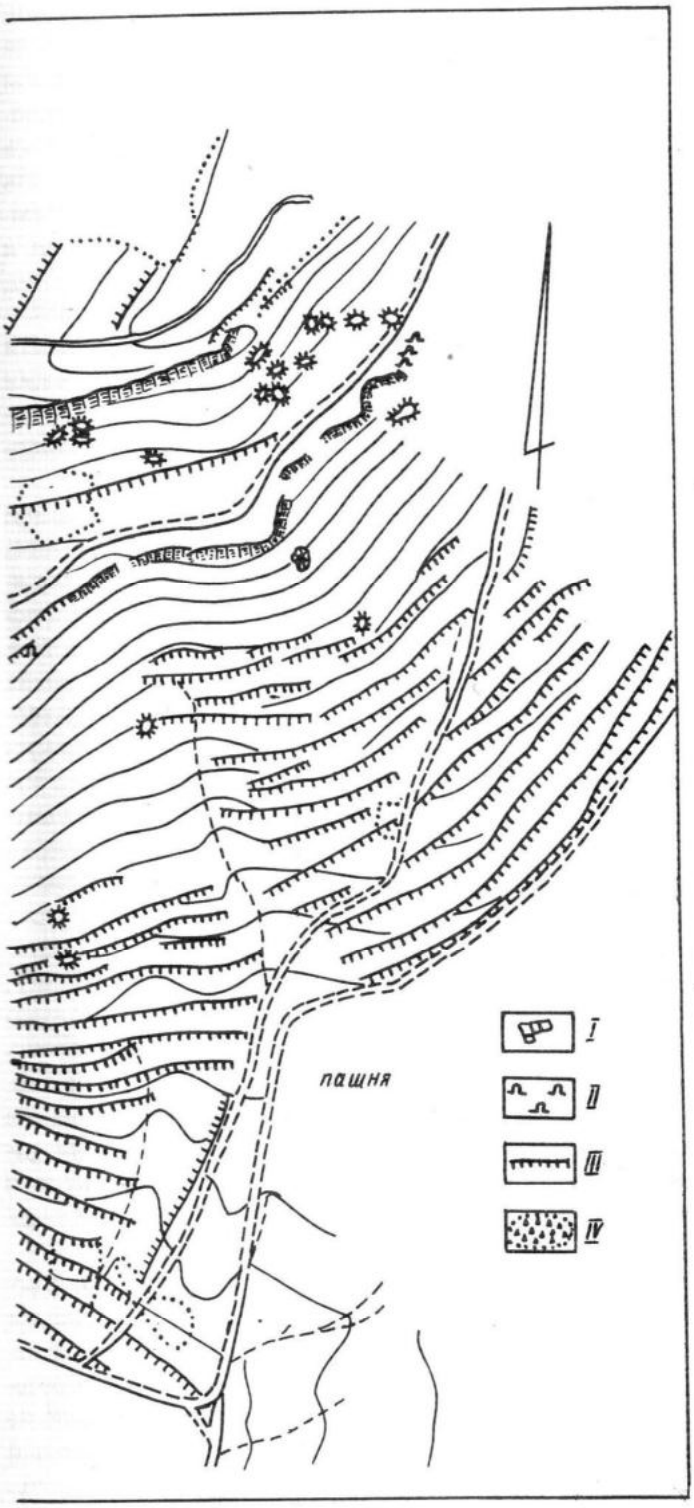


Рис. 4. План салтово-маяцкого поселения на месте Баклинского
I – салтово-маяцкие жилища, II – искусственные пещеры, III – земледельческие террасы,

салтовские материалы не обнаружены: на относительно хорошо изученных поселениях этой зоны известен исключительно провинциально-византийский археологический материал без примеси салтовского; южнобережные поселения датируются временем не ранее VIII в. и относятся к провинциально-византийской культуре [56, с. 90–93]. Разрозненные материалы VI–VII вв. обнаружены лишь в переотложенных слоях византийских приморских крепостей Алустона (раскопки В.А.Сидоренко и В.Л.Мыца) и Горзувит (раскопки О.И.Домбровского при участии автора), возведенных еще при императоре Юстиниане I.

Исходя из одной топографии поселений, центральные и восточные предгорья Таврики, Керченский п-ов и северо-западное побережье можно выделить в качестве основных районов расселения салтовцев. При этом необходимо иметь в виду, что археологи-



городища.
IV – раскаты каменных стен построек.

ческая карта северо-западного побережья и Крымского юго-востока далеко не полная. Остаются слабо изученными долины рек Карасу, Мокрого и Сухого Индола, Бурульчи, Зуи и Салгира севернее Симферополя. Не проводилась планомерная разведка и по юго-восточному побережью между Судаком и Алуштой. Можно не сомневаться, что при изучении этих, практически не исследованных мест, археологическая карта памятников салтово-маяцкой культуры будет расширена.

Чем можно объяснить подобное районирование салтовских памятников в Крыму? Вероятно, с одной стороны, это зависело от политической ситуации и плотности предшествующего населения в отдельных зонах полуострова, а с другой – от ландшафтных и климатических условий, определявших формы хозяйствования оседавших кочевников.

Рассмотрим первое условие.

Раскопки раннесредневековых памятников в основных районах оседания тюрок дали, в сущности, материал одного хронологического периода – времени хазарского господства [8, с. 56–65]. В отличие от Южной Таврики, относительно густо заселенной в V–VII вв., на востоке Крымского п-ова было лишь несколько населенных пунктов, переживших разгром Боспорского царства в эпоху Великого переселения: большинство укреплений и все поселения европейской части Боспора были разрушены между 250–275 гг., а их население либо уничтожено, либо, как считает И.Т.Кругликова, укрылось за стенами уцелевших укреплений Пантикапея, Илурата, Мирмекия, Тиритаки и других и не вернулось на пепелища [57, с. 57]. В эти же годы погибли почти все приморские поселения хоры Херсонеса [58, с. 232–242; 59, с. 211] и городища Скифии [60, с. 71–75; 61, с. 186–189; 62, с. 202–205].

Спустя столетие Европейский Боспор и Таврика подверглись новому разорению в ходе гуннского нашествия, после которого Боспорское царство и Скифия окончательно перестали существовать. За исключением Херсонеса, Пантикапея, Тиритаки, Илурата и мыса Зюк в Крыму не уцелело ни одного поселения и городища, которые можно было бы отнести ко времени, следующему за гуннским вторжением. По словам современника этих событий Евнапия, "побежденные скифы были истреблены гуннами и большинство их погибло... другие, собравшись вместе и обратившись в бегство," переселились за Дунай во владения Римской империи [63, с. 726]. Конечно, в них, как и в

известиях других современников этих событий, пронизанных ужасом перед гуннами, есть преувеличения. Часть местных племен Таврики и Приазовья, по Иордану, была увлечена, "подобно некому вихрю народов", в Центральную Европу [64, с. 91]. Как бы то ни было, с конца VI в. н.э. в степях и предгорьях Таврики исчезают памятники оседлого земледельческого населения [40, с. 46–49]. Впрочем, та же картина наблюдалась на всей территории степной и частично лесо-степной зоны Юго-Восточной Европы. На Босфоре уцелела небольшая группа готов-тетракситов, а местное население разгромленного Боспорского царства сохранилось лишь за стенами Пантикапея, Тиритаки и городища на мысе Зюк. Как показали раскопки византийских слоев этих городищ, жизнь в Тиритаке и на мысе Зюк полностью прекратилась не позднее VI в. [11, с. 190–204], а Пантикапей превратился в заштатный рустифицированный городок и почти три столетия (исключая время правления Юстиниана I) контролировался кочевниками [65, с. 226; 40, с. 88]. После 375 г. пантикапейский акрополь опустел и центр городской жизни переместился к современной Таманской пристани и к храму Иоанна Предтечи, где и отстраивается крепость Боспор [65, с. 225–226].

Единственным городом Таврики, перенесшим многочисленные потрясения эпохи Великого переселения и совершенно не разоренным готами и гуннами, был Херсонес. Картографирование и хронологизация могильников типа Суук-Су позволяет утверждать, что в Юго-Западной Таврике в округе Херсона со второй половины V в. н.э. происходит расселение земледельческого населения [66, с. 135–146; 67, с. 207]. Аналогичная картина наблюдается и вокруг византийских крепостей Алустон и Горзувиты на Южном побережье Таврики [29, рис. 1]. Именно в Южной Таврике на небольшой территории междуречья Альмы и Черной между Главной и Внутренней грядами Крымских гор сосретдоточено большинство известных в настоящее время могильников этого типа [66, с. 135, рис. 1], оставленных, по нашему мнению, аланами и родственными им племенами. Последние могли входить в состав Скифии и, как считает Е.В.Веймарн, укрылись в горах в период гуннского вторжения [66, с. 65]. Другую группу, возможно, составляли переселившиеся сюда (Малая Скифия Иордана) "скиры, сагадарии и часть аланов со своим вождем Кандак" [64, § 266]. О роли алан в Таврике позволяет догадываться более поздний источник – "Аланское Послание" епископа Федора (XIII в.), который сообщал, что близ Херсона жили аланы "столько же по своей воле, сколько по желанию херсонцев, словно некое ограждение и охрана" [69, с. 17], т.е. аланы выступали в роли акритов Византийской империи. Как бы то ни было, именно в Южной Таврике близ византийских крепостей со второй половины V в. происходит формирование единой этнокультурной общности, а военная организация алан, поддерживаемая византийскими войсками, оказалась способной противостоять не только вторжениям, но и колонизации этой зоны ранними тюрками в эпоху, предшествующую созданию Хазарского каганата.

Салтовские поселения в Крыму появились на территории бывших Скифии и Боспора, опустевших после 375 г. н.э. Уничтожение гуннами большей части их населения подтверждают археологические данные [57, с. 57]. Миграцией оставшейся части населения Боспорского царства и увод его жителей гуннами А.К.Амброз объясняет обезлюдение этой территории в конце IV–V в. [70, с. 104]. Куда ушло остальное население Европейского Боспора и предгорий Таврики – вопрос важный, но вряд ли разрешимый в настоящее время. Для нашей задачи важно одно – носители салтово-маяцкой культуры в момент оседания в Восточном и Центральном Крыму, а также на его северо-западном побережье застали развалины античных городов и поселений. Отсутствие оседлой жизни в этих районах Таврики в V – первой половине VII в. – факт, доказанный исследованиями нескольких поколений археологов. В период между гибелью позднеантичных земледельческих центров Таврики в гуннскую эпоху и возрождением земледельческой округи при салтовцах в крымских предгорьях существовали лишь разрозненные кочевья ранних тюрок, входившие в свое время в состав многоэтничной гуннской орды.

Первая группа кочевых тюрок, проникшая на Крымский п-ов в эпоху после распада державы Атиллы, – альциагиры, которых Иордан помещает в степях "около Херсоны, куда жадный купец ввозит богатства Азии; летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота: зимой же переходят к Понтийскому морю" [64, § 37]. Таким образом, крымская равнина использовалась ранними тюрками лишь в качестве летних пастбищ. Альциагиры во

второй половине V в. были вытеснены из Таврики гуннами-утигурами, которых Прокопий локализует в степях между Боспором и Херсоном [71, VIII, 4, § 18, 5, § 28]. М.И.Артамонов, Я.А.Федоров, Г.С.Федоров, В.Ф.Геннинг и другие видят в гуннах этой группы ранних булгар [72, с. 51–53; 37, с. 149–176], а А.В.Гадло вообще уравнивает этнонимы утигур и оногур [73, с. 94–119]. С их приходом Таврика надолго попадает в сферу интересов ранних тюрок и, вплоть до хазарского вторжения в Приазовье в середине VII в., становится местом их сезонных выпасов. Заметим, что ни в одном письменном источнике не упоминаются тюркские зимники на Крымском п-ове. Зимние становища всех раннетюркских родов V–VII вв. традиционно находились на восточном берегу Меотиды. Кратковременностью сезонных перекочевок скотоводов в степях Таврики можно объяснить немногочисленность впускных погребений в степных курганах. В настоящее время, несмотря на многолетние раскопки курганов в равнинной части Крыма, обнаружено не более десятка погребений кочевников конца IV – первой половины VII в. [74, с. 187–196; 75, с. 52–61; 76, с. 243–245; 77, с. 10–22, рис. 1].

В течение VI в. Византия дважды (при Юстине I и Юстиниане I) пыталась вернуть Боспор и вытеснить тюрок за пролив. Так, при Юстиниане I в Боспор был введен византийский гарнизон, а оборонительные сооружения крепости перестроены в соответствии с современными требованиями [78, § 12]. Эти мероприятия Византии носили кратковременный характер.

В 70-х годах VI в. утигуро-оногурские племена попадают под владычество тюркютов и в составе Тюркютского каганата в 576 г. вновь овладевают Боспором, а в 581 г. угрожают Херсону [79, с. 183–184]. Тюркюты сменили лишь систему подчинения тюрок Приазовья, не затронув, по сути, их социальную и экономическую структуру. Ставка утигуро-оногур находилась в Фанагории [36, с. 15–16], вокруг которой и происходила консолидация раннетюркских племен, завершившаяся при кагане Кубрате (вторая четверть VII в.) созданием оногурской конфедерации. С 619 г. оногуры выступают в роли федератов Византии. Однако отсутствие твердых сведений в письменных источниках о том, что они вернули Византийской империи Боспор и степную Таврику, позволяет предполагать, что Восточная Таврика в конце VI – первой половине VII в. входила в состав оногурского объединения.

Византийские и хазарские источники, содержащие сведения по истории распада оногурской конфедерации и свидетельствующие о характере миграций ведущих тюркских племен, составлявших костяк объединения в Приазовье, ничего не говорят о крымской группе кочевников [80, с. 232–237]. Они могли и не принимать непосредственного участия в хазаро-оногурской войне 656 г. В момент вторжения хазар в Приазовье и разгрома конфедерации тюрки могли находиться в Таврике на сезонных перекочевках и оказаться "запертыми" на полуострове. Эта группа кочевников и привнесла в Таврику основные элементы салтово-маяцкой культуры, воспринятые ими в Приазовье и на Нижнем Дону в аланской среде и послужившие исходным материалом при формировании ее крымского локального варианта.

До разгрома Приазовской конфедерации хазарами в середине VII в. тюркские роды традиционно кочевали по кольцевому маршруту, который начинался на зимних становищах в Северном Приазовье, шел через Тамань и Ильичевский брод Керченского пролива в Крым. После кратковременной весенней перекочевки по степям Крымского п-ова кочевники перегоняли свои стада через Перекопский вал в степи Северной Таврии, откуда вдоль северного побережья Приазовья они поздней осенью возвращались к зимникам [81, с. 64–65]. В ходе войны 656 г. своеобразное "Большое Кочевое кольцо" оказалось разорванным хазарами. Кочевавшие в это время в Таврике тюркские роды не смогли выйти за пределы полуострова, оба выхода из которого контролировались более сильными в военном отношении хазарами и их союзниками. Следствием этих событий было скопление многотысячных стад скота на относительно небольшой площади крымской степи, не приспособленной для интенсивной круглогодичной эксплуатации выпасов. Они нарушили экологическое равновесие в степях Таврики, нуждавшихся в ежегодном восстановлении травяного покрова, достигавшегося прежде кратковременностью сезонных перекочевок. Ликвидация системы кольцевой сезонной миграции неизбежно вела к уничтожению степных выпасов без какой-либо надежды на естественное воспроизводство кормовой базы в следующем году. Не могли спасти положение и высокогорные пастбища Главной гряды – яйлы. По данным Н.А.Троицко-

го и К.В.Даля, основанных на почти столетних наблюдениях, яйлы смогли бы прокормить не более 75 тыс.овец при норме 2,5 особи на 1 га пастбища [82, с. 28; 83, с. 70–72]. При этом необходимо учитывать, что наиболее обширные пастбища на Долгоруковской, Демерджинской, Бабуган-яйле, а также Никитской, Ялтинской и Айпетринской яйлах оказались в зонах, контролируемых аланами. По данным археологических разведок, кочевники в районы высокогорных пастбищ, за исключением Чатырдага и Караби, не проникли, т.е. полезная для выпасов территория оказалась значительно меньше. Таким образом, необходимое для функционирования кочевого куренного хозяйства, – а именно такой форме кочевания, по В.Я.Владимирцеву, мог соответствовать социально-экономический уровень раннетюркских орд [84, с. 36–37], – даже минимальное количество скота фактически невозможно было обеспечить кормами. Подтверждением может служить предпринятая в XIX в. попытка увеличения нормы поголовья скота на яйлах, которая привела к печальным последствиям: за предельно короткий срок горные выпасы были почти полностью уничтожены [85, с. 32; 86, с. 19–52] и начали восстанавливаться лишь в последние десятилетия.

Ограничение территории кочевий при сохранении на первом этапе численности куренных стад, а также резкое сокращение кормовой базы неизбежно приводили к массовому уменьшению поголовья скота. Это явилось первопричиной процесса седентаризации кочевых тюрок в Крыму. Прежде всего это выразилось в распаде куренной формы хозяйствования и переходе к аильной системе отгонного скотоводства. Появление последней С.А.Плетнева относит ко второму этапу второй стадии кочевания и связывает с переходом к классовому обществу [87, с. 36–38]. При аильной системе из куреней выделяются отдельные семьи с большим количеством скота, объединенные в полукочевое сообщество по соседскому принципу. Разрыв родственных связей приводил к тому, что не владеющие достаточным для кочевания количеством скота несостоятельные семьи были вынуждены пасти чужой скот или переходить к новому способу хозяйствования – земледелию [86, с. 38]. Кочевнические аилы предшествовали полуоседлым и оседло-земледельческим поселениям тюрок. По формально-планометрическим признакам аильному этапу седентаризации соответствуют в Таврике поселения типа Тау-Кипчак с делением сообщества на большесемейные группы [39, с. 62–64, рис. 4, 5].

Картину перехода от кочевого уклада к земледельческому, аналогичную крымской, наблюдал в прошлом столетии Н.М.Ядринцев у тюрок и карагассов Средней Азии. Вытесненные противником из обширных степей в горно-лесные массивы, они были вынуждены перейти к новому образу жизни [88, с. 143–144].

Картографирование поселений показало, что привыкшие к степным просторам Северо-Восточного Причерноморья и Приазовья с их полноводными и непересыхающими даже в периоды многолетних засух реками, тюрки в Таврике оседали в чуждых для кочевников географических условиях: поросших лесами предгорьях и горных речных долинах, а также в холмисто-гористых местностях Тарханкута и Керченского п-ова, которые, по Н.Н.Дзенс-Литовской, Г.М.Левковской и другим исследователям, занимавшимся палеогеографией Таврики, в начале I тыс. н.э. тоже были покрыты высокоствольными хвойными лесами и лиственными дубравами [89, с. 134, 139, 164–173; 90, с. 102–108]. Оседание кочевников в горных лесах и лесостепи вряд ли могло быть вызвано только социальными и демографическими причинами, возникшими в связи с войной. Не меньшее влияние оказали и неблагоприятные климатические условия, приводившие к сокращению и без того ограниченных пастбищ в глубинных районах Крымской степи.

Кочевники использовали небольшие по площади Крымские степи лишь в качестве сезонных выпасов при кольцевой перекочевке куреней. Оказавшись изолированными на полуострове в результате военных поражений, кочевые тюрки были вынуждены передвигаться со стадами почти беспрерывно. Следует отметить, что русла большинства степных мелководных речушек в летнюю пору совершенно пересыхают, а грунтовые воды залегают очень глубоко и зачастую бывают непригодны для употребления из-за перенасыщения солью [91, с. 63–74; 92, с. 27–44]. Поэтому плодородные гумусированные черноземы глубинной степи большей частью (за исключением пойм немногих непересыхающих рек, берущих начало в горах) были мало пригодны как для ведения круглогодичного кочевого хозяйства куренного типа, так и для его аильной формы,

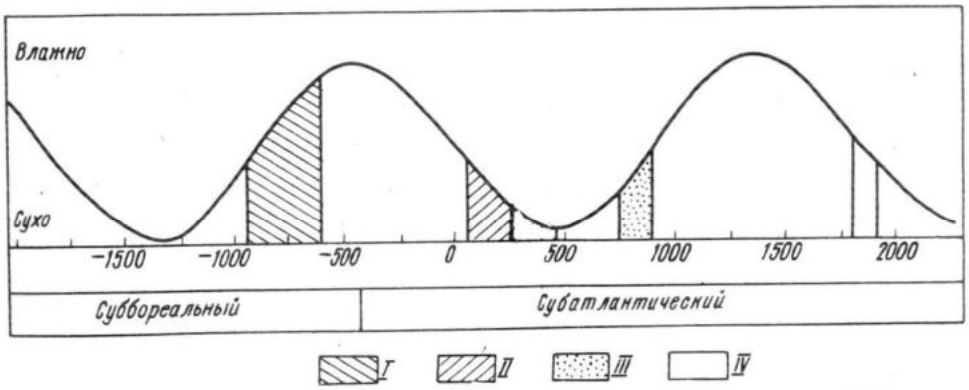


Рис. 5. График заселения верховий р. Зуи (ритмы увлажнения, по А.В.Шнитникову и Г.К.Тушинскому).

I – хронологические рамки поселения кизил-кобинской культуры, II – позднеантичное поселение I–IV вв. н.э., III – поселение салтово-маяцкой культуры второй половины VII – первой половины VIII в., IV – позднесредневековое с. Тау-Кипчак.

не говоря уже об оседлом землепашестве. В итоге степные районы Северного Крыма почти не освоены кочевыми тюрками в процессе оседания. Менялся уклад кочевников и они селились в менее плодородных, но более увлажненных зонах лесостепи и гор. В степи их поселения обнаружены только в долинах наиболее крупных крымских рек – Салгира, Зуи, Бурульчи, Карасу, Индола, но не ниже их среднего течения. Таким образом, налицо зависимость выбора района оседания от физико-географических условий разных орографических зон полуострова. Однако сразу встает вопрос: правомерно ли проецирование современных ландшафтных и климатических условий Крыма на Таврику эпохи раннего средневековья и построение на этом исторических выводов?

Обратимся к теории многовековой изменчивости климата материков северного полушария, разработанной А.В.Шнитниковым и уточненной его последователями, согласно которой климат Европы периодически изменяется [93]. Построенные на ее основе графики климатических изменений показывают схожесть климатических режимов в Крыму в середине VII в. и в конце XVIII–XIX в. (рис. 5). В результате мы получаем возможность использовать этнографические материалы эпохи позднего средневековья и нового времени при палеоэкономическом моделировании хозяйства оседавших кочевников эпохи раннего средневековья. Вывод о схожести исходных климатических и других физико-географических данных подтверждается и графиком А.Дансгаара [94]. Наложив на него хронологические шкалы заселения в раннем средневековье верховий рек Зуи, Бурульчи, Чуюнчи, Кукрека и Биюк-Карасу, мы убеждаемся, что оседание кочевников VII в. в горно-глубинных районах Крымского п-ова и переход их к новым формам хозяйствования происходили в период исключительной засухи. По Р.Л.Раунеру, экстремум засушливости был одним из наиболее продолжительных: начавшись около 100 г. н.э., он завершился около 650 г. н.э. [95, табл. I, 5], т.е. в эпоху миграций, связанных с распадом Приазовской Болгарии, и хазарской экспансии в Северном Причерноморье. Столь продолжительные засухи, сопровождавшиеся гибелью лесов на севере полуострова [90, с. 102–105], не могли не привести к сильному сокращению пастбищ и кормовой базы скотоводства в степях. Это подтверждается и материалами донных отложений Сакского озера, позволившими В.Б.Шостаковичу установить зависимость между влажностью и толщиной сезонных иловых напластований и построить на них климатическую шкалу, охватывающую период с 2249 г. до н.э. по 1894 г. н.э. [96, с. 55; 97, с. 271]. Близкие данные получены и в донных отложениях озер Степного Крыма [98, с. 54], а также при анализе материалов многовековой изменчивости стока Днепра [99, с. 27–28].

При близких климатических режимах происходило заселение верховий крымских рек не только салтовцами, но и другими кочевыми племенами, проникавшими в степи Таврики на протяжении последних трех тысячелетий. Так, в период усиления засушливости, последовавшей за "малым ледниковым периодом" в конце XIII–XIX вв. (IV-3, по Ю.Л.Раунеру), в верховье Зуи оседают кипчаки, бежавшие сюда от Золотой орды. С этого времени в Горном Крыму появляются десятки топонимов с основой "кипчак", а в Судакской крепости – грунтовый могильник городского половецкого квартала.

Ранее, в IV в. до н.э., в аналогичной ситуации оказались скифские племена [100, с. 22–23] и сарматы, проникшие в северопричерноморские степи в период климатического улучшения II–I вв. до н.э. (II-3, по Ю.Л.Раунеру) и осевшие в предгорьях и на Боспоре в период последовавшего за ним 250-летнего экстремума засушливости. Одновременно с исчезновением этих кочевников в крымских степях, в горах и предгорьях полуострова появляются оседлые поселения и могильники поздних скифов (III–II вв. до н.э.) и сармат (II–III вв. н.э.). Скифо-сарматское поселение, городище и могильник обнаружены и в долине р.Зуи близ раннесредневекового поселения Тау-Кипчак. Напрашивается вопрос – не играл ли климатический режим, при условии наличия первого фактора, роль естественного катализатора, ускорявшего в крымских условиях седентаризацию кочевников и формирование земледельческих культур? Не здесь ли скрыта пружина, периодически приводившая в действие механизм оседания? Вполне вероятно, климатические условия и давление других, более сильных в военном отношении кочевников с востока и севера, приводили к исчезновению в крымских степях сначала ранних скифов, сармато-алан, ранних тюрок, половцев и других, и появлению в предгорьях и горах генетически связанных с ними земледельческих культур.

Возвращаясь к салтовцам, следует подчеркнуть, что оседание кочевников сопровождалась болезненной ломкой привычного уклада скотоводов. Однако кочевые традиции всесторонне отразились на хозяйстве и быте.

Подобные процессы характерны для многих народов степной зоны Евразии [101, с. 64–71; 102, с. 81–90; 103, с. 39–54], в том числе для кочевников в Таврике. Кочевнические пережитки проявлялись у них прежде всего в планировке поселений и устройстве жилищ, но степень их интенсивности на разных этапах оседания не постоянна. Они трансформировались как под воздействием внутреннего развития самого салтовского общества, так и в результате влияния оседлого населения Южной Таврики с его давними земледельческими традициями. Однако прежде чем говорить о степени влияния провинциально-византийской и кочевнической культур на образ жизни оседлых тюрок в Таврике, необходимо иметь четкое представление о хронологизации и исторической периодизации их памятников.

2. ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ

Археологические материалы могильников и поселений позволяют выделить три хронологических этапа салтовской культуры в Крыму: оседание кочевников, т.е. переходный этап в жизни тюрок; начальный период формирования салтово-маяцкой культуры; этап развитой салтово-маяцкой культуры.

Памятники первого этапа представлены впускными погребениями кочевников времени вторжения хазар в Приазовье и Таврику. Учтены 11 закрытых комплексов с инвентарем и более десятка без него, но с тем же обрядом погребения. Подбойная могила с погребением кочевника обнаружена В.В.Борисовой в 1953 г. на территории большого многообрядового могильника у высоты "Сахарная головка" в Инкермане [104, с. 187–189]. Могила у с.Айвазовское близ Феодосии открыта в 1956 г. И.Т.Кругликовой [105, с. 253–257], а погребения в курганах у кошары Сары-Булат Раздольненского р-на, в пос. Мамай близ Евпатории и у с. Источное Джанкойского р-на – А.А.Щепинским в 1962–1979 гг. [106, с. 108–109; рис. 8; 9; 107, рис. 83; 108, с. 83–85; 109, с. 52–53, рис. 130–135]. Кроме того, два погребения у с. Богачевка Ленинского р-на раскопаны В.Н.Корпусовой в 1978 г. [110, с. 70–73] и по одной могиле – у сел Наташино и Крыловка Красногвардейского р-на В.Н.Колотухиным в 1983 г. [111, с. 42, рис. 161–163, 266, 267]. Не останавливаясь на деталях погребального обряда, – он характеризуется в главе, посвященной могильникам, – обоснуем хронологию комплексов первого этапа.

В погребении у с. Айвазовское обнаружены сероглиняный лепной горшок, пастовая бусина, фаллическая антропоморфная подвеска и костяная пряжка (рис. 6, *3, 13, 14*). Два последних предмета позволяют произвести датировку. Совершенно аналогичные фаллические подвески известны в семи закрытых комплексах в Крыму. Из них шесть найдены в могилах боспорского некрополя В.В.Шкорпилом в 1909 г.: в детской

грунтовой могиле на глинище [112, с. 31], в детском погребении на северном склоне г.Митридат [113, с. 31] и в керченских катакомбах № 52, 59, 78 [112, с. 19; 114, с. 32–33; 115, с. 189]. Еще одна подвеска обнаружена В.В.Кропоткиным в склепе № 118 могильника Чуфут-Кале [116, рис. 44, *6*]. Все шесть комплексов с фаллическими подвесками скоррелированы А.К.Амброзом с вещами середины – второй половины VII в. В качестве опорной он взял керченскую катакомбу 59/1909, где подобная подвеска найдена в шкатулке вместе с черненным наконечником пояса и В-образной пряжкой [115, с. 189]. Тем же временем А.К.Амброз датирует комплексы с фаллическими фигурками на Кавказе [115, с. 189–190]. Костяные трапециевидные пряжки с бобовидной прорезью на щитке широко представлены в тюркских комплексах могильника Кудырге вместе с восьмеркообразными стременами аварского типа [117, табл. XV, *13*; XXI, *9*]. Последние надежно датируются второй половиной VII в. [118, с. 87–91; 119, рис. 4а, *17–24*]. Материалы, противоречащие такой дате костяных пряжек с трапециевидными щитками, не известны. Следовательно, весь комплекс вещей в погребении у с. Айвазовское можно датировать второй половиной VII в., как и погребение с аналогичной пряжкой у пос. Мамай (рис. 6, *15*).

В подбойной могиле у кошары Сары-Булат с погребением знатного воина-всадника (курган 12, погребение 5) обнаружены восьмеркообразные стремена, обоюдоострый железный меч, сложносоставной тюркский лук, от которого сохранились костяные обкладки, колчан со стрелами с терхлопастными тяжелыми наконечниками, украшения конской сбруи, железная узда, а также украшения портупеи, одежды и обуви воина. Поясной набор портупеи состоял из серебряного набора бляшек геральдического типа, большой В-образной бронзовой пряжки с инкрустацией красным стеклом на щитке, бляшек-тройчаток и Т-образных застежек. Ремешки на обуви крепились небольшими золотыми пряжками с инкрустацией красным стеклом, а одежда была расшита биметаллическими – золото с серебром – массивными бляшками с перегородчатой инкрустацией красным стеклом и зернью: три со стилизованными птичьими головками, три в виде щитков с овальным низом, две прямоугольные и две Т-образные. Пространство внутри биметаллических украшений заполнено белой пастой.

Поясные наборы этого типа А.К.Амброз выделил в III этап развития геральдических поясов и датировал их серединой – второй половиной VII в. [120, с. 288, рис. 1, *33*]. Биметаллические украшения, аналогичные сарыбулатским (коллекция А.Л.Бертье-Делагарда [106, рис. 8, *27, 32, 40*]), обнаружены в Керчи, кочевнических погребениях в Подунавье, Келегеях, Верхней Рутхи, Кабардино-Балкарии и других местах и датируются А.И.Айбабиным второй половиной VII в. [106, с. 200–201].

Поясная геральдическая гарнитура III этапа (по А.К.Амброзу) найдена в погребениях у сел Рисовое и Богачевка (рис. 6, *7–12, 16–21, 26, 28*). Кроме того, в кургане у с. Источное в поясной набор помимо бляшек указанных типов входили и несколько восьмеркообразных бляшек геральдического типа, также датированных А.К.Амброзом серединой – второй половиной VII в. [120, с. 288–291, рис. 1, *46*], а в могиле у с. Наташино – четыре серебряные геральдические пряжки того же времени [119, с. 16–17]. Следует отметить, что все кочевнические поясные наборы геральдического типа, обнаруженные в Таврике и в Северном Причерноморье, по размерам, материалу и декору похожи один на другой, совпадая в деталях. Создается впечатление, что они изготовлялись в одном центре, обслуживавшем кочевников, и, вполне вероятно, даже в одной ювелирной мастерской. В некрополях других типов такие пояса единичны, и их появление там можно связать с инфильтрацией кочевников и распространением степной моды.

В двух последних могилах погребальный инвентарь несколько отличался от описанного ранее.

В кургане № 9 у с. Богачевки обнаружена бронзовая пряжка с сложнопрофилированным круглым подвижным кольцом и двупластинчатым щитком, украшенным гравированным мальтийским крестом и пояском из кружков с точками. В изголовье погребенного стоял грубый лепной сероглиняный горшок с пальцевыми вдавливаниями по краю венчика (рис. 6, *5*). Сосуд необычной для Таврики тюльпановидной формы. Византийская пряжка не имеет аналогов, и ее датировка вне комплекса затруднительна. Погребение можно датировать лишь на основании сосуда, прямой аналог которому известен в погребении кочевника у с. Христофоровка на р. Ингул [121,

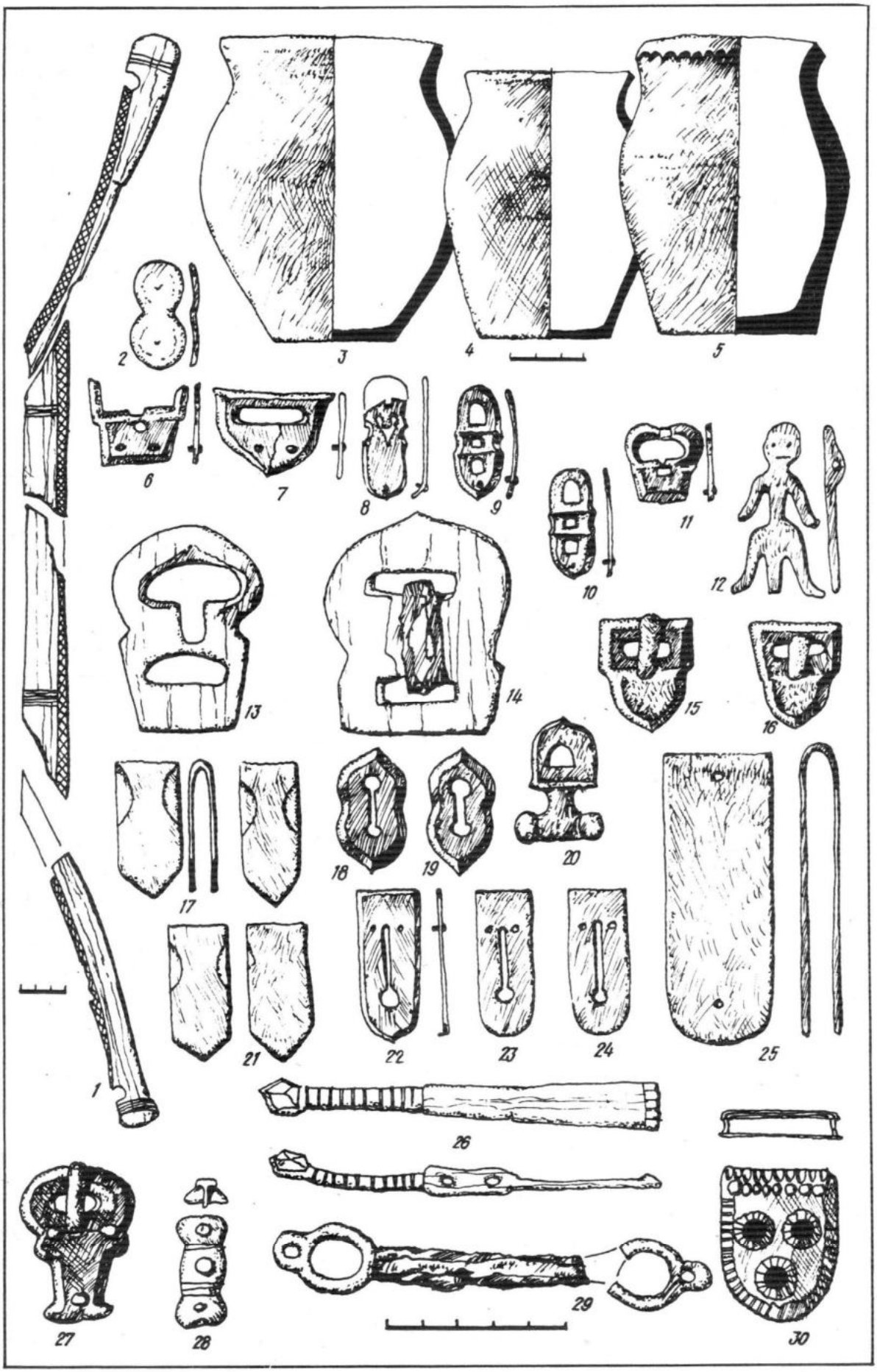

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30

Рис. 6. Датирующий материал для хронологизации погребений кочевников VII в.
1, 2, 7, 8 – Рисовое, курган № 13, погребение 12; *9–12* – Рисовое, курган № 2, погребение 10; *5* – Богачовка, курган № 9, погребение 5; *4, 16–24, 26–29* – Богачовка, курган № 8, погребение 12; *3, 13, 14* – Айвазовское; *15* – Мамай; *25, 30* – "Сахарная головка".

с. 350, рис. 23, *12*]. Последний найден в комплексе с поясным набором геральдического типа III этапа и может датироваться тем же временем, что и остальные погребения кочевников этой группы.

Из могильника "Сахарная головка" происходит уздечный набор, состоящий из железных удил с бронзовыми кольчатыми наконечниками и литых бронзовых парных псалий с граненными головками (рис. 6, *31*). Здесь же обнаружена цельнолитая бронзовая пряжка с трапециевидным щитком в виде "рыбьего хвоста" с овальным кольцом и подвижным язычком; пряжка плакирована золотой фольгой (рис. 6, *24*). Конская сбруя украшена двумя большими щиткообразными бляхами со штампованным орнаментом в виде насечек и инкрустацией из зеленого стекла, а также шестью трехчастными бляшками, с такой же инкрустацией и заполнением внутренней части белой пастой. Все бляшки плакированы золотой фольгой (рис. 6, *25–30*). Из всего комплекса наиболее узко датируются щиткообразные бляхи, имеющие прямые аналоги среди украшений конской сбруи в перещепинском кладе [122, с. 34, рис. 52]. Второй половиной VIII в. А.К.Амброз и А.И.Айбабин датируют и хронологически более спорные цельнолитые пряжки с "рыбьим хвостом" [123, с. 194–196, рис. 5; 6].

Подводя итог хронологизации комплексов первого этапа культуры в Крыму, можно констатировать, что они датируются относительно узкими хронологическими рамками: серединой – второй половиной VII в. Впускных погребений кочевников с более ранним материалом пока не известно. Следовательно, тюрки, оставившие эти могилы, попали в Таврику и кочевали в ее степях сразу после экспансии Хазарского каганата в Приазовье. Именно эти кочевники под воздействием социально-экономических и географических условий перешли в Крыму к оседлости. Таким образом, период перехода кочевников к оседлости может датироваться несколькими десятилетиями – с момента появления их на полуострове не ранее середины VII в. и возникновения оседлых поселений в том же столетии.

Два других этапа развития салтовской культуры Таврики связаны уже с деятельностью оседлого и полуоседлого населения. Из числа памятников этой группы систематически изучались 24 поселения и 6 грунтовых могильников, т.е. около 23 % всех памятников (табл. 1). На них раскопано более 150 жилых, хозяйственных и культовых комплексов, свыше 50 хозяйственных ям и погребков, а также более 200 грунтовых могил. Большинство памятников однослойны. Исключение составляет поселение Героевское с двумя разновременными салтовскими горизонтами, отделенными один от другого пожаром и перепланировкой [39, с. 57].

Хронологическая характеристика этих памятников строится нами на основании нумизматического материала и 29 категорий вещей, датировки которых не вызывают сомнений.

Нумизматический материал на салтовских памятниках Крыма немногочислен. Ко второму этапу относятся всего три медные монеты VII в., одна из которых – Константа II (642–668 гг.) – обнаружена на полу жилища нижнего горизонта Героевки [47, с. 164], а по одной монете Константина IV Погоната (668–685 гг.) – на поселениях близ Камышбурунского комбината и у пос. Синягино [31, с. 470].

Значительно больше монет найдено на салтовских памятниках III этапа. Так, на поселениях Керченского п-ова и на Тепсене обнаружены одиннадцать золотых солидов Льва Исавра (717–741 гг.) и Константина Копронима (741–775 гг.), а также медная монета последнего императора [9, с. 114, табл. I]. К IX в. относится солид Василия I и Константина (чеканен в 869–879 гг.) из Тиритаки [124, с. 174] и обнаруженные нами в хазарской части Сугдеи два солида императора Феофила (829–842 гг.). К последнему периоду жизни салтовских поселений Таврики можно отнести солид Льва IV Мудрого (886–912 гг.) с поселения Витино на Тарханкуте [124, № 201а], три медные монеты Иоанна Цимисхия (969–976 гг.) с поселения на горе Опук [125, с. 110], медную монету Константина VII (чеканена в 945 г.) и медную херсоно-византийскую монету Василия II и Константина VIII (976–1025 гг.) из Тиритаки [124, с. 174, № 50]. Кроме того, в слое гибели салтовского жилища в портовой слободе Сугдеи нами най-

Таблица 1. **Хронологическая характеристика**

Наименование памятников	Кол-во комплексов			Распределение датирующих												
	дом	яма	могила	середина IX–X в.							вторая половина VIII –					
				1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Кордон–Оба	6	2	55	+	+	+					+	+				
Героевка, в.с.	6	–	–	+		+					+					
Тепсень	6	–	118	+	+	+		+	+	+			+			+
Мирмекий	3	3	–	+							+					
Илурат	2	–	–	+							+					
Тиритака	13	2	9	+							+					
Алексеевка	1	–	–	+												
Щебетовка	1	–	–	+	+											
Судак	4	1	12	+	+	+					+					
мыс Ай-Фока	3	5	14								+					
Бакла	3	–	–	+	+							+	+			
Беляус	2	–	–	+												
"Чайка"	12	–	–	+							+					
Инкерман	2	–	–	+	+	+					+					
Херсонес	–	–	2									+				
Горный Ключ	4	–	–	+							+					
Поворотное	1	–	–	+							+					
Тау-Кипчак	34	50	2								+					
Героевка, н.с.	2	5	–								+					
Пташкино	1															
Маре	1	–	–								+					
Ак-Кая	1	–	–													
Фронтовое	1	1	–													
Меловое	3	–	–								+					

дены три медные херсоно-византийские монеты Константина VII Багрянородного (913–959 гг.).

Одновременно с византийскими монетами на поселениях Восточной Таврики имели хождение и восточные монета, совершенно не характерные для до- и послехазарского периода в Крыму. Появление куфических монет в этом регионе отметил А.Марков [126, с. 14], а позже – Т.Арне и др. Кроме того, на Тепсене найден анонимный абасидский динар времени халифа ал-Мансура (755/56 гг.) и две медные абасидские монеты второй половины VIII в. [127, с. 6; 124, с. 34, № 213]. В последние годы несколько десятков куфических монет разошлись по коллекциям крымских коллекционеров-нумизматов. В том же горизонте Тепсеня обнаружены хазарские подражания куфической и византийской медным монетам. Оба экземпляра происходят из грунтовых могил западного некрополя. Одна из них – подражание дирхему халифа Харун-ар-Рашида, другая – редкий экземпляр подражания византийской монете VII–VIII вв. [9, с. 114, табл. I]. На аверсе последней помещено погрудное изображение императора в фас с короной на голове, на реверсе – крест на голгофе в окружении двух равноконечных крестов. Единственный аналог этой монете найден С.А.Плетневой в салтовской катакомбе Дмитровского могильника [128, с. 53]. Таким образом, нумизматический материал на поселениях второго этапа укладывается в рамки второй половины VII в., а третьего – середины VIII–X в.

К остальным категориям датирующих вещей мы относим высокогорлые кувшины, амфоры, византийскую белоглиняную посуду, а также типично салтовские предметы торевтики – поясные наборы, конскую сбрую, амулеты, бубенчики, перстни и серьги. Эти вещи можно разделить на три хронологические группы: вторую половину VII–VIII в., вторую половину VIII–IX в. и середину IX–X в. (рис. 7).

Поздние датирующие материалы из верхних горизонтов большей части поселений представлены амфорами, высокогорлыми кувшинами и поливной посудой.

Наиболее массовый материал в слоях пожаров, датирующих гибель поселений, – желобчатые оранжевоглиняные амфоры с грушевидным корпусом, покрытым белым или розовым жидким ангобом. Их массивные, овальные, с легкими ребрами ручки прикреплены ниже непрофилированных венчиков, иногда имеют клейма мастерских.

протоболгарских памятников Крыма

вещей по комплексам

середина IX в.												середина VII–VIII в.			
14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29
			+	+	+	+		+			+				
											+				
+	+	+		+				+	+	+	+				
					+		+	+		+	+				
									+						
												+	+	+	+
													+		
												+		+	
														+	
												+	+		
												+		+	
												+		+	

Целые экземпляры таких сосудов происходят из Судака, Нового Света и Тепсеня, а на остальных поселениях встречены лишь фрагменты (рис. 7, *2*). Амфоры этого типа производились в гончарных мастерских Константинополя; датируются на основании данных раскопок квартала Гюльхане в Истамбуле серединой IX–X в. [129, p. 45–47, 148–149]. Датировка подтверждается материалами Адриатики [130, p. 43, Pl. VII], Саркела [131, с. 244, рис. 29–30] и Херсонеса [132, с. 310; 133, с. 72–75, рис. 43, *5, 6*; 44, *1–11*].

В комплексах с амфорами константинопольского типа, как правило, находят фрагменты белоглиняных тарелок и чаш с рельсовидными венчиками, покрытых пятнисто-зеленой или оливковой поливой (рис. 7, *3*). Целая поливная тарелка с рельсовидным венчиком и орнаментом граффити в виде рыбы обнаружена лишь на Тепсене (рис. 7). Однако их обломки найдены на Кордон-Обе, в верхнем слое Героевки, на Тепсене, Бакле и в Инкермане. Кроме того, в слое пожара салтовского жилища в Судаке нами обнаружено днище белоглиняного кубка с рельефным крестом под пятнисто-зеленой поливой [134, № 0]. Ч.Морган, А.Мегоу, Д.Т.Райс и другие датируют поливные сосуды этой группы IX–X вв. [135, p. 37], а Р.Стевенсон суживает ее до второй половины IX–X в. [136, p. 38–41, Pl. 16–17], что подтверждают и материалы Таврики [133, с. 83–93].

Вместе с константинопольскими амфорами и поливной посудой в верхних слоях Кордон-Обы, Тепсеня, Судака, Инкермана и других поселений найдены высокогорлые кувшины с ленточными ручками [137, с. 15; 9, с. 123]. Целые сосуды этого типа происходят из закрытых комплексов Тиритаки и Алексеевки [12, с. 51, рис. 57; 138, с. 98–103]. Кроме того, при подводных исследованиях в бухте Нового Света и у поселения "Чайка" близ Евпатории найдены остатки византийских кораблей с грузом высокогорлых кувшинов. Среди них находились белоглиняные кувшины с пятнисто-зеленой поливой второй половины IX–X в. Высокогорлые кувшины производились, вероятнее всего, на Таманском п-ове, откуда распространялись по близлежащим районам Таврики, Приазовья и Подонья.

На салтовских поселениях Таврики широкое распространение получили амфоры причерноморского типа с шлемовидным дном, желобчатым корпусом и Г-образными

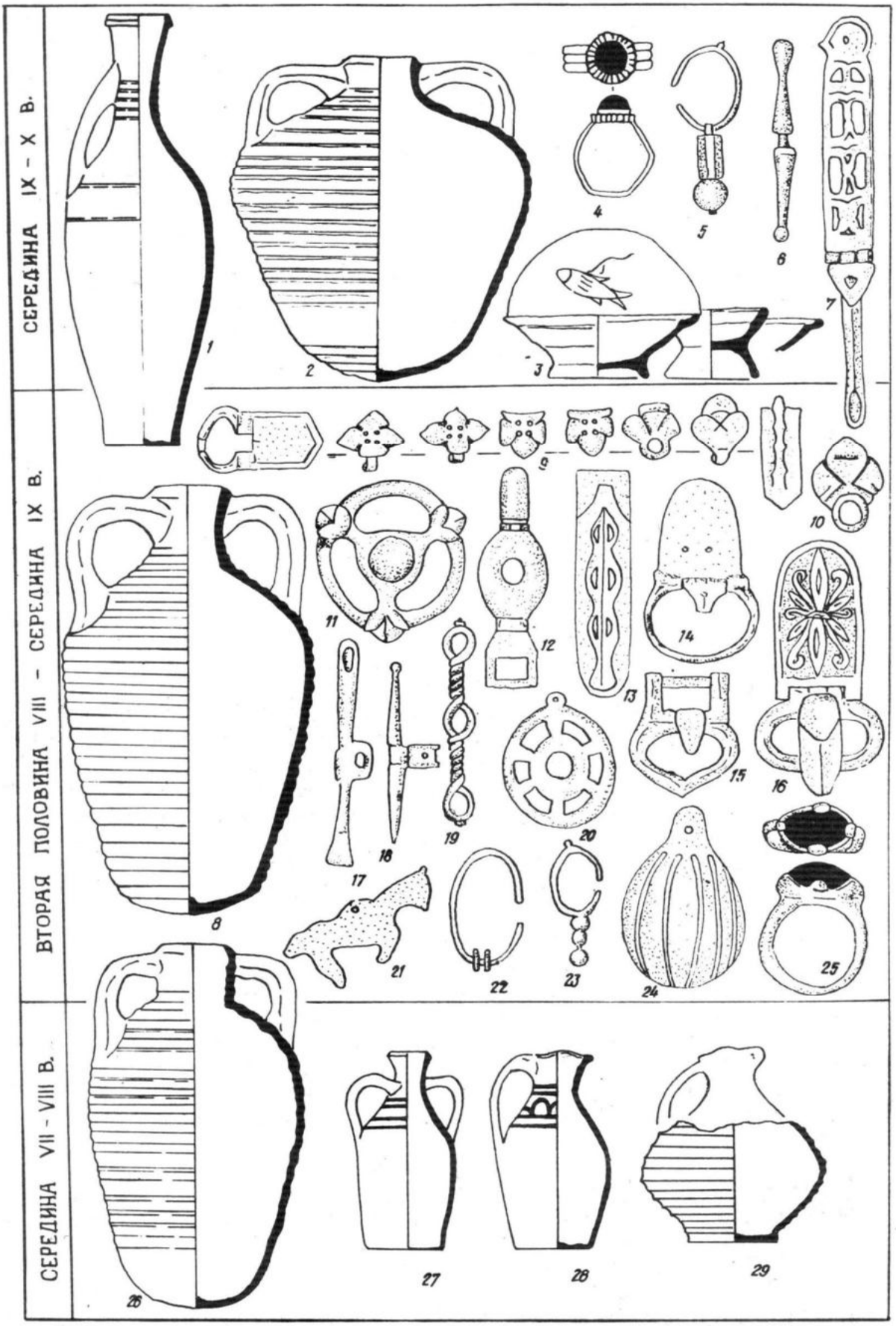


Рис. 7. Датирующий материал для хронологизации салтово-маяцких памятников Крыма.
1, 21, 24 – Тиритака; *2* – Новый Свет; *3, 5–8, 13–16, 23* – Тепсень; *4, 10, 17–20, 22, 25* – Кордон-Оба; *9, 11, 12* – Херсонес; *26, 28, 29* – Тау-Кипчак; *27* – Чуфут-Кале.

ручками, прикрепленными ниже валикообразного венчика (рис. 7, *8*). Они изготовлены из кирпично-красной глины с крупным шамотом и карбонатами и покрыты красным ангобом. Обнаружены в Тау-Кипчаке [139, с. 249], в нижних горизонтах Героевки, Баклы и Тепсеня [46, с. 80–81; 55, рис. 2, *5*; 21, с. 112–114, рис. 15, *1*]. За пределами Таврики они найдены в волынцевских комплексах VIII в. на Днепровском Левобережье [140, с. 116–125, рис. 22, *19*], а также в салтовских слоях VIII–IX вв. в Подонье и Приазовье [131, рис. 50; 141, с. 46–54; 142, рис. 13, *2–3, 7*]. Их производство было налажено в Юго-Западной Таврике и носило массовый характер [143, с. 149–156, рис. 2]. Амфоры причерноморского типа в комплексах с поливной керамикой, высокогорлыми кувшинами и амфорами константинопольского типа не зафиксированы, что дает основание при датировке сузить их верхний рубеж до середины IX в.

Помимо керамики на салтовских памятниках Крыма найдены и предметы характерной салтово-маяцкой торевтики, хронология которых подробно рассмотрена А.И.Айбабиным [144, с. 225–239]. Так, на Тепсене и Бакле обнаружены литейные формы для производства салтовского поясного набора (пряжка, наконечник пояса и сердцевидная бляшка) (рис. 7, *10, 13*) и серег [145, с. 148, рис. 13, *2*; 146, с. 142]. В могилах западного некрополя Тепсеня и грунтовых могилах Кордон-Обы и Керченского п-ова встречены такие же серьги, перстни, пряжки с овальным щитком салтовского типа и копоушки (рис. 7, *14–25*). Все предметы по общепринятым датировкам относятся ко второй половине VIII – середине IX в. [35, рис. 36].

Из предметов первой хронологической группы не вызывают сомнений лишь хронологические рамки двух типов красноглиняных кувшинов: так называемых расписных ойнохой баклинского типа и небольших реберчатых кувшинчиков со слегка расширяющимся дном (рис. 7, *28, 29*). Первые, судя по раскопкам Скалистинского могильника, бытовали с середины VII по IX в.; вторые были распространены в Херсонесе в V–VII вв. и полностью вышли из употребления к концу VII в. Датировки двух других типов керамики – двуручных кувшинов с росписью ангобом и воронкообразным горлом (рис. 7, *27*) и круглодонных желобчатых амфор с белым ангобом (рис. 7, *26*) приводятся впервые. Остановимся на их обосновании подробнее.

Обломки кувшинов с воронкообразным горлом и двумя ручками обнаружены в двух комплексах Тау-Кипчака. Они изготовлены из характерной для этого типа посуды темно-красной глины и покрыты белым или розовым ангобом, поверх которого по плечу наносилась линейная роспись белой или красной минеральной краской. Такие сосуды весьма редки в Таврике. Два кувшина обнаружены в склепе № 34 могильника Чуфут-Кале вместе с Т-образными геральдическими бляшками поясного набора, отнесенного А.К.Амброзом к III этапу развития поясной гарнитуры и датированному, как отмечено выше, серединой – второй половиной VII в. [147, рис. 4, *5*; 120, с. 288]. Остальные кувшины этого типа найдены на Тамани, близ Новоросийска и на Кавказе: один – в Борисовском могильнике [148, с. 138, рис. 25], один – на Ильичевском городище [149, рис. 7, *1*], один – в могильнике Дюрсо и два – в некрополе Агойского аула [150, с. 92–93, рис. 19, *7, 18, 22*]. На Ильичевском городище они находились в комплексе с амфорами типа "Истрия" (VI – первая половина VII в.), а в Агойских могилах – с Т-образными геральдическими бляшками середины – второй половины VII в. С материалами VIII в. и ранее середины VII в. такие кувшины не встречены. Следовательно, их датировка достаточно узка – середина – вторая половина VII в. В VIII–IX вв. тип посуды видоизменяется, в обиход входят приземистые расписные двуручные кувшины, изготовленные из красной глины [151, рис. 4, *1*], не получившие, однако, распространения на салтовских памятниках.

Другой тип датирующей керамики – желобчатые круглодонные амфоры из закрытых комплексов Тау-Кипчака, Фронтового, Мелового, а также некоторых поселений Горной Таврики. Они типологически близки к известным амфорам причерноморского типа VIII – первой половины IX в. (рис. 7, *8*), но от последних отличаются более удлиненным корпусом, сложной профилировкой венчика и несколько уплощенным дном. Керамическое тесто амфор более плотное, хотя имеет тот же состав. Характерный признак – наличие плотного белого ангоба, что не свойственно для амфор причерноморского типа. Нижняя дата керамики установлена по аналогии с четырьмя амфорами из Ильичевского городища на Тамани [149, рис. 5–7]. Последние датируются амфорами "с перехватом" колхидского производства, а также западнопонтийского и палестин-

ского производства, которые обнаружены в Томах, Диногеции и Истрии в комплексах с монетами императора Ираклия (610–641 гг.). Вместе с круглодонными желобчатыми амфорами в доме Ильичевского городища находился и двуручный кувшин с воронкообразным горлом второй половины VII в. Не противоречит этой дате и хронологизация краснолаковой керамики с изображениями христианских символов, дельфинов, животных и т.п., обнаруженной во всех помещениях верхнего горизонта Ильичевского городища [152, рис. 1, 2]. Подобная краснолаковая посуда отнесена Ф.Вааге и И.Хейсом к группе Lc; и бытовала она в течение всего VII в. [153, p. 298–301, pl. IX, X; 154, p. 53, pl. XI, *940–947*; 155, p. 368–370, pl. 78–79]. Корреляция ильичевских комплексов позволяет говорить, что разные типы тары и столовой посуды могли сосуществовать в них в относительно узкий промежуток времени – около середины VII в. Закрытые комплексы с белоангобированными амфорами ильичевского типа, датируемые более ранним временем, нам не известны. Следовательно, они появляются не ранее середины VII в. Верхнюю дату обусловливает взаимовстречаемость в Тау-Кипчаке с амфорами с зональным рифлением VIII–IX вв. и полное отсутствие их в бесспорных комплексах IX в. Таким образом, белоангобированные корчаги ильичевского типа, привлеченные нами для датировки крымских поселений, могут датироваться серединой VII–VIII в.

Распределив датирующий материал по местам его находок, можно наблюдать следующую закономерность. В комплексах 16 памятников, подвергавшихся раскопкам (см. табл. 1), обнаружены вещи исключительно второй половины VIII–X в., в остальных – керамика, появляющаяся к середине VII в. и полностью выходящая из употребления к концу VIII в. Такая же картина наблюдалась и при анализе подъемного материала других салтовских поселений, которые лишь разведаны. Основываясь на датировках 29 категорий вещей, мы получаем возможность разделить памятники Крыма на два хронологических этапа. При этом следует отметить, что стратиграфия поселения Героевка с его двумя салтовскими культурно-историческими горизонтами позволяет связать возникновение памятников этих хронологических этапов с двумя периодами салтово-маяцкой культуры в Крыму.

Хронологические рамки памятников последнего этапа (вторая половина VIII–X в.) соответствуют общепринятой датировке салтово-маяцких древностей Подонья и Приазовья. Между тем наличие поселений с более ранним материалом, входящим в комплексы с салтовской и салтоидной посудой, позволяет выделить начальный этап этой культуры. Верхняя дата таких памятников устанавливается на основании материалов закрытых комплексов Героевки (нижний культурный горизонт) и Тау-Кипчака, которые обнаружены в слоях пожаров и датируют гибель поселений этой группы, а также материалов, датирующих возникновение поселений второй группы (верхний горизонт Героевки, Тепсеня, Кордон-Обы, Инкермана и др.). Датируются они приблизительно серединой VIII в. Датировка нижнего хронологического рубежа поселений первой группы более проблематична. Попытаемся обосновать его методом корреляции вещей из некоторых закрытых комплексов поселения Тау-Кипчак. В качестве опорных комплексов возьмем материал из хозяйственных ям № 5 и 6, которые использовались жителями Тау-Кипчака как погреба для хранения продуктов (рис. 8; 9; 10). В этих ямах, заброшенных и засыпанных задолго до гибели поселения, вместе с характерной керамикой салтово-маяцкого типа (рис. 9, *10–13*; 10, *9–10*) обнаружены 20 амфор, разделенных нами на девять типов [39, рис. 3].

В хозяйственной яме № 5 находились десять амфор, четыре сероглиняных кухонных горшка салтовского типа, тонкостенный столовый кувшинчик из красно-коричневой глины и небольшой плоскодонный пифос (рис. 9). Амфоры можно разделить на пять типов.

Тип 1 (рис. 9, *2, 3*) представлен тремя экземплярами амфор со слабо выраженной желобчатостью. Две амфоры целые и одна – в обломках. Размеры целых амфор*: Н – 48 и 44 см, Нг. – 7,5 см, Тст. – 0,8 см, Дк. – 21 и 24 см, Дв. – 7,5 и 8 см. Корпус амфор удлиненный, плавно сужается к небольшому круглому дну. В его нижней части

---

* В целях унификации и сокращения описания керамики здесь и далее принята следующая система сокращений: Н – высота сосуда, Нг. – высота горла, Дк. – диаметр корпуса, Дв. – диаметр венчика, Дд. – диаметр донышка, Тст. – толщина стенки.

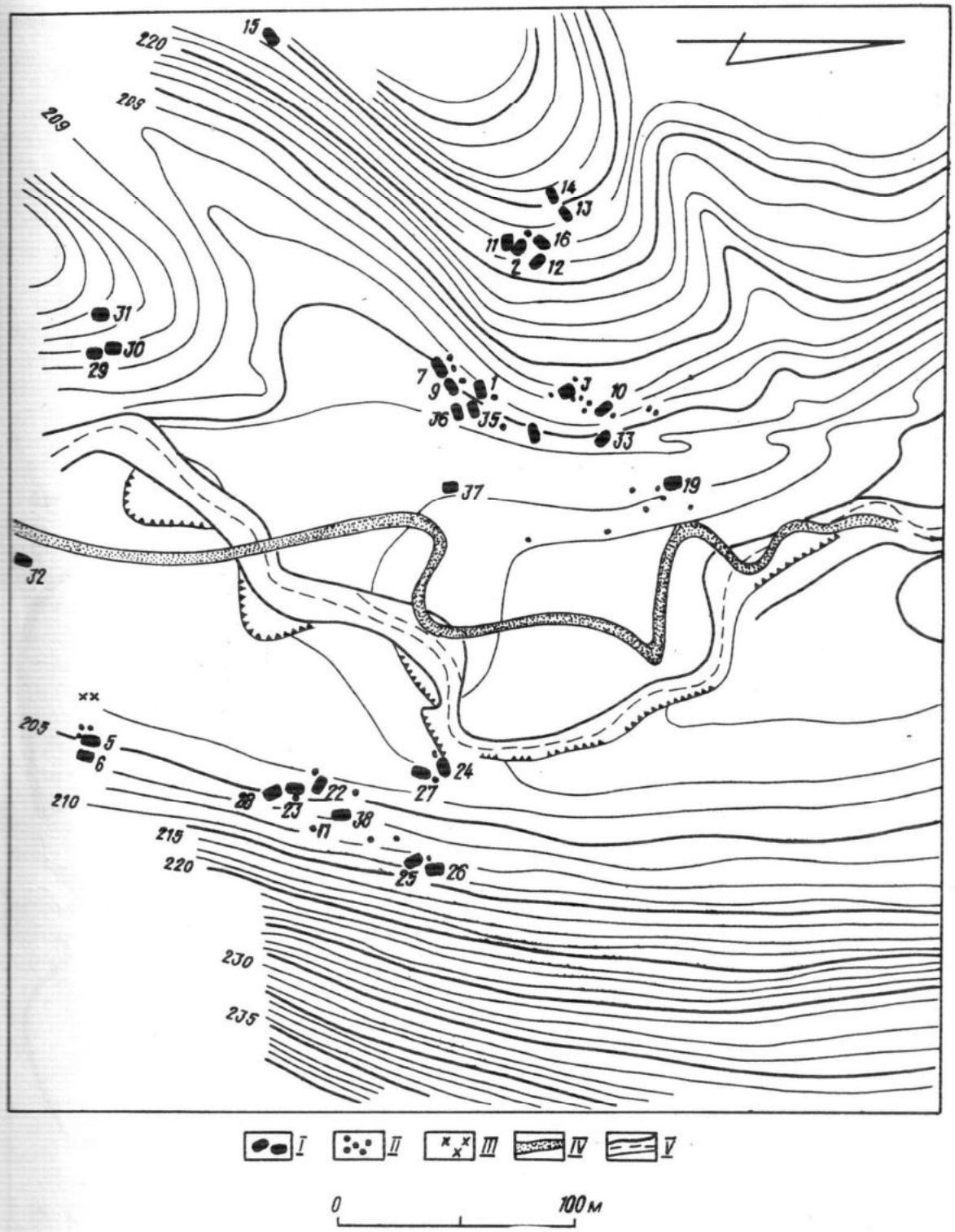


Рис. 8. План поселения в урочище Тау-Кипчак.
I – полуземлянки и наземные жилища, II – хозяйственные ямы, III – грунтовые могилы, IV – русло р.Зуи в VII–VIII вв., V – современное русло р.Зуи.

одна из амфор имеет слабый "перехват", а дно другой завершается круглым выступом-шишечкой, который, скорее всего, является рудиментированной ножкой остродонных амфор; он полностью исчезает не позднее конца VII в. Горло амфор узкое и длинное, с легким раструбом в верхней части. Венчик одного сосуда сложнопрофилированный, другого – в форме полукруглого валика. В 2 см ниже венчика прикреплены массивные ручки с ребром на лицевой стороне. Амфоры типа 1 изготовлены из лиловато-красной глины и покрыты зеленовато-белым ангобом. Керамическое тесто плотное с включениями мелких частиц известняка. Поверхность амфор обработана небрежно: видны следы растирания ангоба и подравнивания корпуса щепкой или скобелем.

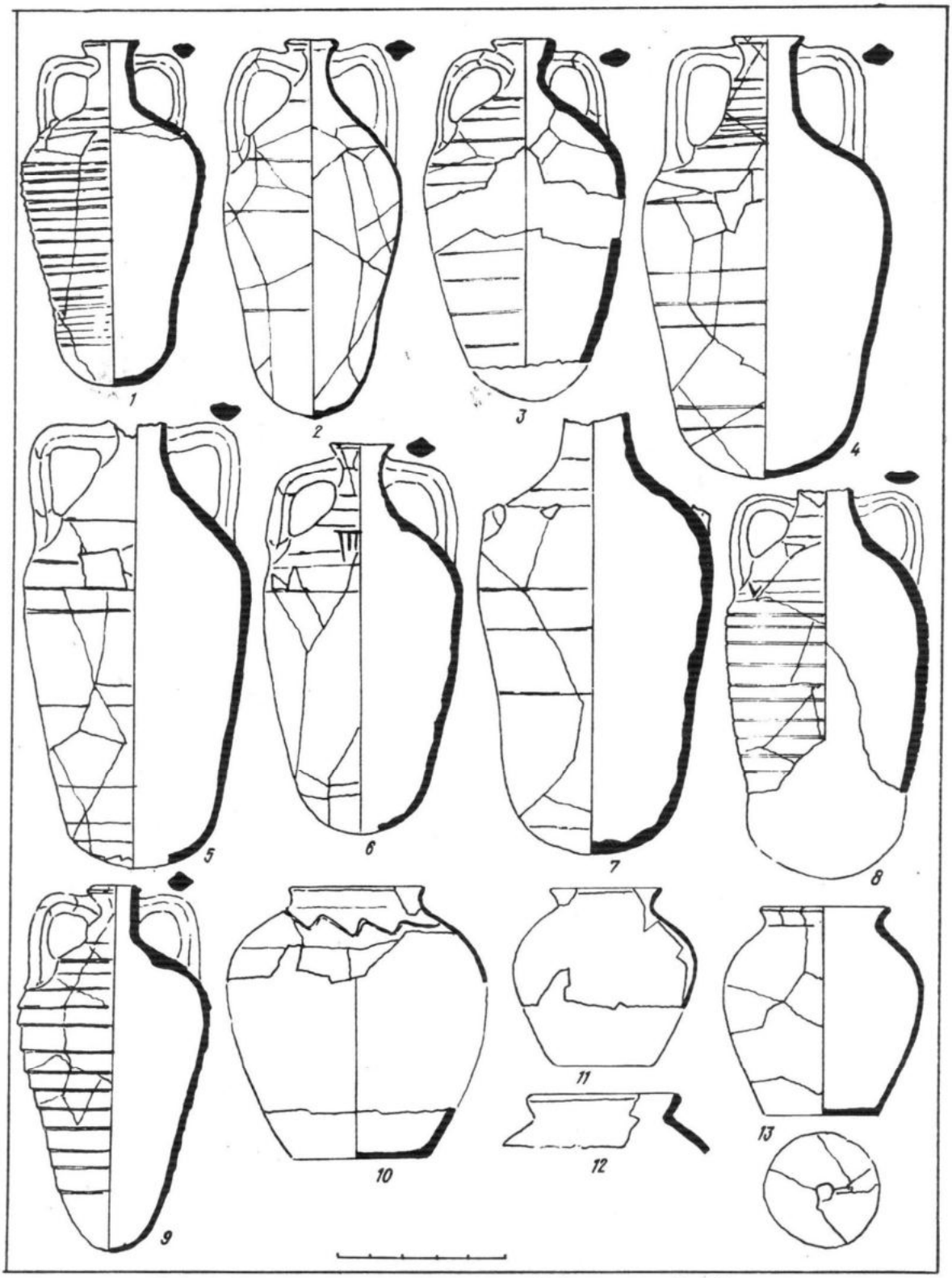


Рис. 9. Керамика из хозяйственной ямы № 5 поселения Тау-Кипчак.

По фактуре (состав керамического теста, цвет и плотность ангоба) и характеру обработки поверхности амфоры типа 1 из Тау-Кипчака тождественны амфоре из цистерны № 92 в Херсонесе. Последняя датируется монетами Тиберия-Маврикия (582–602 гг.) [156, с. 82, рис. 7]. По основным характеристикам, амфоры изготовлены в одном гончарном центре, местонахождение которого неизвестно. Помимо Таврики, близкие по форме и глине сосуды найдены в верхнем слое Истрии, датированном, как сказано выше, монетами Ираклия [157, fig. 387], в слоях VI–VII вв. в Болгарии [157, рис. 1, тип XV], в комплексах VI в. в Афинской агоре [158, pl. 34, № M372], а также в слоях того же времени некоторых византийских городов Северной Африки [159,

p. 251, 261, fig. 1]. Таким образом, на основании аналогов амфоры первого типа из Тау-Кипчака можно датировать в пределах VI–VII вв.

Тип 2 (рис. 9, *4, 7*) представлен четырьмя амфорами со слабой желобчатостью. На корпусе легкий "перехват" около округло-угловатого дна. Горло вытянутое, сужающееся к слабопрофилированному венчику. Ручки такие же, как у амфор типа 1. Сосуды изготовлены из кирпично-красной глины с редкими включениями шамота и покрыты темно-красным ангобом, по плотности и блеску напоминающим поздний красный лак. Керамическое тесто тонко отмучено, а поверхность тщательно заглажена. Размеры целых сосудов: Н – 50 и 55 см, Нг. – 8,5 и 10 см, Дв. – 8,5 см, Тст. – 0,5–0,8 см.

Амфоры типа 2 редки в Причерноморье. Три сосуда происходят из Подонья [14, с. 35]. В Таврике, помимо Тау-Кипчака, они обнаружены Л.А.Омельковой в закрытом комплексе с остродонными амфорами "с перехватом" и салтовской кухонной керамикой [160, рис. 43–44]*. Датировка амфор "с перехватом" и слегка желобчатым цилиндрическим корпусом не вызывает сомнений. Кроме коллекции амфор из помещений верхнего горизонта Ильичевского городища, датированного серединой VII в., они встречены в разных пунктах Причерноморья и Адриатики: в Трапезунде [161, табл. 12], в византийских крепостях Болгарии [162, с. 18–20, рис. 6], Истрии и Томах [163, с. 277, 279, табл. XV]. Однотипные амфоры находились в склепе № 65 могильника у высоты "Сахарная головка" [164, с. 61–62, рис. 17], датированном пряжкой типа "Сиракузы" второй половиной VII в. [144, с. 236], а также в склепе № 406 Скалистинского могильника с вещами того же времени [165, с. 213–218].

Тип 3 (рис. 9, *1*) представлен одним экземпляром желобчатой амфоры с удлиненным корпусом и "перехватом" выше округло-угловатого дна. Горло узкое, удлиненное. Венчик массивный, валикообразный. Ручки аналогичны ручкам амфор предыдущих типов. Сосуд изготовлен из светло-красной глины с включениями шамота и покрыт жидким ангобом из той же глины. Размеры амфоры: Н – 32 см, Нг. – 8 см, Дв. – 7,6 см, Дт. – 23 см.

По составу керамического теста и характеру обработки поверхности она близка к амфорам причерноморского типа VIII–IX вв., хотя и отличается от последних формой корпуса, дна и венчика. Из-за отсутствия прямых аналогов датировать амфоры типа 3 вне комплекса невозможно.

Тип 4 (рис. 9, *8*) представлен единственным экземпляром бороздчатой амфоры с удлиненным, сужающимся книзу корпусом и "перехватом" в нижней части. Днище и венчик сосуда отсутствуют. Ручки овально-уплощенные с желобком на лицевой стороне. Амфора изготовлена из светло-желтой глины и покрыта таким же плотным ангобом. Борозды рифления узкие и глубокие. Они нанесены редкозубым штампом по всему корпусу на расстоянии 2–2,5 см. Размеры амфоры: Н – 39 см (без дна и венчика), Дт. – 24 см, Дг. – 6,2 см.

Обломки аналогичных амфор в значительном количестве обнаружены нами в засыпи VII в. на участке античного театра в Херсонесе в 1970 г. и в портовой части Сугдеи в 1985 и 1986 гг. Близкие по фактуре сосуды найдены в цистерне № 92 в портовой части Херсонеса с монетами начала VII в. [156, с. 87, рис. 11].

Тип 5 (рис. 9, *9*) представлен единственной в Крыму целой желобчатой амфорой с веретенообразным корпусом и закругленным, почти острым дном. Этот тип – промежуточный между остро- и круглодонными амфорами. Горло цилиндрическое, узкое, слегка расширенное в средней части и зауженное к профилированному венчику. Ручки такие же, как у амфор типа 1 и 2. Желобки, шириной около 3 см, в сечении напоминают круглую набегающую волну и по характеру желобчатости близки к западнопонтийским круглодонным амфорам VI–VII вв. [166, pl. III, *5, 6*]. Амфора изготовлена из хорошо отмученной глины кирпично-красного цвета и покрыта блестящим плотным ангобом из той же глины. В керамическом тесте добавки мелкого шамота и редкие частицы известняка. Поверхность сосуда тщательно заглажена.

Амфоры типа 5 встречаются в ранневизантийских слоях крепости Ятрус в Болгарии [167, p. 269–270, tab. 13, *26–28*]. По форме амфора почти тождественна таре из могильника близ Агойского аула на Кавказе [150, с. 88–91]. У нас нет возможности

---

* Комплекс демонстрировался в докладе Л.А.Омельковой на чтениях памяти А.Л.Якобсона в Херсонесе в 1984 г.

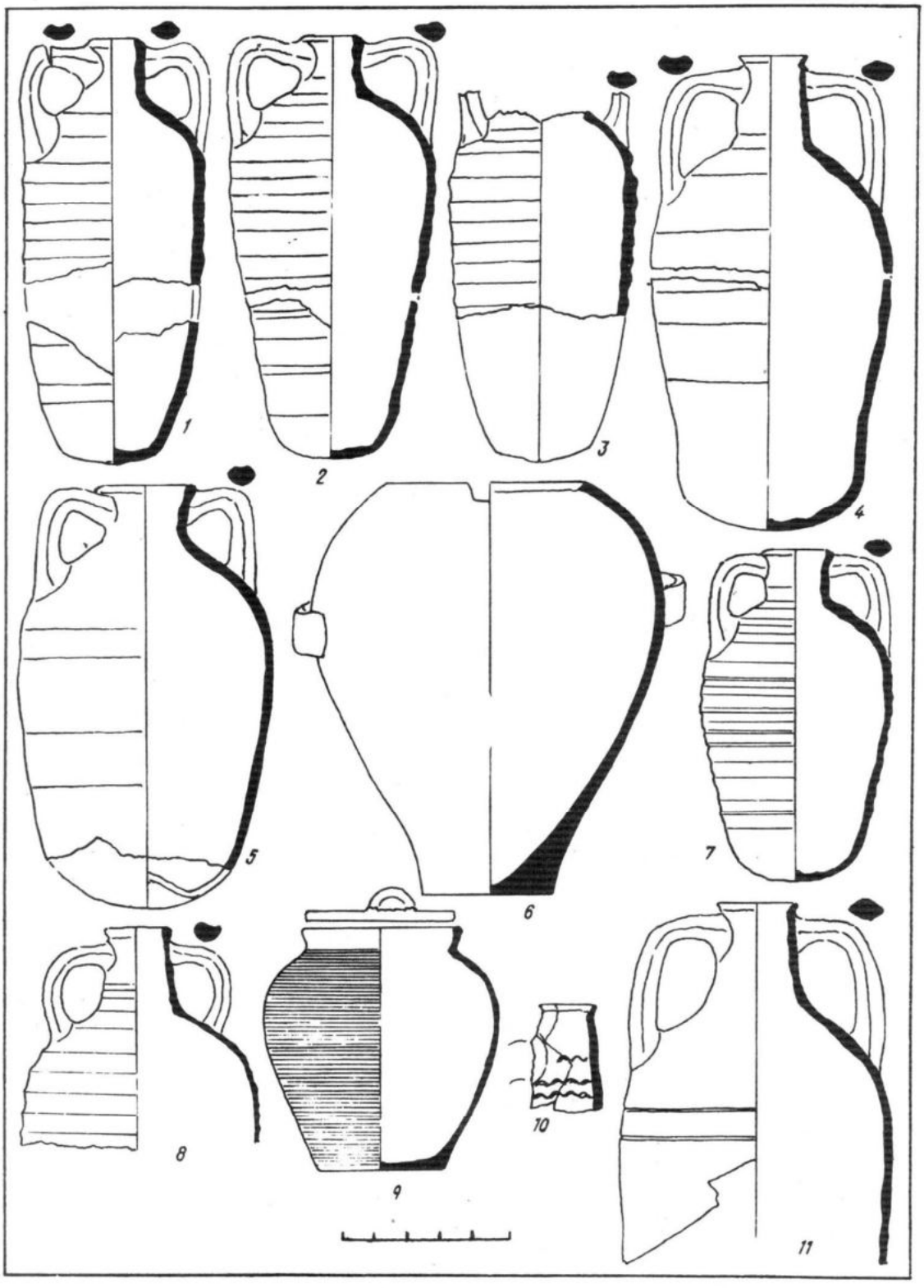


Рис. 10. Керамика из хозяйственной ямы № 6 поселения Тау-Кипчак.

сравнить керамическое тесто этих амфор. Однако другие признаки, присущие равно крымским и кавказским сосудам (размеры, общие пропорции, форма горла и дна, характер желобчатости), позволяют предполагать общий источник их происхождения и убеждают в их единовременности. В могилах № 6, 10 и 18 Агойского некрополя такие амфоры обнаружены с двуручным расписным кувшином с воронкообразным горлом, восьмеркообразными стременами аварского типа и с Т-образными бляшками геральдического поясного набора (III этап, по А.К.Амброзу). Эти предметы, как сказано выше, датируются серединой – второй половиной VII в. Таким образом, амфоры типа 5 бытовали в наиболее узких временных рамках и позволяют датировать в целом керамический комплекс ямы № 5 второй половиной VII в.

Другим опорным комплексом для определения нижней даты Тау-Кипчака служит яма № 6 (рис. 10). Во время земляных работ верхняя часть ямы была срезана и при этом повреждены несколько сосудов, однако бóльшая часть керамики оказалась совершенно целой. Здесь найдено 10 амфор, 5 сероглиняных кухонных горшков, украшенных гребенчатым линейно-волнистым орнаментом (один из них был с остатками мясной пищи и накрыт крышкой с петлеобразной ручкой – рис. 10, *9*), лепной сероглиняный салтовский кувшин с многорядным волнистым орнаментом и небольшой плоскодонный пифос с двумя горизонтальными петлеобразными ручками (рис. 10, *6*). Три амфоры из ямы № 6 тождественны амфорам из ямы № 5 и, следовательно, могут датироваться серединой – второй половиной VII в. Датировка круглодонной желобчатой амфоры с белым ангобом (рис. 10, *7*) обоснована выше: напомним, что этот тип керамической тары бытовал в пределах VII–VIII вв. В корреляционной таблице (см. рис. 12) белоангобированные амфоры-корчажки выделены нами в тип 9. Остальные амфоры в предыдущем комплексе не встречались и выделены в типы 6–8.

Тип 6 (рис. 10, *8*) представлен одним экземпляром верхней части реберчатой амфоры с высоким, сужающимся к валикообразному венчику, цилиндрическим горлом. Петлеобразные ручки прикреплены ниже венчика и у основания горла – в верхней части плеча. Желобчатость четкая в виде острых, равномерно расположенных ребер, которые в сечении напоминают волну. Сосуд изготовлен из коричнево-красной плотной глины с золотистыми включениями мелких кристаллов пирита, а также с добавками мелко дробленных пироксенов и слюды. Размеры сохранившейся части: Нг. – 10 см, Дв. – 7 см и Дт. – 18 см.

Абсолютный аналог амфоре типа 6 нам не известен. Наиболее близкая по форме и характеру рифления амфора обнаружена близ Лессе (Италия) в слое VII в. [168, p. 223, tab. XCIII]. Обломки стенок подобных амфор встречены нами в портовой части Судакской крепости и на мысе Троицы. Близкие по форме сосуды обнаружены в засыпи VII в. в херсонесской цистерне № 92 [156, с. 85, рис. 6, 6а]. Встречались стенки и ручки таких амфор в засыпи VII в. на участке античного театра Херсонеса. В слоях VIII в. и более позднего времени они отсутствуют. По характеру рифления и составу керамического теста амфора типа 6 близка к самосским амфорам, нередко встречающимся в Таврике в комплексах конца IV–VII в. [169, с. 245, рис. 2, *1*; 170, с. 119]. Их производство, как свидетельствуют раскопки на Самосе и в Афинах, продолжалось практически до конца VII в. [158, M373, M375, M307; 171, tab. XI, XIII]. В отличие от амфор IV–V вв. формы поздних самосских амфор более разнообразны. По внешнему облику венчика, горла и ручек тау-кипчакская амфора типа 6 близка именно к поздним самосским амфорам и может датироваться не ранее VI в. и не позднее конца VII в.

Тип 7 (рис. 10, *1–3*) представлен тремя желобчатыми амфорами с цилиндрическим корпусом, сужающимся к плоскому дну. Две амфоры сохранились полностью, одна – фрагментарно. В центре дна одной из амфор находился рудиментированный выступ-шишечка (рис. 10, *1*). Массивные ручки, прикрепленные на 1,5 см ниже венчика, разного сечения: одна с желобком на лицевой стороне, другая – с четким ребром. Желобчатость амфор четкая, ярко выраженная. Ребра острые, высотой около 1 см, в сечении напоминающие равномерную крутую волну. Обжиг неровный: цвет сосудов колеблется от светло-оранжевого до коричневого. В керамическом тесте примеси пироксенов и слюды. Амфоры покрыты жидким белым ангобом, который благодаря просвечивающей основе приобрел золотистую окраску. Размеры целых амфор: Н – 49 см, Нг. – 7,5 и 8 см, Тст. – 0,9 см, Дв. – 6,9 и 7 см, Дд. – 11,8 и 10 см, Дк. – 21 и 22 см.

Амфоры типа 7 можно поставить в один ряд с желобчатыми амфорами с уплощенным дном из верхнего слоя Истрии [172, с. 457, № 380, 381]. Они типологически близки по таким признакам, как форма дна, корпуса, наличие на дне рудиментированного выступа, а также по характеру желобчатости и форме венчиков и ручек. Амфоры из Истрии отличаются от крымских лишь пропорциями горла и более глубоким рифлением. Однако эти признаки можно отнести к разряду неустойчивых, так как горла всех амфор этого типа, как в Румынии, так и в других византийских центрах Нижнего Подунавья, различаются по высоте и пропорциям, а характер рифления почти никогда не бывает идентичным [157, рис. 1; 173, tab. 19–23]. Следовательно, тау-кипчакские амфоры типа 7 можно датировать VI – серединой VII в.

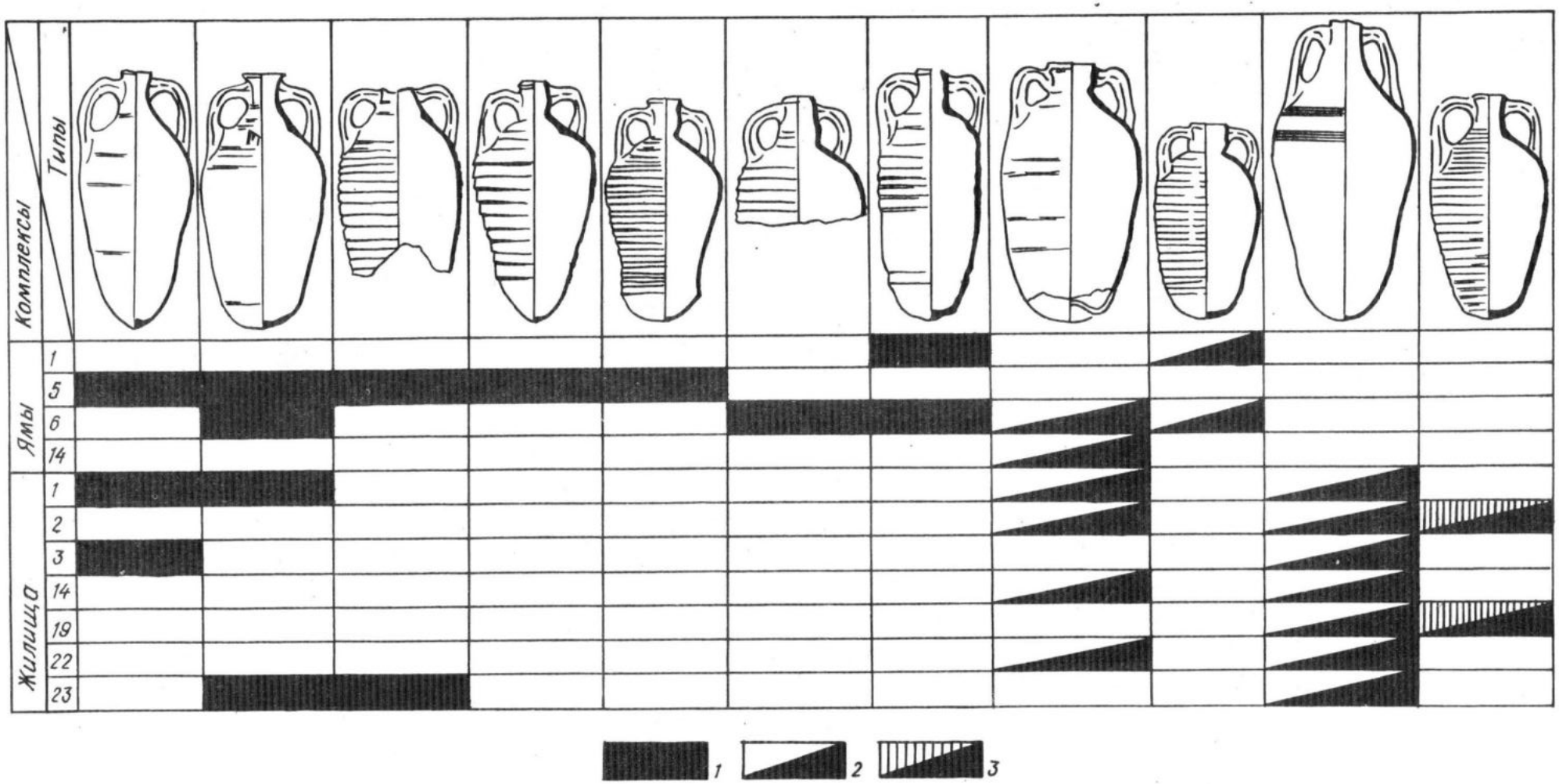


Рис. 11. Корреляционная таблица амфор из закрытых комплексов поселения Тау-Кипчак
1 – вторая половина VII в., *2* – VII–VIII вв., *3* – VIII–IX вв.

Тип 8 (рис. 10, *5*) представлен единственным экземпляром гладкостенной амфоры с широким низким горлом, расширяющимся к венчику в виде валика. Корпус яйцевидный. Массивные ручки с желобком и двумя ребрами с лицевой стороны прикреплены к горлу на расстоянии 1 см ниже венчика. Амфора изготовлена из красной глины с лиловатым оттенком и покрыта жидким белым ангобом. По составу керамического теста она близка к амфорам причерноморского типа. Ее размеры: Н – 49 см, Нг. – 6 см, Дг. – 9,2 см, Дв. – 12,5 см, Дк. – 28,5 см.

Полного аналога этой амфоре нам не известно, поэтому ее датировка вне комплекса затруднительна. Близкие по форме днища встречены в византийском горизонте Кордон-Обы, датированном нами не позднее середины VIII в. [39, с. 61]. С более поздними материалами амфоры подобной фактуры и формы не встречаются.

Амфоры из хозяйственных ям № 5 и 6 имеют разные рамки бытования. Однако вместе они могли использоваться лишь в узкий промежуток времени – во второй половине VII в. Именно этим временем можно датировать оба закрытых комплекса.

Для перепроверки времени возникновения Тау-Кипчак произведена корреляция амфор из погребков № 5 и 6 с керамической тарой, обнаруженной в других закрытых комплексах этого же поселения (рис. 11). В жилищах и ямах, которые содержали амфоры с зональным рифлением и амфоры причерноморского типа, надежно датирующиеся временем не ранее VIII в. (типы 10 и 11 в таблице), встречены сосуды только второй половины VII–VIII в. В то же время, в хозяйственной яме № 1 и в землянках № 1, 3, 25 находились лишь амфоры VII в. Следовательно, в Тау-Кипчаке отмечено не менее семи закрытых комплексов второй половины VII в.

Материалы второй половины VII в. на салтовских поселениях Таврики не единичны. Помимо упомянутого выше жилища на поселении Сюйрен, они известны и на других поселениях Центральной и Восточной Таврики. Так, на поселении близ г.Старый Крым обнаружена амфора с уплощенным дном типа 7. В нижнем слое поселения Героевка и на поселении близ с.Пташкино найдены амфоры типа 1 и 2, а у с.Фронтового – типа 2. Кроме того, на поселениях близ сел Героевка, Чапаево, Тиритака и пос. Войково обнаружены фрагменты остродонных желобчатых амфор с перехватом [174, с. 301–303].

Находки вещей VII в. на салтово-маяцких поселениях не ограничиваются Таврикой. Ареал их распространения значительно шире. В нашу задачу не входит всесторонний анализ других салтовских памятников Юго-Восточной Европы. В качестве примера приведем несколько находок на поселениях, не имевших досалтовского подстилающего слоя, т.е. эти вещи могли быть связаны только с салтовскими культурными отложениями. Так, на поселениях Ставропольского края А.В.Гадло во время раскопок и разведок последнего десятилетия получил значительное число фрагментов импортных амфор, близких по фактуре к тау-кипчакским амфорам типа 2*. Там же были найдены и обломки остродонных красноглиняных амфор, верхняя дата которых не выходит за пределы VII в. В том же регионе на поселении близ г.Темрюка в 1963 г. обнаружен комплекс, состоящий из двух цилиндрических остродонных амфор с "перехватом" и лощеного трехручного кувшина, аналогичного пифосообразным сосудам из Саркела [180, с. 303]. Подобные амфоры неоднократно находили и в самом Саркеле, культурная принадлежность и стратиграфия которого ни у кого не вызывает сомнений. Две остродонные амфоры из этого городища хранятся в Эрмитаже (ВД-50, СП-20 и ВД-51, 1962-11) и одна – в Новочеркасском музее (№ 3718). Аналогичные амфоры с перехватом найдены в 1958 г. в станице Преградной на Кубани (комплекс из девяти сосудов), откуда они поступили в коллекцию Ставропольского музея [180, с. 308]. Кроме того, ко второй половине VII – первой половине VIII в. можно отнести и известные амфоры с круглым дном, удлиненным корпусом и горлом, обнаруженные В.А.Бабенко на Салтовском городище [14, рис. 35], и типологически близкий сосуд, найденный В.К.Михеевым на поселении Маяки [142, рис. 13, *1*].

Подводя итоги хронологической характеристики салтово-маяцких памятников Крыма, еще раз подчеркнем, что археологические материалы позволяют разделить их на три хронологические группы. При этом совершенно очевидно, что кочевники, проникшие в степи Таврики около середины VII в., во второй половине того же столетия

---

* С разрешения автора раскопок, мы ознакомились с этими материалами на кафедре этнографии ЛГУ.

в силу социально-экономических и географических причин были вынуждены осесть на полуострове. Поселения третьей хронологической группы появляются в Крыму после гибели поселений предшествующего хронологического этапа. Различна и их топография. В отличие от своих предшественников, новая группа салтовцев осела, в основном, на Керченском п-ове, на юго-восточном и северо-западном побережьях Таврики, а также в речных долинах Юго-Западной Таврики и непосредственно близ Херсона. Центральная часть Горной Таврики, заселенная тюрками до середины VIII в., со второй половины того же столетия явно пустеет.

Очевидная взаимосвязь между районированием поселений и их хронологизацией позволяет говорить о двух периодах салтово-маяцкой культуры в Крыму. Можно предположить, что периодизация отражает этапы освоения Таврики раннетюркскими племенами, входившими со второй половины VII по X в. в Приазовье и Таврике в состав Хазарского каганата. Взяв за основу предложенную периодизацию, рассмотрим различные аспекты материальной культуры и истории этих племен в Крыму.

ГЛАВА II
ПОСЕЛЕНИЯ

В планировке поселений и конструктивных особенностях жилых и хозяйственных сооружений кочевников и полукочевников Таврики отразились многообразие и сложность социально-экономических и культурных преобразований, происходивших в их среде в ходе процесса седентаризации. В выборе места для жилья предпочтение отдавалось землям, которые были мало пригодны для земледелия и скотоводства – надпойменным террасам без плодородного слоя или крутым склонам холмов. Занятия земледелием имели наибольший экономический эффект в речных поймах с их гумусированными черноземами, а также на прилегающих к пресной воде пологих холмах и защищенных от ветров горных долинах. В условиях преобладавшего в крымских степях в VII в. безводья и безтравья приречные селища имели независимые от засух земледельческие угодья и гарантированную кормовую базу для содержания скота, что было особенно важно в переходный период оседания кочевников. В соответствии с предложенной выше периодизацией и по планиметрическим признакам поселения можно разделить на несколько групп: кочевья, неукрепленные селища аильного типа и городища. Наиболее характерны для степняков кочевья или стойбища.

1. СТОЙБИЩА

Стойбища кочевников VII в. обнаружены в районе Внешней гряды Крымских гор. Их выявление обычными археологическими методами не дает результатов, так как подобные памятники не имеют внешних признаков. Они были выявлены лишь в ходе комплексной археологической и аэрофоторазведки, обеспеченной К.В.Шишкиным.

Известны два памятника этого типа. Первый обнаружен в 1977 г. при дешифровке аэрофотоснимков и тогда же обследован нами. Стойбище располагалось над левым берегом р.Бештерек на краю обширного плато (западная окраина с.Донское Симферопольского района). Как показала разведка, оно состояло из 12 подквадратных в плане построек площадью около 25 $м^2$, расположенных в один ряд по кругу диаметром около 150 м. Конструктивные особенности жилищ выявить не удалось, так как поселение сильно распахано. Однако в одном из жилищ в центре обнаружено очажное пятно внутреннего очага. Археологический материал немногочислен, но дает представление о культуре поселения и его дате. В шурфах и подъемном материале преобладали сильно измельченные обломки сероглиняных лепных кочевнических горшков и фрагменты желобчатых красноглиняных амфор-корчажек с профилированными ручками, прикрепленными под почти прямым венчиком. Такие амфоры известны в раннесредневековых слоях Боспора, Херсонеса и на поселениях Юго-Западной Таврики в слоях VI–VII вв. Здесь же найден обломок венчика краснолаковой тарелки с массивным краем, украшенным гребенчатым штампом. Такие сосуды известны в засыпи VII в. на участке античного театра в Херсонесе. И.В.Хейс относит их к наиболее поздней группе Lc и датирует началом – серединой VII в. [155, p. 346].

Второе поселение с совершенно аналогичным материалом обнаружено в уроч. Битак в Симферополе на краю обширной надпойменной террасы, обращенной к долине р.Салгир. Его планировку выяснить не удалось, так как памятник почти полностью разрушен при земляных работах в 1974 г.

Кроме того, в 1980 г. при раскопках укрепления на вершине холма Кордон-Оба нами зачищено основание круглой в плане юрты, перекрытой культурными отложе-

ниями византийского укрепления первой половины VIII в. и Генуэзской крепостью XIV–XV вв. (см. рис. 13). Края юрты были обложены крупным бутом, вероятно, придерживавшим кошму. С внутренней стороны юрты в обмазанном глиной полу по периметру юрты обнаружены основания жердевого каркаса. В центре постройки зачищен тарелкообразный очаг диаметром 0,7 м, обложенный мелким плитняком и заполненный на глубину 0,3 м пеплом и углями. Материал в жилище незначителен и представлен несколькими обломками амфор и лепных сероглиняных горшков. В пол были втоптаны дробленные кости животных. Рядом с юртой на площадке перед входом находились остатки еще одного очага, разрушенного в основном при позднейших перестройках. Культурный слой рядом с этой постройкой незначителен – его глубина не превышает 0,2 м. В нем спорадически встречаются мелкие обломки лепных горшков и фрагменты тонкостенных амфор, по фактуре близких расписной амфоре, обнаруженной на этом же поселении в слое, подстилавшем салтовский горизонт VIII в.

Крымские с ойбища, вероятнее всего, датируются временем появления на полуострове кочевых тюрок после распада Приазовской Болгарии. Они незначительны по площади и являлись, скорее всего, относительно долговременными становищами кочевников на начальном этапе седентаризации. Выявленное аэрофотосъемкой точное количесство построек у с.Донское позволяет произвести демографический расчет. По данным Н.Я.Бичурина, парная семья кочевых тюрок состояла из 7–8 человек [174], т.е. стойбище из 12 таких семей включало 90–96 человек. Численность жителей и характерная планировка позволяют сделать вывод, что тюркское селище принадлежало, вероятнее всего, семье расширенного типа или, как ее чаще определяют этнографы, большой неразделенной семье – основной ячейки кочевого общества. Такие объединения, судя по материалам из Афганистана 20-х годов XIX в., при перекочевках располагались отдельным лагерем [175, с. 57]. По мнению ряда исследователей, подобные большие семьи преобладали у кочевников евразийских степей с древнейшей эпохи вплоть до XIX в. [176, с. 42–43; 175, с. 9–10, 24–25]. Исходя из этого, мы вправе считать, что кочевое стойбище, аналогичное стойбищу на Бештереке, может служить типовой моделью кочевого стойбища причерноморских тюрок. Прототип такого кочевья описал Аммиан Марцеллин: "Придя на изобильное травою место, они (гунны) располагают в виде круга свои кибитки..." [177, с. 337–341]. Тюркское название стойбища – курень – впервые привел Рашид ад-Дин в XIII в. [178]. Оно сохранилось в организации общества степняков Крыма и Северного Причерноморья до XIX в.

Стойбища куренного типа, отличающиеся небольшими размерами, характерны для кочевников предсалтовского и салтовского периодов. Их остатки обнаружены на Среднем Дону И.И.Ляпушкиным [42, с. 149–150], в пойме Белой Калитвы С.А.Плетневой [35, с. 13–18], на Нижнем Дону и в Северном Приазовье А.В.Гадло [49, с. 61–75]. Мы вправе усматривать в крымских куренях VII в. прообраз поселения полукочевого и раннеоседлого типа. Переход к новым типам поселений, характеризовавшихся большей, чем курень, степенью оседлости, сопровождался прежде всего изменением характера общей планировки и жилищ. На смену легкой каркасной юрте, крытой лубом или кошмой, приходит более капитальная полуземлянка и наземная постройка с каменными и саманными стенами. При этом, как показывают материалы из Саркела, новые типы жилищ на начальном этапе вполне могли сосуществовать с юртами [179, с. 127, рис. 58]. На раннем этапе оседлости сохраняются и некоторые черты социальной организации куреня, а в устройстве построек прослеживаются определенные пережитки кочевого уклада. Рассмотрим их.

2. АИЛЫ

Аилы – наиболее характерный тип сельского неукрепленного поселения кочевых и полукочевых народов Евразии в период седентаризации. Памятники переходного от кочевий периода (вторая половина VII – первая половина VIII в.) немногочисленны. Их подавляющее большинство обнаружено в горах и предгорьях Центрального Крыма (см. рис. 1, *69–94*). Однако отдельные селища этого времени известны и в Юго-Западной Таврике – в долине р.Черной, на Бодраке, Каче, Бельбеке и Альме. Наиболее типичным памятником этой группы является поселение в уроч. Тау-Кипчак – единственное

в Юго-Восточной Европе достаточно полно изученное поселение раннетюркского этапа салтово-маяцкой культуры [39, с. 61–62, рис. 4]. Оно обнаружено в 1969 г. при строительстве Балановского водохранилища в верховье р.Зуи. Поселение располагалось в тесной речной долине на склонах невысоких, но крутых и поросших лесом гор, переходящих местами в обширные надпойменные террасы. В 3–4 км выше по течению реки начинаются древние скотопрогонные тропы на яйлы Долгоруковскую и Караби – лучшие горные пастбища этого района.

При строительстве водохранилища в пойме р.Зуи на площади около 100 га был полностью снят дерновый слой, а на площади около 80 га в слое обнажившегося плотного материкового суглинка обнаружены 34 жилые и хозяйственные постройки, а также более 50 хозяйственных ям и многочисленных очагов, находившихся вне жилищ (см. рис. 8). Поселение изучено практически полностью: 14 построек и большинство ям и очагов раскопаны, остальные сооружения фиксировались, обмерялись и ставились на сводный план в ходе их разрушения во время строительства. Наблюдения не проведены лишь на участке 1 га в пойме между землянками № 5 и 28 (см. рис. 8). Однако, исходя из плотности застройки поселения в целом, а также из топографических условий этого участка поймы, можно предполагать, что строителями уничтожено не более трех жилых комплексов.

Постройки Тау-Кипчака располагались пятью "кустами": по одному большому на обоих берегах реки и тремя малыми в верхней части лебовережной поймы. Каждый "куст" состоял из строений, группировавшихся внутри него по два-три вместе. Группы построек отстояли друг от друга внутри "куста" на расстоянии от 10 до 25 см. В "куст" на правом берегу входили девять групп построек (изучены 11 и разрушены при строительстве водохранилища 6 полуземлянок), в большой левобережный "куст" – такое же количество комплексов. В 50 м выше последних по склону находилось скопление из трех групп построек (двухкамерные наземные дома), а ниже по течению реки – еще два "куста" из трех комплексов. Если принять во внимание, что в каждой группе лишь одна постройка имела очаг (т.е. была жилой), то становится очевидным, что в Тау-Кипчаке проживало около 25 семей. В Европе в VIII–IX вв. среднестатистическая семья земледельца состояла из пяти человек [181, с. 167]. Следовательно, количество жителей в Тау-Кипчаке, а по аналогии с ним и на других селищах переходного периода, могло составлять не менее 120 человек. Если учесть поправку на количественный состав семьи кочевников, а промежуток времени между переходом от кочевания к оседлости в Крыму слишком незначителен, чтобы серьезно могли измениться основные демографические показатели, то численность населения Тау-Кипчака можно поднять до 175–200 человек. При этом численность каждой большой семьи составляла приблизительно около 70 человек. Заметим, что эта цифра близка к составу населения куреня кочевых тюрок, обнаруженного нами всего в 5 км к северо-западу от Тау-Кипчака и состоявшего из одной неразделенной семьи.

В Тау-Кипчаке – единственном из поселений второй половины VII – первой половины VIII в. – удалось проследить еще одну особенность планировки, отражающую форму организации семьи. Так, внутри двух больших "кустов" селища среди стандартных по конструктивным особенностям и площади (около 12 м^2) полуземлянок лишь в одной из каждой пары близлежащих построек зафиксирован глинобитный внутренний очаг, а у ее входа во дворе – летняя печь. Вторая постройка в паре очага не имела и использовалась, скорее всего, в качестве хозяйственного помещения. Количество очагов в землянках и их площадь – главные критерии при определении формы семьи. Как принято считать, изолированные небольшие помещения с одним очагом принадлежали малой семье [183, с. 73], а количество жилых комплексов отражает количество брачных пар в коллективе [184, с. 5–15]. При этом следует подчеркнуть, что существование хозяйственных построек капитального типа у каждой малой семьи (они включают и хозяйственные ямы для хранения продуктов питания) свидетельствует об известной экономической самостоятельности такой семьи.

Однако среди типологически и функционально близких построек, принадлежавших парным семьям, в обоих "кустах" выделяется по одной (полуземлянки № 1 и 22), более значительной как по площади, так и по составу археологического материала жилой полуземлянке с печью. Площадь полуземлянки № 1 – 27,2 м^2, а № 22 – 27 м^2, т.е. они практически одинаковы по размерам. При этом только в полуземлянке № 1 в

Тау-Кипчаке отмечен ритуальный очаг для негаснущего огня и обнаружены фрагменты лощенных курильниц, применявшихся, как мы считаем, исключительно в ритуальных целях. Обломки таких же светильников-курильниц обнаружены и на полу полуземлянки № 22. Ни в одной малосемейной полуземлянке подобных находок не было. Эти материалы указывают на более высокое социальное положение обитатетей полуземлянок № 1 и 22, являвшихся не только владельцами самых крупных в поселке жилищ, но и хранителями священного огня. Этнографические параллели этому можно найти в усадьбах осетин Северного Кавказа, где в их центральном доме – хадзаре – находился очаг с негаснущим огнем [185, с. 6–7]. Роль хадзара на Маяцком городище, по мнению Г.А.Афанасьева, выполняла полуземлянка № 4, площадью 27 м^2 [183, с. 75]. Подчеркнем, что размеры последней совпадают с большими домами Тау-Кипчака.

Жилые и хозяйственные сооружения, принадлежащие малым семьям, группировались внутри каждого из "кустов" вокруг полуземлянок № 1 и 22 – центральных в комплексе построек. Такая планировка поселения даже в деталях напоминает селища, спланированные по большесемейному принципу на высокогорном Кавказе в XVIII–XIX вв. Как правило, при такой планировке для главы большого неразделенного семейства (в него входило до 15 женатых сыновей) строили, как и в Тау-Кипчаке, дом значительно больших размеров, а малые семьи занимали небольшие стандартные хижины вокруг дома патриарха [182, с. 459]. Подобное село состояло из двух-трех аналогичных комплексов, члены которых правили каждый своим участком, не повинуясь один другому [182, с. 397]. Такую же структуру сел Абхазии отмечал в XVII в. и Аркадий Ламберти [186, с. 188–189]. У осетин в горных районах Северного Кавказа большие семьи группировались вокруг башни-донжона, а весь "куст" жилых и хозяйственных построек одной большой семьи обносился каменной оградой [187, с. 132–134]. Количество малых семей внутри такой усадьбы достигало десяти и более. Сходную большесемейную планировку имели и горные аулы абазин в бассейнах Кубани и Кумы [188, с. 5–6].

Немало поселений с большесемейным членением территории можно назвать и помимо Кавказа. Довольно широко они распространены на Балканах и в Болгарии [189, с. 266–267], а также на некоторых средневековых поселениях Восточной и Центральной Европы. Примером может служить планировка некоторых славянских поселений середины и второй половины I тыс. н.э. Так, кустовое расположение жилищ характерно для Райковецкого и Пеньковского поселений [190, с. 293; 191, с. 155–156], а также для селища пеньковского типа Макаров Остров [192, с. 34–35]. Близки по планировке и родственные Тау-Кипчаку поселения культуры Дриду в Румынии [193, pl. 1] и балкано-дунайской культуры в Молдавии [194].

Если принять большесемейный принцип за основу планировки Тау-Кипчака, то вполне объяснимо появление трех малых "кустов" на левом берегу Зуи. Как показывают многочисленные этнографические параллели, из большой семьи, в которой число малых семей превышает традиционную норму, нередко выделяется несколько "лишних". Они становятся самостоятельными в экономическом и общественном отношениях [182, с. 403–404]. Как правило, в составе одной большой семьи было два поколения: старшее представлено одной парой – отцом и матерью, с которыми жили все женатые сыновья. После женитьбы внука выделялась новая самостоятельная семья [183, с. 80]. Этот процесс искусственного ограничения численности больших семей имеет чисто экономические причины и присущ как кочевникам на первом этапе седентаризации, так и оседлому населению.

Итак, в планировке поселения Тау-Кипчак нашел отражение, как мы полагаем, патриархально-родовой уклад раннетюркского общества на стадии его разложения. Такие планометрические характеристики имеют и другие крымские поселения второго этапа салтовской культуры (например, поселения у с. Меловое, где постройки группировались в 30–50 м одна от другой, или синхронного Тау-Кипчаку поселения на плато Кыз-Кермен, где расстояние между комплексами еще больше).

В итоге раскопок Тау-Кипчака уточнена существующая классификация салтовских жилищ и хозяйственных сооружений. Напомним, что жилища этого селища располагались пятью "кустами" на обоих берегах Зуи. Здесь были открыты 24 полуземлянки и 10 наземных построек с каменными стенами, т.е. полуземлянки составляли около 70 % от общего числа построек. Они обнаружены исключительно в больших "кустах"

поселения, возникающих во второй половине VII в. Наземные постройки известны лишь в малых "кустах" на левом берегу реки. Уже топография разнотипных построек наводит на мысль об их разновременности, что и подтверждают стратиграфические наблюдения в долине.

В процессе углубления чаши водохранилища и при проведении дренажных работ в пойме реки изучено несколько десятков разрезов в траншеях и бортах котлована. Они достигали в длину 1,5–2,0 км при глубине до 0,8 м. Обнажения грунта позволили произвести анализ культурных отложений на водосборной площади р.Зуи между гротом Кият-Коба и современным пос. Балаково. Одновременно специалистами-геоморфологами и геологами изучались коррелятивные отложения денотированных террас в устье балки между двумя левобережными "кустами" поселения и аллювиальные отложения в пойме реки*.

В срезах грунта наряду с многочисленными прослойками гальки, песка, дресвы и суглинка зафиксированы два различных по цвету слоя: нижний горно-лесной бурой почвы и, выше него, темный гумусированный лугово-черноземной почвы, образовавшийся после вырубки леса. Оба слоя отмечены во всех без исключения траншеях, а наличие в них археологического материала и органических остатков позволяет установить время их появления.

Судя по стратиграфии, лес в Тау-Кипчаке был вырублен на левом берегу и правобережье в разное время. Сначала на правом берегу вырубили узкую полосу вдоль берега. Землянки и многочисленные хозяйственные ямы поселения кизил-кобинской культуры (IX–VI вв. до н.э.) были впущены в слой горно-лесной почвы. При этом расстояние между уровнем дневной поверхности IX–VI вв. до н.э. и нижней границей слоя лугово-черноземной почвы столь незначительно, что можно говорить о ликвидации леса на правом берегу уже в начале I тыс. до н.э. После кизил-кобинцев на этом же месте были землянки и хозяйственные ямы поселения IV–III вв. до н.э. и катакомбный некрополь первых веков н.э.

На левом берегу наблюдается аналогичная картина смены типов почвы с той лишь разницей, что в целом появление слоя лугово-черноземной почвы можно отнести лишь ко второй половине VII в. н.э. и связать вырубку леса с хозяйственной и строительной деятельностью салтовцев.

Геоморфологические изменения в пойме р.Зуи позволяют произвести внутреннюю периодизацию поселения Тау-Кипчак. Наиболее древние салтовские постройки находились на правом берегу, где лес вырубили задолго до появления тюрок. Как уже отмечалось, первые кочевники осели здесь около середины VII в., постройки большого левобережного "куста" возникли несколько позднее, но, судя по их хронологии, в той же половине столетия, что и постройки левобережного. Три остальных левобережных "куста" появляются не ранее начала VIII в. (см. рис. 11). Таким образом, исходя из стратиграфии, общей планировки и хронологии отдельных жилищ, можно утверждать, что первоначально в уроч. Тау-Кипчак осела одна большая семья, состоявшая из девяти моногамных семей общей численностью около 70 человек. Вероятнее всего, на начальном этапе оседания здесь оказался один кочевой курень. В той же половине VII в. в урочище оседает и второе, скорее всего, кровнородственное объединение, вынужденное ввиду отсутствия свободной земли начать свою деятельность с вырубки леса в нижней части поймы. По численности оно равнялось первому. Формирование поселка в целом завершилось к концу VII в., когда в результате большого пожара, связанного с каким-то военным нападением, были сожжены, а затем полностью восстановлены полуземлянки обоих больших "кустов". Следовательно, в VII в. население поселка составляло около 140 человек. На этом этапе, судя по отнотипным временным жилищам, поселение носило полукочевой характер. Подобные селища С.А.Плетнева определяет как поселения начального типа, характерные для перехода от кочевой формы хозяйства к оседлой [35, с. 19–22].

Дальнейший рост Тау-Кипчака и образование трех новых "кустов" построек связан с естественным воспроизводством населения и сегментацией первоначальных больших

---

* Геоморфологические исследования провели В.Д.Подгородецкий и В.М.Душевский, геологические исследования и датирование органических остатков в слоях и закрытых комплексах – Л.В.Фирсов.

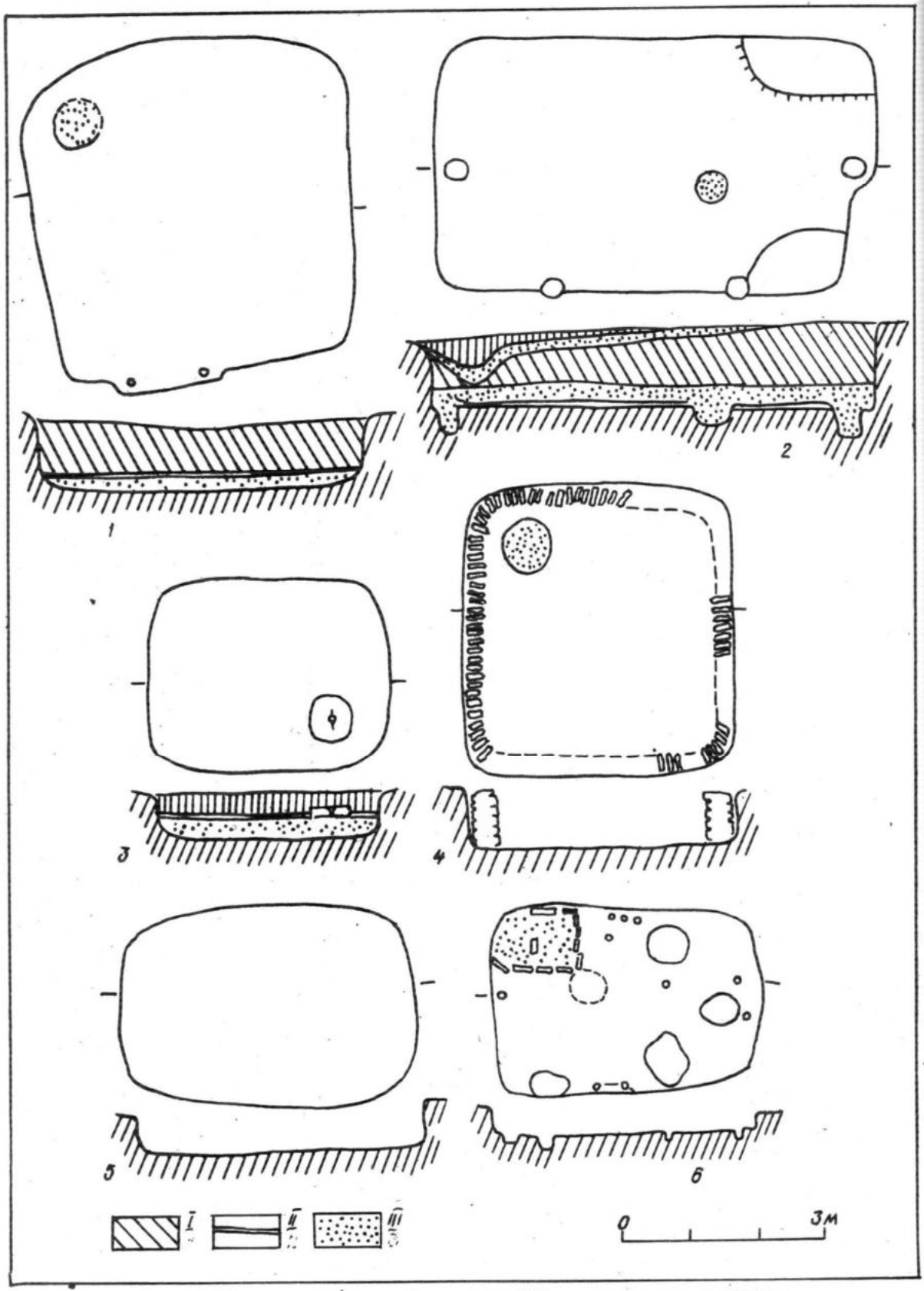


Рис. 12. Полуземлянки второй половины VII – первой половины VIII в.
I – заполнение полуземлянок после разрушения, II – слой углей и гари – следы пожара, III – слой пепла и золы.
1–5 – постройки поселения Тау-Кипчак; *6* – полуземлянка поселения Героевское.

семей. Предложенная хронология амфор и столовой византийской посуды, а также идентичность ремесленных клейм на днищах салтовских кухонных горшков из верхних слоев жилых и хозяйственных комплексов позволяют говорить, что обнаруженные в Тау-Кипчаке жилища сосуществовали в VIII в. на последнем этапе жизни поселения и погибли в результате какого-то военного разгрома одновременно. Это дает

основание предполагать, что население Тау-Кипчак менее чем за столетие выросло со 140 до 200 человек, т.е. его естественное воспроизводство составило 30 %. Эта цифра близка среднестатическому приросту населения в средневековой Европе, составлявшему 29 % [196–197, с. 414]. Демографические расчеты численности больших семей Тау-Кипчака подтверждаются археологически и этнографически. Так, из того же количества парных семей состояла большая семья восточных славян в эпоху Киевской Руси [198, с. 11], а также синхронного Тау-Кипчаку Маяцкого городища [183, с. 74]. Небольшие по численности патронимии характерны и для кочевников: семья енисейских эвенков в XVII–XVIII вв., а также семьи кочевых тунгусов и монголов состояли из 10–12 парных семей, входивших в кочевое стойбище [199, с. 54–55; 200, с. 110; 201, с. 17]. Количество членов семей кочевников для тех же районов Азии определяется в семь человек [202, с. 84].

Внутренняя периодизация Тау-Кипчака дает возможность создать типологию его построек.

На правом берегу Зуи располагался "куст" наиболее ранних сооружений: здесь обнаружены и частично раскопаны постройки исключительно одного типа – бесстолбовые полуземлянки (рис. 12, *3–5*). Они, как отмечено выше, группировались по две вместе, при этом тарелкообразный очаг сооружался только в одной из них, предназначенной для жилья. Определенная взаимосвязь между назначением постройки и наличием или отсутствием очага подтверждается и составом археологического материала. В домах с очагами обнаружено подавляющее большинство столовой и кухонной посуды, пряслица, куранты для растирки пряностей, железные ножи, украшения и т.п., в то время как в безочаговых постройках найдены исключительно керамическая тара, жернова, зернотерки, каменные ступы для проса, запасы продовольствия, хозяйственный инвентарь. Близ каждого жилища обнаружены летние очаги кострового типа, а также по две-три хозяйственные ямы для зерна и погребки для хранения молочных и мясных продуктов. Так, в яме № 5 в пифосе находились кости коровы – запас солонины, а в ребке № 25 в большом салтовском горшке, накрытом крышкой – просяная каша. Все хозяйственные ямы конусообразной или концентрической формы. Они впущены в плотный суглинок, который на дне и бортах затирался мокрой травой.

Стандартны и полуземлянки правобережного "куста". Они подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами и входом, обращенным в сторону реки. Размеры построек 3,5 х 3,0 м или 4,0 х 3,0 м при глубине до 1,0 м. За исключением полуземлянки № 15 с тонкой неконструктивной обкладкой бортов котлована, сложенной в один камень насухо "в елку" (рис. 12, *4*), остальные постройки на правом берегу Зуи возведены без каких-либо стен. Последнее позволяет предполагать, что они перекрывались многоскатной крышей, опиравшейся либо непосредственно на грунт, либо на невысокую жердевую или плетневую стенку, обмазанную глиной. Это тем более вероятно, что во всех раскопанных полуземлянках обнаружены скопления глины и истлевшего дерева. Такая конструкция крыши сближает полуземлянки Тау-Кипчака с чумами полукочевых тюрок (рис. 13). Н.Харузин отмечал, что при переходе кочевников к новым типам жилищ, связанных с оседлым образом жизни, еще долго бытовал традиционный тип постройки и ее основные конструкции [203, с. 54–55].

Из общего числа построек правобережного "куста" выделяется полуземлянка № 22, размерами 5,4 х 5,0 х 1,0 м (рис. 12, *1*). В ее борту, обращенному к реке, была сделана метровая врезка для крепления столбов в основании деревянной лестницы и откосов двери. Полуземлянка, принадлежавшая главе большой семьи, вряд ли могла быть перекрыта шатровой крышей, как остальные постройки этого "куста". Вероятнее всего, крыша была двускатной с щипцом.

Строительство домов большого левобережного "куста" начиналось с вырубки леса: землянки и хозяйственные ямы впущены в слой горно-лесной почвы и в отличие от правого берега тип почвы изменился здесь не в эпоху раннего железа, а во второй половине VII–VIII в. Стратиграфические материалы указывают на более поздний по сравнению с правым берегом строительный период. Однако, судя по хронологии комплексов (см. гл. I), постройки обоих больших "кустов" сосуществуют во второй половине VII в. Почти не различимы они и в строительном отношении: на левом берегу обнаружены такие же полуземлянки, как и на правом. Исключение составляет лишь большая полуземлянка № 1 (рис. 12, *2*). Ее размеры 6,8 х 4,0 х 1,7 м. По площади она

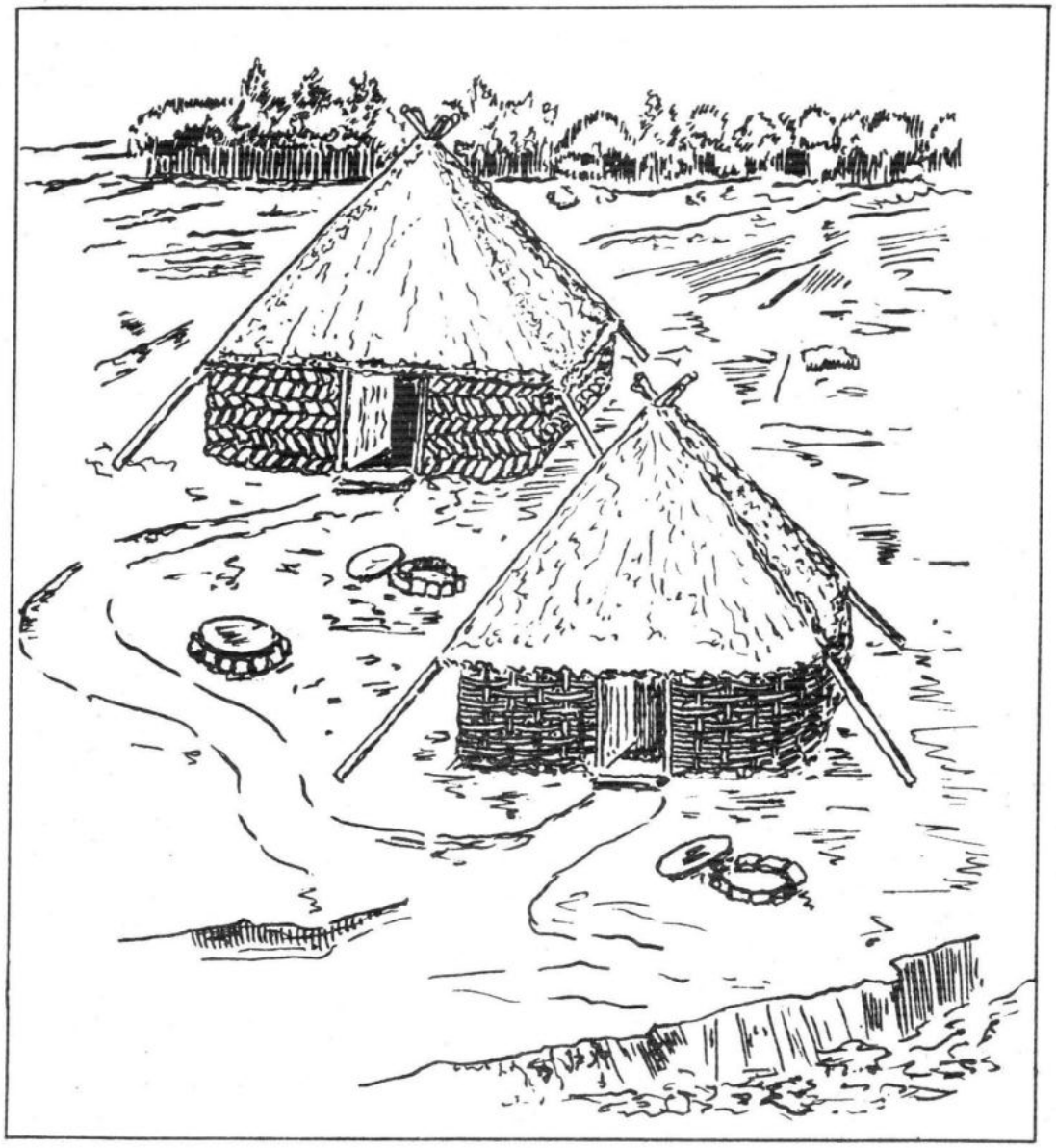


Рис. 13. Поселение Тау-Кипчак (полуземлянки № 25, 26) на правом берегу р.Зуи. Реконструкция хозяйственного комплекса

равна правобережной полуземлянке № 22. Внутри ее зачищены основания четырех столбов, поддерживавших конструкцию крыши и крыльца, развалы камня и сырцовых кирпичей от выкладки стен выше котлована полуземлянки, а также нижняя часть топки печи-каменки в северо-восточном углу у входа, полусферическая яма с сильно прожженными краями и дном для постоянного огня и основание вырубленной в материковой глине лежанки в северо-западном углу постройки. Эти данные позволяют реконструировать жилища (рис. 14).

Четырехстолбовая конструкция убеждает нас, что крыша полуземлянки № 1 была двускатной. Скат, обращенный к косогору, опирался непосредственно на землю, а противоположный поддерживали два столба и каменная стена, остатки которой обрушились при пожаре. Конек крыши, остатки обгорелой балки которого были зачищены на полу жилища при раскопках, опирался на два других столба, установленных по оси постройки. Наличие в заполнении полуземлянки большого количества глины позволяет предполагать, что ее крыша была обмазана глиной. Такой прием сохранился в домостроительстве горных деревень Крыма до XIX – начала XX в. М.И.Дубровский, описывая позднетюркские дома северных склонов крымских яйл, подчеркивает двускатный характер крыш, поверх стропил которых настилаются расколотые пополам и грубо отесанные бревна, обмазанные сверху толстым слоем навоза [204, с. 5]. Последний использовался в домостроительстве тюрок в качестве хорошего утеплителя. Над входом в полуземлянку № 1, вероятнее всего, по аналогии с жилищами тюрок Сибири и

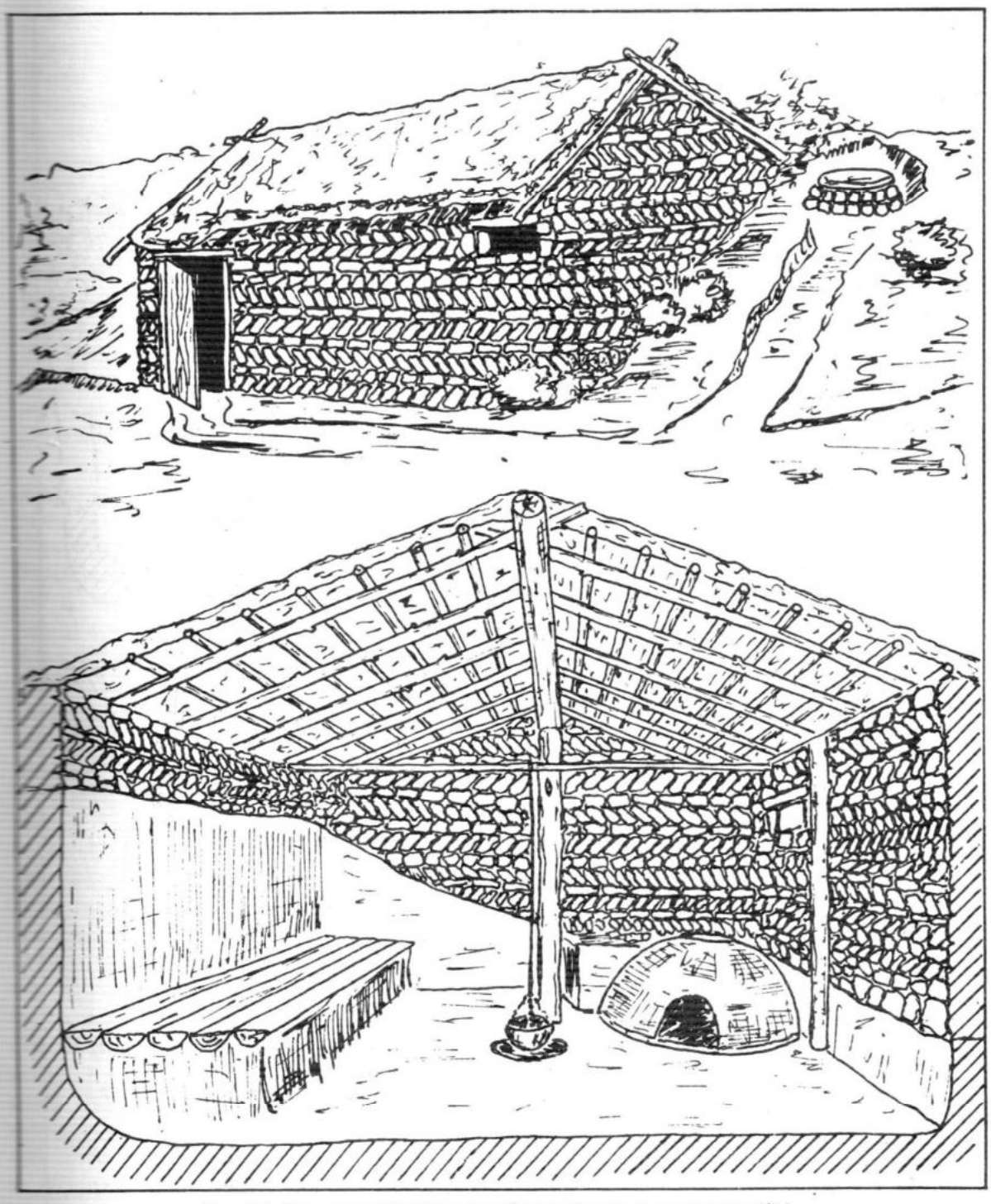


Рис. 14. Поселение Тау-Кипчак. Реконструкция землянки № 1.

Приуралья, был сооружен навес-козырек, предохранявший дверь от дождя и снега [203, с. 63, рис. 11].

Археологические материалы позволяют восстановить и интерьер полуземлянки № 1. В северо-западном углу жилища напротив печи на высоте 0,5 м от пола возвышалась лежанка размерами 2,0 х 1,0 м. Судя по древесной трухе на ее поверхности, она была обложена деревом. Печь по своей конструкции отличалась от других печей этого поселения. Ее под сложен из мелких плиток и обмазан глиной, спекшейся с камнем основания в ходе длительного употребления. Сама печь имела полукруглую форму с круглым подом и узким входом. Трубы в такой печи не было. Ее заменяло небольшое отверстие вверху, которое после прокаливания печи и посадки в нее хлеба или лепешек закрывалось сверху, чтобы держать тепло. Такие печи не характерны для салтовских поселений второй половины VII – первой половины VIII в. Они типичны лишь для византийских построек Южной Таврики и появляются у крымских салтовцев лишь на последнем этапе. Так, остатки аналогичной печи раскопаны нами в 1986 г. в салтовском

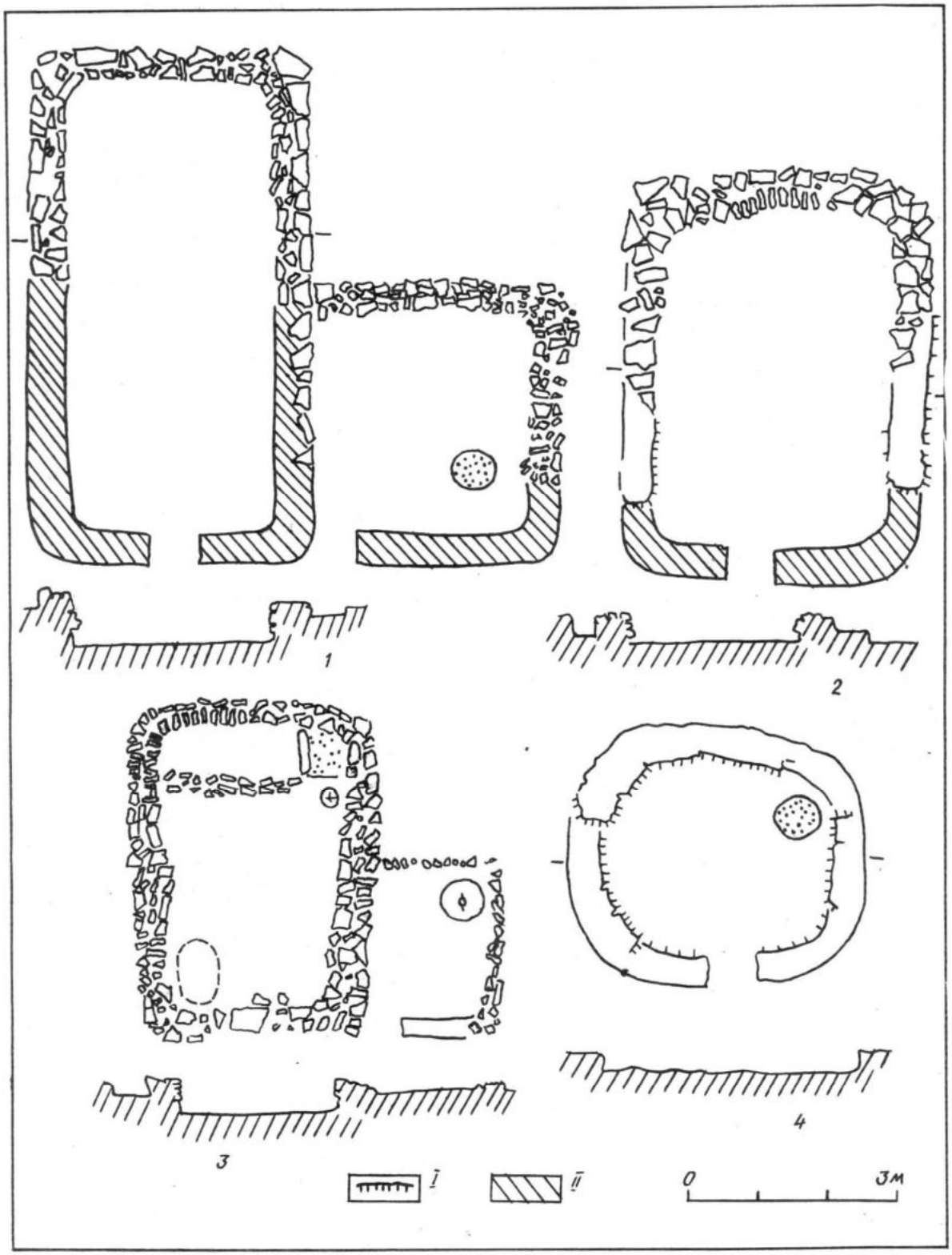


Рис. 15. Наземные постройки второй половины VII – первой половины VIII в.
I – вырубы в скале, II – реконструкция стен.
1, 2, 4 – поселение Тау-Кипчак; *3* – поселение Героевское.

жилище на территории портовой части Судакской крепости, основание другой открыто В.П.Бабенчиковым в доме византийского периода на Тепсене [9, рис. 2]. Такие печи – господствующий тип печей в сельских домах средневековой Таврики – дошли до XIX – начала XX в. почти без конструктивных изменений [204, с. 8].

На той же высоте от уровня реки, что и полуземлянки большого правобережного "куста", на противоположном от них южном борту балки обнаружена третья группа построек из трех совершенно одинаковых наземных сооружений: жилища размерами

3,5 х 3,0 м с очажной ямой в северо-восточном углу и двух хозяйственных построек (рис. 15). Сооружения наземные. Их полы впущены в материк на глубину всего 0,25 м, стены сложены из мелкого плитняка " в елку". По планировке наземные постройки совершенно не отличались от полуземлянок. Общий с полуземлянками и начальный строительный цикл наземного жилища: при его сооружении вначале рыли котлован подпрямоугольной формы. В отличие от полуземлянок глубина его небольшая. По краю котлована внутри домов возводились безфундаментные кладки стен, сохранившиеся на высоту до 0,6 м при ширине 0,5–0,6 м. Не зная простейших приемов каменного строительства, вчерашние кочевники не сумели перевязать углы стен в местах стыков и закруглили их, полностью повторив контур котлована. В заполнении построек почти не обнаружен строительный бут, но зафиксировано большое количество глины. Это приводит к мысли, что каменная кладка имела небольшую высоту и служила фундаментом для стены из сырцовых кирпичей. Такой прием использования камня лишь для цоколей наземных построек и возведения выше цоколя саманных или турлучных стен характерен в VIII–IX вв. для поселений хазаровского Дагестана и салтовского Приазовья [205, с. 150, рис. 58; 36, с. 16].

Четвертый строительный период Тау-Кипчака представлен двумя двухкамерными наземными домами с каменными стенами. "Куст", в который они входили, располагался в самой верхней части склона. Лес был вырублен здесь в последнюю очередь. Строительная техника домов № 2 и 14 почти не отличались от однокамерных построек. Размеры жилого помещения с тарелкообразным очагом приблизительно одинаковы (№ 2 – 3,7 х 4,5 м, № 14 – 3,2 х 4,5 м). Однако хозяйственные помещения, пристроенные к одной из стен жилищ, были бо́льшими, удлиненной в плане формы. Их размеры 5,0 х 2,5 м и 5,2 х 2,2 м. Полы обеих построек, как и в однокамерных домах, находились ниже основания стен на 35–40 см. Внутренняя часть обеих двукамерных построек была заполнена бутовым камнем – развалом стен. Здесь совершенно не отмечена глина, что позволяет предполагать отсутствие саманных или турлучных сооружений в верхней части кладок. Скорее всего дома были полностью сложены из бута.

Постройки, аналогичные тау-кипчакским, обнаружены в синхронных с ним горизонтах Героевки (рис. 12, *6*; 19, *3*), в Пташкино [48, рис. 2], Сюйренее [160, с. 20–25, рис. 1–5] и других поселениях Таврики. Следовательно, они характерны для салтовских поселений Крыма второй половины VII – первой половины VIII в. Приазовские тюрки, придя в Таврику во второй половине VII в., привнесли присущий им тип жилища, не встречавшийся ранее на полуострове: постройку юртообразного типа (как летнюю с легкими стенами, так и впущенный в землю зимник). В Крыму они столкнулись с устоявшейся традицией каменного гражданского зодчества, и дальнейшие изменения в их строительном деле были связаны с влиянием последнего. Уже при сооружении полуземлянки № 1 второго строительного периода салтовцы отступили от традиции, возведя каменные стены и двускатную крышу, а также использовав более удобный тип очага. Еще большее влияние крымско-византийской строительной техники заметно в возведении наземных построек, внешний облик которых отдаленно напоминал сельский дом земледельца Южной Таврики. Однако пережитки земляночного строительства сохранялись до конца существования поселений этой группы. Так, первые наземные дома в деталях повторяли полуземлянку. Сохраняется и характерное для кочевников разделение дома на хозяйственную и жилую половины с отдельными входами, и совершенно отсутствует (типичный для крымско-византийских поселений) огороженный двор с хозяйственными службами. В корне отличались и строительные приемы: именно с приходом салтовцев и исключительно на их поселениях в Таврике получает распространение техника кладки "в елку". В Крым она проникла, вероятнее всего, из Северного Кавказа и Восточного Приазовья – в такой технике возведены цоколи стен трех жилищ на Верхнечирюртовском городище в Дагестане [205, с. 150, 151, рис. 58], большинство салтовских каменных домов Фанагории, Тмутаракани, Петрея и Кеп [206, с. 68, рис. 42, 43; 207, с. 85, рис. 59, 7; 208, с. 143]. Примечателен факт, что в Фанагории В.С.Долгоруков отмечает появление жилища "в елку" с материалом салтовского типа уже в VII в. [209, с. 55–59], т.е. время, когда Фанагория становится ставкой каганов Приазовской Булгарии.

Примитивная строительная техника сохранилась и на поселениях второй половины VIII–X в. Однако по внешнему виду и планировке они более близки к поселениям

провинциально-византийской культуры. На наш взгляд, это явление – следствие прямых контактов тюрок с греко-малоазийским населением, массовая миграция в Крым которого началась в 40–50-е годы VIII в. [29, с. 151–152]. Приток населения с высокоразвитой земледельческой культурой не мог не отразиться на культуре поселений раннесредневековой Таврики.

Салтово-маяцкие поселения второй половины VIII–X в. в Крыму составляли подавляющее большинство. Из 120 поселений 85 относятся к этому периоду, а 14 из них подвергались раскопкам (см. рис. 1). В отличие от поселений первого периода, расположенных в необжитых районах Центральной Таврики, поселения второй половины VIII–X в. появились в прибрежной зоне Восточного и Северо-Западного Крыма, а также близ византийского Херсона. В Сугдее, которая в VII – первой половине VIII в. являлась оплотом Византийской империи в Юго-Восточной Таврике, салтовцы заняли значительную часть порта. Эти районы накануне оседания салтовцев второй миграционной "волны" относительно плотно заселяли аборигенное население и греки-малоазийцы, эмигрировавшие в Таврику до середины VIII в. в связи с иконоборческими гонениями в Византии.

Появление в Таврике салтовцев второго периода хронологически совпадает с уходом части населения (в том числе и салтовцев первого периода) Центрального и Юго-Западного Крыма в районы Главной гряды Крымских гор и возникновением там поселений в пещерах. За последние годы выявлен ряд поселений этого типа на Базмонском хребте [210, с. 21–31], в пещере Туакская на Караби-яйле, в пещерах "Партизанская", Бинь-Баш-Коба и Суук-Коба на Чатырдаге, в гротах у с.Бага, в пещере Ени-Сала III у с.Перевального и др. [29, с. 157–158]. Судя по повсеместным находкам сероглиняной салтовской керамики, украшенной линейно-волнистым орнаментом, близкой по составу к тау-кипчакской, определенную часть населения составляли салтовцы первого периода. Особенно четко это прослеживается в пещерном поселении на горе Базман, где вся без исключения кухонная посуда нижнего горизонта пещеры салтово-маяцкая. Наличие в базманских пещерах относительно мощного культурного слоя, достигавшего местами 1,0 м, а также находки в нем орудий труда, жерновов и многочисленных костей животных могут свидетельствовать, что пещеры в VIII в. были не кратковременным убежищем, а местом длительного проживания значительной по численности группы населения.

Большая часть поселений тюркского этапа салтово-маяцкой культуры второй половины VII – первой половины VIII в., вероятнее всего, уничтожена при вторжении на полуостров войск Хазарского каганата, главную ударную силу которых, в свою очередь, составляли носители салтово-маяцкой культуры. На это указывает хронологическое совпадение между появлением последних в Таврике и повсеместными пожарами и разрушениями на поселениях типа Тау-Кипчак, многие из которых так и не поднялись из пепла. На развалинах некоторых других (например, Героевском) возникают поселения салтовцев второй миграционной "волны", пришедших на полуостров в составе хазарских войск. Помимо родственных поселений первой миграционной "волны", при вторжении новой группы салтовцев в VIII в. пострадали и византийские поселения, возникшие в досалтовскую эпоху. В Сугдее, на Тепсене, Кордон-Обе, Загайтанском поселении, Тиритаке, поселении на мысе Ай-Фока и других салтовские постройки VIII–X вв. перекрыли руины сожженных ими же византийских поселений, использовав в ряде случаев фундаменты более ранних построек при сооружении своих домов. Это дом-пятистенок на Тиритаке, раскопанный в 1935 г., постройки нижнего слоя поселения Тепсень, в том числе большой тепсеньский храм, жилые дома досалтовского горизонта поселения и укрепления Кордон-Оба, среди них и храм этого поселения, усадьба VI–VIII вв. на поселении под Загайтанской скалой, перестроенная салтовцами во второй половине VIII в., и др. [12, рис. 49; 9, с. 96–109, рис. 2–4; 211, с. 4–15].

Наиболее яркую картину единовременной гибели византийских поселений дает разведка, проведенная нами в Отузской и Коктебельской долинах. Здесь обнаружены 15 византийских поселений, возникших в иконоборческую эпоху в первой половине VIII в. и погибших в результате разгрома, практически одновременно в VIII в. Культурный облик этих поселений характеризует разбросанная планировка, большие каменные дома, сложенные с применением известкового раствора, черепичные крыши и тонкостенная столовая и кухонная посуда, изготовленная на ножном гончарном круге. На них

полностью отсутствовала керамика салтово-маяцкого типа, украшенная линейно-волнистым орнаментом. Как в Коктебельской, так и в Отузской долинах поселения тяготели к небольшим укреплениям (вероятно, укрепленным монастырям): Тепсеньскому с оборонительной стеной толщиной более 2,0 м, пристроенной к абсиде трехнефной базилики, использовавшейся также в системе обороны [9, рис. 4], а также к укреплению на вершине холма Кордон-Оба с такой же оборонительной стеной [212, с. 2–15]. После разгрома салтовцами побережья около середины VIII в. византийские укрепления и поселения в обоих долинах не восстанавливались прежними хозяевами. Их жители были частично уничтожены салтовцами во время вторжения войск Хазарского каганата, а оставшиеся в живых ушли, вероятнее всего, в горы или на запад по побережью в этнически и культурно родственную Готию или в Сугдею, где, несмотря на разгром, продолжалась консолидация христианского населения и возник новый центр православия в Таврике – Сугдейская епархия. Возможно, именно с их приходом связано усиление византийского строительства VIII–IX вв. на окраинах Судакской долины [213, с. 147; 214, с. 53–54] и появление новых поселений того же времени высоко в горах на южных отрогах Караби-яйлы (например, поселение Молбай близ с.Приветное, поселение в устье р.Ворон близ с.Морское, поселение и гончарный центр VIII–IX вв. у с.Лесное и др.). Так или иначе, в VIII в. полностью исчезли поселения византийского типа в районе горы Карадаг. Собственно Отузская и Коктебельская долины приходят в запустение. Население Отузской долины, насчитывавшее в момент появления салтовцев второй миграционной "волны" по самым минимальным подсчетам более 2 тыс. человек*, в IX–X вв. сократилось до размеров одного протоболгарского аила, т.е. почти в 10 раз. В этот период в Отузской долине функционировало лишь селище на холме Кордон-Оба. По одному аилу в этот период возникло и в не менее заселенных в предшествующий период горной долине к западу от с.Щебетовки и в Козской долине. Все они были разбиты на руинах византийских усадеб.

Несмотря на многочисленность салтовских памятников последнего исторического периода, планиметрические особенности их поселений изучены несколько хуже, чем на поселениях второй половины VII – первой половины VIII в. Это отразилось и на состоянии изучения салтово-маяцкого общества второй половины VIII–X в. На всех поселениях этой группы, подвергавшихся раскопкам, изучались лишь отдельные комплексы, материалы которых позволяют выяснить лишь хронологию поселений, их периодизацию и конструктивные особенности построек.

В аилах салтовского периода раскопано около 80 жилых и хозяйственных построек и пять христианских храмов. Жилища можно разделить на четыре типа: полуземлянки, однокамерные наземные дома с каменными стенами, дома-пятистенки и усадьбы с огороженными дворами и хозяйственными службами.

Полуземлянки второй половины VIII в. раскопаны нами в котловане глиняного карьера близ Щебетовского водохранилища в 1975 г., у подножья холма Кордон-Оба в 1976 г. и на западном склоне мыса Ай-Фока близ с.Морское в 1986 г. Щебетовская полуземлянка сильно разрушена карьером и ее планировка неясна. Лучше сохранились полуземлянки двух других поселений.

Полуземлянка поселения Кордон-Оба обнаружена у подножия холма близ древней дороги, которая вела от бухты в долину. Она перекрывала развалины византийского каменного дома первой половины VIII в. На полу последнего четко прослеживается мощный слой углей и гари – свидетельство сильного пожара, в котором обнаружена верхняя часть красноглиняной амфоры с линейно-волнистой росписью белой краской, аналогичная амфоре из гончарной печи у Радиогорки [143, рис. 4]. Полуземлянка подпрямоугольной формы, размерами 2,2 х 2,2 м при глубине котлована 1,0 м. Ее борта и пол носят следы подмазки и утрамбовывания. Капитального очага в постройке не имелось, однако в центре ее стояла круглая жаровня с невысоким бортиком диаметром 0,7 м, что позволяет считать полуземлянку жилой. Она была заброшена жителями задолго до прекращения жизни на поселении Кордон-Оба и длительное время использовалась в качестве мусорной ямы.

---

* Исходя из численности среднего провинциально-византийского поселения в Крыму приблизительно в 500 человек. За модель взято поселение VIII–XV вв. на западном склоне Аю-Даг.

На поселении Ай-Фока полуземлянки обнаружены на вершине плоского невысокого холма над р.Ворон. Все четыре постройки выявлены в борту котлована, восточный борт у них был срезан. Полуземлянки однотипны – это бесстолбовые сооружения с подмазанными глиной полами и тарелкообразными очагами в углах. Их размеры (без восточного борта) : № 1 – 3,4 х 2,8 х 0,6 м, № 2 – 2,3 х 2,0 х 0,7 м, № 3 – 2,8 х 2,0 х 0,5–0,6 м. Борта четвертой землянки расплылись в сланце и четких контуров котлована проследить не удалось; выявлены лишь остатки пола и тарелкообразный очаг. Около каждой полуземлянки находилась зерновая яма, а рядом с четвертой постройкой в землю были закопаны не менее двух крупных красноглиняных реберчатых пифосов, горловины которых срезаны при планировочных работах. На полах полуземлянок археологический материал не обнаружен. Лишь в северо-западном углу полуземлянки № 1 находился разбитый лепной горшок с остатками винограда, а в полуземлянке № 2 –,какой-то деревянный сосуд (скорее всего блюдо) с остатками рыбьей чешуи. Все четыре постройки, очевидно, как и на Кордон-Обе, были заброшены жителями и превращены в свалки, а этот участок несколько позднее использовался в качестве могильника этого же поселения.

По размерам и планировке полуземлянки Кордон-Обы и Ай-Фоки принципиально не отличаются от аналогичных сооружений Тау-Кипчака и нижнего слоя Героевки. Можно предположить, что кочевники и этого периода вновь привнесли в Таврику присущий им тип постройки, т.е. исходные типы жилищ у салтовцев обеих хронологических групп были одинаковыми. По одному пути шло и развитие жилища. Различие между аилами второй половины VII – первой половины VIII в. и второй половины VIII–X в. заключалось в более быстром прогрессе тюрок второй группы. Чтобы перейти к новым типам жилья, им потребовалось гораздо меньше времени. Напомним, что на поселениях первого периода переход занял около столетия, причем в Тау-Кипчаке полуземлянки продолжали бытовать наряду с домами других типов на последнем этапе жизни поселения. Землянки Щебетовки, Кордон-Обы и Ай-Фоки были заброшены в том же веке V–VIII – и превращены в свалки и зольники.

В IX в. на смену полуземлянкам пришли однокамерные наземные дома с каменными стенами, сложенными насухо "в елку" без перевязи углов. Стратиграфически мы их отнесли ко второму строительному периоду. Два однокамерных дома раскопаны на Кордон-Обе (рис. 16, *3*), два – на Тепсене (рис. 16, *4*), два в верхнем слое Героевки, два – на Мирмекии (рис. 16, *3*) и три – на Бакле [39, с. 66, рис. 8, *1*; 9, *1*; 21, рис. 14; 47, с. 162–163, рис. 2, IX; 215, рис. 81, Г, Д; 216, рис. 19]. Тепсеньский дом по размерам (3,5 х 2,5 м) близок к однокамерным жилищам Тау-Кипчака, однако отличается от них наличием печи-каменки и более правильной планировкой. Аналогичные печи большой теплоемкости и экономичности имели и другие жилища Тепсеня, а также большинство поселений второго периода. Совпадают и их конструктивные особенности. Наиболее близки византийским однокамерные дома Кордон-Обы. Размеры наиболее хорошо сохранившегося дома 8,1 х 5,1 м (рис. 16, *3*). Дверные откосы сложены из хорошо подогнанных плит песчанника, сохранились упоры для крепления деревянной коробки двери, которая была навешена при помощи кованых железных петель с декоративными накладками и заклепками. Совершенно аналогичные петли имели дома верхнего горизонта Тепсеня и синхронного ему салтовского поселения Маяки на Среднем Дону [145, рис. 12, *3, 4*; 142, рис. 33, *3, 4, 6*]. Перед входом лежала массивная плита порога, а рядом с дверью находилось застекленное окно, толстые зеленые стекла которого были найдены под юго-восточной стеной на полу дома. Судя по обнаруженной коньковой балке, крыша дома была двускатной. Все эти признаки характерны и для домов провинциально-византийской культуры в Крыму. Однако сходство между салтово-маяцкими и византийскими домами Таврики на этом и кончается. В отличие от византийских построек, стены которых, как правило, сложены из бута на известковом растворе с наполнителем из песка или глине, дома Кордон-Обы и других салтовских поселений второй половины VIII–X в. возводились насухо "в елку" (рис. 17). Отсутствовала и обязательная для провинциально-византийских построек перевязь углов: стены всех салтово-маяцких построек Таврики пристроены одна к другой без перевязи, а в домах Баклы и Мирмекия стены закруглены (рис. 16, *1, 3*). Как и в постройках поселений первого периода, полы домов второго периода были впущены в грунт и находились на 0,2–0,3 м ниже основания стен. Так, в упомянутый дом на посе-

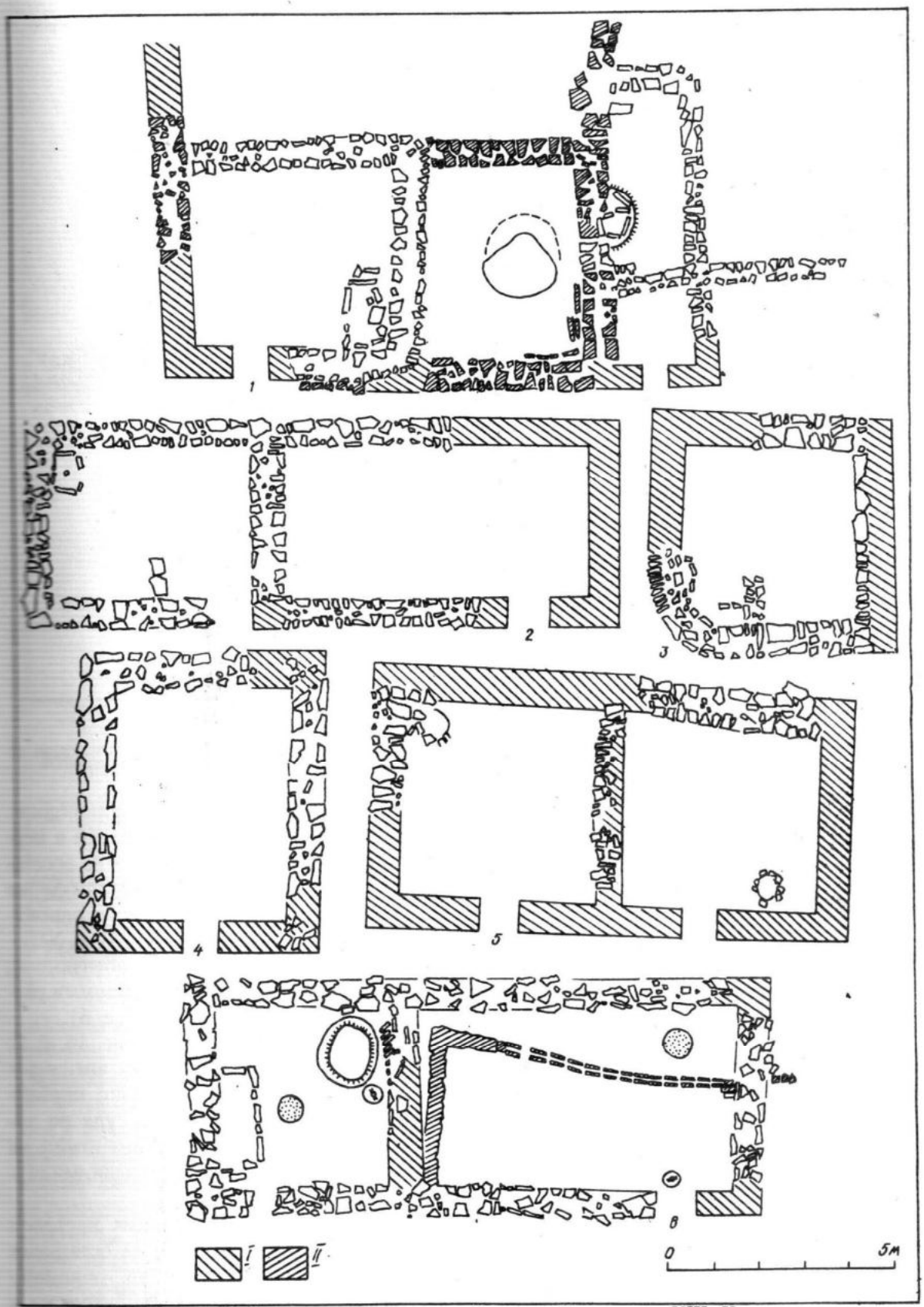


Рис. 16. Салтово-маяцкие постройки второй половины VIII–X в.
I – реконструируемые кладки, II – кладки стен предшествующего строительного периода, использованные салтовцами.
1 – Тиритака, дом 1935 г.; *2, 4, 6,* – Тепсень; *3* – Мирмекий, *5* – Алексеевка.

лении Кордон-Оба вела лестница из одной ступени, а в жилище на Баклинском городище – лестница из трех каменных ступеней [216, с. 61]. Кочевнические пережитки заметны и в конструкции очагов некоторых поселений второго периода: все дома Кордон-Обы имели лишь очажную яму, над которой навешивался котел для приготовления пищи. На этом поселении печи-каменки так и не нашли применения.

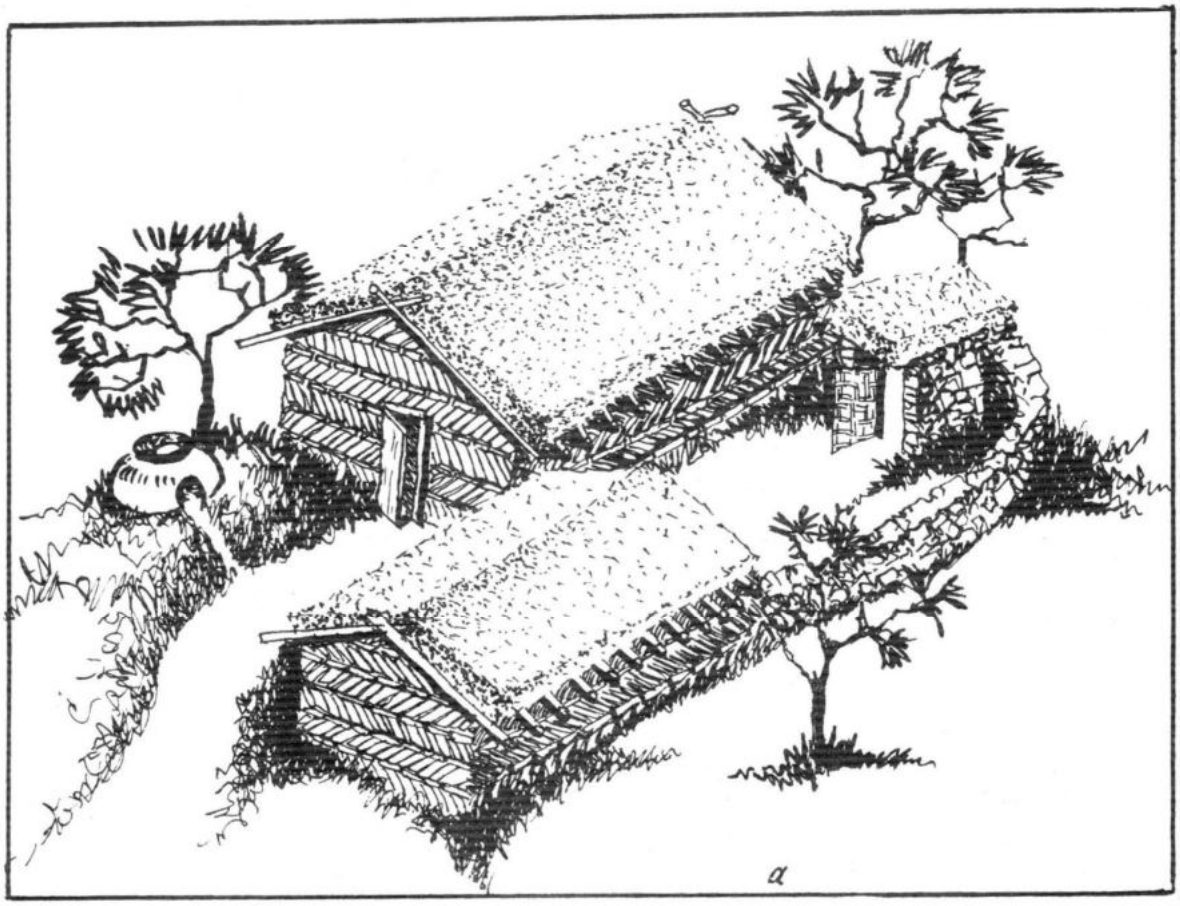


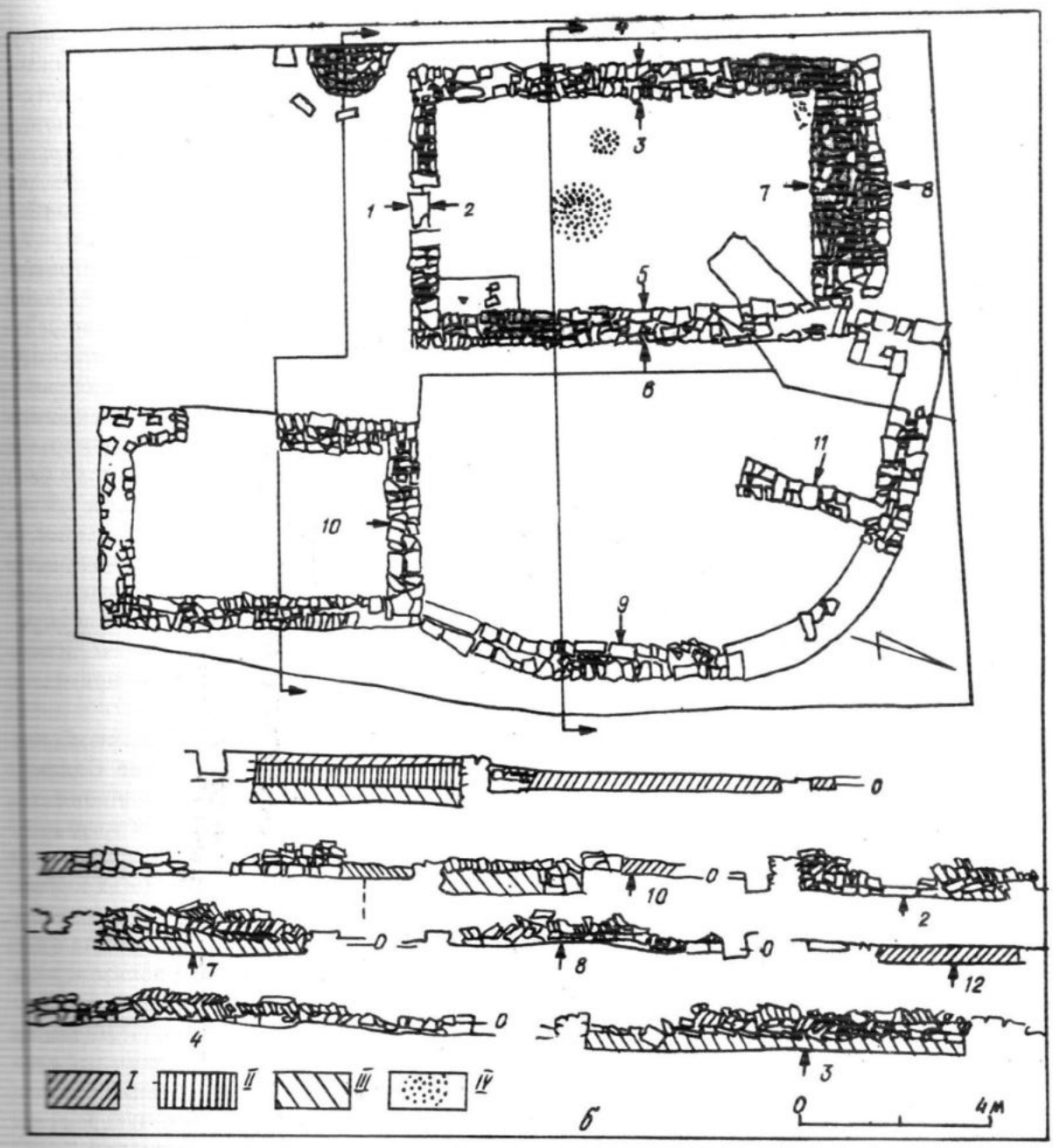
Рис. 17. Усадьба второй половины VIII–X в. на холме Кордон-Оба (а).
I – дерновый слой; II – гумусированное заполнение внутренней части постройки; III – глина от саманных стен и крыши дома I строительного периода; IV – угли, пепел и зола (б).

Однокамерные дома второго типа существовали относительно короткий срок. Жилище у развалин византийского храма Кордон-Обы после очередного пожара в первой половине IX в.* было разобрано до основания, а другая постройка после восстановления включена в состав жилого помещения усадьбы № 1 (рис. 17). Таким же образом реконструировано упомянутое выше помещение "в елку" на Бакле: однокамерный дом перестроен в двухкамерный и в таком виде просуществовал до XIII–XIV вв. [216, с. 60–62]. Однокамерный дом на Тепсене, по данным В.П.Бабенчикова, был заброшен еще раньше, чем кордон-обинский, – на его полу найдены обломки расписных ойнохой VIII в. и три бронзовые арабские монеты того времени [217, с. 6].

Однокамерные дома полностью вытесняются домами-пятистенками (рис. 16, *1, 2, 5, 6*) и усадьбами с огороженными дворами (рис. 17), которые по своему внешнему облику и функциональному назначению хозяйственных служб максимально приблизились к домам провинциально-византийского типа. Оба типа построек, судя по повсеместным находкам в них высокогорлых кувшинов и белоглиняных византийских поливных сосудов, появляются во второй половине IX в. и исчезают с последними салтовцами и хазарами в X в.

Дома-пятистенки – наиболее многочисленная группа салтово-маяцких построек второй половины IX–X в. За исключением Кордон-Обы, они известны на остальных поселениях этого времени, подвергнутых раскопкам и достаточно подробно описанны В.Ф. Гайдукевичем, Д.Б.Шеловым, А.В.Гадло и др. [49, с. 74]. Они прямоугольны в плане и почти совпадают по размерам. Так, дом-пятистенка, раскопанный нами в порту Судакской крепости в 1985–1986 гг. состоял из двух изолированных помещений с отдельными входами в западной стене. Его стены сложены из мелкого плитняка и крупной плоской гальки насухо "в елку" и сохранились на высоту более 2,0 м. Общие

* В слое пожара обнаружены бляшки от салтовского пояса сердцевидной формы, датируемые второй половиной VIII – первой половиной IX в., и высокогорлые кувшины с фрагментом белоглиняного блюда второй половины IX–X в, т.е. предметы могли существовать вместе лишь около середины IX в.



размеры постройки 12,5 х 7,5 м. Жилое помещение площадью около 30 м^2 имело глинобитный пол и печь-каменку, вымощенное плиткой квадратное основание которой раскопано в юго-восточном углу. Хозяйственное помещение дома площадью около 36 м^2 отделялось от жилой части капитальной каменной стеной. Его пол подмазан глиной и сильно утрамбован. Вдоль восточной стены располагался каменный ларь для хранения зерна, а у северной стены по венчик в глину материка был вкопан крупный красноглиняный гладкостенный пифос, накрытый круглой каменной крышкой. В центре помещения зачищено плитовое основание круглой в плане жаровни, сооруженной из обломков черепицы и плиток сланца. Жаровня, скорее всего, использовалась для обогрева молодняка зимой. Огороженного двора постройка не имела. Полы этого дома были впущены на 0,2 м в материк, а крышу покрывал жердевой каркас, обмазанный глиной.

В отличие от салтовского городского дома-пятистенки, полностью возведенного из бута "в елку", в сельских постройках этого типа каменным был лишь цоколь, сооружаемый на высоту до 0,6 м. Выше цоколя стены домов достраивались из самана или имели турлучную конструкцию. Однако не исключены, судя по саманному храму Тепсеня, и фахверковые конструкции стен, при которых из бревен сооружался каркас дома, а пространство между балками закладывалось саманными кирпичами. Такой принцип кладки сохранился в горных деревнях Крыма до наших дней. Размеры сельских домов-пятистенок 5,5 х 10,0 м, 5,5 х 13,0 и 5,8 х 10,5 м (см. рис. 16). Они также

имели по два помещения под одной крышей, четкую прямоугольную планировку, откосы двери из тесаного камня или прямоугольного бута и застекленные окна. Однако этим сходство с однотипными византийскими домами Таврики ограничивается.

Византийские дома-пятистенки с аналогичной планировкой и близкие по размерам были повсеместно распространены на византийских поселениях Южного берега Крыма и Восточной Таврики. Они известны на поселениях VIII–X вв. на Молбае, на горе Аю-Даг [56, с. 51], на мысе Троицы [218, рис. 2], в Симеизе [219, с. 17], на поселениях Байдарской долины [32, с. 59–121], в византийском горизонте Тиритаки [12, с. 49–50] и других местах. До VIII в. дома-пятистенки в Северном Причерноморье неизвестны. Их появление можно связать с той же иконоборческой иммиграцией из Малой Азии, где совершенно аналогичные постройки – наиболее распространенный тип сельского жилища, начиная с IV в. н.э. [220, pl. CXVI]. Примером типично византийского дома, который мог бы служить кочевникам Таврики и Тамани образцом для подражания, является постройка под черепичной крышей и огороженным двором, относящаяся к нижнему горизонту Тепсеня и состоящая из двух смежных помещений размерами 4,8 х 4,0 м и 8,0 х 4,0 м [9, с. 96–98, рис. 2]. В каждом из помещений этого дома был очаг, т.е. они были жилые. При этом печь большого помещения (размерами 1,3 х 1,9 м) в подовой части выложена из бута на высоту 0,5 м и облицована тесаным камнем, а над печью надстроен свод, нижняя часть которого связывалась каркасом из углового железа [9, с. 98]. Стены дома толщиной 0,85 м сложены из бута на глине и поставлены на фундамент, впущенный в материк на глубину 0,3 м. Они были оштукатурены и украшены профилированным известняковым карнизом. Полы дома дощатые и находились на одном уровне с древней дневной поверхностью двора. Углы постройки прямые с "перевязью", частично выложены из пиленого камня.

Появление таких построек у крымских и таманских тюрок можно считать наиболее характерным признаком византинизации салтовской культуры в этом регионе. Однако, как и в предшествующий период, византинизация коснулась лишь общих принципов сельского домостроительства салтовцев и не затронула саму суть кочевнических традиций. Так, в конструкциях салтовцы не смогли перейти от "елочки" к бутовой кладке с перевязью углов и продолжали ставить стены без фундаментов на дно неглубоких котлованов. Кочевнические пережитки проявились и в разделении дома на жилую и хозяйственную части под одной крышей, и в наличии отдельных входов в каждое помещение. При этом, как и в большинстве домов первого периода, под жилье использовалось меньшее помещение с очагом, а большее – для хозяйственных целей: в нем находились зерновые ямы, продовольствие, а в зимнее время мог содержаться скот. Такое функциональное деление построек, по мнению Н.Харузина, было характерно для оседающих на землю кочевников [203, с. 99–100]. Таким образом, заимствования салтовцами элементов византийского домостроительства носили чисто внешний характер. Пережитки кочевого уклада оседавших в Таврике тюрок второй миграционной "волны" оказались настолько сильными, что их не смогла вытеснить даже такая высокоразвитая культура, как византийская. Напротив, при использовании домов предшествующего времени салтовцы, оставляя незыблемой планировку, перестраивали на свой лад интерьеры здания. При этом на фундаменты более ранних построек, сложенных, как правило, из бута или пиленого камня на связующих растворах, ставились стены насухо "в елку". Примером такой перестройки могут служить дома IX–X вв., перекрывавшие скифские постройки первых веков н.э. на поселении "Чайка" близ Евпатории, а также упомянутый дом на Тиритаке, раскопанный в 1935 г., или комплекс на поселении под Загайтанской скалой, где на развалинах стены из пиленого известняка попытались возвести стены "в елку" из такого неудобного для этого типа кладки материала, как инкерманский известняковый бут [164, с. 64–66, рис. 2].

Одновременно с домами-пятистенками на салтово-маяцких поселениях второй половины IX–X в. появляются постройки четвертого типа – усадьбы с отдельно стоящими жилыми и хозяйственными помещениями и огороженным двором. Четыре таких усадьбы раскопаны нами на Кордон-Обе и один комплекс обнаружен в верхнем горизонте Тиритаки [12, с. 49]. Кроме того, по одной усадьбе раскопано А.Л.Якобсоном в 1959–1961 гг. в Передовом и на городище Кыз-Кермен [32, рис. 52, *66*] и три усадьбы на последнем в 1981–1983 гг. А.В.Белым [221, с. 3–18; 222, с. 4–17; 223, с. 2–32]. Как сказано выше, при сооружении усадьбы № 1 на Кордон-Обе было восстановлено

однокамерное жилище, сожженное в первой половине IX в. Остальные усадьбы строились по единому плану. В качестве примера рассмотрим усадьбу № 1.

Восстановив разрушенное в первой половине IX в. жилище (его размеры 8,1 х 5,1 м), салтовцы построили рядом с ним здание хозяйственного назначения размерами 4,0 х 3,6 м (рис. 17). Так же, как и жилище, последнее возводилось насухо "в елку" до уровня цоколя, а выше – докладывалось саманными кирпичами. Полы хозяйственной постройки впущены в материк на глубину 0,3 м. Пространство между жилищем и пристройкой было отгорожено подковообразной стеной, сложенной из бута насухо. Получившийся небольшой дворик, судя по сильной утоптанности грунта и полному отсутствию в нем археологического материала, мог использоваться в качестве загона для скота. Внутри него у стены жилища был сооружен крытый жердями сарай, служивший, вероятно, для зимнего содержания молодняка. Аналогичную планировку имели и остальные усадьбы Кордон-Обы, пристройки во дворах которых несли различные хозяйственные функции. Так, во дворе усадьбы № 2 находилось помещение кузницы, а в усадьбе № 3 – гончарная печь (см. рис. 2). Около всех жилых домов Кордон-Обы у входа располагались летние печи-каменки с квадратным или прямоугольным подом, сложенным из бута и тонкого плитняка. Любопытно, что внутри всех без исключения жилищ этого поселения были исключительно тарелкообразные очаги кочевнического типа, т.е. более прогрессивный тип бытовой печи, заимствованный у местных землевладельцев, использовался салтовцами Таврики лишь в качестве вспомогательного очага.

Судя по размерам жилищ на усадьбах четвертого типа, в них могли проживать только парные семьи, численность которых вряд ли существенно отличалась от численности семей на поселениях второй половины VII – первой половины VIII в. Между тем значительное увеличение размеров и разнообразие хозяйственных служб, по сравнению с постройками других типов на салтово-маяцких поселениях этого же времени, а также заметная разбросанность и удаленность усадеб одна от другой на поселении могут свидетельствовать об усилении хозяйственной самостоятельности парных семей внутри большесемейных общин некоторых поселений Таврики уже в IX в. Параллели этому процессу можно найти в хронологически близких материалах Эски-Кермена [224, с. 69–86, рис. 1–3] или афригидского Хорезма [225, с. 206–220], где выделение усадеб и изолированность малых семей внутри поселения ознаменовали становление новых социальных отношений, связанных с разложением большой кровнородственной семьи и формированием класса мелких и крупных феодализирующихся землевладельцев.

Возвращаясь к салтовцам Таврики, отметим, что с этого времени византинизация наложила отпечаток не только на их материальную культуру, но и затронула суть социально-экономической структуры общества. Непосредственные экономические, культурные и политические контакты салтовцев второй миграционной "волны" с византинизированным населением Южной Таврики, особенно усилившиеся во второй половине VIII – начале IX в. в связи с окончательным включением Готии в политико-экономическую систему Хазарского каганата, неизбежно вели к кризису и распаду патриархально-родовой общины и замене ее соседской византийского типа. Последнее неизбежно приводило к качественно новой ступени развития общества – феодализму. О начале этого процесса у салтовцев Таврики, выступающих в византийских и древнерусских источниках X в. под именем "черных (т.е. подневольных) булгар" [226, с. 37; 227, с. 1], говорит появление на полуострове хазарских крепостей, являвшихся, по-существу, базами военных отрядов и родовыми гнездами салтово-маяцкой военно-дружинной знати, находившейся в вассальном отношении к кагану. Военные отряды, возглавляемые салтовскими родовыми вождями, являлись исполнителями воли и проводниками политики Хазарского каганата на его юго-западной границе. Они несли охрану торгового "Хазарского пути", начинавшегося в столице Хазарии Итиле на Нижней Волге и заканчивавшегося у стен византийских торговых городов [228, с. 83–84]. Консолидация вокруг крепостей салтово-маяцкого населения, количество которого значительно возросло в IX–X вв., привела к появлению в Таврике довольно плотного этнически однородного массива, доминировавшего на протяжении трех столетий в политической жизни полуострова и благодаря которому даже после ухода хазар принадлежавшие им земли назывались Хазарией или Крымской Газарией.

ГЛАВА III
ХАЗАРСКИЕ ГОРОДИЩА

Около 960 г. греческие купцы, прибывшие ко двору кордовского халифа Абдурахмана III, принесли сообщение о далекой Хазарии, обширные владения которой будто бы граничат с Византийской империей. По их словам, хазары обмениваются в последней "посольствами и дарами", но "обладают военной силой и могуществом, полчищами и войсками" и время от времени воюют с Византией [228, с. 63–64]. Визирь халифа Хасдай Ибн Шапут, узнав из того же источника, что Хазарским государством правит единоверный ему каган Иосиф, написал последнему письмо с просьбой уточнить сообщения купцов и подробнее рассказать о каганате – его политическом устройстве, населении, войске, религии и соседних с ним народах. Ответ кагана Иосифа дошел до нас в двух редакциях. В краткой редакции сообщается о пределах Хазарии и ее владениях в Северном Причерноморье, где "живут 13 народов, располагавшихся на берегу моря Кустантии" и платящих каганату дань [228, с. 81–83]. В пространной редакции этот отрывок значительно шире, в нем содержатся относительно точные сведения об исторической географии Хазарского каганата и, что очень важно для нас, его опорных пунктах на западной границе и в Таврике.

"С западной стороны Ш-р-кил (Саркел), С-м-к-р-ц (Самкерц), К-р-ц (Боспор – Корчев), Суграй (Сугдея), Алус (Алустон-Луста), Л-м-б-т (Ламбат)*, Б-р-т-нат (Партенит), Алубиха (Алупка), Кут (Скути), Манк-т (Мангуп), Бурк (?), Г-рузин (?)" [228, с. 98–102].

Поскольку при описании территории каганата Иосиф везде придерживался принципа географической последовательности пунктов, то мы получаем возможность оконтурить границы хазарского домена в Таврике в X в.

Описание Хазарии кагана Иосифа отражает исторические реалии 954–961 гг. – той эпохи, когда владения Хазарского каганата в Таврике были максимальны. Эта военно-топографическая ситуация сложилась не вдруг, а явилась следствием длительной экспансионистской политики хазар на Крымском п-ве, начавшейся разгромом византийской крепости Боспор в устье Киммерийского пролива во второй половине VII в.

Раскопками 1963–1967 гг. на участке рыночной площади и храма Иоанна Предтечи в Керчи на большой площади прослежена византийская городская застройка VI–VII вв., перекрытая мощным слоем пепла и гари, – результат сильного пожара [229, с. 70–76; рис. 29; 230, с. 99–101]. Непосредственно на мраморных плитах пола базилики юстиниановской поры, сгоревшей в VII в., построены салтовские дома, стены которых сложены насухо "в елку" [230, рис. 2]. Т.И.Макарова обнаружила здесь руины хазарской цитадели, возведенной в VIII в. [229, рис. 29]. Оборонительная стена последней прослежена в длину 15,3 м. Она состоит из двух параллельных двухпанцирных кладок с забутовкой, сложенных на глине из подтесанных бутовых камней, "ложком" и разнокалиберного плитняка "в елку". Толщина каждой кладки 1,0–1,1 м. Пространство между ними забутовано на глине, в результате чего обе параллельные стены оказались своего рода панцирями одной мощной оборонительной стены, общая толщина которой составила около 2,5 м. Конструкция оказалась непрочной и к внешнему фасаду цитадели пристроили контрфорсы, предохранявшие стену от обрушения. Как и стены жилищ, оборонительные сооружения хазарского Боспора возводились без фундаментов в характерной для всего салтовского каменного строительства в Таврике технике.

---

* Ламбат (в пер. с греческого – маяк) может быть локализован в районе с.Малый Маяк (бывш. Биюк-Ламбат) у моря. Возможно, на мысе Плака.

Бесфундаментные фортификационные сооружения хазар известны на Северном Кавказе [213, с. 61–62] и на Среднем Дону, где в хазарских крепостях отмечается и прием возведения каменных стен из двух параллельных кладок с забутовкой между ними [35, с. 35–36].

Хазарская крепость просуществовала на Боспоре более полутора столетий и была разрушена в ходе каких-то военных действий: ее руины перекрыты строительными остатками X–XI вв. [229, с. 76]. В течение этого периода в ней находился хазарский гарнизон, возглавляемый подчиненным кагану архонтом [232, с. 62, 163]. В 704/705 г. Феофан упоминает на Боспоре хазарского архонта Валтица, в котором Д.Моравчик видит наместника в чине тархана [233, p. 86]. С этого времени Киммерийский пролив получил у арабских и персидских географов название Хазарского рукава, а море – Хазарского моря или моря Найтис [234, с. 251]. Переправы Хазарского рукава постоянно контролировались каганатом. Ал-Масуди упоминает хазарскую заставу в "устье рукава моря Найтис" в 912–913 гг. [234, с. 131], а каган Иосиф спустя пятьдесят лет начинает описание своих владений в Таврике с Самкерца и Керца – крепостей на его европейском берегу.

Керц служила хазарам базой для ведения захватнических войн на остальной территории Таврики. В VIII в. подчиненный хазарам тюркский отряд занял стратегически важную часть Судакской крепости – ее порт и цитадель. При этом салтовские жилища сооружаются непосредственно на полах византийских построек и даже на плитах пола византийской укрепленной цистерны VII в., разрушенной при вторжении хазар (рис. 18). Первоначально салтовцы не возводили новых оборонительных сооружений. В порту они использовали сохранившуюся византийскую оборонительную стену, защищавшую слободу с севера, а в цитадели на вершине горы (башня Кыз-Куле) был размещен, вероятно, хазарский отряд и находилась ставка наместника – тархана. Его упоминание есть в "Житие" Стефана Сурожского [235, с. 257–259].

Со второй половины IX в. предпринимается строительство хазарских укреплений Сугдеи. Скорее всего это произошло одновременно с расширением территории салтовского поселения, жилища которого появляются в это время на северном склоне горы Дженевез-Кая ниже цитадели. Остатки салтово-маяцких жилищ со стенами, сложенными "в елку", обнаружены в горизонтах IX–X вв., подстилающих квартал у Главных городских ворот, на участке храма Девы Марии и на северо-восточном участке городища, где салтовское сооружение пристроено к внутренней стороне оборонительной стены. Отсутствие на этом участке византийских сооружений предшествующего периода дает основание связывать первый строительный период оборонительной стены с салтовцами и датировать его фрагментами высокогорлых кувшинов и византийских белоглиняных поливных тарелок второй половиной IX–X в. Оборонительная стена прослежена на трех участках: с внешней стороны куртины, перекрытой башней Коррадо Чикалло, под византийской и генуэзской куртинами у башни № 3 и в основании генуэзской цистерны у Главных ворот. Общая протяженность раскрытых участков стены второй половины IX–X в. составляет 45 м. На первом участке обнажена ее субструкция, что дает основание говорить об установлении куртины на суглинок без фундамента. С целью выравнивания нижних рядов кладки под них подведены плоские крупные плиты. Панцири этой же оборонительной стены зачищены на втором участке. Ее ширина 2,7 м при сохранившейся высоте до 1,5 м (рис. 19). Внешний панцирь сложен из штучных камней, обработанных зубаткой, без соблюдения системы; внутренний – из плоских известняковых плит, поставленных на ребро, в результате чего кладка напоминала кордонную, однако без перевязи плит с забутовкой, т.е. кладка облицовочная. Панцири сложены на светло-розовой цемянке, напоминающей по составу харасан, а забутовка – на белом известковом растворе с песком. На одном из лицевых блоков этой стены имеется четко вырезанная двухчастная тамга (рис. 20). Типологически близкие знаки известны на синхронных ранней стене Сугдеи оборонительных сооружениях Мангупа, Саркела и Плиски [236, с. 83–87, рис. 37; 14, рис. 38, 39; 237, табл. I, *57*].

При возведении оборонительных стен Сугдеи в IX–X вв. использованы необычные для крымско-византийских фортификационных сооружений приемы

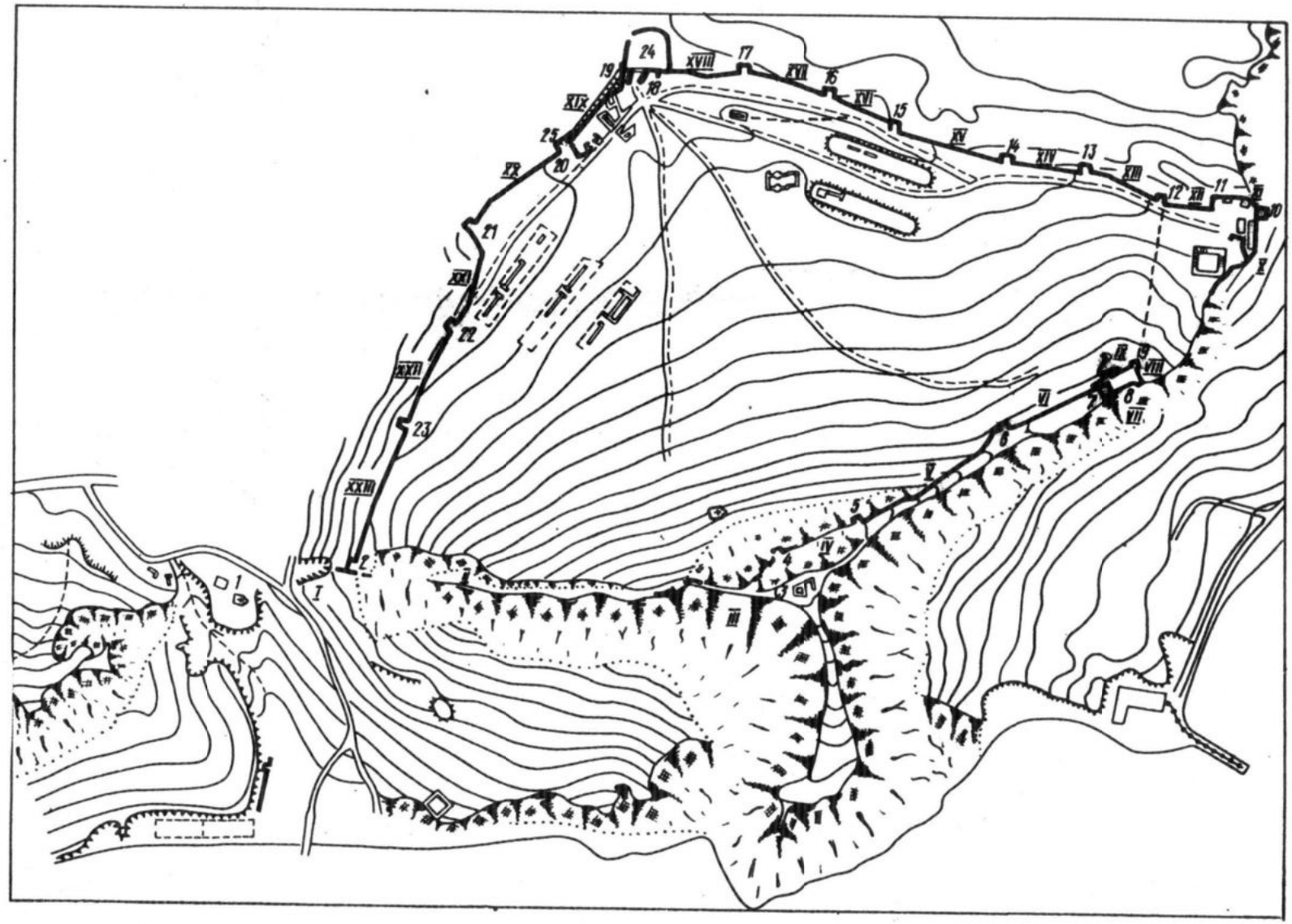


Рис. 18. План Судакской крепости

кладки. Несмотря на значительную толщину, у нее отсутствуют фундаменты, а основание поставлено на довольно рыхлый суглинок. Однако под блоки кладки перпендикулярно укладывались широкие плоские плиты, выполнявшие нивелировочную функцию. Этот прием с заменой плит на доски широко применялся при возведении оборонительных стен Маяцкой крепости [238, с. 36]. Кроме того, на всех участках судакской стены второй половины IX–X в. панцири не перевязаны с забутовкой, а лишь примыкали к ней. На третьем участке стены использован прием, противоречивший существовавшей в Таврике и Причерноморье фортификационной практике: на цемянке сложен панцирь стены, а ее забутовка произведена на глине (см. рис. 19). Швы между блоками и плитами панцирей тщательно замазывались раствором "под мастерок". В Таврике подобная техника кладки отмечена лишь в оборонительных стенах Мангупа, связываемых А.Г.Герценом с хазарским строительством [236, с. 77, рис. 32]. Однако за пределами Крыма такие приемы довольно широко применялись в салтовских каменных крепостях Подонья (Маяцкая крепость), на синхронных им городищах Алании и Северного Дагестана (Хумаринское городище), а также на протоболгарских укреплениях Первого Болгарского царства в низовьях Дуная (Преслав, Плиска, Пекуюл луи Соаре) [238, с. 35–45; 239, с. 27–51; 240, с. 14–30; 241, с. 136–144]. Перечисленные памятники объединяет принадлежность к родственным культурам, связанным с алано-булгаро-хазарским миром.

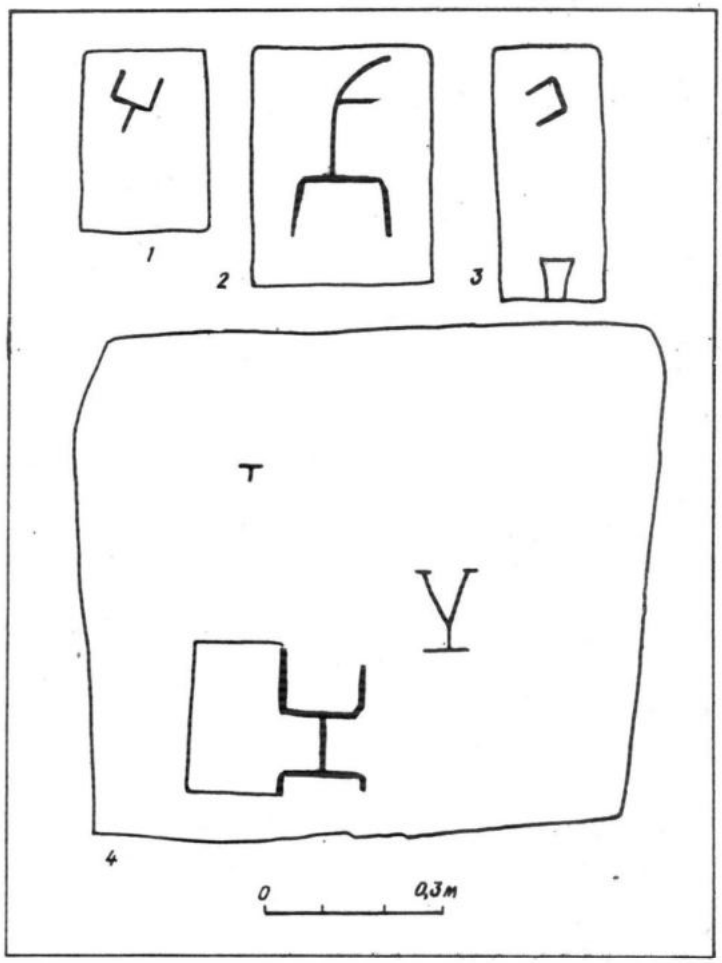


Рис. 20. Знаки на блоках оборонительных стен хазарских укреплений в Крыму.
1, 2, – Судакская крепость; *3* – Сюйренская крепость; *4* – Мангуп.

Возвращаясь к Судакской крепости, отметим, что оборонительные стены IX–X вв. оградили территорию более 20 га, что было достаточно для расположения крупного приморского города. Однако признаков формирования города на северном склоне горы Дженевез-Кая в хазарский период не заметно. Такие признаки города, как упорядоченная квартальная планировка, наличие ремесленных мастерских и внутренний рынок появляются здесь лишь после ухода хазар не ранее второй половины X в. и связаны с возрождением византийской Сугдеи.

Помимо Боспора-Корчева и Сугдеи письменные источники отмечают появление хазарских гарнизонов во второй половине VIII в. на Фуллах, которые мы располагаем к востоку от Сугдеи [39, с. 70] и Доросе – главной крепости Готии, убедительно локализуемой Н.И.Репниковым на городище Эски-Кермен [242, с. 134–150]. В "Житиях" Иоанна Готского говорится о хазарском владетеле Фулл, заточившего в крепостную тюрьму руководителя антихазарского восстания 787 г. епископа Иоанна Готского [243, § 9]. Из того же источника известно о захвате хазарами клисур – укрепленных горных перевалов и Дороса, в котором каган "оставил вооруженную стражу" [243, § 5]. Однако потеря Готией суверенитета носила временный характер, так как в 804 г. хазары вновь ведут военные действия в Юго-Западной Таврике и завоевывают Дорос. Сведения об этом обнаружены на полях Пятикнижия VIII в., в одной из приписок

Рис. 21. Хазарские городища IX–X вв. в Юго-Западной Таврике.
1 – Чуфут-Кале, *2* – Кыз-Кермен, *3* – Мангуп.

которого говорится, что "хазары пришли на помощь (протоболгарам, – *И.Б.*), разбили тетракситов, отняли у них крепость Доры" [244, с. 140]. С этого времени название Дорос полностью исчезает из источников – вероятно, хазары уничтожили эту стольную крепость Готии. В центре этой области каган возводит крепость Мангуп, заселив ее выходцами из Таматархи. В одной из приписок на полях хазарской рукописи VIII в. строительство Мангупа датируется 840 г., а в другой приписке 843 г. он назван новым городом [245, с. 858]. Археологические материалы не противоречат письменным источникам. Они получены в ходе многолетних раскопок и показали, что Мангуп – самый крупный по площади памятник эпохи Хазарского каганата не только в Таврике, но и в Юго-Восточной Европе (его площадь, огражденная оборонительными стенами, превышает 90 га), – строится на руинах провинциально-византийского поселения VI–VII вв. [236, с. 57–58] (рис. 21, *1*). В отличие от Боспора и Сугдеи в материале между византийским и салтовским горизонтами прослеживается хронологический разрыв в полтора столетия. Салтовская кухонная керамика с линейно-волнистым орнаментом и византийская столовая керамика этого же времени спорадически встречались по всему плато Мангупа, однако сплошной слой хазарского периода, как и в Сугдее, здесь не обнаружен. В 1972 г. в южной части плато раскопана единственная салтовская усадьба, представлявшая собой дом-пятистенку с огражденным двором и тарапаном [246, с. 128–129]. На полу, помимо типично салтовской кухонной посуды, обнаружены фрагменты белоглиняных блюд и кувшинов под пятнисто-зеленой поливой, датирующие салтовский горизонт Мангупа второй половиной IX–X в. [247, с. 21–34].

Оборонительные стены Мангупского городища состоят из пяти самостоятельных участков, защищавших плато с наиболее уязвимых северной и западной сторон. Вместе с недоступными вертикальными обрывами мысов Ели-Бурун, Чуфут-Чеарган-Бурун и Чамну-Бурун, к которым пристроены торцы всех стен, они составляли сплошную раннесредневековую оборонительную систему Мангупской крепости [247, с. 12]. Наиболее показательны для хазарской фортификации Мангупа оборонительные сооружения, изученные А.Г.Герценом в Лагерной балке и расположенные между обрывами мысов Чуфут-Чеарган-Бурун и Чамну-Бурун на участке так называемого Таврского пятачка [236, с. 74–77, рис. 24–26].

Время возведения оборонительных сооружений Мангупа устанавливается на основании стратиграфических материалов. По нашему мнению, наиболее древние стены сложены лишь в хазарскую эпоху. Так, куртина А.XIV, которую А.Г.Герцен убедительно связывает с хазарским военным зодчеством, была поставлена без фундамента на метровый культурный слой поселения V–VII вв. [236, с. 76–77]. Она фортификационно связана с куртиной Б, которая шла вдоль пологого склона Лагерной балки; датирована А.Г.Герценом временем не позднее VII в. [236, с. 76–77]. Однако такому выводу противоречит археологический материал из его же раскопок 1972 г.: шурфы с тыльной стороны куртины Б позволили выявить культурный слой, появившийся не ранее возведения стены, в котором оказались задержанные стеной фрагменты северопричерноморских амфор VIII–IX вв. [247, с. 17, 19]. Если допустить, что оборонительная стена прорезала нижний слой, то ее следует датировать еще более поздним временем, но никак не V–VII вв.

Для датировки другого участка обороны Мангупа в районе мыса Чамну-Бурун важна находка клада из восьми медных монет, семь из которых – варварские подражания солидам Льва III (717–741 гг.) [236, с. 68]. Последние, как известно, обращались исключительно на территории Хазарского каганата [128, с. 52–53]. Находки подражаний на территории Готии дали основание В.В.Кропоткину говорить о подчинении ее в то время хазарам. Важно отметить, что один из блоков парапета, у которого был обнаружен клад монет, имел тюркский тамгообразный знак [236, рис. 17], аналогичный тамгам Сугдеи или салтово-маяцких крепостей Подонья и Подунавья, а также хазарским тамгам, изготовленным на подражаниях аббсидским дирхемам [248, с. 46–69, рис. 20; 21]. Помимо того, Мангуп и его округа дали наиболее крупную в Таврике коллекцию знаков на блоках раннесредневековых стен. Подобные знаки отсутствуют в Херсоне, на Каламите, Эски-Кермене и других византийских крепостях Южной Таврики. Наряду с прочими, этот признак можно считать определяющим при выделении хазаро-булгарских фортификационных сооружений в Крыму.

Хазарская оборонительная стена в Лагерной балке сохранилась на высоту до 1,5 м при толщине 3,5 м и является наиболее мощной на городище. Она сложена на известковом растворе с примесью цемянки. Кладка двухпанцирная с забутовкой из рваного камня. Внутренний и внешний панцири различны по характеру кладки, что находит прямую аналогию в Сугдее. В лицевом панцире внешней стороны использованы крупные блоки известняка, обработанные зубаткой. Камни уложены "ложком" на узкую грань с соблюдением порядовки. Однако на другом участке той же куртины использованы более мелкие блоки, поставленные на узкую грань "тычком" без соблюдения порядовки. Их лицевая поверхность обработана бучардой [236, с. 75, рис. 27; 28]. Такая техника не характерна для провинциально-византийских укреплений Причерноморья, но получила широкое распространение в Подонье и протоболгарских крепостях Нижнего Дуная [249, с. 17; 238, с. 48]. Сплошная укладка блоков лицевого панциря куртины А без перевязи с забутовкой оказалась очень ненадежной на безфундаментном основании, и куртина местами деформировалась в сторону склона. Тыльный панцирь этой стены на всем ее протяжении сложен из мелких блоков, отличающихся качеством обработки и неряшливостью от блоков лицевого фасада. Такой прием получил распространение в Таврике лишь на памятниках салтово-маяцкой культуры. За пределами полуострова он отмечается в кладках некоторых каменных крепостей Хазарии и протоболгарских укреплений на территории Румынии [35, с. 34–44; 238, рис. 3; 250, с. 62].

Кроме упомянутых в Юго-Западной Таврике, известны еще три белокаменных городища, датировка и культурная принадлежность которых могут быть установлены археологическими материалами – Сюйрен, Кыз-Кермен и Чуфут-Кале. Датировка первого длительное время основывалась на умозрительных впечатлениях о будто бы квадровой кладке логом и тычком, априорно считавшейся византийской и датировавшейся VI–VII вв. (Н.И.Репников), VI в. (М.А.Тиханова, А.Л.Якобсон), V–VII вв. (Е.В.Веймарн) и X–XIII вв. (Д.Л.Талис) [библиографию см.: 251, с. 109–110]. Однако данные археологических раскопок, впервые проведенные в 1968 г. автором, позволили отказаться от предлагавшихся ранее датировок и обосновать время возведения Сюйренской крепости VIII–X вв. [252, с. 88–92]. Последующие раскопки (Ю.С.Воронин, В.Н.Даниленко, В.Л.Мыц и В.А.Кутайсов) дали археологические материалы, не противоречащие первоначальным [253, с. 313–315].

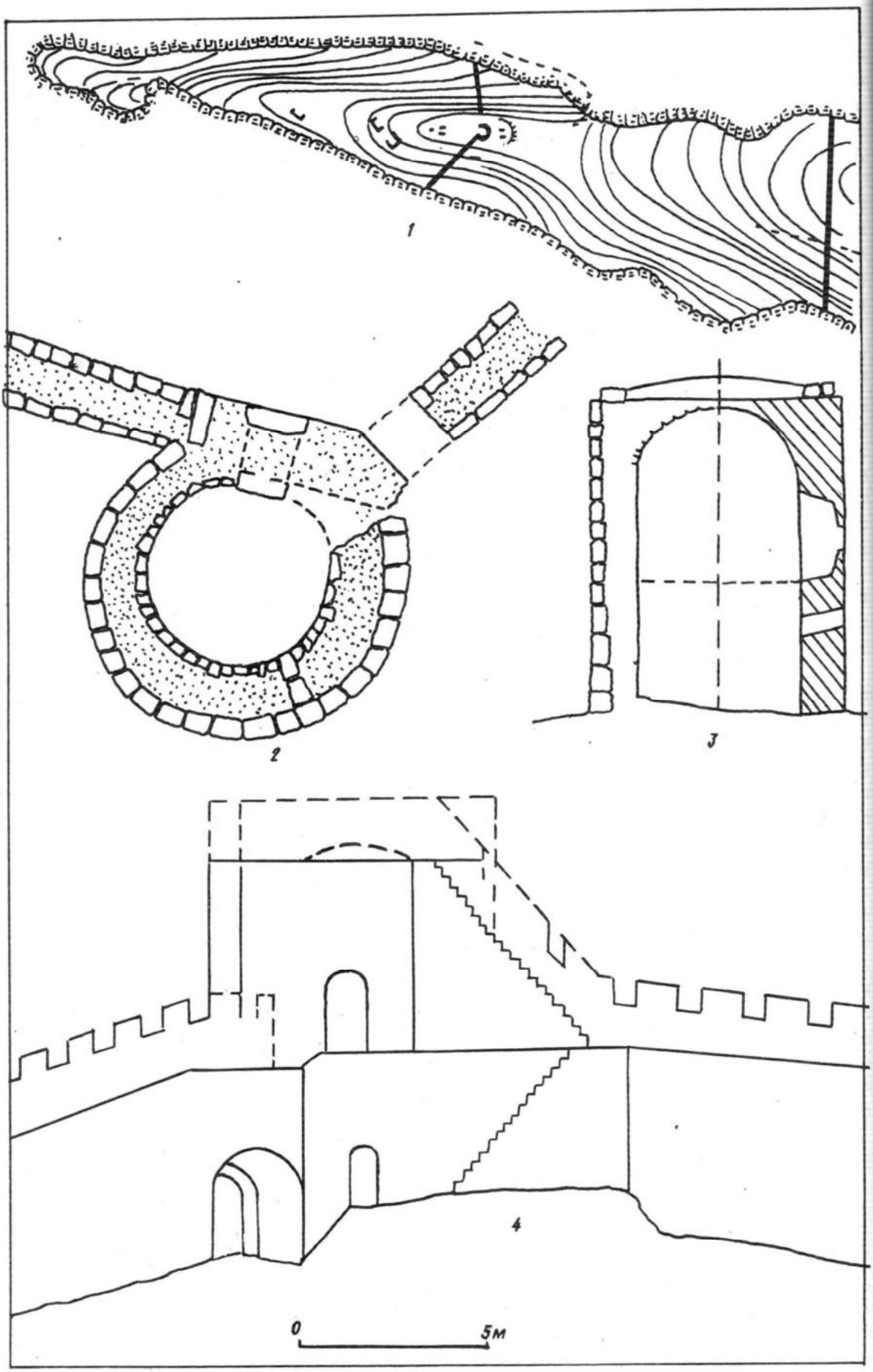


Рис. 22. Сюйренская крепость.
1 – план городища (съемка 1969 г.), *2* – башня и куртины (обмер 1926 г.), *3* – разрез башни (обмер 1926 г.), *4* – реконструкция участка обороны А.Л.Бертье-Делагарда.

Сюйренская крепость расположена над одноименным салтовским поселением в долине р.Бельбек на плато обрывистого мыса Куле-Бурун (рис. 22, *1*). Площадь городища около 7 га. Мыс защищен двумя поясами оборонительных стен, торцы которых упирались в обрывы. Длина внешней, так называемой таврской стены, 155 м при толщине 2,2 м и сохранившейся высоте до 1,5 м. Кладка двухпанцирная с забутовкой из рваного камня, сложена без фундамента насухо. Лицевой панцирь выложен из хорошо подобранных плит. Культурный слой у стены, а также между обоими поясами обороны ими не зафиксирован. В траншеях и шурфах под этим участком городища обнаружены смытые с плато обломки причерноморских амфор и столовой посуды VIII–X вв., датирующие наиболее ранний горизонт этого участка. Г.Э.Караулов в 1867 г. отмечал наличие на плато редкой застройки [254, с. 8].

Внутренняя стена Сюйренской крепости находится в 300 м к северо-западу от внешней. Она состоит из двух куртин (66 и 45 м) и круглой двухэтажной башни [255, с. 118–123, рис. 80, 81]. Наиболее ранний материал получен нами с внутренней стороны западной куртины в тонком слое, который образовался после возведения стены (частично обнаружен между стеной и "швом" постельной вырубки). Это фрагменты сероглиняных кухонных горшков салтово-маяцкого типа, украшенных линейно-волнистым орнаментом, обломки верхней части салтовского же глиняного котла, а также фрагменты кувшинов-ойнохой баклинского типа с линейной росписью красной и амфор причерноморского типа [252, с. 88–90, рис. 1, 3, 5, 8]. Контрольные шурфы, заложенные под обрывом этого участка городища, дали аналогичный материал. Сплошной культурный слой VIII–X вв. у оборонительной стены не зафиксирован. Первые постройки у оборонительных стен Сюйренской крепости появились после X в.

В кладке башни прослеживаются два строительных периода, из которых только первый связан с ранним средневековьем: нижние ряды ее кладки сложены, как и куртины, на белом известковом растворе с наполнителем из крупного речного песка, в то время как верхняя часть башни – на цемянке. Оборонительные стены возведены из разнокалиберных блоков известняка, взятых из какой-то более древней постройки: камни носят следы перетески, а некоторые блоки имеют пироны "ласточкин хвост", не связанные с соседними блоками, а также налипшие куски более раннего известкового раствора [252, с. 90]. Кладка Сюйренской крепости двухпанцирная с забутовкой из рваного камня. Блоки крупные, поставлены в основном на узкую грань "ложком" и примыкают к забутовке, как это наблюдалось в кладках хазарских стен Судака и Мангупа. "Тычком" уложены лишь единичные блоки, что может быть чистой случайностью. Большая часть, так называемые тычковые камни, в порядовке имеет ту же глубину, что и крупные блоки, поставленные на ребро "ложком" и совершенно не перевязана с забутовкой (рис. 22). Следовательно, господствующее представление о кладке сюйренских стен как классически-византийской кладке VI в. [256, с. 25–26] в корне ошибочно. Строители крепости в подражание византийским зодчим создали лишь внешний облик кладки "логом и тычком", от строительного содержания которой сохранилось лишь внешнее оформление. Противоречит византийским традициям и бесфундаментный характер куртин. В их кладках, не поставленных на скалу, заметны нивелировочные подсыпки под основание блоков нижнего рядка [253, с. 313]. Таким образом, налицо и второй признак, сближающий Сюйренскую крепость с хазарскими городищами Таврики и Подонья.

Ворота Сюйренской крепости шириной 3,2 м устроены в оборонительной стене с правой стороны башни [256, рис. 78], хотя это и не вызвано топографическими условиями плато. К воротам подводила совершенно прямая дорога, позволявшая противнику преодолеть простреливаемый участок очень быстро. В расположениях дороги и ворот можно заметить грубейшее нарушение фортификационных канонов, соблюдение которых было непременным от античности до позднего средневековья. При строительстве крепостей, предписывает Витрувий, "главным же образом следует заботиться о том... чтобы дороги к воротам вели не прямо, а слева. Ибо раз это будет сделано так, то нападающие окажутся обращенными к стене правым боком, неприкрытым щитом" [258, с. 35]. Этот принцип четко соблюдался в Крыму при возведении византийских ворот в Херсонесе, на Каламите, феодоритском Мангупе, Фуне, Солдайе и Каффе. Определенный просчет, допущенный, по нашему мнению, в планировке обороны Сюй-

ренской крепости, свидетельствует о слабой тактической и военно-инженерной подготовке ее строителей.

Оборонительные стены Сюйренской крепости сохранились до уровня боевых площадок, находящихся на высоте 3,6–3,8 м (рис. 23). При зачистке боевой площадки на круглой башне в 1968 г. обнаружены следы парапета, а в подъемном материале и при разборке каменных завалов в разные годы найдены блоки от зубцов и завершавшие их каменные колпаки со скошенными краями.

Конечно, перечисленных признаков недостаточно, чтобы однозначно отнести Сюйренскую крепость к салтово-маяцким памятникам Таврики. Однако есть еще один очень важный признак, сближающий Сюйрен с этой группой памятников. На некоторых блоках из оборонительных стен Сюйрена обнаружены ремесленные тамгообразные знаки, солярные и рунообразные изображения, находящие широкий круг аналогов в материалах салтово-маяцкой культуры*. Так, тамга в виде буквы П на блоке с пироном, обнаруженном нами в 1968 г., аналогична тамге на хазарско-иудейском надгробии из Фанагории [40, с. 277], а граффити в виде оленя, обнаруженное в 1978 г. [25, рис. 86], иконографически близко изображениям оленей на тюркских памятниках в Центральной Азии и в Плиске [259, рис. 6, 10, 18] и лошадей на кирпичах Цимлянского городища и блоках Маяцкой крепости [14, рис. 40; 260, с. 60–67, рис. 3–5]. На Маяцком городище встречены и подобные сюйренским солярные и руноподобные знаки [260, рис. 15, *б*].

Кладки оборонительных стен Сюйрени и Мангупа типологически близки оборонительной стене городища Кыз-Кермен, расположенного над долиной р.Качи на обрывистом мысу Кыз-Куле-Бурун. Длина мыса около 1 км, ширина до 0,25 км, что составляет около 15 га (см. рис. 21). Раскопки А.Л.Якобсона и А.В.Белого показали, что оборонительная стена Кыз-Кермена защищала однослойное салтово-маяцкое поселение VIII–IX вв. [256, с. 47–49; 261, с. 229–230; 262, с. 242]. Материалы второй половины IX–X вв. при его изучении не обнаружены, т.е. ко времени правления кагана Иосифа оно уже лежало в руинах и не могло быть упомянуто в описании Хазарии середины X в. Следует отметить, что салтовские усадьбы, расположенные, как и на остальных протоболгарских поселениях, на значительном расстоянии друг от друга, в целом группировались в районе оборонительной стены и прилегающей к ней части мыса, в то время как остальная территория, составляющая около 2/3 площади мыса, оставалась незастроенной. Таким образом, историко-топографическая ситуация на городище Кыз-Кермен аналогична другим крепостям Таврики, которые мы связываем с хазарами.

Оборонительная стена городища Кыз-Кермен перегораживала мыс в наиболее узкой его части. Длина стены 130 м, толщина более 2,5 м, высота до 1,5 м. С ее внутренней стороны в 1968 г. нами был заложен шурф, показавший, что основание кладки стоит на грунте без фундамента. С этой стороны к кладке примыкала подсыпка (валганг), толщина которой у стены достигала 2,0 м и на расстоянии 6–7 м от куртины плавно сходила на нет. Внешний панцирь стены сложен насухо из хорошо обработанных и плотно подогнанных разномерных известняковых блоков. На некоторых из них А.В.Белый обнаружил тамгообразные знаки [261, с. 229–230]. В 31 м к востоку от западного конца он зачистил основание полукруглого башенного выступа, сложенного из таких же блоков, что и стена, но забутованного разнокалиберным рваным камнем на грязи и глине; другой аналогичный выступ находился в 24 м к востоку от первого [261, с. 230]. Под нижние блоки лицевого панциря местами произведена нивелировочная подсыпка. Ворота находились в восточной части оборонительной стены; они, как принято в салтовском оборонном зодчестве, не имели башенного прикрытия.

К описанным памятникам по многим признакам приближается городище Чуфут-Кале. Несмотря на то что оно исследовалось значительно больше остальных памятников этой группы, археологические материалы, достаточные для однозначного решения вопроса о времени возникновения и культурной принадлежности городища, до сих пор не получены. Основанные в целом на анализе архитектуры, датировки городища древнейшего периода колеблются от V–VI до XI–XII вв. [251, с. 107]. Не претендуя на исчерпывающий ответ, попытаемся проанализировать материалы по хронологии и тех-

---

* С этим материалом мы ознакомились с разрешения руководителя раскопок в Сюйренской крепости в 1978 г. Ю.С.Воронина.

нике кладки наиболее раннего участка обороны Чуфут-Кале [263, с. 110–114; 264, с. 45–82].

Укрепление расположено на плоской вершине мыса Бурунчак и состоит из двух разновременных поясов оборонительных стен, перегораживавших мыс от обрыва к обрыву. Наиболее древняя, так называемая Средняя стена с воротами Орта-Капу поставлена в наиболее узкой части мыса. Она огородила территорию мыса длиной около 1,8 км при ширине в наиболее широкой части до 0,5 км; площадь, огражденная стенами, составляет около 40 га. В плане Чуфут-Кале напоминает Сюйренское и Кыз-Керменское городища, значительно превосходя их по площади. Как и на Сюйрени, средняя стена Чуфут-Кале была сложена из блоков известняка размерами от 108 х 49 до 44 х 68 см. Раствор лицевых панцирей и забутовки известковый с наполнителем из песка. В процессе укладки блоков горизонтальными рядами одновременно с двух сторон пространство между панцирями забивалось рваным камнем и заливалось раствором, проникавшим в щели между блоками панцирей [264, с. 56]. Блоки панцирей сложены в облицовочной технике. Раскопки Е.В.Веймарна показали, что первоначальная толщина древней стены достигала 5,0 м, а высота – не менее 8,0 м; завершалась стена зубчатым парапетом. Его остатки видел А.Л.Бертье-Делагард [264, с. 56]. Почти в центре оборонительной стены находится большой арочный проем двустворчатых ворот, открывавшихся внутрь крепости и запиравшихся мощным засовом, от которого в откосах сохранились пазы. Ворота не были фланкированы башней или башенным выступом, что, как сказано выше, не характерно для византийского военного строительства, но наблюдается в крепостях донской и северо-кавказской Хазарии.

На северном участке оборонительной стены в 11 м от края обрыва в стене сделан ход внутрь, в 5,0 м от обрыва раскопками выявлены следы вылазной калитки. Впереди северного участка куртины Е.В.Веймарн обнаружил систему вырубленных в скале рвов шириной до 4,0 м и глубиной до 2,0 м, защищавших стену от стенобитных машин [264, с. 52, 56–57]. Однако, ввиду отсутствия башен и недостаточной глубины рва (по средневековым европейским канонам он должен быть не менее 15 локтей глубиной при 30 локтях шириной), этот участок обороны Чуфут-Кале был наиболее уязвимым. Кроме того, в северном прясле Средней стены отмечен прием нивелировочной подсыпки под нижние блоки вместо вырубки каменной постели. Как и в Сюйренской крепости, наличие подсыпки – вариант бесфундаментной кладки – дает нам основание серьезно сомневаться в том, что фортификация Чуфут-Кале уходит корнями в византийскую или местную фортификационную школу, сложившуюся под влиянием последней. Этот прием, наряду с орфостатностью кладки и отсутствием фланкирующих ворота башен, позволяет связать это укрепление с крепостями Хазарии. Повторяется и отсутствие на защищенной мощными оборонительными стенами территории синхронной стенам застройки. Многолетние раскопки Е.В.Веймарна и его предшественников на плато Бурунчак не обнаружили культурных отложений этого времени, т.е., как и на Мангупе, Сюйрени и Судаке, стены ограждали пустыри.

Общую картину дополняют находки многочисленных знаков, вырезанных на блоках Средней стены в той же технике, что и знаки Сугдеи и Мангупа. Большая часть их представлена тамгами. Так, на одном из блоков обнаружена тамга в виде круга с двумя раздвоенными линиями [174, с. 207]. В нескольких случаях повторялась тамга в виде вертикальной линии с раздвоенным верхним концом (так называемая тамга в форме вил), являющаяся родовой ветвью развития тамги, известной на абассидских дирхемах хазарского чекана [248, с. 49–50]. Прямой аналог знаку из Чуфут-Кале есть на кирпичах Саркела [14, рис. 38, *69–73*]. Она встречается и среди тамг крымских тюрок позднесредневекового времени. У.Боданинский склонен полагать, что тамга могла принадлежать одной из ветвей рода "Кырк", основавшего крепость на Бурунчаке. Напомним, что в одном из ханских ярлыков и приписках на полях хазарских рукописей IX–X вв. эта крепость называлась Кырк-Ор. Вариант того же родового знака является тамгой деревни Кырк-Чолпан под Евпаторией [265, с. 18]. Возвращаясь к Чуфут-Кале, отметим, что та же тамга в комбинации с сердцем изображена на откосе ворот Средней стены, а также на геральдической плите над воротами Биюк-Капу, возведенной в XIII–XIV вв. Следовательно, род "Кырк" и в это время играл главенствующую роль в крепости. Помимо знаков, на том же участке Средней стены обнаружены рунообразные знаки различных начертаний, изображение лошади, ико-

нографически близкое саркельским, другие родовые символические изображения [265, № 11–22].

Завершая характеристику, еще раз отметим, что по всем выделенным нами признакам Чуфут-Кале типологически близка к другим укреплениям Крымской Хазарии. В противоречие с этим предположением вступает лишь предложенная Е.В.Веймарном датировка нижнего горизонта крепости XI–XII вв. [264, с. 65]. Мы не можем принять эту дату, так как приведенный для ее обоснования материал произвольно и бездоказательно омоложен: представленные в ее подкрепление фрагменты венчиков высокогорлых кувшинов с ленточной ручкой, ручек и дна круглодонной амфоры причерноморского типа [264, рис. 17, *3*; 23, *1, 3, 4*] не выходят за пределы X в. Фрагменты же амфор с зональным рифлением, отмеченные А.Л.Якобсоном на плато Бурунчак, датируются VIII–IX вв. [263, с. 110; 39, с. 61]. Кроме керамической тары, в нижнем горизонте раскопов на плато и под обрывами мыса в крепостной свалке, обнаружены фрагменты кухонных сероглиняных горшков, украшенных линейно-волнистым орнаментом [264, рис. 17, *1*; 20, *6–8*], позволяющие связать этот памятник с салтово-маяцкой культурой и уверенно поставить его в один типологический ряд с крепостями VIII–X вв. хазарского домена в Таврике.

Помимо перечисленных укреплений VIII–X вв., в эту категорию памятников можно ввести еще четыре городища, изучение которых только начато и поэтому наши выводы носят гипотетический характер. Это Кордон-Оба, Тепсень, Баксанское городище и "Чайка".

Раннесредневековое укрепление Кордон-Оба расположено на южной окраине одноименного салтовского поселения второй половины VIII–X в. в пос.Курортный Судакского р-на (см. рис. 1). Его кольцеобразная оборонительная стена, выявленная нами при раскопках 1974–1980 гг., ограждала плоскую вершину конусообразного холма над морем. Площадь городища около 1 га. Раннесредневековые оборонительные стены надежно датированы там же салтовским и византийским материалом, что и поселение: культурный слой с салтово-маяцкой керамикой являлся первоначальным культурным слоем на холме и прослежен только в пределах укрепления, где он примыкал к оборонительным стенам. В наиболее высокой точке холма, как сказано выше, нами зачищена обкладка протоболгарской юрты. Сохранились раннесредневековые оборонительные стены плохо. Большей частью они были разобраны при строительстве перекрывающего салтовское укрепление генуэзского укрепленного монастыря XIV–XV вв., раскапывавшегося в довоенные годы Н.С.Барсамовым [266] и в 1974, и 1980 гг. нами. На большинстве участков от ранней стены сохранились лишь траншеи выборки, заполненные мелким бутом от забутовки и глиной; панцири кладки выявлены только в одном месте – на северо-западном склоне холма в котловане позднесредневекового дома, разрезавшего кладку. Судя по сохранившимся остаткам, салтовская оборонительная стена была сложена на глине и не имела фундамента. Кладка толщиной около 3,0 м двухпанцирная, сложена из небольших известняковых блоков с забутовкой из мелкого рваного камня. Блоки этой стены использованы в кладке башни-донжона XIV–XV вв. Остатки башен в раннесредневековом укреплении выявить не удалось. Местонахождение первоначальных ворот не обнаружено. Скорее всего, они были там же, где генуэзские – с западной пологой стороны склона холма.

Предполагаемая нами оборонительная стена Тепсеня обнаружена В.П.Бабенчиковым при раскопках Большого храма [9, рис. 4]. Она пристроена с южной и северной сторон к уже разрушенным стенам храма и частично их перекрывала, т.е. относительная периодизация кладок позволяет утверждать, что остатки оборонительных стен относятся к послевизантийскому горизонту Тепсеня и могут быть связаны с салтовским поселением. Оборонительные стены толщиной 2,0 м сохранились на высоту до 1,5 м. В отличие от храмовых, они безфундаментные и возведены в два панциря из небольших блоков насухо. Северная стена на участке раскопок завершается четким откосом, который, по нашему мнению, является откосом ворот. Таким образом, принадлежность стены к укреплению у нас не вызывает сомнений. Однако незначительность ее раскопок и неизученность внутренней застройки не позволяют судить о характере городища.

Баксанское городище на правом берегу р.Бурульчи расположено к северу от с.Межгорье на плоской вершине вытянутого в длину обрывистого мыса, неприступного с трех сторон. Его площадь – около 15 га – густо поросла лесом. Оборонительная стена

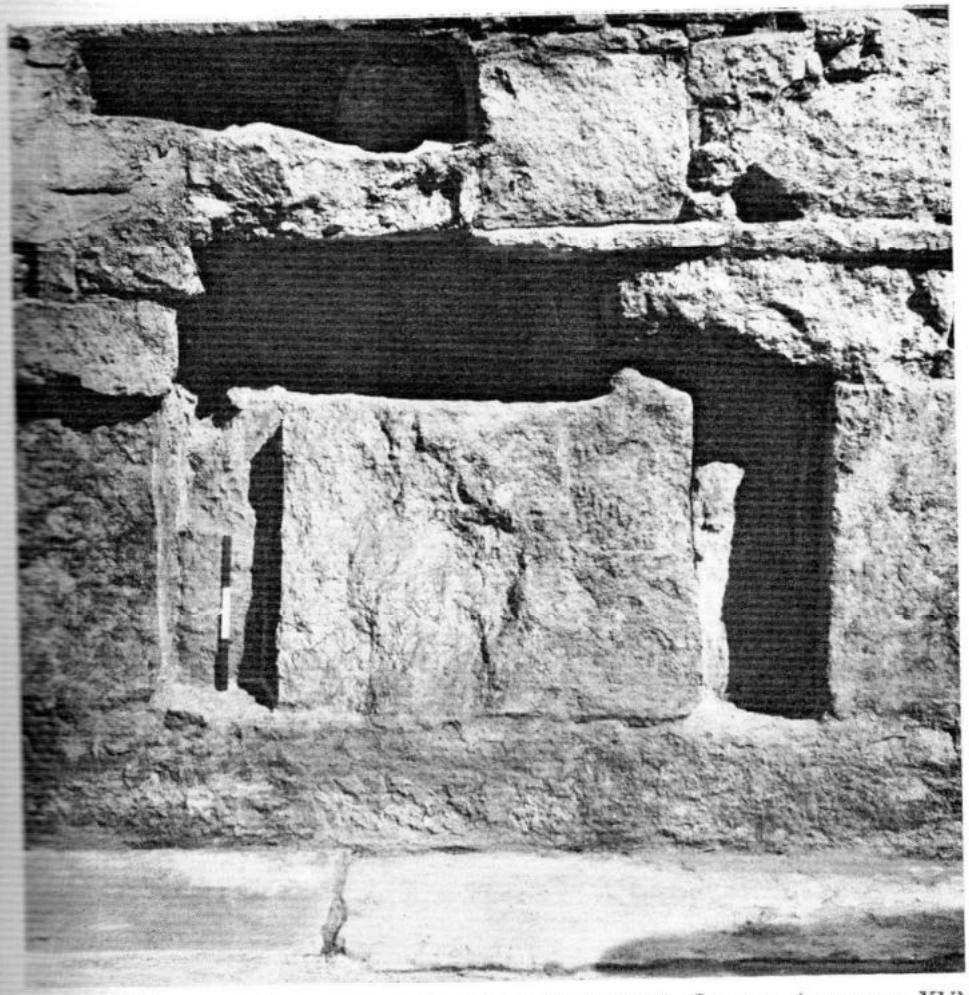


Рис. 19. Участок оборонительной стены Хазарской Сугдеи (куртина XV) с четырехстенной башней.

Рис. 23. Круглая башня Сюйренской крепости.

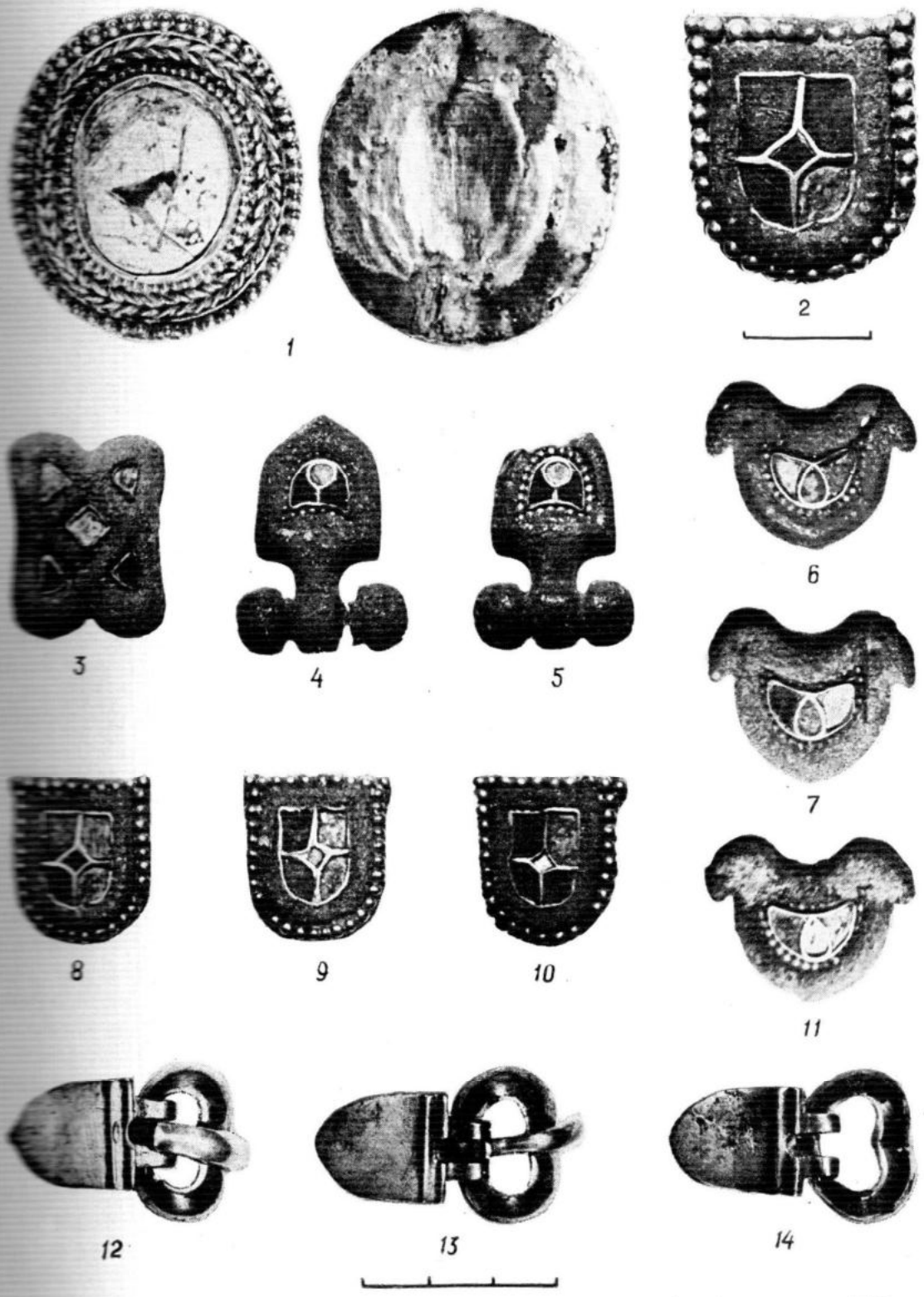


Рис. 41. Золотые и серебряные украшения из впускных погребений кочевников VII в.
1 — Наташино, курган № 17, погребение 1; *2—11* — Сары-Булат, курган № 5, погребение 12; *12—14*— Наташино, курган № 18.

Рис. 54. Абсиды трех строительных горизонтов храма на холме Тепсень.

Рис. 57. Тюркская стела из с. Донское близ Симферополя.

Рис. 58. Тюркское навершие из Херсонеса.

толщиной около 2,5 м поставлена в наиболее узкой части мыса и сложена из орфостатных блоков на глине. Кладка двухпанцирная, облицовочная. С внешней стороны в ней видны проем ворот и находящиеся в отдалении от ворот (не менее двух) башенные выступы. Толщина стены около 3,0 м. Культурный слой внутри укрепления не зафиксирован. В обнажениях грунта на территории городища и внутри одной из башен обнаружены фрагменты сероглиняных кухонных горшков салтово-маяцкого типа, украшенные линейным орнаментом, а также фрагменты ручек и стенок амфор причерноморского типа VIII–X вв. У подножья мыса на выходе из Баксанского ущелья расположено, обнаруженное нами в 1969 г., большое салтово-маяцкое поселение, типологически близкое Тау-Кипчаку.

На городище "Чайка" И.В.Яценко в 1967–1974 гг. раскрыла более 30 салтовских построек*. Их стены сложены из плоской морской гальки "в елку" насухо и поставлены основаниями на стены скифских жилищ I–II вв. н.э. или на песок без фундамента. До того как стали известны раскопки в Тау-Кипчаке, эти кладки и очень незначительный археологический материал относились исследователями к античной эпохе. Жилища поселения выявлены на площади 85 х 60 м, т.е. в отличие от других салтово-маяцких поселений "Чайка" была плотно, хотя и беспорядочно, застроена [267, с. 368]. Это вызвано особенностями скученной планировки позднескифского городища, внешняя ограда которого, разрушенная во II в. н.э., использована салтовцами в качестве субструкции собственной оборонительной стены. На уцелевшие при разгроме позднескифского поселения нижние известняковые блоки лицевого панциря была поставлена характерная кладка "в елку" насухо. Толщина сохранившегося участка оборонительной стены 2,0 м при высоте до 1,0 м. Укрепление, судя по наличию в жилищах мощного слоя углей и гари, погибло в пожаре. Однако тот факт, что на полях жилищ бытовой материал за исключением мелких фрагментов не обнаружен, дает основание предполагать, что жители успели покинуть поселение. Ввиду отсутствия надежно датируемого материала, время его разрушения остается проблематичным.

Городище "Чайка" – укрепленное салтовское поселение, характерное для этой культуры [35, с. 25–35, рис. 8]. Как и в Подонье, оседание салтовцев на позднескифских городищах обусловливало использование оборонительных сооружений последних и применение некоторых характерных для поздних скифов строительных приемов. Однако фортификационный уровень салтовских поселений оказался значительно ниже, чем у скифов, имевших более основательные традиции каменного зодчества. Так, использовав нижние ряды кладок скифских оборонительных стен, уложенных на широкую часть блоков (что делало оборонительную стену устойчивой), салтовцы поставили поверх этих блоков орфостатную кладку, перемешанную с "елкой", что значительно ухудшило ее фортификационные возможности. Кроме того, эта оборонительная стена, также, как и сложенная в аналогичной технике стена Боспора, вряд ли могла иметь значительную высоту и являлась, скорее всего, оградой.

Завершая характеристику салтово-маяцких укреплений Таврики, еще раз отметим, что они безусловно относятся к одному хронологическому периоду и с той или иной степенью вероятности – к салтово-маяцкой культуре. К числу наиболее устойчивых типологических признаков, позволяющих объединить эти укрепления, относятся несомненная тяга салтово-маяцких фортификаторов к белокаменному строительству из хорошо обработанных блоков известняка, облицовочный характер кладки, в которой блоки становились узкой, а не широкой плоскостью, как в синхронных византийских укреплениях, отсутствие фундаментов под мощными оборонительными стенами, толщина которых превышает зачастую провинциально-византийские, применение вместо фундаментов нивелирующих подсыпок или выравнивание нижних рядов кладки при помощи подведения под ее основание плоских плит, а также использование в кладках блоков с родовыми тюркскими тамгами, рунообразными знаками и символическими изображениями. Эти приемы не характерны для византийской фортификации в Таврике, образцы которой представлены бутовыми стенами укреплений на Аю-Даге и в Гурзуфской крепости, квадровыми боевыми стенами того же времени на Эски-Кермене и в Херсонесе [129, с. 9–15; 242, с. 116, рис. 8], а также для византийской столицы и юж-

---

* Выражаю признательность автору раскопок за разрешение использовать средневековые материалы городища.

Таблица 2. Сравнительная характеристика салтово-маяцких укреплений

Название городища	Площадь городища, га	Толщина оборонительных стен, м	Ворота в стене без фланкирующей башни	Башня четырехстенная	Башня круглая	Башенный выступ	Тип кладки: Орфостатная	Тип кладки: Ложковая облицовочная	Тип кладки: Двухстанцирная "в елку"	Тип кладки: Без фундамента	Устройство основания: Подсыпка нивелировочная	Устройство основания: Подбутовка скалы	Устройство основания: Лежень нивелировочный	Устройство основания: Использование древнего основания	Связующий материал: Известковый раствор	Связующий материал: Земляка	Связующий материал: Глина	Кладка насухо	Тамго- и руноподобные знаки на блоках оборонительных стен	Наличие салтовского материала
Боспор – Корчев	?	2,5	?	–	–	–	–	+	+	+	–	–	+	+	–	–	+	–	–	+
Сугдея	50	2,7	?	+	–	–	+	+	–	+	–	–	–	–	+	+	+	–	+	+
Мангуп	90	3,5	+	+	–	–	–	+	+	+	–	–	–	–	+	+	–	–	+	+
Чуфут-Кале – Кырк-Ор	40	5,0	+	+	–	–	–	+	–	+	+	+	–	–	+	–	–	–	+	+
Сюйрен	7	2,2	–	–	+	–	–	+	–	+	+	+	–	–	+	–	–	–	–	+
Кордон-Оба	1,0	3,0	+	–	–	–	–	+	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	+	+
Кыз-Кермен	15	2,5	+	–	–	+	–	+	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	+	+
Тепсень	?	2,0	+	–	?	?	+	–	+	+	–	–	–	+	–	–	+	+	–	+
"Чайка"	0,48	2,0	+	–	–	–	+	–	–	+	–	–	–	+	–	–	–	+	–	+
Боксанское	10	2,5	+	–	–	+	+	+	–	+	–	+	–	–	–	–	+	–	?	+

ных провинций империи с ее развитой сетью фортификационных сооружений в Северной Африке, на Ближнем Востоке и островах Средиземноморья [129, с. 69–77; 269, с. 138–225; 270, с. 504–506, табл. 278; 271, с. 135–185]. Для памятников византийского круга незыблем принцип перевязи панцирей с забутовкой. Он сохранился во всех типах кладок, будь то оборонительные, гражданские или церковные сооружения, и совершенно не зависел от используемого материала, добываемого обычно на месте строительства. Обязательна и инженерная подготовка территории при возведении стен или башен: в случае их установки на скале вырубались постели, в которых жестко крепились нижние ряды кладок, а при строительстве на грунте фундамента бутовались в траншеях, опущенных до скалы или плотного материкового основания. В византийских и западноевропейских крепостях не отмечено ни одного случая бесфундаментного оборонного строительства. Такие строительные приемы при возведении укреплений, связываемых нами с салтово-маяцким строительством, противоречат сложившейся малоазийской и европейской фортификационной практике и уводят нас в поисках аналогов за пределы Крымского п-ова на территорию донской и северо-кавказской Хазарии, а также в районы расселения тюрок на Нижнем Дунае и Балканах.

Как видно из табл. 2, укрепления по сложности крепостных ансамблей, протяженности главной крепостной ограды и площади делятся на три типа. К первому можно отнести укрепленные поселения с площадью огражденной территории до 15 га – Кордон-Оба, Баксанское, Кыз-Кермен, "Чайка", стены которых сложены без применения известковых растворов и ограждали территории, – разной плотности заселения. Некоторые из этих

городищ находятся в окружении неукрепленных поселений и в случае опасности могли служить для населения последних убежищами. Эти укрепления по размерам и планировке аналогичны каменным городищам Подонья и принадлежат к одной общественной категории – укрепленным поселениям аильного типа, являвшихся родовыми гнездами больших семей выделявшейся салтово-маяцкой родовой знати [35, с. 33]. В таких поселениях, как Кыз-Кермен, судя по характеру однотипных родовых тамг, могли проживать по две-три большие семьи, объединенные в коллектив родственными узами и подчиненные главе старшей семьи.

Ко второму типу можно отнести единственный памятник – Сюйренскую крепость с двумя поясами оборонительных сооружений, из которых внутренний сложен на известковом растворе и имел жилую башню-донжон. По планировке и военно-тактическим показателям, Сюйренский комплекс близок к белокаменным замкам салтовского Подонья. По аналогии с последними можно предполагать, что в сюйренской цитадели находилась ставка тюркского феодального владетеля, по своему социальному положению приближающемуся к владельцам Саркела или Правобережного Цимлянского городища. Несколько лучшая среди памятников подобного ранга фортификационная обеспеченность сюйренского замка и некоторая парадность его крепостного ансамбля могут свидетельствовать об общественной значимости его владельца в системе феодальной иерархии Хазарского каганата. Собственно укрепление приближается к крепостям, каковыми в полной мере являлись в Таврике Боспор, Сугдея, Мангуп и Чуфут-Кале, отнесенные нами к третьему типу салтово-маяцких укреплений.

Салтовские городища третьего типа (см. табл. 2) превосходят наиболее крупные укрепленные поселения в 3–4 раза. Исключение составляет лишь цитадель Боспора – Корчева, истинная площадь которого неустановлена. Однако, судя по значению, отмечаемому различными письменными источниками, и местам находок салтовского материала на территории города, а также наличию в нем, помимо салтовских, византийских монументальных построек, размеры хазарского Боспора не уступали остальным крепостям этой группы. Кроме стены хазарской цитадели Боспора, фортификационные сооружения остальных памятников возведены на известковом растворе и ограждали огромные пустующие территории, освоенные лишь в послехазарскую эпоху в XI–XII вв., когда эти городища с исключительно оборонительной первоначально функцией (т.е. государственные крепости) превратились в наиболее крупные средневековые города Южной Таврики. Многократно убеждаясь в прагматизме средневековых строителей, избегавших необоснованно трудоемких затрат, трудно поверить в неоднократно высказавшуюся Е.В.Веймарном гипотезу о назначении огромных пустырей внутри Мангупа и Чуфут-Кале для укрытия скота из соседних сел в случае военной опасности. Напомним, что такая же топографическая ситуация была и в Судакской крепости, где внутри главной крепостной ограды, толщина которой достигала 2,7 м, находились жалкие салтовские хижины, разбросанные друг от друга на значительном расстоянии. Мощность оборонительных сооружений Чуфут-Кале несоизмерима с задачей защиты стад в военное время, а протяженность и фортификационная сложность оборонительных стен Мангупа и Сугдеи в IX–X вв. намного превышала потребность огражденных ими салтово-маяцких поселений в необходимой обороне. Проживавших внутри крепостей взрослых мужчин-воинов вряд ли могло хватить для контроля и защиты хотя бы десятой части крепостного периметра. Логичнее предположить, что население крепостей несло их охрану лишь в мирное время, а в случае войны здесь могли сосредотачиваться крупные военные силы. Догадываться об этом позволяет структура хазарского войска. По свидетельству арабского географа X в. Ал-Масуди, "между царями Востока в этих странах никто не содержит войска на жаловании, кроме царя хазарского", [234, с. 130], т.е. ядро хазарского войска было регулярным, чего не было ни в одной из раннефеодальных армий Евразии. Однако в случае войны, согласно сообщению Ибн Даста, на "зажиточных и богатых из них (лежит) обязанность поставлять всадников" [272, I, § 5]. Возвращаясь к реалиям Сугдеи и Мангупа, можно, скорее всего, предполагать, что в мирное время в этих крепостях находились хазарские военачальники с регулярным отрядом, а в военное – в крепости стекались отряды родовых вождей со всей территории Крымской Хазарии, а также основные силы каганата в случае военных действий в Таврике. Таким образом, эти крепости играли, по существу, роль военных лагерей. Сообщения о хазарских укрепленных лагерях можно найти у Марвази и Шукрул-

лы, писавших об устройстве походного лагеря при помощи колов, перевозимых в походе воинами [273, с. 222]. Аналогичные лагеря эпохи аваро-византийских войн, по сообщению Феофилакта Симокатты, укреплялись рвами и валами [274, VI, 1]. В долговременных лагерях, при выборе места для которых приоритет, по Кекавмену, отдавался открытым и защищенным самой природой местам, приспособленным для отдыха людей и животных [275, I, § 13], войска устраивались на отдых перед сражениями. Такие лагеря, как правило, создавались воюющими армиями на чужих территориях с враждебно настроенным населением. Необходимость в подобных укрепленных лагерях в Таврике вызывалась, как сказано выше, задачей сохранения в составе каганата завоёванной Готии. Население последней, подогреваемое византийским Херсоном и православной церковью, регулярно восставало, и хазары были вынуждены держать в Таврике регулярные войска и создавать защищенные базы для карательных походов как на Готию, так и на византийский Херсон.

О численности хазарских войск в Сугдее можно предполагать, исходя из ранга находившегося в ней постоянно хазарского наместника, известного по "Житию" Стефана Сурожского под именем Юрия Тархана [235, с. 257–259]. По Ибн-Фадлану, тархан у тюрок являлся крупным военачальником, подчиненным только командующему войсками и кагану [271, § 32]. Как известно, самым крупным подразделением в тюркском войске был тумен, состоящий из 10 тыс. всадников. Таким образом, Сугдея, во главе которой стоял тархан, предназначалась для развертывания хазарского тумена. Подобные укрепленные лагеря, построенные для сосредоточения и отдыха крупных контингентов хазарских войск, существовали и за пределами Таврики. Ситуация, аналогичная Сугдее, по мнению М.И.Артамонова, сложилась в хазарский период в Тмутаракани, этимологию названия которой он выводит от тюрко-хазарского "тумын-тархан" [40, с. 431]. Первая часть названия города Тмутаракани сохранилась в топониме Тамань и точно переведена с тюркского русским словом "тьма" – десять тысяч.

ГЛАВА IV
ЭКОНОМИКА

Помимо вопросов хронологии и типологии памятников Крымской Хазарии, археологические материалы позволяют судить и об основных направлениях хозяйственной деятельности ее населения. Судя по составу находок орудий труда, ведущее место в хозяйстве носителей салтово-маяцкой культуры занимало пашенное земледелие. Оно почти не освещено в работах наших предшественников и требует специального рассмотрения.

1. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Земледелие – основа салтово-маяцкой экономики в Крыму. Это объясняется отсутствием значительных пастбищ и нехваткой воды в степях (см. гл. I), что вынуждало кочевников отказаться от традиционных форм ведения хозяйства и привело к их оседанию на землю. Процесс перехода к новым формам хозяйствования облегчался природными условиями мест оседания : плодородные почвы Керченского п-ова, предгорий Таврики и ее горных речных долин давали стабильные урожаи даже при самой примитивной технике. Земледельческий уклад населения прослеживается по немногочисленным, но разнообразным орудиям труда, которые можно разделить на три группы: орудия обработки земли, уборки урожая и переработки продуктов земледелия. Имеющиеся материалы позволяют классифицировать крымско-салтовские пахотные орудия с учетом классификационных принципов, разработанных отечественными исследователями [142; 277; 278; 279].

Известные в Крыму салтовские наральники принадлежат к типу втульчатых. Наиболее ранние образцы обнаружены Н.Л.Эрнстом в 1929 г. в одном из жилищ Баклинского городища (по одному сошнику от сохи и тяжелого плуга). Они выкованы из цельного куска железа и имеют лопатообразную рабочую часть, заостренную внизу. Наральники крепились к деревянной основе при помощи широкой втулки. Аналогичные орудия широко представлены на салтовских памятниках Подонья – Цимлянском городище, поселениях Петровское, Маяки, Красное и др. [35, с. 144, рис. 38, *9*; 142, рис. 22, *1, 2, 4, 5, 11*; 23, *2*]. Наральник второй половины IX–X в. обнаружен нами в 1976 г. при раскопках кузнечной мастерской на Кордон-Обе (рис. 24). По размерам и форме он близок к орудиям VIII в., но отличается от них более уплощенной рабочей частью. По ширине втулки (8,0 см) и соотношению длины наконечника к его ширине кордон-обинский наральник можно отнести к группе I железных наконечников Восточной Европы, по классификации Ю.А.Краснова [278, рис. 1].

Чересло от тяжелого плуга известно в Таврике в единственном экземпляре и происходит из салтовского жилища на Тепсене (рис. 24, *4*) [145, с. 143–144, рис. 10, *1*]. Это сильно коррозированный массивный железный нож длиной 22 и шириной 7 см. Аналогичные орудия обнаружены в синхронных Тепсеню слоях Саркела [280, с. 168–170], на Правобережном Цимлянском городище и в Маяках [142, с. 36]. Однако последние отличаются от тепсеньского чересла большими размерами. Более близки к нему чересла из позднесредневековых поселений Крыма. Типологическая близость основных деталей плуга VIII–X вв. и позднесредневековых позволяет реконструировать плуг на основании крымских этнографических материалов.

Изображение тяжелого плуга с чересломобнаружил П.И.Кеппен на надгробии в Ласпи [281, с. 26]. Оно типологически близко к надгробиям из некрополей близ сел Лаки и Горянка Куйбышевского р-на, может датироваться XV–XVIII вв. Плуг на

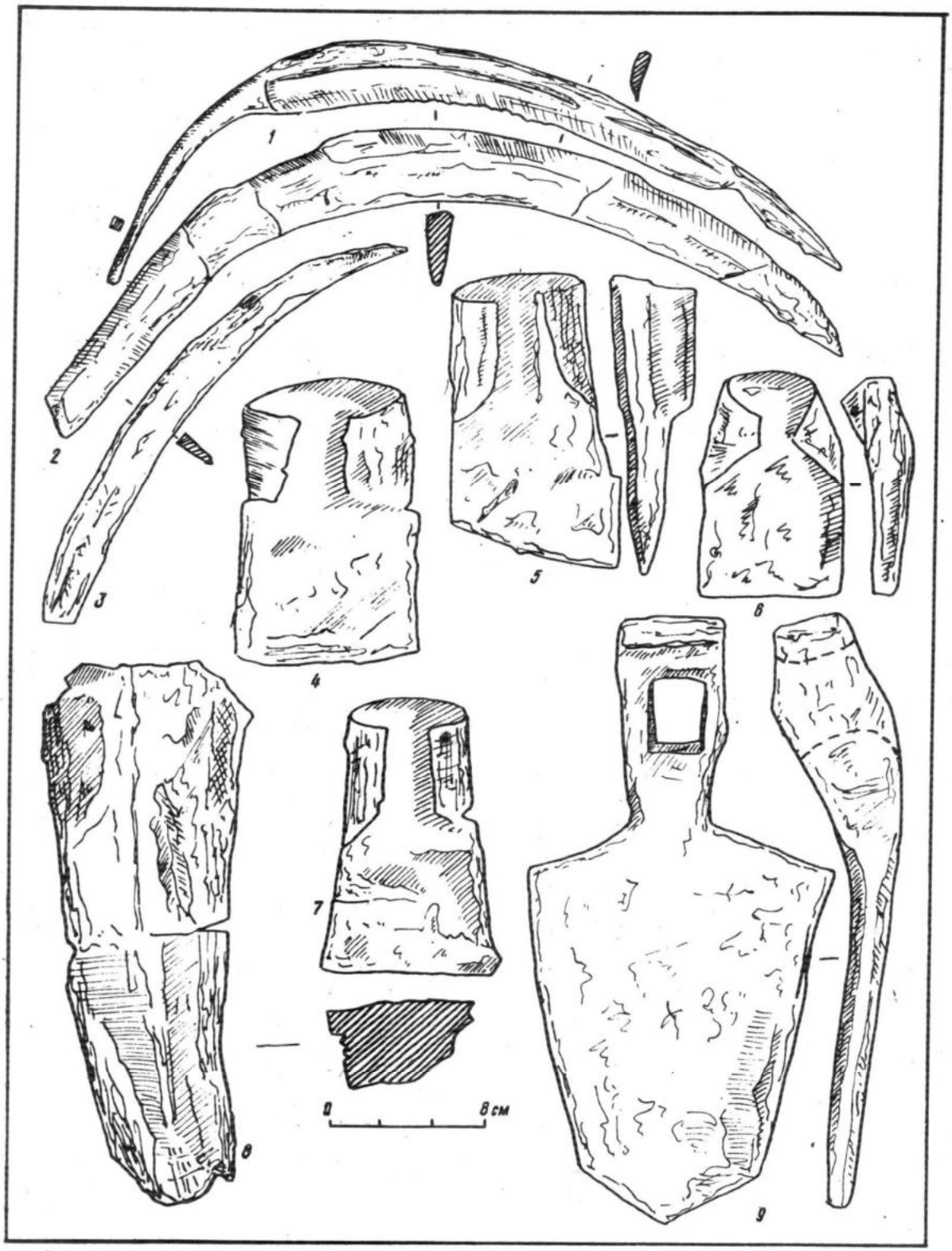


Рис. 24. Земледельческие орудия.
1 – Тау-Кипчак; *2–5, 7* – Тепсень; *7* – Кордон-Оба; *9* – Поляны.

ласпинском надгробии схематичен, однако отдельные детали позволяют судить о его устройстве. Он состоял из полоза, рукояти, наральника, чересла и дышла. Зная длину чересла, можно установить, что длина ласпинского плуга не превышала 2 м. По классификации Г.С.Читая, основанной на грузинском материале, такой плуг назывался яремным [282, с. 235–239]. Изображение аналогичного плуга есть на стене церкви XI в. в Плиске [283, с. 116, рис. 51], поэтому нет оснований сомневаться в существовании подобного плуга в Таврике на столетие раньше.

Устройство беспередкового плуга с чересломказалось столь надежным, что он без особых изменений просуществовал от раннего средневековья до конца XIX в. и был

распространен на большей части территории Центральной и Восточной Европы. Он известен в XII в. в Румынии [294, с. 423–437], у славян Восточной Европы (отметим, что западнее среднего течения Вислы и Эльбы этот тип плуга не проник) [285, с. 437]. Аналогичный плуг, известный под названием сапан или сабан, использовался в Крыму и в позднесредневековое время [286, рис. 3].

Время появления тяжелого плуга с чересло́м в Северном Причерноморье остается невыясненным. Однако существование его в Таврике в VIII–X вв. – неоспоримый факт. Любопытно, что в Византии того же времени подобный плуг не известен [287, с. 28]. В раннесредневековую эпоху там продолжали бытовать земледельческие орудия, известные с античного времени. Первое и единственное раннее свидетельство о плуге с чересло́м в Малой Азии можно найти только в "Геопониках" – византийской агрономической энциклопедии X в. [288, с. 20], т.е. в Северном Причерноморье такой плуг появился по крайней мере на столетие раньше.

Помимо плуга, в Таврике для обработки почвы применялись и тяжелые мотыги (рис. 24, *5*). Длина мотыги из салтовского дома в с.Поляны вместе с обухом 21 см [31, с. 150, рис. 98]. Тяжелые мотыги не характерны для лесостепной зоны Восточной Европы, но широко применялись в Византии при подготовке поля под посев и при прополке сорняков [288, с. 149, рис. 74, *22*]. Аналогичные мотыги известны в Южном Причерноморье еще с позднеантичной эпохи. Наличие их у салтовцев Таврики позволяет предполагать тщательную и многократную обработку земли, близкую по характеру к византийской. Вероятно, на Крымском п-ове в VIII–X вв. происходило взаимное обогащение двух наиболее передовых агротехнических культур раннего средневековья – византийской и восточноевропейской. Можно предположить, что Северное Причерноморье и было тем мостом, по которому агротехника русской Лесостепи с ее усовершенствованными пахотными орудиями (тяжелый плуг с чересло́м) проникла в Малую Азию, оттуда же на север попали некоторые другие земледельческие орудия и новые сорта зерновых (например, твердая пшеница).

К пахотным орудиям можно отнести и некоторые салтовские тесла-мотыжки (рис. 24, *6–9*). В Крыму они обнаружены исключительно в жилищах и, как правило, в составе другого сельскохозяйственного инвентаря. Так, в усадьбе № 1 на Кордон-Обе мотыжка находилась вместе с серпом, а в усадьбе № 2 того же поселения – с наральником, серпом и виноградным ножем. Тесла-мотыжки – орудия универсальные. Часть из них имела короткую коленчатую рукоятку и применялась в качестве деревообрабатывающего инструмента и земледельческого орудия для дополнительного рыхления земли после отвальной вспашки. Кроме того, по мнению В.К.Михеева, они могли служить для очистки рал и плугов, что подтверждается этнографическими материалами Болгарии, Чехословакии и Молдавии [142, с. 39].

Находки орудий для сбора урожая более многочисленны (рис. 24, *10–15*). К ним относятся серпы и косы-горбуши. Серпы обнаружены в жилищах Тау-Кипчака, Тепсеня, Кордон-Обы, Горного Ключа. Однотипные орудия известны на византийских поселениях VIII–X вв. – на горе Кастель близ Алушты, а также у сел Гончарное и Передовое в Байдарской долине [31, с. 149, рис. 51, *2*; 74, *22*]. Крымско-салтовские серпы относятся к одной группе – черешковым. Их плоская пятка непосредственно продолжает клинок. Конец пятки имеет шип, который надевался на деревянную или костяную рукоять. За исключением серпа из Тау-Кипчака с пилообразным лезвием у остальных орудий заостренное лезвие и острый конец. Этнографические материалы показывают, что разные размеры серпов, являющихся исключительно женским орудием уборки урожая, связаны с возрастным разделением: серпами с малыми клинками и укороченными рукоятями работали дети, а с большими – взрослые [289, с. 60–62].

Коса-горбуша обнаружена в комплексе IX в. на Тепсене (рис. 24, *15*). Ее лезвие плавно изогнуто и по форме напоминает серп, однако значительно длинее и шире: длина косы 28, ширина лезвия 3 см [145, с. 144, рис. 10, *2*]. Подобные косы известны на салтовских поселениях Подонья и на древнерусских памятниках XI–XII вв. [35, с. 147, рис. 38, *1*]. Как полагал В.И.Довженок, появление косы-горбуши в Северном Причерноморье было связано с распространением плужного земледелия [277, с. 146–147].

На поселении Кордон-Оба в составе клада железных предметов в доме кузнеца обнаружен единственный в Крыму средневековый виноградный нож с горбатой плоской спинкой, черенковой рукоятью и массивным сильно изогнутым лезвием (рис. 27, *12*).

Следует отметить, что на этом же салтовском поселении на крутых склонах холма в 1980 г. были зачищены крепиды земледельческих террас с кустами одичавшего винограда. Наделы располагались на площади около 2 га уступами шириной до 10 м. При шурфовках наделов в грунте обнаружен лишь материал VIII–X вв., позволяющий уверенно связать эти поля с салтовцами. В срезе грунта одной из верхних террас обнаружены лунки диаметром 0,4–0,6 м при глубине 0,5 м и расстоянии между лунками до 0,5 м. Такие виноградники обнаружены нами и на византийском поселении близ монастыря в уроч. Димитраки близ Судака, а сильно размытые остатки террасированных плантажей – на салтовском поселении на мысе Ай-Фока. Система лунок плантажа на северном склоне холма Кордон-Оба напоминает античные плантажи, обнаруженные С.Ф.Стржелецким на Гераклейском п-ове. По его мнению, при расстоянии между виноградными кустами 0,5 м на площади виноградника 1 га могло быть высажено около 5000 кустов [290, с. 110]. Следовательно, на плантажах Кордон-Обы урожай собирали приблизительно с 10 тыс. кустов винограда.

На всех без исключения салтовских поселениях Таврики встречаются орудия переработки урожая: жернова, зернотерки, каменные ступы. В Тау-Кипчаке в жилище второй половины VII в. обнаружена зернотерка, что может свидетельствовать о примитивном уровне земледелия оседавших кочевников на начальном этапе седентаризации. Однако в комплексах VIII в. на том же поселении встречены исключительно ручные жернова. Их диаметр от 0,4 до 0,6 м при толщине 0,1–0,15 м. Тип жерновов на ручных мельницах-поставах оказался очень устойчивым и без существенных изменений употреблялся салтовцами Таврики на протяжении трех столетий. Их обломки обнаружены на всех без исключения салтовских поселениях региона. При раскопках Кордон-Обы, Тепсеня, Тиритаки, Мирмекия, Инкермана и Ай-Фоки найдено более десятка жерновов в каждом из них. Можно предполагать, что помолом занималась каждая семья.

Наряду с помолом зерна в каждой семье в IX в. выделяется, возможно, мукомольное ремесло. Специализацию переработки зерна позволяет предполагать находка в салтовском комплексе на поселении под Загайтанской скалой в Инкермане помещения с мельницей, в которой находились не менее двух пар жерновов диаметром 2,0 м, толщиной 30 см. Такие жернова могли вращаться только при помощи тягловой силы. Наличие подобной мельницы у салтовцев подразумевает относительно высокую продуктивность их зернового хозяйства в IX в.

Жернова небольших размеров изготовлены по одному образцу из местных песчаников и известняков. Лишь в одном случае на Кордон-Обе в 1980 г. найдены парные жернова из зеленого трасса, добытого в этой же долине на горе Кара-Даг. Мастерские по их производству обнаружены В.М.Маликовым в древней каменоломне на окраине салтовского поселения близ пос. Слюсарево на Керченском п-ове, где заготовки жерновов вырубались в монолитной скале, а затем выпиливались. Аналогичная мастерская найдена нами на южном склоне горы Перчем в Судаке. Она обслуживала разноэтничное население Судакской долины на протяжении средневековья.

В Тиритаке, Тау-Кипчаке и некоторых других салтовских поселениях Таврики найдены каменные ступы высотой от 0,5 до 1,0 м. Аналогичные ступы еще в начале XX в. употреблялись в селах Кавказа для лущения проса [182, с. 240]. Для перетирки мягких продуктов использовались пестики-куранты, изготовленные из обожженной глины. Зачастую они украшались орнаментом в виде косых насечек или вдавлений острой палочкой.

Состав полевых культур на салтовских поселениях Таврики разнообразен. На первом месте среди находок стоят зерновые, и в первую очередь пшеница. В трех случаях она обнаружена в салтовских комплексах на Бакле: в 1929 г. Н.Л.Эрнстом, в 1965 г. Д.Л.Талисом и в 1972 г. А.И.Романчук [291, с. 6]. Кроме того, зерна пшеницы найдены в салтовском горшке на Базмане, а также встречены в жилищах Пампук-Каи и Героевки [31, с. 149; 292, с. 18]. В одном случае на Бакле обнаружена твердая пшеница (Triticum darum Dest), ее полбяная разновидность (Triticum aestvum L) и карликовая пшеница (Triticum compactum Host) в соотношении 2 : 2 : 1. Остальные образцы представлены мягкой пшеницей, широко распространенной в Таврике и в Северном Причерноморье еще с античной эпохи [293, с. 42–47]. По мнению З.В.Янушевич, мягкая пшеница проникла в Северное Причерноморье из Азии и до XII в. была распростра-

нена в среде исключительно неславянских народов [294, с. 101]. В Крыму она сохранила положение основного хлебного злака вплоть до начала XX в. [295, с. 315].

На втором месте после пшеницы стояла рожь. В видовом отношении определены зерна из Пампук-Каи и Баклы: это культурная рожь (Secale serale L) крупнозернистой формы [31, с. 149].

Другие полевые культуры салтовских поселений Крыма известны по единичным находкам. К ним относятся зерна ячменя, обнаруженные вместе с рожью, овсом, полбой двузернянкой и ячменем на Бакле в 1972 г., а также ячмень с рожью и пшеницей на Пампук-Кае и в Героевке [31, с. 149; 292, с. 18]. Кроме того, в салтовских жилищах Судакской крепости в 1986 г. и на Бакле в 1929 г. обнаружено пшено, на Кордон-Обе – просо, а в землянке на мысе Ай-Фока – зерна винограда в салтовском горшке.

Исходя из зернового фонда салтовских поселений Крыма можно заключить, что он близок к составу культур античной Таврики и соответствует ассортименту византийского средневековья, известному из "Геопоник". В то же время на салтовских поселениях полуострова по сравнению с первыми веками н.э. увеличился удельный вес ржи.

Характеристика орудий труда и состав полевых культур раскрывают лишь одну сторону салтовского земледелия в Таврике: они говорят о развитом зерновом хозяйстве с VIII в. О системе полеводства и связанной с ней рентабельностью земледелия можно судить на основании стратиграфических данных, большая часть которых получена в Тау-Кипчаке.

Напомним, что анализ стратиграфических материалов Тау-Кипчака позволил датировать вырубку леса на левом берегу Зуи и ее надпойменной террасе второй половиной VII – первой половиной VIII в. Одновременно изучение культурных отложений на склоне и в пойме реки позволило П.Д.Подгородецкому и В.П.Душевскому сделать вывод об интенсивном смыве грунта с верхней денотированной террасы на левом берегу реки. Смыв грунта, также, как и формирование слоя лугово-черноземной почвы в балке, прослеживающегося вдоль всей поймы, вероятнее всего можно связать со вспашкой. Последняя изменила микроструктуру грунта и способствовала его интенсивному размыву.

Степень эрозии была столь значительна, что накопившиеся в устье балки слои "отодвинули" древнее русло Зуи на десяток метров в сторону восточной части поймы (см. рис. 8). Этот процесс занял вторую половину VII – первую половину VIII в.: в галечниках русла реки обнаружена та же датирующая керамика, смытая со склонов, что и в закрытых комплексах поселения. Интенсивный смыв грунта и изменение русла Зуи почти прекратились между VIII и XIX вв. – в период, когда распашка не производилась. Они возобновились лишь в современную эпоху, что нашло отражение в стратиграфии. Увязка слоя лугово-черноземной почвы в балке и в пойме с археологическими материалами позволила предполагать интенсивную распашку полей и эрозию плодородных почв именно в салтовское время. Раннесредневековые поля, по мнению геоморфологов, полностью совпали с современной пашней.

Говоря об эффективности земледелия жителей раннесредневекового Тау-Кипчака, по нашему мнению, следует исходить из очевидности трех факторов: вырубки леса под пашню с последующей глубокой вспашкой, площади пахотной земли и демографических расчетов. Не будем углубляться в анализ систем средневекового полеводства. Эти общие вопросы рассмотрены В.М.Слободиным, В.Д.Блаватским, Ю.А.Красновым и др. [296, с. 60]. Остановимся на характеристике земледелия поселения Тау-Кипчак.

Несмотря на вырубку леса с выжигом – его следы зафиксированы на значительной площади в пойме реки и на склонах холмов, – применение в Тау-Кипчаке подсечного земледелия полностью исключается. При таком способе обработка почвы по выжигу производилась вручную, при этом большая семья в 40 человек засевала в год не более двух-трех десятин пашни [297, с. 11; 298, с. 56]. Применительно к Тау-Кипчаку есть веские основания говорить о применении при распашке плуга и вчетверо больших размеров пашни. Плужное земледелие в данном случае предопределяет лесной перелог. В Таврике, возможно, чередовались зерновые с паром, или зерновые с бобовыми, как это наблюдалось на позднеантичном Боспоре [299, с. 168]. Переложная система земледелия практически без изменений просуществовала в Крыму до конца XIX в. [295, с. 317], т.е. два тысячелетия.

В прямой зависимости от системы земледелия находится урожайность зерновых, а следовательно, и рентабельность хозяйства. Об урожайности поселений Таврики VII–X вв. нет письменных данных. Однако для выяснения этого вопроса могут служить этнографические материалы крымских архивов. Разумеется, использование данных XVIII–XIX вв. при ретроспективном изучении сельского хозяйства салтово-маяцких поселений возможно при двух условиях: неизменности орудий труда и агротехники и совпадении физико-географических условий.

Первое условие, как показано выше, совпадает полностью. Идентичность физико-географических условий VII–VIII и XIX в. очевидна при наложении на графические схемы многовековой изменчивости климата временных отрезков хазарской эпохи и нового времени. Методика идентификации географических условий разработана А.В.Шнитниковым и Г.К.Тушинским и подробно рассмотрена нами в гл. I. Эти данные, а также результаты археологических и геоморфологических наблюдений дают основание для моделирования сельского хозяйства крымских салтовцев.

Архивные материалы по урожайности и видовому составу полевых культур Крыма в XIX в. наиболее полно собрал С.А.Секиринский. Он составил таблицу средней урожайности зерновых в Крыму за 1899–1908 гг. Все расчеты велись в пудах с десятины. Такая урожайность была, по его мнению, стабильной в течение всего XIX в. [295, с. 313, табл. 2]. При этом следует подчеркнуть, что она прослежена на материалах наименее плодородных районов. Урожайность в горных речных долинах и на пойменных землях была на порядок выше.

Таблица 3. **Урожайность зерновых в Крыму в XIX – начале XX в.**

Показатель	Пшеница	Рожь	Ячмень	Всего зерновых
Посевы на десятину	8,0	7,2	7,8	7,6
Сбор с десятины	36,3	38,4	36,1	36,7
Сбор в "самах"	4,5	5,3	4,6	4,8

В связи с тем что пшеница была основной зерновой культурой салтовских поселений Крыма, все экономические расчеты можно производить исходя из ее минимальной урожайности сам-4,5 [295, с. 313]. Такая урожайность хлеба в Крыму была средней и не опускалась ниже даже в самые засушливые годы. Этот показатель невысокий: в античных городах Северного Причерноморья средняя урожайность пшеницы составляла сам-6 [300, с. 158–159], а средневековой Европе – сам-8 [301, с. 151]. Как отмечалось, в отдельных районах Крыма сборы зерновых намного превышали средние показатели. Так, в XVIII–XIX вв. на Керченском п-ове и в поймах рек Карасу и Индола урожайность пшеницы превышала сам-40, достигая в отдельные годы сам-100.

Расчеты производства зерна проведем из ретроспективных данных позднесредневекового Тау-Кипчака. Материалы фонда Губернской чертежной, основу которого составляют планы землепользования, показывают, что в 1872 г. на 18 дворов (87 человек) приходилось 488 десятин пахотной земли [302]. Половина ее, по правилам агротехники того времени, засевалась под хлеб [295, с. 317]. Опираясь на эти данные, можно судить о размерах пахотных полей салтовского населения, которое впервые подняло земли верхней надпойменной террасы, использованные в тех же естественных границах, что и жителями позднесредневекового Тау-Кипчака. Таким образом, на одну салтовскую семью Тау-Кипчака могло приходиться около 20 десятин пашни. Из них не менее 10 десятин при перелоге засевалось зерном. На посев одной десятины требовалось в среднем 126,6 кг зерна, т.е. при урожайности пшеницы сам-4,5 урожай мог составлять не менее 570 кг зерна или 19 пудов. Собранный со всего поля урожай составлял не менее 6 т зерна на одну парную семью. Эти расчеты скорее занижены, чем завышены. На синхронных Тау-Кипчаку славянских поселениях Днепровского Левобережья сбор зерновых с десятины составлял не менее 40 пудов, а на более поздних поселениях Киевской Руси – 50 пудов [303, с. 101; 277, с. 187].

По этнографическим данным, прожиточный минимум одного человека в год при зерновом хозяйстве составлял около 182 кг хлеба [304, с. 53; 305, с. 102], т.е. в год семья могла потреблять около 900 кг хлеба. Из нового урожая на посев уходило 1266 кг зерна. Следовательно, излишек зерна у одной салтовской семьи мог составлять около 4 т, а у жителей поселения, аналогичного Тау-Кипчаку – около 100 т хлеба.

При такой урожайности салтовские поселения середины VII – первой половины VIIIв. могли давать около 3 тыс. т избыточного хлеба, поступавшего, вероятнее всего, на византийские рынки. Не меньше зерна могли давать и расположенные близ Херсона поселения провинциально-византийской культуры. С увеличением числа земледельческих поселений со второй половины VIII в. (как салтовских, так и византийских с их более высокой агротехникой и урожайностью) количество зерна, поступавшего на рынок, должно было увеличиться более чем в два раза. При этом нельзя забывать, что, во-первых, археологическая карта этих районов Таврики далеко неполная; во-вторых, жители крымских городов, как и городское население остальной части Византии, тоже занимались пашенным земледелием, о чем свидетельствует один из законов Льва V (886–912 гг.) – о пахотных участках горожан [306, с. 105–106], а также находки в Херсоне тяжелых наральников, а в его ближайшей округе на Гераклейском п-ове и в Килен-Балке – раннесредневековых сельскохозяйственных усадеб и, в третьих, реальный урожай раннесредневековых поселений скорее всего значительно превышал расчетный. Но даже при минимальных показателях избыточное зерно только известных сельских поселений округи Херсона могли прокормить не менее 10 тыс. жителей (в два раза больше, чем все городское население Херсона).

В этой связи необходимо пересмотреть выводы А.Л.Якобсона, который писал об экономическом упадке в Херсоне во второй половине VII–IX в., вызванном, по его мнению, прежде всего с сокращением сельскохозяйственной округи города [132, с. 36]. Основываясь на письмах римского папы Мартина, сосланного в Херсон в мае 655 г. и умершего там в апреле 656 г. [307, с. 116], А.Л.Якобсон характеризовал весь хазарский период истории Таврики как эпоху упадка, связанного с сокращением хлебной торговли [132, с. 36]. Эти выводы могут быть справедливы только для времени, когда писались письма папы Мартина. В Херсоне в 655–656 гг. действительно могла ощущаться нехватка хлеба. С одной стороны, в первой половине VII в. Херсон и его округа были опустошены сильной эпидемией чумы, дважды прокатившейся по большинству городов Причерноморья и нанесшей ощутимый удар по их экономике [306, с. 99–101]; с другой – сельскохозяйственная округа крымско-византийских городов к середине VII в. только начинает восстанавливаться после аварских набегов VI – начала VII в. и опустошительного вторжения тюркютов 581 г. Заметим, что распад оногурской конфедерации в Приазовье и миграция ее кочевых племен в Таврику приходится на 656 г. – время, когда и писались письма папы Мартина. Оседание этих кочевников на землю заняло какой-то отрезок времени (вряд ли этот процесс был очень быстрым), т.е. в 656 г. новое население не могло еще играть сколько-нибудь серьезного значения в экономической жизни Таврики. Обстановка стабилизировалась где-то во второй половине VII в. после завершения процесса седентаризации кочевников. Поселения второй половины VII – первой половины VIII в. численно превалировали над более ранними (V–VI вв). Включение Приазовья и части Восточной Таврики в состав Хазарского каганата во второй половине VII в. привело к прекращению набегов кочевников на полуостров, следствием чего было значительное увеличение населения и восстановление древнего земледельческого района от долин Главной гряды Крымских гор до Северного Присивашья и Каркинитского залива. В этот период, вероятно, не только был ликвидирован кризис с хлебной торговлей в византийских городах Таврики, но и, возможно, зерно вывозили в Константинополь и другие города Малой Азии, которые с потерей в VII в. северо-африканской и ближневосточной житниц в нем остро нуждались [306, с. 90]. По мнению Д.Оболенского, снабжение продовольствием Византии из районов Северного Причерноморья и Таврики с незначительными перерывами сохраняло жизненно важное значение для Константинополя до XV в. [308, с. 249]. Такой перерыв отмечается лишь в конце IX–X в., когда в результате ослабления, а затем разгрома Хазарской державы в южно-русские степи хлынули орды печенегов и угров. Тогда вновь были нарушены экономические связи крымских городов с их земледельческой округой. В X в. в Таврике, как и во времена папы Мартина, наблюдается сокращение ввоза местного хлеба в Херсон. С середины X в. город вновь начинает ввозить хлеб из-за моря, испытывая в нем острую нужду. Об этом сообщает Константин Багрянородный: "Когда они не привозят хлеба из Амиса, Пафлагонии, из фемы Букелариев и из фем, которые расположены близ фемы Армениаки, они не могут существовать" [227, с. 44].

2. ЖИВОТНОВОДСТВО

Животноводство в равнинной зоне Таврики, несмотря на его подчиненное положение по отношению к земледелию, продолжало сохранять значение одной из ведущих отраслей хозяйства населения Крымской Хазарии. О его значимости могут свидетельствовать только археологические данные, которые делятся на две группы: остеологические материалы, обнаруженные при раскопках поселений обоих периодов салтово-маяцкой культуры в Крыму и загоны для скота. Последние являются важным материалом для характеристики организации животноводства.

В Крыму известны загоны для скота, которые можно датировать VII–X вв. Это укрепленные загоны на вершинах гор Кастель и Базман, приусадебные загоны в Ласпи и на Кордон-Обе, коши в пещерах "Партизанская" и Суук-Коба на Чатырдаге и огороженные загоны на окраинах поселений в Меловом и на Баксане на р.Бурульче [281, с. 159; 210, с. 27–28; 219, рис. 11]. С поселениями салтово-маяцкой культуры можно связать скотоводческие комплексы на Бурульче, Базмане, Чатырдаге и Кордон-Обе. Остановимся на них более подробно.

Укрепленный загон над обрывом Базманского хребта известен в литературе как укрепление "Исар" с середины прошлого века. Его подковообразная стена примыкает краями к обрыву. Она сложена насухо из крупных глыб местного известняка в два панциря с забутовкой из мелкого рваного камня в VIII–IX вв. и не превышала в момент строительства человеческого роста. Ее толщина, несмотря на небольшую высоту, достигает 1,6–1,8 м [210, с. 28]. По мнению О.И.Домбровского, обследовавшего загон в 1962 г., проема для ворот в стене не было, но оба ее конца не доходили до края скалы, оставляя перед обрывом узкие проходы, вполне достаточные для человека или животного. Площадь, огражденная стеной, – 4,3 га. Однако отсутствие сплошной линии обороны, башен или башенных выступов, а также незначительная высота стен без парапетов и зубцов могут свидетельствовать о небоевом назначении стены. Разведочные раскопки 1948 (П.Н.Шульц) и 1962 гг. (О.И.Домбровский) позволили утверждать, что городище не имело культурного слоя. В 1962 г. в ходе обследования обрыва между укреплением и пещерой № 5, использованной, как сказано выше, под жилье салтовцами в VIII–IX вв., обнаружены следы лестниц и переходов – вырубки в скале под устои и ступени лестниц, пазы для балок и т.п., – связывавших в органическое целое пещерное поселение первого периода салтово-маяцкой культуры и верхнее укрепление. В пещере № 5 при раскопках в 1962 г., помимо салтовской керамики, обнаружено большое количество пищевых остатков: кости овец, коз, коров, небольшое количество диких животных. Среди них преобладали кости мелкого рогатого скота [210, с. 28]. Судя по площади огражденной территории и трудоемкости сооружения ограды, можно предположить, что Базманское "укрепление" использовалось в качестве загона для общественного стада – единственно реального богатства населения горного района, непригодного для пашенного земледелия как основы хозяйства.

Остатки другого горного скотоводческого хозяйства второй половины VII–VIII в. – летний кош в пещере "Партизанская" – обследованы нами в 1967 г. (рис. 25). Кош находился в центральной части чатырдагского плато в 2 км к югу от пещер Бинибаш-Коба и Суук-Коба и в 800 м к западу от грота Артюч-Коба они использовались в качестве летних кошей на протяжении полутора тысячелетий. Пещера "Партизанская" расположена на краю древней скотопрогонной тропы, в настоящее время густо поросшей лесом. Часть пещеры перед входом использовалась под жилье, для чего были сложены две стены, выгородившие из естественного зала помещение. Одна стена – длиной 2,0 м, шириной около 1,0 м – сложена насухо из бута; дверной проем находился в ее северной части. От другой стены сохранился лишь выруб в скале и раскаты камня. Размеры внутренней части жилища 3,0 х 4,0 м, т.е. его площадь и пропорции, соответствуют жилищам салтовских поселений первого периода. Тарелкообразный очаг диаметром около 1,0 м находился в юго-западном углу жилища. В помещении на полу обнаружены обломки расписных ойнохой середины VII–VIII в., фрагмент салтовского кухонного горшка и другая бытовая керамика.

Загоны для скота находились в наиболее теплых и ровных залах пещеры (рис. 25, *1, 4*). Зал II, использовавшийся в качестве загона для овец, ориентирован с юга на север. Его размеры 10,0 х 2,0 м, высота от 1,0 до 3,0 м. У большей части пещеры слиш-

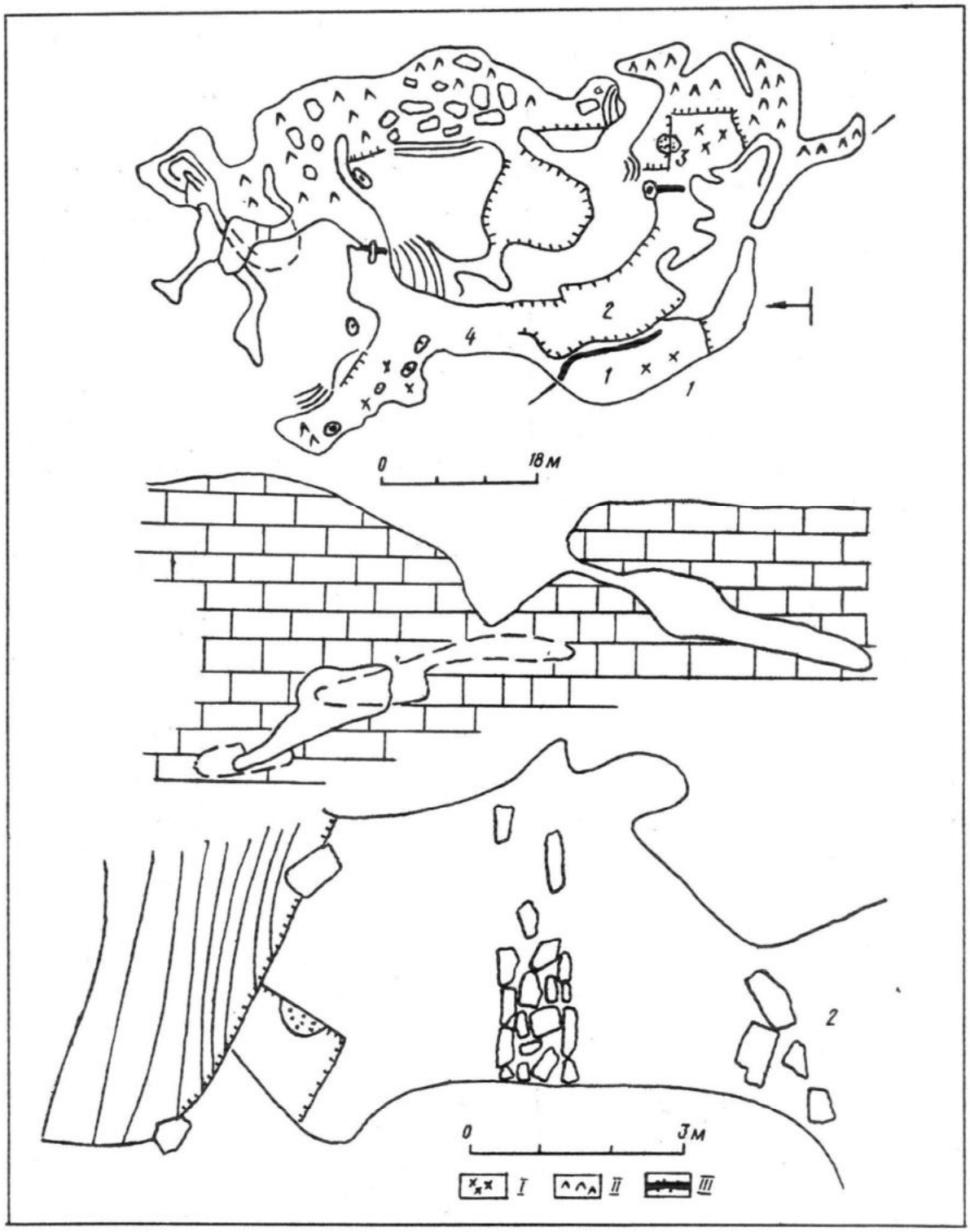


Рис. 25. План скотоводческого коша VIII–X вв. в пещере "Партизанская" на Чатырдаге.
I – фрагменты керамики, II – скопление костей животных, III – средневековые стены.

ком низкие своды для крупного рогатого скота. В зале найдены окаменевшие шарики овечьего помета и немногочисленные обломки раннесредневековой керамики. Зал II огорожен каменной стеной, сложенной из мелкого бута насухо. Ее толщина 1,2–2,0 м, общая длина 14 м, площадь загона составляла около 86 м^2.

Второй зал, использованный в качестве загона для крупного рогатого скота (судя по многочисленных находкам черепов и костей коров), находился в глубине пещеры. В его привходовой части сохранились следы крепления ворот: вырубленные в скале пазы для вертикальных жердей по обе стороны входа в зал IV, а также подрубка скалы для выравнивания пола в этом месте. В юго-западной части зала в начале спуска в нижние ярусы пещеры находилась каменная стена, ограничивавшая допуск животных вниз. Площадь загона около 200 м^2.

Нижние ярусы пещеры завалены костями животных. Судя по черепам, преобладали кости крупного рогатого скота. Костей лошади не обнаружено. Зная состав стада в кошаре и имея размеры загонов, можно расчитать поголовье животных. При таком подсчете необходимо учитывать полезную площадь загонов, размеры животных и стадные привычки. Так, овцы и козы, сбиваясь в плотную отару, занимают минимум места: для овцы среднего размера необходима площадь около 0,75 м^2. Следовательно, в зале II могло содержаться около 120 овец. Однако, учитывая неровность сводов, местами смыкающихся с полом зала, эту цифру следует уменьшить на десять единиц. В отличие от овец крупный рогатый скот в стадном содержании требует определенного простора. Необходимая ему площадь составляет в среднем около 5,0 м^2 на одну особь, т.е. в загоне могло содержаться не более 40 коров. Следовательно, стадо в летнем коше в пещере "Партизанская" могло состоять из 110 овец и 40 коров.

Кому принадлежал кош в этой пещере? Ответ на вопрос можно дать, исходя из этнографических данных отгонного скотоводства на Чатырдагской яйле. По данным С.А.Качиони, пещеры Чатырдага в конце XIX – начале XX в. регулярно использовались под летние коши. При этом хозяином коша с жильем в пещере или близ нее могла быть только одна община-джамаат [309, с. 256–352]. В нее, как правило, объединялись жители одного села по кровнососедскому принципу, т.е. джамаат состоял из членов одной большой семьи. Ф.И.Лашков, рассматривая вопросы общинной собственности позднесредневекового населения Горного Крыма, пришел к выводу, что летнее кошевое содержание скота связано с его общинным характером [310,с. 29–48]. Такая социальная организация скотоводства и под тем же названием – джамаат – существовала и у горцев Кавказа, где, как и в Крыму, для устройства кошей использовались естественные пещеры и навесы [311, с. 71–81]. Некоторые коши в пещерах Караби и близ с.Вишенного Белогорского р-на имели в привходовой части знаки родовой принадлежности – тамги крупных размеров, вырубленные на видном месте. Таким образом, этнографические материалы дают основание предполагать, что летний кош в пещере "Партизанская" на Чатырдаге являлся собственностью одной салтовской патронимии из аила, расположенного где-то у подножья горы. По данным археологической разведки, поселения салтовской культуры в этом районе известны лишь у сел Краснолесье и Мраморное.

Количественный состав стада в коше указывает, что оно принадлежало земледельческому населению, где скотоводство играло в экономике вспомогательную роль. Это находит подтверждение и в материале раскопок самих поселений.

Остеологический материал, полученный при раскопках, наиболее полно определен для поселений второй половины VIII–X в. в Байдарской долине, на Тепсене и в Героевке. Так, в Байдарской долине А.Л.Якобсон отмечает находки костей крупного рогатого скота и овец, значительно меньше – костей лошади и свиньи [32, с. 150]. Тот же состав стада наблюдался в Тау-Кипчаке и на Тепсене. Однако, несмотря на то что костный материал Тепсеня определен как в видовом, так и в количественном отношении, он не пригоден для сравнительного анализа в связи с его случайностью: кости животных собраны лишь на небольшом участке раскопок 1957 г. и, как правило, вне закрытых комплексов. Бóльшую надежность в этом отношении составляли костные остатки поселения Героевское. Они собраны на большой площади, надежно привязаны к определенным слоям и закрытым комплексам и убедительно датированы. Материалы Героевского использованы нами в качестве эталонных при сравнении с остеологическими материалами салтово-маяцких поселений Подонья.

Таблица 4. **Остеологический материал салтово-маяцких поселений Крыма и Подонья, %**

Вид животного	Название поселения		
	Героевское (верхний слой)	Карнауховское	Дмитровское
Корова	25	30	29
Лошадь	9	18	24
Овца	20	24	27
Свинья	46	10	20

Как видно из табл. 4, состав стада Героевского второй половины VIII–X в. указывает на тенденцию к большей степени оседлости по сравнению с синхронными поселениями Подонья: здесь значительно больший процент свиней и в два раза меньше лошадей. Еще больше эта тенденция ощущается при сравнении стада и типа скотоводства позднего Героевского и Кордон-Обы по отношению к поселениям первого периода салтово-маяц-

кого в Крыму. Из отгонного скотоводства общинного типа с преобладанием в стаде мелкого рогатого скота (скотоводческое хозяйство типа чатырдагского) на поселениях второго периода, судя по раскопкам Кордон-Обы и Тиритаки, эта отрасль хозяйства превращается в приусадебную с собственным небольшим стадом у каждой семьи. Состав стада на таких поселениях (по материалам Героевского и Тепсеня) меняется в сторону увеличения поголовья крупного рогатого скота. Подобная структура скотоводства крымских салтовцев лишь еще раз подтверждает наше предположение о переходе салтовцев второго периода на более высокую ступень социального развития: система хозяйствования, связанная с патриархально-родовым укладом в момент оседания кочевников на землю, в условиях Таврики очень быстро заменяется общиной соседского типа с увеличением в ней роли отдельной моногамной семьи.

Попытаемся рассчитать экономическую эффективность животноводства салтовцев в Крыму. (Напомним, что расчеты возможны лишь для поселений первого периода, где известен количественный состав стада.)

Вернемся к материалам коша на Чатырдаге. Количественный состав общинного стада в этом коше можно рассматривать как свидетельство его принадлежности одной патронимии в составе аила долинно-равнинной зоны Крыма. При равных условиях хозяйствования соотношение земледелия и скотоводства в экономике таких поселений будет повторяться. Поэтому не составляет большого труда произвести расчет нормы потребления и производства продуктов животноводства смоделированного салтовского скотоводческого комплекса середины VII – первой половины VIII в. в Таврике. При этом, на наш взгляд, следует исходить из количества мелкого рогатого скота, который шел на мясо, так как в земледельческих хозяйствах крупный рогатый скот использовался, как правило, только для получения молока или как тягловая сила.

В пищу, судя по этнографическим данным, шел лишь выбракованный рогатый скот и лошади [312, с. 28–34], что в среднем составляло одну особь в год [313, с. 300]. Эти данные подтверждают и материалы Тау-Кипчака.

При среднем чистом весе овцы около 30 кг (минимальная цифра) среднее салтовское поселение типа Тау-Кипчак с тремя общинными стадами могло иметь запас баранины около 9–10 т в год. Кроме того, стадо, равное чатырдагскому, могло давать минимум 9 тыс. л коровьего и не менее 13 тыс. л овечьего молока [314, с. 63–70]. К этим запасам необходимо добавить добычу охотничьего промысла, а в прибрежной полосе – рыболовство. Кости диких животных (в основном олени, дикие кабаны и козы) найдены на Тепсене, Кордон-Обе и Героевке, а рыболовные снасти – крючки для вязания сетей, грузила, рыболовные крючки, а также многочисленные кости рыбы и мидий – в Героевке, на Кордон-Обе, в Судаке и на Ай-Фоке. Однако, несмотря на значительную роль этих промыслов в хозяйстве крымских салтовцев, учесть их экономический потенциал пока не представляется возможным.

Исходя из средней нормы потребления мяса земледельческим населением Средней Азии (0,15 кг мяса на человеко-день), можно считать, что жители Тау-Кипчака в год потребляли около 700–800 кг мяса. Следовательно, избыточный продукт только одного поселения мог составлять – при условии полного воспроизводства стада – около 9 т мяса в год. Расчеты, принятые нами для оценки экономического потенциала земледелия, показывают, что византийские рынки Таврики могли получить не менее 300 т мяса только с салтовских поселений второй половины VII – первой половины VIII в., а со второй половины VIII в. – около 900 т. Если принять во внимание, что византинизированное аланское население Юго-Западной Таврики с традиционным отгонным скотоводством давало мяса и мясо-молочных продуктов не меньше, становится очевидным, что недостатка в этих продуктах жители крымских городов не ощущали.

В заключение отметим, что расчеты являются лишь первой попыткой палеоэкономического моделирования сельского хозяйства салтовцев Таврики. Новые материалы могут внести коррективы и, возможно, не во всем подтвердят наши выводы. Но уже сейчас можно утверждать, что носители салтово-маяцкой культуры в Крыму еще на начальном этапе седентаризации занимались продуктивным сельским хозяйством, которое не только полностью удовлетворяло потребности населения аилов в продуктах, но позволяло оплачивать феодальную ренту и вывозить излишки продовольствия на византийские торжища полуострова, способствуя тем самым укреплению экономического потенциала Таврики в целом.

3. РЕМЕСЛА И ТОРГОВЛЯ

Салтовское животноводство давало необходимое сырье для прядения и ткачества. Стадо овец, аналогичное чатырдагскому, приносило в год минимум 150 кг шерсти (из расчета 1,5 кг с овцы) [314, с. 64], что вполне хватало населению аила на удовлетворение потребностей в одежде. Овец, как правило, стригли один раз в год, употребляя для этой цели пружинные ножницы. Такие ножницы обнаружены на Бакле в 1929 г. Судя по тому, что аналогичный инструмент применялся и на славянских поселениях Восточной Европы [315, с. 73], этот тип ножниц был характерен для восточноевропейского средневековья. Кроме ножниц для стрижки, использовался специальный гребень для вычесывания шерсти, состоящий из нескольких рядов железных зубьев длиной 20 см, вставленных в железную колодку (обнаружен на поселении близ с.Передовое) [32, с. 90]. Подобные гребни широко применялись в скотоводческих хозяйствах Кавказа в XIX–XX вв. для вычесывания мягкой шерсти, которая шла на выделку тонкого сукна [316, с. 65].

Более многочисленны находки орудий труда, связанные с прядением и ткачеством. К ним относятся керамические пряслица и пирамидки для крепления веретена. Пряслица салтовских поселений Таврики двух типов: лепешкообразные и усеченно-конические. Оба типа широко представлены в Саркеле и на других салтовских памятниках Подонья и Приазовья [317, с. 340–352]. Крымские пряслица имеют стабильные размеры: их диаметр около 4 см при толщине не менее 1,0 см, диаметр отверстия для веретена колеблется в пределах 0,8–1,0 см. Наиболее многочисленны пряслица первого типа. На поселении Тау-Кипчак они составляют половину всех пряслиц, а на Тепсене и в Героевском их число преобладает над пряслицами второго типа. Пряслица салтовских поселений Крыма изготовлены из известняка, мергеля, а также из хорошо отмученной красной глины, близкой по составу к глине причерноморских амфор. Некоторые пряслица первого типа орнаментированы. Среди орнаментов преобладают различные варианты солярного знака – лучи солнца, кружки с точкой в центре, концентрические окружности. Особый интерес представляет сланцевое пряслице с солярной символикой и руническими надписями, обнаруженное в слое пожара хазарского времени в цитадели Гурзуфской крепости [219, рис. 27, *10*]. Однако, по устно высказанному мнению Вал.Н.Даниленко, подобные пряслица могли играть и роль своеобразных жетонов, выдаваемых должностными лицами за погашение налога или ренты. Такой вывод сделан им на основании анализа подобных пряслиц с рунами из ряда раннесредневековых поселений Восточной Европы.

Археологическим свидетельством такой отрасли домашнего ремесла, как ткачество, являются находки тканей: толстая грубая ткань фиолетового цвета обнаружена в трех могилах грунтового некрополя Тепсеня [21, с. 106], следы шерстяной попоны зафиксированы на тыльной стороне украшений конской сбруи из погребения всадника на Тепсене. Крупные куски тканей найдены в грунтовых салтовских могилах некрополя Судак 2, а отпечатки мелкотканной шерстяной ткани – на шумящих подвесках из некрополя Кордон-Обы. Кроме того, большая коллекция византийских шелковых тканей с золотой и серебряной нитями и набивным рисунком происходит из синхронных салтовским византийских могил того же судакского некрополя. Анализ простых тканей, связанных с местным ткачеством, показал, что все известные ткани этой группы имели толстую (1,0–1,5 мм) нить с "елочкообразной" ворсистой структурой, характерной для шерсти. В отличие от последних, нить растительного происхождения – гладкая. Все отпечатки оставлены тканями саржевого переплетения нитей [318, с. 539–541]. Ткани грубошерстные, сотканные из неплотно уложенных ниток: на 1,0 мм^2 ткани в среднем приходилось 20 ниток. Ткани этого типа изготовлялись и в XIX в. в Восточной Европе, на Кавказе и в Средней Азии на горизонтальных ткацких станках [319, с. 520–529]. В эпоху раннего средневековья горизонтальный ткацкий станок скорее всего вытеснил в Крыму вертикальный стан, распространенный в античное время. Этот вывод подтверждается полным отсутствием в слоях VII–VIII вв. пирамидальных глиняных грузил-подвесок, использовавшихся для натяжения нитей на вертикальном стане.

Существенную роль в экономике салтовских поселений Таврики играло железоделательное производство и металлообработка. Полусферические крицы из ноздреватого железа найдены на всех без исключения крымско-салтовских памятниках. Их вес

колеблется от 1,5 до 3,5 кг. Сырьевой базой железоделательного производства были руды Керченского п-ова, содержащие фосфор и мышьяк. Сырье такого состава известно на Тепсене и Бакле [145, с. 145; 320, с. 233]. Крицы, совершенно аналогичные по форме и химическому составу железа, найдены далеко за пределами Керченского п-ова – в Саркеле и на поселениях Подонья. Это позволяет предполагать вывоз сырья в виде полуфабрикатов из Крыма в другие районы Хазарии, т.е. металлургическое ремесло на каких-то салтовских поселениях рудной зоны Керченского п-ова выделилось из домашнего в специализированное производство, что подразумевает его товарный характер.

Железорудная база салтовских поселений Таврики не ограничивалась керченскими рудами. Химический анализ железных изделий из поселения на Бакле позволяет говорить, что металл варили из бурых железняков, выходы которых обнаружены в долине Бодрака у сел Трудолюбовка и Прохладное [321, с. 140]. Кроме того, выходы лимонитов имеются в пойме Бурульчи у с.Меловое: мощность рудного слоя достигает 1,0 м при длине линзы до 100 м. Рядом с месторождением нами зачищены остатки раннесредневековой доменной печи. Близ Балаклавы и в горных долинах Юго-Западной Таврики известны болотные руды, эксплуатировавшиеся еще в XIX в. [322, с. 21]. В отличие от керченской в них более высокий состав железа, его восстановление не требовало высоких температур и достигалось в маломощных сельских домницах.

Дальнейшая обработка железа происходила в кузницах, которые, судя по находкам криц, были в каждом салтовском аиле. Такая мастерская раскопана нами в 1975–1976 гг. на Кордон-Обе (рис. 26). Она состояла из двух отдельных помещений (собственно мастерской и хозяйственного помещения). В комплекс мастерской входили жилище ремесленника, сарай и двор с навесом, под которым стояли пифосы с водой. Мастерская находилась в каменной постройке, стены которой сложены насухо "в елку". Ее размеры 4,0 х 5,8 м. В северном углу зачищено полукруглое основание кузнечного горна диаметром около 2,0 м. Бытовая керамика в этом помещении не обнаружена. В привходовой части кузницы в пол был вкопан большой желобчатый пифос, а рядом с горном на полу лежала целая керамическая насадка-сопло на кузнечный мех.

Орудия металлообработки обнаружены в составе клада в хозяйственной яме внутри жилища, заваленной при пожаре обрушившейся сырцовой обкладкой. В него входили наковальня в виде уплощенной пирамиды с заостренной рабочей частью (ее высота 20 см при площади рабочей поверхности около 15 х 15 см), цилиндрическая заготовка, длиной около 30 см при диаметре 10 см, молот-ручник, молот-кувалда и зубило-подсечка (рис. 27). Состав инструментария кузнеца-салтовца дополняется находками с других крымских памятников: молотом-ручником и кузнечным зубилом – в Херсонесе [255, рис. 28], кузнечными пробойниками с Тепсеня [145, рис. 11, *1*] и кузнечными щипцами из Тау-Кипчака.

Доказательством существования развитого металлообрабатывающего ремесла у салтовцев Таврики служит устойчивость форм кузнечных изделий и их ассортимент. В целом труд кузнеца ориентировался на удовлетворение потребностей односельчан в сельскохозяйственном инвентаре и предметах быта. Для поселений середины VII – первой половины VIII в. характерны серпы, ножи с черенковыми рукоятками, кресала, наконечники черенковых и втульчатых стрел, втульчатые наконечники копий. На поселениях второго периода ассортимент изделий значительно расширился под влиянием импорта и провинциально-византийских ремесленных традиций. У салтовцев Кордон-Обы и Тепсеня наряду с железными изделиями, характерными для поселений первого периода, появляются ажурные кованые накладки-петли на двери (рис. 27, *13*), пружинные замки (рис. 27, *5*), всевозможные крючья, обручи деревянных ведер, подсвечники и пр. Одновременно изготовлялись и сельскохозяйственные орудия – наральники, чересла, тесла-мотыжки, виноградные ножи, мотыги. Уровень черной металлообработки у салтовцев был довольно высок. Орудия труда и бытовые предметы из железоуглеродистых сплавов, имели повышенную твердость, прочность и обладали пониженной пластичностью. Изготовление пружинных замков на Кордон-Обе и Тепсене позволяет предполагать, что мастерам были известны специальные приемы закалки сталей. Анализ пружин таких замков, проведенный Б.А.Колчиным, показал, что они делались из двух сваренных вместе железной и стальной пластин [323, с. 135–136], т.е. крымско-салтовские кузнецы владели приемами кузнечного сваривания и термообработки стали.

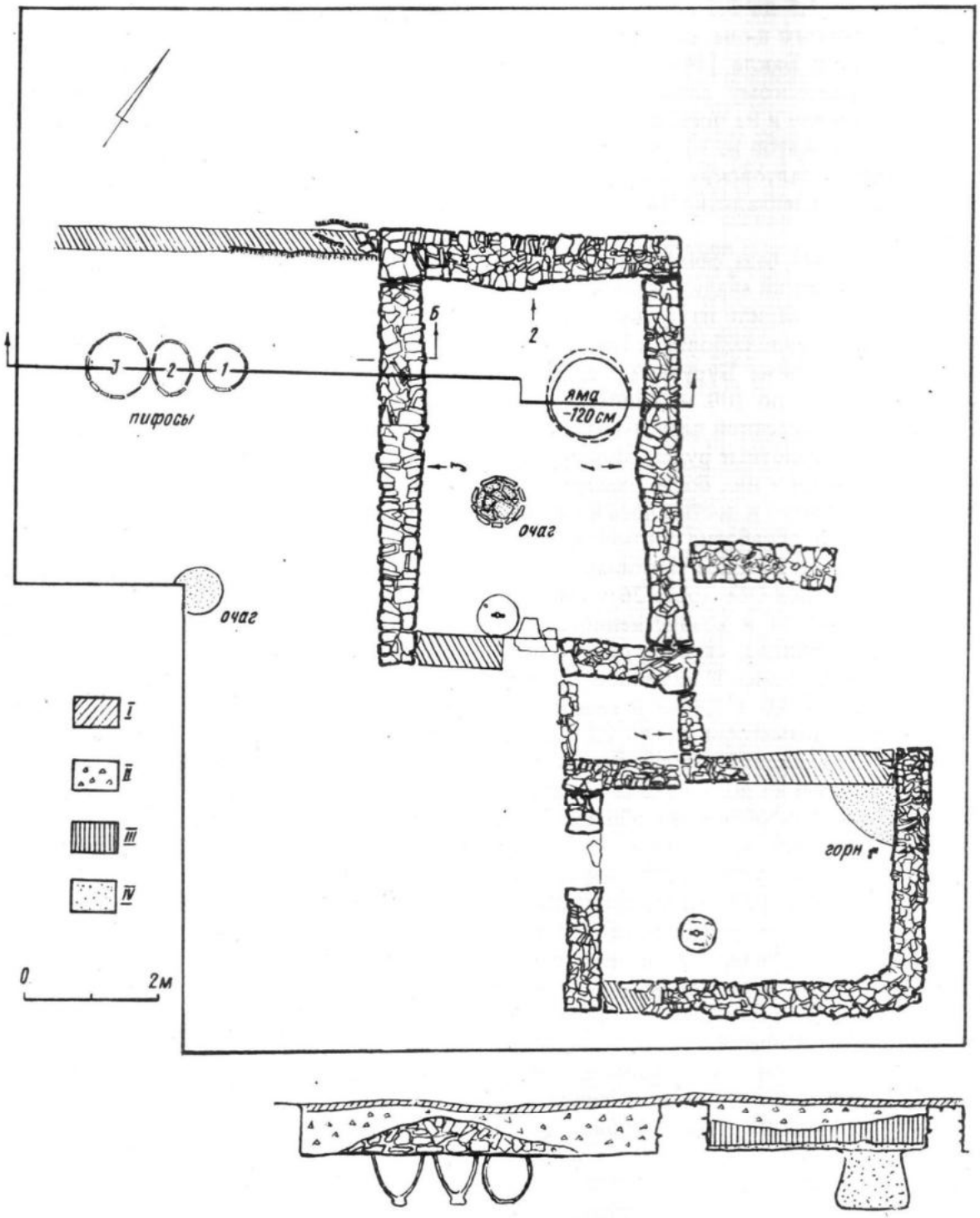


Рис. 26. Поселение Кордон-Оба. Ремесленная мастерская.
I – дерновый слой; II – слой пепельно-серого грунта, насыщенного бутом; III – слой плотной глины; IV – слой угля и гари.

Кроме обработки черных металлов, салтовцы Таврики занимались обработкой цветных металлов и ювелирным делом. Так, в Тау-Кипчаке обнаружены медные клепаные ковш и кастрюля с накладными ажурными петлями для ручки. На Кордон-Обе и Тепсене найдены бронзовые крючки и цепочки для подвешивания светильников [145, рис. 14, *1*], а на пороге кузницы Кордон-Обы – обломки бронзового литого сосуда с кольцевым поддоном. Находки предметов из меди и бронзы в кузнице позволяют предполагать, что кузнец одновременно с обработкой черных металлов мог заниматься и обработкой цветных металлов. Подобный факт трижды отмечен нами при раскопках ремесленного квартала X–XIV вв. в Судакской крепости, а Н.М.Богданова отмечает его в Херсоне того же времени. Отсутствие собственного сырья для варки меди и бронзы позволяет предполагать, что исходные материалы в слитках импортировались в Тав-

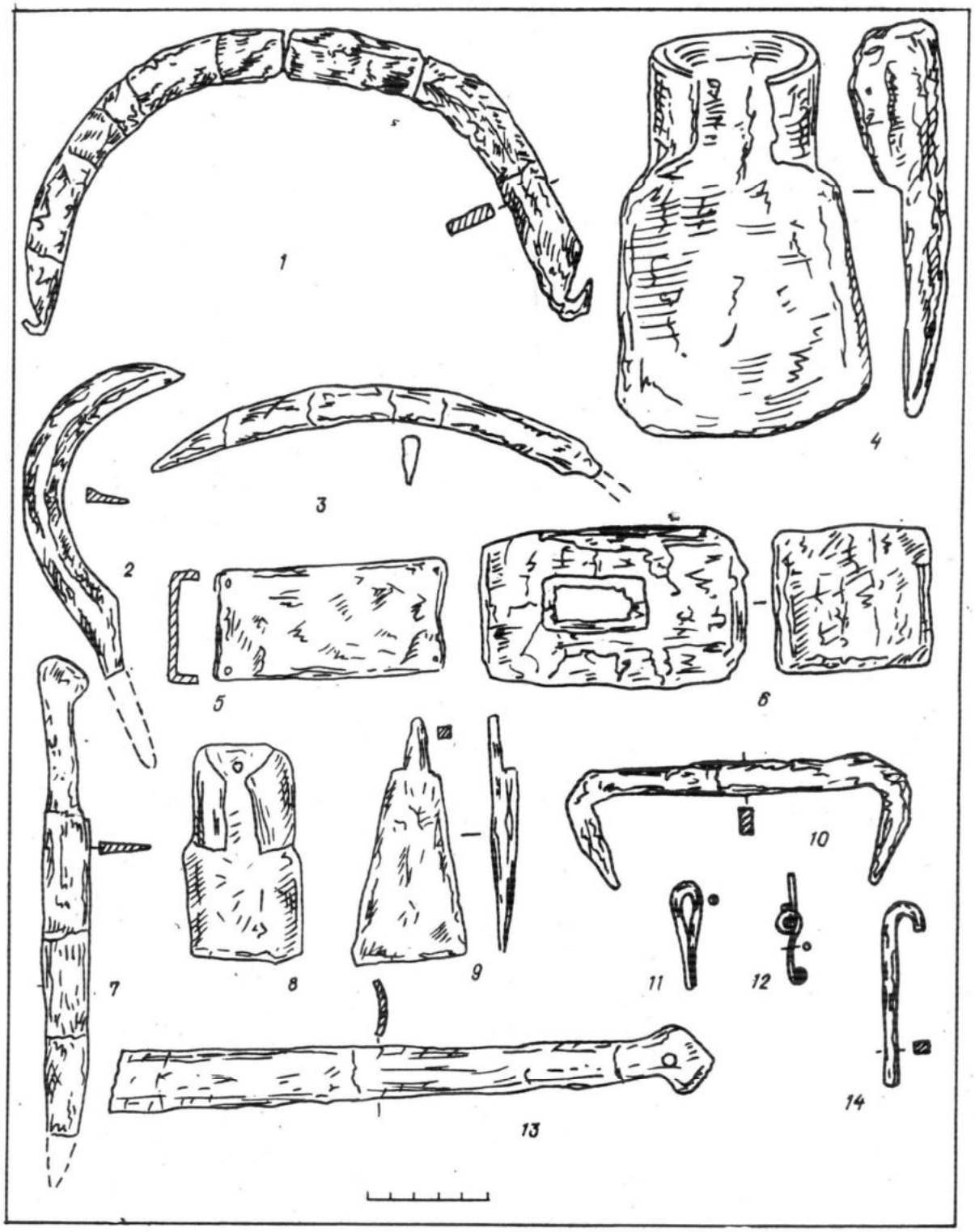


Рис. 27. Клад железных предметов на поселении Кордон-Оба.

рику из меднорудных районов. Металл плавился в тех же горнах, что и кричное железо в тиглях, и шел на отливки в формах как бытовых предметов, так и украшений, производство которых на салтовских поселениях Таврики носило массовый характер. Об этом свидетельствуют литейные формы для отливки украшений, найденные на Тепсене (5 штук), в Старом Крыму (3 формы), на Бакле (2 формы) и в Судаке (2 формы). Важность этих материалов для характеристики салтовской металлообработки в Крыму требует их специального рассмотрения.

Форма 1 (рис. 28, *1*) найдена в Старом Крыму; хранится в Феодосийском краеведческом музее. Она состоит из двух одинаковых створок, изготовленных из обожженной глины. Их размеры 9,5 х 12,5 х 1,5 см. Форма служила для отливки наконечника ножен меча, который был украшен стилизованным растительным орнаментом и ободком

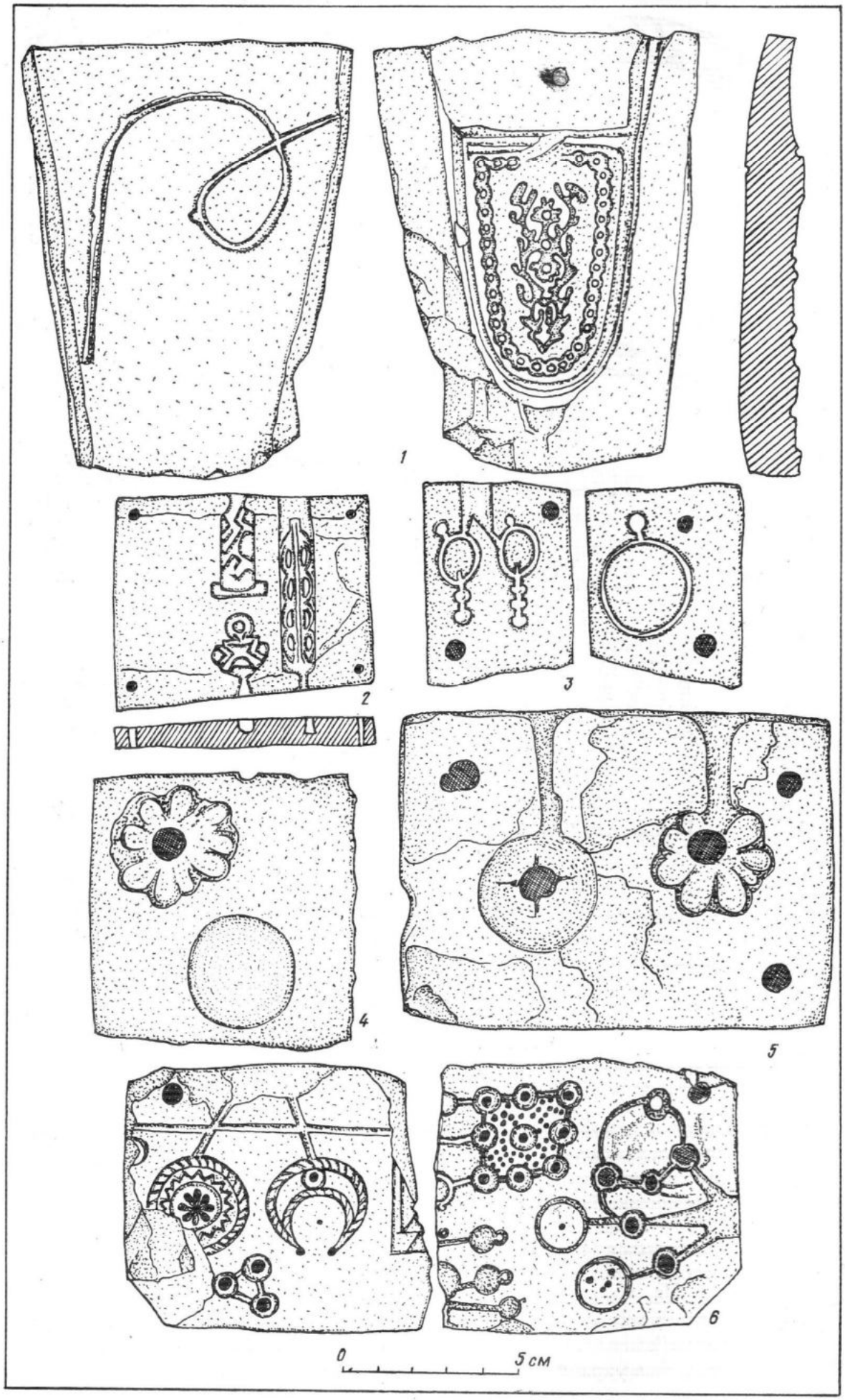

1
2
3
4
5
6
0
5 см

Рис. 28. Литейные формы из салтово-маяцких поселений Крыма.
1, 6 – Старый Крым, *2–5* – Тепсень.

из псевдозерни. С внешней стороны одной створки по сырой глине прочерчен разноконечный крест, а другой – рунообразный знак, передающий звук Т. Форма для отливки типологически близкого наконечника меча без орнамента найдена в Старом Крыму местным краеведом. Ближайший аналог старокрымским наконечникам мечей известен лишь в Венгрии, где литейная форма для их отливки датируется временем образования Венгерского государства – IX–X вв. [324, рис. 20].

Форма 2 (рис. 28, *2*) обнаружена на Тепсене в салтовском горизонте поселения и датируется второй половиной VIII–X вв. Она изготовлена из серого сланца размерами 7,3 х 6,0 х 1,5 см. В форме отливались детали салтовского поясного набора: наконечник и щиток пряжки, украшенные стилизованным растительным орнаментом, а также сердцевидная бляшка в виде трилистника с петлей для подвешивания. Последние были широко распространены в Крыму среди салтовской поясной гарнитуры [144, с. 234], а аналоги наконечникам известны в комплексах Салтовского могильника и могильника Мыдлань-Шай [35, рис. 44, 46; 325, табл. IV, *34*].

Форма 3 (рис. 28, *3*) обнаружена на Тепсене в том же слое [145, рис. 13]. Изготовлена из местного темно-серого сланца. Форма двусторонняя размерами 6,0 х 4,0 х 1,5 см. С одной стороны формы – литейные углубления для отливки двух овальных серег с подвесками в виде двух и трех шариков, а с другой – оборотная сторона круглого медальона с ушком для подвешивания. Литейная форма для отливки идентичной серьги найдена на салтовском поселении близ Баклинского городища [321, с. 142]. Серьги этого типа известны в Дмитровском могильнике и датируются С.А.Плетневой концом VIII – первой половиной IX в. [35, рис. 36].

Форма 4 (рис. 28, *4*) найдена там же, где и форма 3. Изготовлена из белой плотной глины, сильно потрескавшейся в результате длительного употребления. Форма односторонняя размерами 15,5 х 8,5 х 3,5 см. В ней отливались две полусферические створки деталей поясного набора – так называемые самоварчики. Одна полусфера гладкостенная, другая – с вертикальными каннелюрами. Их диаметр 3,0 см, глубина 2,5 см. Подобные поясные украшения известны на Бакле, Эски-Кермене и на салтовских памятниках Подонья [144, рис. 2, *46*; 35, рис. 44, *63*].

Форма 5 (рис. 28, *5*) найдена там же и использовалась для отливки совершенно аналогичных "самоварчиков".

Форма 6 (рис. 28, *6*) обнаружена в Старом Крыму [326, с. 242–245]. Место находки не установлено. Изготовлена из белого мелкозернистого известняка и в работе не употреблялась. Размеры плитки 8,3 х 7,2 х 2,6 см. Часть формы со стороны торца обломана. На одной плоскости формы вырезаны углубления для отливки остророгой лунницы, круглого медальона, бляшки-тройчатки и какого-то плоского прямоугольного украшения с зигзагообразным орнаментом, не поддающегося реконструкции. На другой стороне бруска сделаны углубления для отливки десяти предметов, три из которых сильно испорчены. В них отливались височная подвеска, состоящая из проволочного кольца диаметром 2,1 см и трех последовательно соединенных шариков диаметром 0,8 см, две совершенно одинаковые салтовские серьги, диаметр проволочного кольца которой 1,2 см, три пуговицы-шарика с петлями для подвешивания и нашивное украшение в виде ассиметричной пластины с девятью рельефными полусферами, расположенными по три в ряд.

Лунница – несколько необычное украшение для средневекового Крыма. Ее внешний диаметр 2,7 см. Рожки лунницы увенчаны шариками, а "поле" украшено косыми насечками, нанесенными двумя зонами. Середина верхней части лунницы выделена рельефной полусферой с расходящимися по обе стороны от нее округлыми рельефными рожками. Находящаяся рядом с ней вторая подвеска представляет собой круглый медальон диаметром 2,7 см, аналогичный медальону из тепсеньской формы. Однако в отличие от последнего в форме 6 отливалась лицевая сторона, украшенная восьмилепестковой розеткой в круге; остальная часть медальона разделена концентрическими окружностями на две зоны и орнаментирована зигзагообразной линией и косыми насечками. Ближайшим аналогом старокрымскому медальону может служить медальон из фанагорийской литейной формы IX–X вв., отнесенный Б.А.Рыбаковым к салтово-маяцкой культуре [327, с. 180–182]. Подобные вещи производились в Сар-

келе, Булгарах и в Северо-Западном Причерноморье [328, рис. 10; 329, рис. 65; 330, рис. 3].

Более оригинальна нашивная бляшка-тройчатка из трех рельефных полусфер, соединенных между собой перемычками. В Таврике такая бляшка обнаружена впервые. Редки они и в раннесредневековых древностях Центральной и Восточной Европы, они датируются IX–X вв. и являются украшениями конской сбруи [331, рис. 8, *11*]. Бляшки-тройчатки, типологически близкие крымским, – обычное конское украшение в Прибалтике в XI–XIII вв., широко представлены в некрополях Литвы, содержавших богатые конские уборы [332, с. 158–159, рис. 97, *116, 118, 120, 133*].

В заключение отметим, что литейная форма из Старого Крыма выделяется среди подобных предметов, известных в довольно значительном количестве на раннесредневековых памятниках Северного Причерноморья. Наряду с украшениями бесспорно салтовского круга, в ней отливались вещи, ближайший аналог которым можно найти в северных и северо-западных районах Восточной Европы. Это можно объяснить инфильтрацией отдельных типов вещей в результате контактов населения этих районов с салтовцами Юго-Восточной Европы и Таврики.

Литейные формы дают возможность сделать еще один важный вывод: изготовление в них украшений, типичных для всех салтово-маяцких памятников Юго-Восточной Европы, позволяет снять вопрос об импорте салтовской поясной гарнитуры и дешевых украшений из центральных районов Хазарии в Таврику. Вероятнее всего, салтовская торевтика, обнаруженная в Крыму, как в салтовских грунтовых могильниках, так и в аланских склепах, – местного производства.

Салтово-маяцкие украшения позволяют проследить технологию изготовления. Помимо литья, при производстве украшений применялись штамповка по матрицам, гравировка, пуансон, пайка, золочение, скань и зернь. Технологические приемы и высокое качество, даже для византийских ремесленников, ювелиров-салтовцев, позволяют говорить о специализации мастеров и товарном характере их ремесла. Продукция ювелиров расходилась как среди самих салтовцев, так и среди местного византинизированного населения. Простирался ли рынок сбыта крымско-салтовской продукции за пределы полуострова – не ясно. Судя по изготовлению аналогичных украшений в ювелирных мастерских Таврики и Приазовья, можно предполагать, что такое производство носило региональный характер.

Из всех отраслей ремесла наиболее полную картину дает салтово-маяцкое гончарство. Мы давали характеристику некоторым группам византийской импортной и местной красноглиняной керамики (см. гл. I). Ее полный анализ должен стать объектом специального исследования. Остановимся лишь на собственно салтово-маяцких образцах кухонной и столовой посуды. Ее типология и некоторые аспекты производства рассматриваются в свете предложенной нами периодизации памятников. Анализ керамики основан на статистической обработке материалов из закрытых комплексов Тау-Кипчака и Кордон-Обы, что позволяет судить о сероглиняной посуде поселений обоих хронологических периодов. Керамика других салтово-маяцких поселений Таврики в свое время не была обработана подобным образом и, поэтому, привлекается нами лишь в качестве аналогов.

Классификация салтовской кухонной керамики разработана М.И.Артамоновым, Б.А.Шрамко и С.А.Плетневой на материалах Подонья и Приазовья [14, с. 33–64; 333, с. 245–252; 131, с. 212–225; 141, с. 9–32; 35, с. 103–134], Т.А.Хлебниковой – Поволжья [334, с. 146–159; 335, с. 27–73] и Л.Дончевой-Петковой – Нижнего Подунавья [336, с. 35–68]. Она принята нами без существенных уточнений. В соответствии с ней керамика салтово-маяцких памятников Крыма разделена на тарную, столовую и кухонную. Каждая из них по технике формовки делится на два вида – лепную и кружальную, по форме сосудов – на типы и по декору – на варианты. Типологические изменения прослеживаются по числовым соотношениям диаметра венчика и диаметра наиболее широкой части сосуда и его днища ($Д_1 : Д_2 : Д_3 = \ldots$), а также по соотношению высоты и расстояния от внешнего края венчика до линии, пересекающей наиболее расширенную часть сосуда ($H_1 : H_2 = \ldots$).

Характеристика керамики строится на основании более сотни археологически целых сосудов и нескольких тысяч крупных фрагментов. Наиболее значительная и надежно стратифицированная коллекция посуды, использованная нами в качестве эталон-

ной для памятников первого периода, получена в жилищах и хозяйственных ямах Тау-Кипчака, памятников второй группы – в закрытых комплексах Кордон-Обы и Тепсеня. Кроме того, при типологических разработках использованы керамические комплексы и отдельные сосуды из Героевки, Тиритаки, Илурата, Алексеевки, Баклы, Кыз-Кермена и др. Насыщенность салтовской керамикой культурных отложений провинциально-византийских поселений Таврики может свидетельствовать о степени культурной диффузии носителей салтово-маяцкой культуры за пределами хазарского домена: по мере приближения к византийскому Херсону это влияние сокращается и полностью исчезает на южном побережье между мысами Троицы и Айя. Последнее наряду с другими материалами может указывать на этнокультурную индивидуальность и известную изолированность этих районов Таврики в хазарскую эпоху.

Лепная и гончарная керамики обжигались в печах различной конструкции. Лепные сосуды обжигались в домашних бытовых печах или одноярусных гончарных горнах горизонтального типа, позволявших производить восстановительный неполный обжиг, при котором цвет сосудов близок к черному со светлой прослойкой на изломе. Одноярусные горны редки в Северном Причерноморье. Один горн зачищен нами в Тау-Кипчаке, другой обнаружен в Добрудже [39, рис. 4а; 337, рис. 7–10]. Тау-кипчакский горн размерами 1,5 х 0,8 м овальной в плане формы. Обжигательная камера врезана в глинистый косогор, а свод выдолблен в материковой глине, прокалившейся в ходе работы до состояния печины. На полу печи обнаружены фрагменты лепных горшков, украшенных простым волнистым орнаментом. Судя по перекрывшему горн зольнику, салтовцы забросили его задолго до прекращения жизни на поселении. Можно предположить, что одноярусные печи горизонтального типа, как и обжигавшаяся в них посуда, соответствовали примитивному уровню полукочевого уклада салтовцев второй половины VII в. и функционировали в Тау-Кипчаке лишь на раннем этапе их оседания. С завершением процесса седентаризации лепная посуда повсеместно вытесняется гончарной, формовавшейся гончаром на ручном круге и обжигавшейся в двухъярусных печах вертикального типа. Обжиг окислительно-восстановительный: цвет сосудов темно-красный, серый светлых тонов, темно-коричневый и красный с оттенками коричневого и серого. Такие печи получили широкое распространение на поселениях лесостепной зоны Восточной Европы и Балкан [336, с. 29–30], однако в Таврике в VIII–X вв. они использовались исключительно салтовцами. Аналогичные горны для обжига кухонной посуды обнаружены близ с.Поворотное О.Я.Савелей и нами на Кордон-Обе. Последний несколько отличается от обычных салтовских горнов, известных в Подонье [338, с. 367–378]. Он подпрямоугольной формы, размерами 2,2 х 1,5 м, т.е. почти в два раза больше донских. Топочная камера кордон-обинской печи сложена из мелкого плитняка "в елку" и приподнята над материковой скалой на 0,3 м. На полу обнаружены фрагменты печины с отверстиями-продухами, поверх которых лежали деформированные и сильно пережженные обломки кухонных горшков с линейным орнаментом. При зачистке печи встречены фрагменты печины от стенок и вертикального загрузочного отверстия, диаметром около 0,5 м. Гончарный горн из Кордон-Обы по форме, размерам и конструкции занимает типологически промежуточное положение между глинобитными и круглыми в плане салтовскими печами и византийскими двухъярусными горнами горизонтального типа с двумя топочными каналами (рис. 27, *3*). Вероятно, с появлением у салтовцев Таврики подобных печей связано распространение в X в. салтовской линейно-волнистой керамики светло-серого, желто-коричневого, красного и кирпично-красного цвета, достигавшегося при высокой температуре обжига в окислительной среде со свободным доступом воздуха. Такие печи обнаружены нами на салтовском поселении близ с.Новокленово Белогорского р-на, одна печь, загруженная кухонной посудой, раскопана В.П.Бабенчиковым в Чобан-Куле [339, с. 33]. Однако в отличие от провинциально-византийских гончаров, изготовлявших всю керамику на скоростном гончарном круге и обрезавших днища сосудов ниткой, салтовцы формовали свою посуду исключительно на ручном круге.

Кухонная керамика преобладала над остальной продукцией салтовских гончаров Таврики, составляя в погребениях кочевников около 90 % всей керамики, на поселениях первого периода – 42,6 %, а на поселениях второго – 36,3 % (см. табл. 5). По технике формовки она делится на лепную и кружальную. Следует сказать, что практически вся лепная керамика салтово-маяцких и кочевнических памятников Таврики носит следы доработки на дощечке.

Таблица 5. **Количественное соотношение керамики в комплексах поселений Тау-Кипчак и Кордон-Оба**

Группы керамической посуды		Тип посуды	Тау-Кипчак: Жилые и хозяйственные постройки							Тау-Кипчак: Хозяйственные ямы						Кордон-Оба					
			1	3	12	14	19	22	23	1	1а	5	14	23	25	Всего сосудов	%	Зольник	Усадьба № 1	Всего сосудов	%
	Кухонная	1. Горшки лепные																			
		а) неорнаментированные	–	–	1	1	–	4	1	3	–	1	–	1	1	13	2,4	–	–	–	–
		б) орнаментированные	7	–	2	1	–	8	1	32	2	–	–	–	3	55	10,6	–	–	–	–
		2. Горшки кружальные																			
		а) неорнаментированные	16	4	–	2	–	1	–	3	–	9	1	7	1	44	8,5	7	–	7	5,3
		б) орнаментированные	21	8	3	1	–	9	–	21	2	2	–	17	4	89	17,3	36	3	39	29,3
		3. Горшки-кувшины	3	–	–	1	–	7	–	8	2	–	1	–	–	22	4,2	2	1	3	2,4
	Столовая	1. Кувшины-ойнохои																			
		а) неорнаментированные	14	4	17	–	–	4	–	3	27	6	2	–	1	89	29,7	20	1	21	15,8
		б) расписные	1	–	2	–	–	2	3	5	1	–	–	–	1	14	3,6	–	–	–	–
		2. Лощеные сосуды	–	1	–	–	–	–	–	1	–	–	2	–	–	5	0,9	3	–	3	2,4
		3. Миски	1	1	–	1	–	1	–	2	1	–	1	–	–	8	1,5	–	–	–	–
		4. Кружки	1	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1		1	–	1	0,8
		5. Кубки	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1		–	–	–	–
	Тарная	1. Амфоры																			
		а) гладкостенные	16	18	2	12	3	8	8	26	8	9	2	2	11	125	24,0	16	4	20	15,0
		б) с зональным рифлением	2	1	2	–	1	1	1	–	1	–	–	–	–	9	1,9	11	–	11	8,3
		в) причерноморские	1	1	5	1	–	4	2	–	2	4	–	2	6	28	5,4	3	1	4	3,0
		2. Высокогорлые кувшины	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4	1	5	3,8
		3. Пифосы византийские	1	1	1	–	–	2	2	1	1	–	–	1	–	10	1,8	12	1	13	9,9
		4. Пифосы салтовские	–	–	1	–	–	1	3	–	–	–	2	–	–	7	1,3	2	–	2	1,5

Лепная кухонная посуда характерна только для памятников первого периода, причем для их начального этапа (середина – вторая половина VII в.). Она полностью отсутствует в комплексах Тау-Кипчака первой половины VIII в. и совершенно не встречается на поселениях второго периода. Все лепные сосуды изготовлены из тощей глины с включением дресвы и карбонатов. Черепок плотный, поверхность грубая и сильно закопченная. Внешняя сторона горшков носит следы заглаживания пучком травы или щепкой, а внутренняя – выравнивания стенок и венчика пальцами.

Кухонная керамика кочевников обнаружена в погребениях с восточной ориентацией погребенных в курганах равнинной зоны Таврики, а также в сопредельных с ней степях Северного Причерноморья и Приазовья. Остальная лепная керамика происходит из поселений, составляя в Тау-Кипчаке около половины кухонной посуды и около 13 % общего количества бытовой керамики (см. табл. 5). Ее можно разделить на четыре типа: горшки яйцевидной формы (подтип $А_1$ и $Б_1$, варианты А и Б в каждом из подтипов); горшки с шаровидным корпусом (с вариантами А и Б); горшки-миски баночной формы с S-видным профилем; котлы с внутренними ручками.

Тип I, подтип $А_1$ (см. рис. 6, *3*) представлен грубыми горшками с вытянутым и слегка деформированным корпусом, покатыми плечами и широким горлом неправильной формы, диаметр которого превышает диаметр дна. Венчики непрофилированы, отогнуты под углом 30–45° и прикреплены к плечам почти без шейки. С внешней стороны они обрезаны под углом 45–60°. У горшков варианта А венчики неорнаментированы, варианта Б – украшены по краю небрежно нанесенными ногтевыми вдавлениями или штампом. Объем сосудов колеблется от 0,25 до 1,0 л. Средние пропорции: $Д_1 : Д_2 : Д_3 = 1 : 1,9 : 0,8$ и $Н_1 : Н_2 = 1 : 0,04$.

Горшки первого типа редки в Крыму. Они найдены в погребениях кочевников в курганах у с.Айвазовского близ Феодосии [105, рис. 1, *4*], у с.Наташино Сакского р-на [111, рис. 178, № 193] и у с.Богачевка Джанкойского р-на [110, с. 72, табл. 67]. Кроме того, по одному сосуду варианта А обнаружено в могильниках Суук-Су* и на Госпитальной улице в Керчи**, однако связать их в настоящее время с конкретными погребениями не возможно. Датировка остальных сосудов устойчива. Так, погребение у с.Айвазовское, как сказано выше, датируется серединой – второй половиной VII в. на основании находки в комплексе антропоморфной фаллической подвески-амулета [115, с. 189]. В двух других могилах вместе с горшками I-$А_1$ обнаружены бляшки и пряжки поясной гарнитуры геральдического типа, датированной эпохой сложения оногурской конфедерации и Хазарского каганата, т.е. второй – третьей четвертью VII в. [119, с. 17, рис. 6, *36, 37, 39*]. За пределами Таврики горшки этого типа найдены в аналогичных по обряду и инвентарю впускных погребениях в курганах у с.Аджиголь и Христофоровка на берегу Кременчугского водохранилища (см. рис. 6) [121, с. 342, рис. 23, *4, 16*], а также в курганах у сел Черноморское Голопристанского р-на Херсонской обл., Бехтеры, Новая Одесса, Малая Терновка, Большой Токмак и других на Днепровском степном Левобережье [140, с. 100–103, табл. 2, рис. 18, *23, 24*]. Таким образом, горшки типа I-$А_1$ получили распространение на значительной территории нашего Юга среди родственного кочевого населения. Помимо кочевников, такие сосуды встречаются в Поднепровье на поселениях пеньковской культуры [340, с. 71–72, рис. 24, Пг], откуда, возможно, они и были заимствованы кочевниками. Типологически близкие лепные горшки обнаружены на памятниках VII в. в низовьях Дуная [341, с. 30–31], а также в синхронных им аваро-кутригурских древностях Паннонии [342, табл. 8, *4*; 9, *4–5*; 343, табл. 8, *73*; 4, с. 83; 2, табл. 99, *1*]. Их распространение на запад от Днепра и Днестра М.И.Артамонов связывает с миграцией носителей пеньковской культуры, среди которых, по его мнению, ведущая роль принадлежала кутригурам [344, с. 1–9].

Тип I, подтип $Б_1$ (рис. 29, *2, 6*) представлен лепными кухонными горшками с уплощенными или округлыми непрофилированными венчиками, прикрепленными к крутым плечам без шейки. У них слегка вытянутый яйцевидный корпус и плоское дно. Венчики двух типов: отогнутые – с углом между вертикальной линией шейки и плоскостью венчика 30–45°, а также отогнуто-вогнутые, нижняя часть которых повторяет угол изгиба первых, а верхняя – загнута внутрь сосуда под углом 10–15°. Их высота

---

* Фонды Одесского археологического музея, А-482772/П.

** Фонды Государственного Эрмитажа, 52/1909.

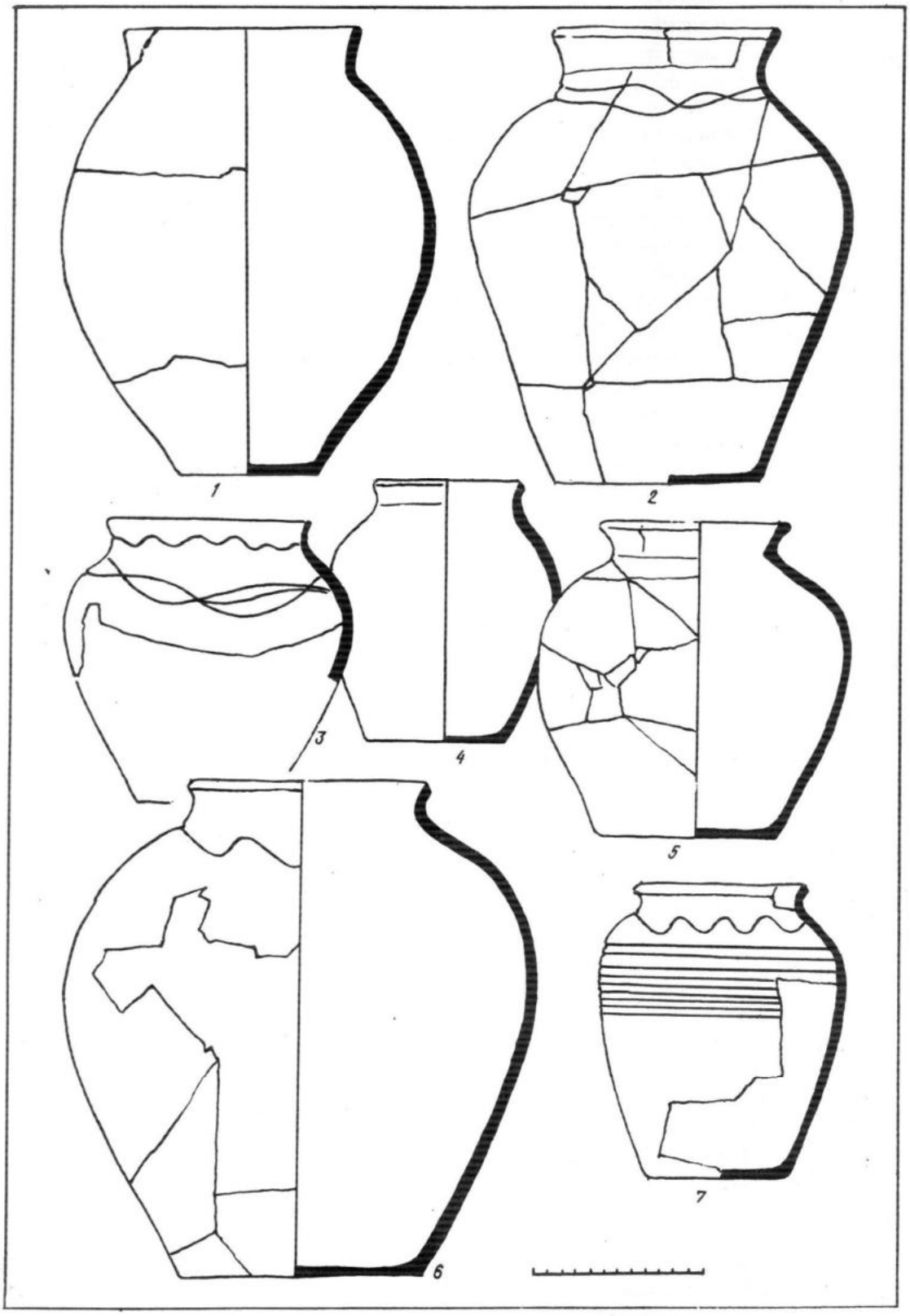


Рис. 29. Лепные кухонные горшки раннеболгарских поселений Крыма.
1 – Базман, пещера № 5; *2* – Тау-Кипчак, землянка № 2; *3* – Тау-Кипчак, землянка № 2; *4* – Кордон-Оба, зольник; *5, 7* – Тау-Кипчак, землянка № 1, нижний слой; *6* – Тау-Кипчак, хозяйственная яма 5.

колеблется в пределах 1,0–1,5 см. Как правило, горшки I-Б$_1$ изготовлены из рыхлой глины с дресвой и песком, реже с шамотом, мелкими частицами известняка, толченого кварца и слюды. Исключение составляют фрагменты трех лепных сосудов, обнаруженные в Тау-Кипчаке: они формованы из жирной киловой глины с отощителями из толченых морских раковин. Эти горшки пепельно-серого цвета с глянцевой поверхностью,

"мылящейся" в увлажненном состоянии. Керамика из кила известна в раннесредневековых слоях Тамани [35, с. 104], а также в Юго-Восточной Таврике, где в районе Судака имеются значительные запасы минерального сырья.

Горшки типа I-Б$_1$ составляют около 20 % лепной кухонной керамики салтовских поселений и погребений кочевников в Крыму. Их размеры различны, а пропорции неустойчивы.

К **варианту А** этого типа отнесены неорнаментированные сосуды (рис. 29, *4*). Горшки из впускных могил у сел Рисовое и Сивашевка [107, с. 136–137, рис. 52, *7*; 140, с. 102, рис. 17, *23*] изготовлены из рыхлой глины и имеют бугристую поверхность, характерную для сосудов типа I-А$_1$. Поверхность горшков из поселений более гладкая (рис. 29, *1, 4, 5*), а их керамическое тесто более плотное и приближается по составу к тесту кружальных сосудов. Исключение составляют лепные горшки, обнаруженные в салтовских жилищах поселений Байдарской долины [133, с. 64, рис. 1–5]. Они близки по фактуре и технике формовки к кочевническим сосудам: тесто плохо промешано, рыхлое, с включением дресвы и крупного песка, а поверхность сосудов бугристая, неровно обожженная. Низкий технологический уровень гончаров Байдарской долины мог быть следствием изолированности этого района от основных производящих центров Южной Таврики, высокий уровень гончарного мастерства которых оказал несомненное влияние на ремесленников близлежащих салтовских поселений.

Объемы горшков варианта А колеблются от 0,5 до 3,0 л. Средние пропорции $Д_1 : Д_2 : Д_3 = 1 : (1,7–1,8) : 0,9$ и $Н_1 : Н_2 = 1 : 0,2$.

К **варианту Б** типа I-Б$_1$ отнесены горшки с простым волнистым орнаментом, нанесенным острой палочкой в верхней части плеча. За исключением горшков из кургана близ Симферополя, остальные сосуды найдены в закрытых комплексах Тау-Кипчака, датированных второй половиной VII в. [39, рис. 2, *10–12*]. Цвет посуды серый (рис. 29, *3*), темно-серый и серо-коричневый с красными пятнами. Поверхность горшков заглажена травой, а сосуды носят следы выравнивания и доработки на круге, т.е. по технике формовки – это продукция следующего технологического этапа, связанного с оседанием кочевников.

К **варианту В** типа I-Б$_1$ отнесены лепные горшки, технология производства которых и пропорции аналогичны горшкам первых двух вариантов, но отличаются от последних более сложным декором – сочетанием однорядной "волны" с зональным рифлением в верхней части, выполненным гребенчатым десятизубым штампом (рис. 29, *7*). Кроме того, в Тау-Кипчаке встречены фрагменты горшков, в которых линейный гребенчатый орнамент нанесен в сочетании с небрежными волнистыми линиями, пересекающимися под разными углами.

Объемы орнаментированных горшков типа I-Б$_1$ колеблются от 1,0 до 7,0 л. Их пропорции относительно устойчивы: $Д_1 : Д_2 : Д_3 = 1 : 1,7 : 0,9$ и $Н_1 : Н_2 = 1 : 0,2$.

Тип II представлен фрагментами приземистых лепных горшков из темно-серой и серой глины с включениями дресвы и песка. Обжиг неровный. Поверхность бугристая и носит следы заглаживания мокрой ладонью и травой. У горшков короткий корпус, широкое горло с S-видным венчиком и широкое дно плиточной формы.

Фрагменты таких горшков, по которым нельзя судить об их пропорциях, найдены в подъемном материале Тау-Кипчака, Вишенного и Ак-Кая. Сосуд полного профиля обнаружен лишь в подбойной могиле у с.Крыловка в комплексе с золотой серьгой Келегейского типа [111, рис. 267, № 72], датируемой второй половиной VII в. [106, с. 195, рис. 2, *10*]. Размеры горшка: $Д_1$ – 15,8 см, $Д_3$ – 11,5 см, $Н_1$ – 14,0 см при толщине стенок корпуса 0,7–0,8 см и дна – 1,0 см. Пропорции сосуда: $Д_1 : Д_2 : Д_3 = 1 : 1,2 : 0,7$ и $Н_1 : Н_2 = 1 : 0,1$.

Горшки типа II не орнаментированы. Судя по условиям их находок на поселениях и датировке погребения, они, как и сосуды типа I, употреблялись лишь на первом этапе проникновения кочевников-тюрок в Таврику и вышли из употребления не позднее конца VII в. Как и горшки типа I-А$_1$, они встречаются на пеньковских поселениях Приднепровья [345, рис. 9, IV]. Их появление среди оседлого населения Приднепровской Лесостепи и Степи в VII в. Ч.Балинт связывает с влиянием кочевников, входивших в состав Приазовской Булгарии и Аварского каганата [346, с. 137–138].

Кружальная кухонная керамика (рис. 30–33) входит в употребление салтовцев Таврики на начальном этапе оседания кочевников, составляя во второй половине VII в.

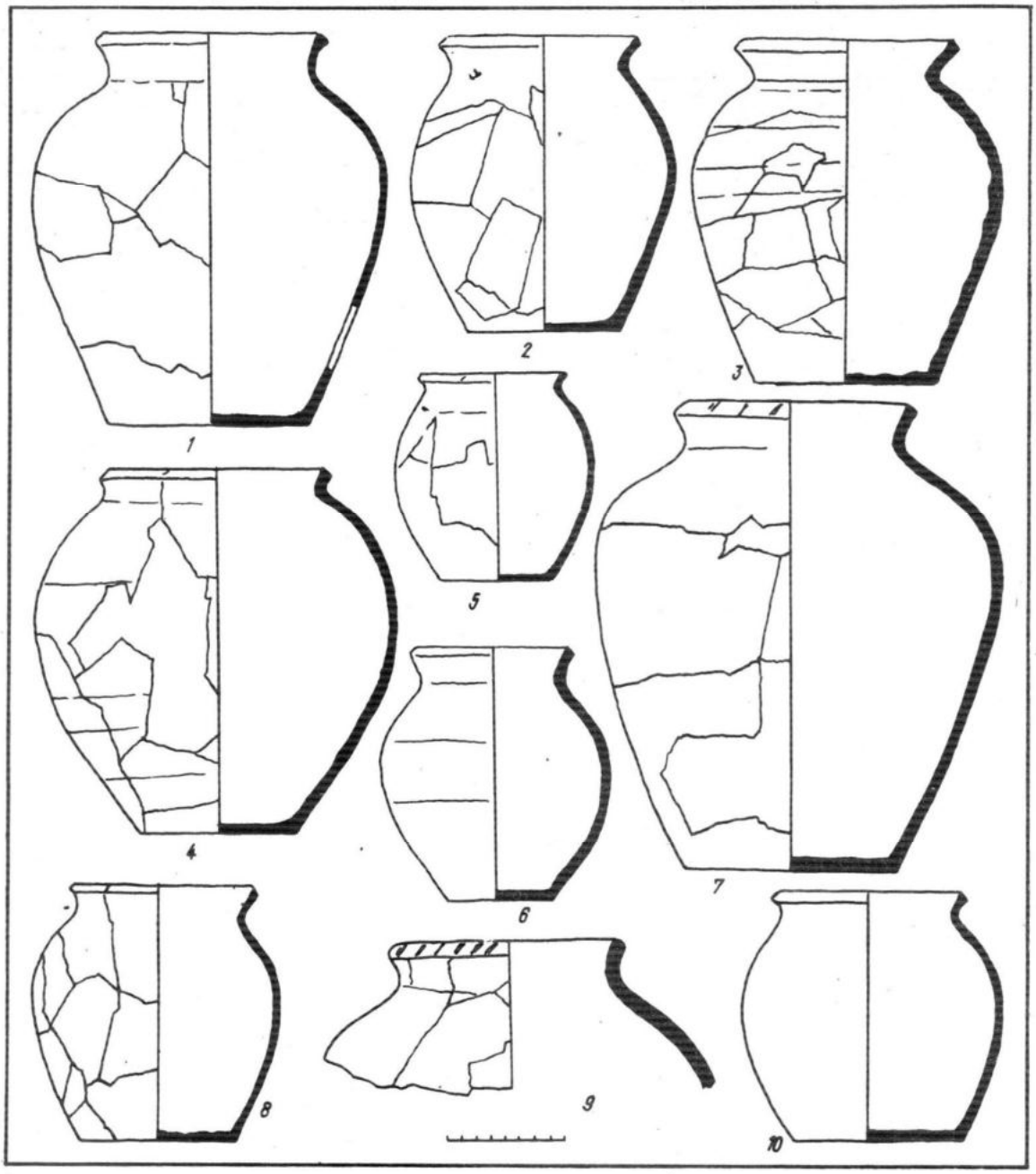


Рис. 30. Неорнаментированные кружальные кухонные горшки.
1 – Тау-Кипчак, яма № 5; *2, 10* – Тау-Кипчак, землянка № 1, нижний слой; *3* – Тау-Кипчак, землянка № 14; *4, 5* – Тепсень, дом № 5; *6, 8* – Бакла, жилище № 1; *7* – Тау-Кипчак, землянка № 1, верхний слой; *9* – Тау-Кипчак, подъемный материал.

около половины всех горшков, а с рубежа VII–VIII вв. – всю кухонную керамику. Она характерна как для раннетюркского этапа салтово-маяцкой культуры, так и для собственно салтовского этапа поселений обоих хронологических периодов. Составляет в Тау-Кипчаке 25,3 % всей керамики, а на Кордон-Обе – 34,1 % (см. табл. 5). Кухонная гончарная посуда представлена в Таврике сосудами трех типов: плоскодонными горшками с яйцевидным корпусом, широкогорлыми горшками-кувшинами и котлами с ручками для подвешивания. Горшки относятся к типу I, сохраняя общие пропорции, состав керамического теста и способы орнаментации. Последний признак позволяет разделить их на три варианта: А – неорнаментированные сосуды, Б – горшки с линейным орнаментом, В – горшки с линейно-волнистым орнаментом.

Тип I_1, вариант А (рис. 30) – неорнаментированные гончарные сосуды. По технике формовки они делятся на изготовленные на ручном и ножном кругах. Горшки первого подтипа (рис. 30, *1, 4, 7, 9*) составляют подавляющее большинство неорнаментированной гончарной посуды. У них вытянутый, несколько округлой формы, корпус, широкое

горло и плоское днище. Венчики в сечении плоские. Высота колеблется от 1,5 до 3,0 см. Они прикреплены к крутым плечам без шейки под углом 30–45°. Некоторые сосуды по краю венчиков украшены ногтевыми вдавлениями (рис. 30, *7, 9*). На поселениях второй хронологической группы встречены единичные экземпляры горшков с загнутыми венчиками в виде сплошного валика, прикрепленного к короткой прямой шейке. Почти все горшки этого подтипа изготовлены из тощей глины с включением мелкого шамота. Они обожжены в восстановительно-окислительной среде: цвет колеблется от насыщенного серого до коричнево-красного. Обжиг ровный, поверхность шершавая. Целые сосуды почти одинаковых размеров и пропорций: их объем 10–11 л. Размеры наиболее хорошо сохранившегося горшка из Тау-Кипчака: $Д_1$–17,2 см, $Д_2$–28,6, $Д_3$–14 см, $Н_1$–31,6 см, толщина стенок – 0,8 см. Помимо таких горшков, встречающихся в комплексах обоих хронологических периодов, в Тау-Кипчаке в хозяйственной яме № 5, датированной второй половиной VII в., обнаружен горшок из светло-красной глины с поверхностью, заглаженной жидким ангобом до блеска (рис. 30, *1*). На дне рельефное клеймо. Обжиг равномерный в окислительной среде, т.е. салтовский горшок обожжен уже в горне византийского типа с высокой температурой обжига. Пропорции горшков первого подтипа устойчивы и повторяют в среднем пропорции лепных сосудов того же типа. Незначительные отклонения наблюдаются лишь в размерах наиболее широких частей корпуса: $Д_1 : Д_2 : Д_3 = 1 : (1,7–1,9) : 0,8$ и $Н_1 : Н_2 = 1 : 0,2$. По сравнению с аналогичными горшками из салтовских горизонтов Тамани и Саркела [35, с. 104, 106], крымские сосуды имеют тенденцию к увеличению шаровидности корпуса; они более крупных размеров.

Горшки второго подтипа формованы на ножном круге. На салтовских поселениях Таврики они единичны. Два сосуда, изготовленные из жирной амфорной глины с включением крупного шамота и карбонатов, обнаружены в жилище № 14 в Тау-Кипчаке с материалом первой половины VIII в. (рис. 30, *3*). Обожжены в окислительной среде и формовались, вероятно, вместе с амфорами причерноморского типа, обжигаясь в тех же условиях: цвет горшков, как и амфор, кирпично-красный. Поверхность обоих сосудов покрыта плотным ангобом – прием, характерный для провинциально-византийского гончарства Таврики. Размеры полностью сохранившегося горшка: $Д_1$–16 см, $Д_2$–21, $Д_3$–13,5 см, $Н_1$–23 см при толщине стенок 0,7–0,8 см. Несмотря на очевидность формовки таких горшков крымско-византийскими гончарами, в их форме видны подражания салтовским образцам. Такие горшки не известны на византийских поселениях Южной Таврики и Херсонеса. Можно предположить, что они изготовлены греческими ремесленниками в расчете на салтовский рынок. В тех же мастерских изготовлялись и тонкостенные кухонные горшки византийского типа (рис. 30, *2, 5, 6, 8, 10*) – основной тип кухонной керамики провинциально-византийских поселений в Крыму в VIII–X вв. Эти горшки изготовлены из тощей глины с включением очень мелкого песка и обожжены в окислительно-восстановительной среде. Все они темного красно-коричневого цвета. Обжиг ровный, полный – черепок на изломе однотонный и плотный. Объем горшков приблизительно одинаков и колеблется в пределах 2,0–2,5 л. Формы горшков стандартны: широкое горло и днище, приземистый шаровидный корпус с покатыми плечами, переходящий в короткий непрофилированный венчик. Размеры горшка из нижнего слоя земляники № 1 в Тау-Кипчаке: $Д_1$–13,5, $Д_2$–18,8, $Д_3$–11 см при толщине стенок 0,4 см. Пропорции устойчивы: $Д_1 : Д_2 : Д_3 = 1 : 1,4 : 0,8$ и $Н_1 : Н_2 = 1 : 0,1$.

Единичные обломки таких горшков обнаружены на всех без исключения салтовских поселениях в Крыму и на Тамани. За пределами Юго-Восточного Приазовья они не известны. Остальные кружальные кухонные сосуды, украшенные линейным и линейно-волнистым орнаментом и формованные исключительно на ручном круге, относятся к типично салтово-маяцкой посуде. В Крыму, как и в Саркеле и на Тамани [141, с. 23], преобладали сосуды шаровидных форм. Однако встречаются и яйцевидные горшки, типичные, например, для Суворовского поселения [347, с. 327, 330, рис. 6, *10*]. Во второй половине VII – первой половине VIII в. в Таврике орнаментировалось около 65 % гончарных горшков, а к X в. их количество возросло до 85 % (см. табл. 5).

Тип I_1, вариант Б (рис. 31) – гончарные горшки с линейным орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом. Как правило, рифление покрывает 2/3 части корпуса, однако встречаются горшки с зональным рифлением в 5–7 линий, орнаментация в виде двух широких зон, разделенных полосой в центральной части корпуса, сплошное гребен-

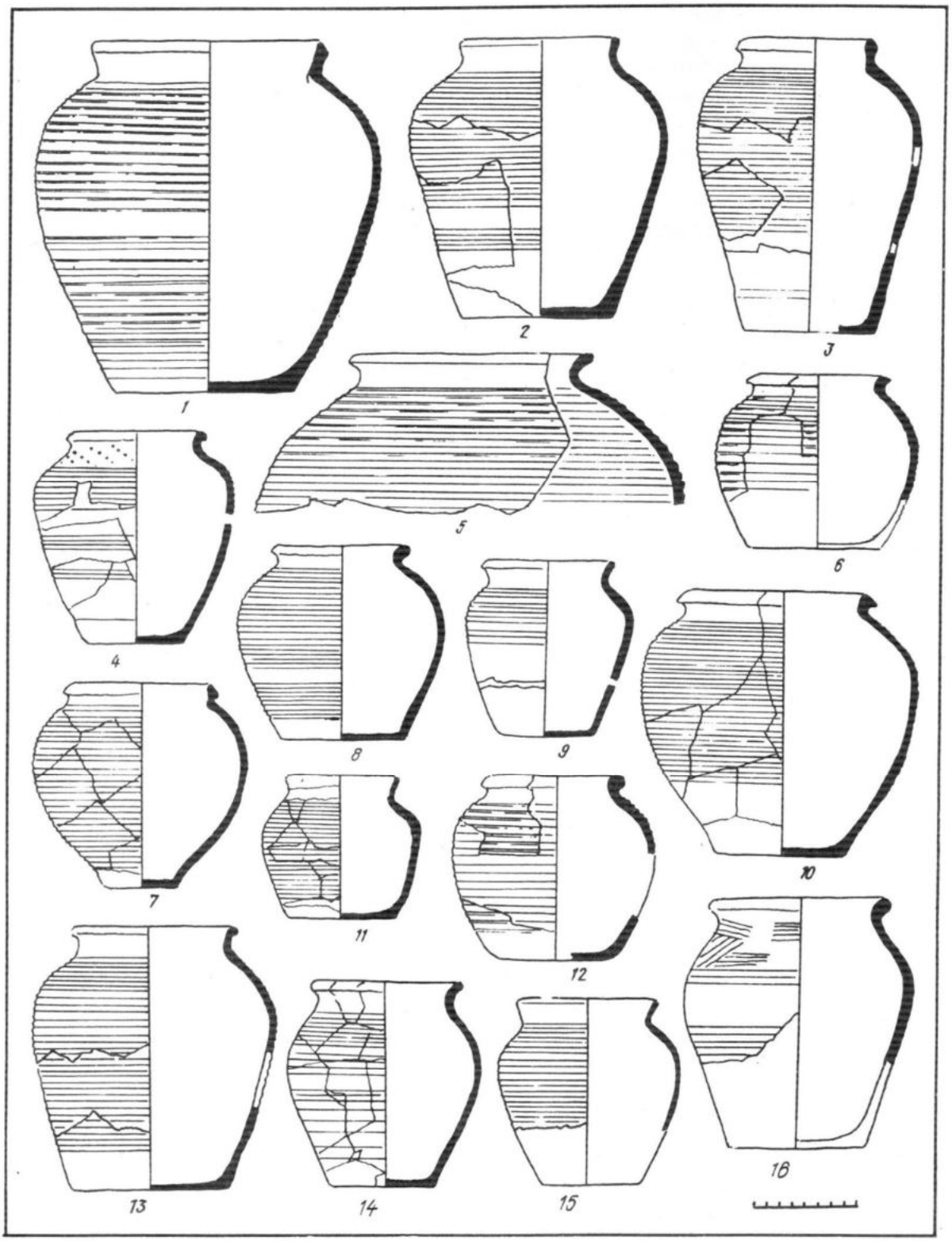


Рис. 31. Гончарные горшки с линейным орнаментом.
1 – Тау-Кипчак, яма № 6; *2, 5* – Тау-Кипчак, землянка № 22; *3, 6* – Тау-Кипчак, землянка № 1, верхний слой; *4, 7, 8, 11* – Тау-Кипчак, землянка № 1, нижний слой; *12* – Тау-Кипчак, подъемный материал; *13* – Кордон-Оба, землянка № 1; *14–16* – Кордон-Оба, усадьба № 3.

чатое рифление, а также сочетание линейного орнамента с гребенчатыми насечками на плечиках и венчике. Кроме того, на Кордон-Обе в комплексе IX–X вв. обнаружена верхняя часть горшка, украшенная зональным линейным орнаментом и гребенчатыми линиями, нанесенными под разными углами в верхней части корпуса (рис. 31, *16*). Венчики сосудов типа I_1-Б, по сравнению с лепными сосудами того же типа, более разнообразны по форме: отогнуто-вогнутые (рис. 31, *1*), прямые с утолщением в верхней части (рис. 31, *3, 12*), отогнутые уплощенные (рис. 31, *2, 11, 15*), отогнутые с вытянутым краем

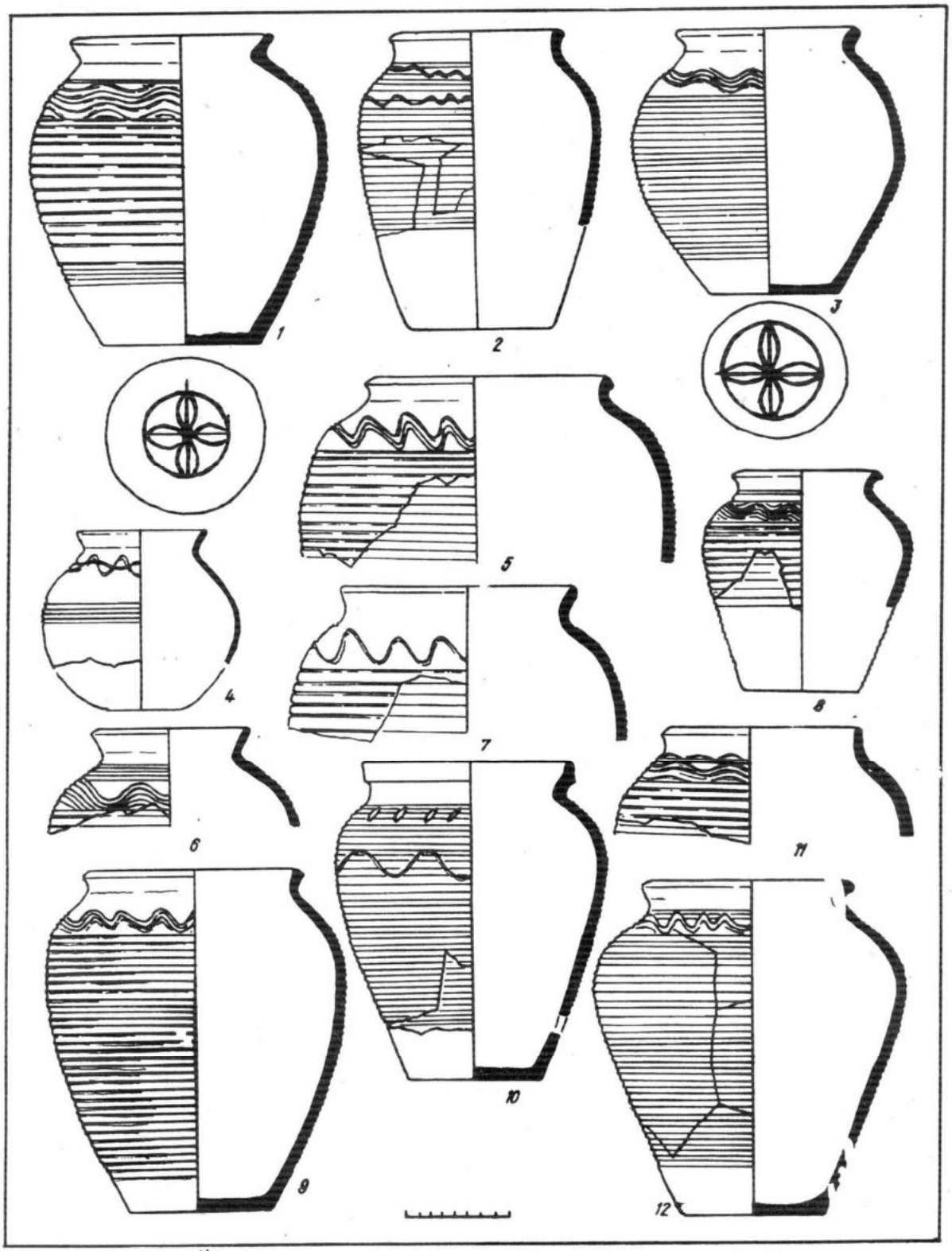


Рис. 32. Гончарные горшки с линейно-волнистым орнаментом.
1, 5, 7, 11 – Тау-Кипчак, землянка № 1, нижний слой; *2* – Тау-Кичак, землянка № 22; *3, 10* – Херсонес; *4* – Горный Ключ; *8* – Тау-Кипчак, землянка № 1, верхний слой; *9* – Мирмекий; *12* – Тепсень, дом № 1.

(рис. 31, *6, 10*), отогнутые в виде валика (рис. 31, *8, 16*). Венчики прикреплены к плечам горшков без шейки, однако есть единичные экземпляры с короткой шейкой, высота которой не превышает 1,0 см. Обжиг восстановительно-окислительный, полный. Цвет сосудов светло-серый, серо-коричневый и серый. Глина тощая, с включением очень мелкого песка, шамота, реже – толченных ракушек. Один горшок из Тау-Кипчака изготовлен из жирной киловой глины, цвет пепельно-серый (рис. 31, *3*), другой – из жирной темно-серой глины (рис. 31, *11*). Как и лепные сосуды, формованные из той же глины,

они, вероятно, завезены в Крым из Приазовья. Объем сосудов типа I_1-А колеблется от 1,0 до 7,8 л. Средние пропорции устойчивы: $Д_1 : Д_2 : Д_3 = 1 : (1,5–1,7) : 0,8$ и $H_1 : H_2 = 1 : 0,2$. Исключение составляют пропорции наиболее мелких сосудов с укороченным корпусом: $Д_1 : Д_2 : Д_3 = 1 : 1,3 : 0,9$.

Тип I_1, вариант Б (рис. 32) – гончарные горшки с линейно-волнистым орнаментом. У них те же пропорции, что и у горшков варианта А. Аналогична и техника декора. Большая часть сосудов украшена гребенчатой или однорядной "волной", нанесенной на плечики. Последняя сочетается с линейным гребенчатым орнаментом, покрывающим 2/3 корпуса. Зачастую волнистый орнамент перекрывает линейный. Один горшок, обнаруженный нами в 1970 г. при зачистке водостока дома IX–X вв. в Херсонесе, поверх линейного орнамента на плече украшен ногтевыми вдавлениями, а волнистая линия прочерчена в наиболее широкой части корпуса. Особенностью его является и сочетание широкого горла с профилированным венчиком в виде отложного воротничка и небольшого дна; корпус сосуда усеченно-конической формы (рис. 32, *10*). Аналогичные горшки не характерны для салтово-маяцкой керамики Подонья, Приазовья и Таврики, но широко представлены в балкано-дунайской культуре Молдавии [348, рис. 48].

Горшки типа I_1-Б изготовлены из тощей глины с включением шамота, толченной ракушки и мелкого песка. Преобладают сосуды серого цвета (рис. 32, *1, 3, 7, 9, 11*), но изредка встречаются коричнево-красные (рис. 32, *5, 12*). Поверхность шершавая, а внутренняя сторона носит следы заглаживания щеткой, иногда осмолена. Типологических различий между горшками второй половины VII – первой половины VIII в. и второй половины VIII–X в. не отмечено, что дает основание отнести памятники обоих хронологических периодов к одной культурной общности.

Тип III (рис. 33, *1–3, 5–7*) представлен своеобразными кухонными сосудами – широкогорлыми горшками-кувшинами с уплощенными или овальными в сечении ручками. Они обнаружены в Тау-Кипчаке в доме первой половины VIII в. (рис. 33, *1, 3*), на поселении у подножия Баклинского городища в жилище VIII–IX вв. (рис. 33, *2, 5*), а также под Сюйренской крепостью [39, с. 61; 349, рис. 2, *1–2*; 151, рис. 4, *2*]. В количественном отношении эти сосуды составляют менее 1 % кухонной посуды салтовских поселений Таврики. Горшки-кувшины имеют слегка вытянутую форму корпуса с плоским дном и отогнутым венчиком, прикрепленным к плечикам без шейки. Сюйренский сосуд украшен по плечу гребенчатой "волной" и зональным рифлением, тау-кипчакские – сплошным линейным орнаментом, а один из баклинских – простыми волнистыми линиями. Сосуды изготовлены из тощей глины с включением шамота и обожжены до серо-коричневого цвета. Сосуды типа III различаются деталями, а их пропорции колеблются в значительных пределах. На салтовских поселениях Таврики они не получили широкого распространения. Единичны их находки и в Подонье [35, с. 111, рис. 26, *3*; 350, с. 190, рис. 22, XII]. Наиболее многочисленна коллекция такой посуды из византийского Херсона и провинциально-византийских поселений Южной Таврики, что позволяет усматривать их влияние на гончарное производство крымских салтовцев.

Тип IV (рис. 34) представлен фрагментами пяти глиняных котлов с ручками для подвешивания. Три лепных сероглиняных котла, изготовленных из тощей глины с включениями просеянного песка и шамота, обнаружены в Тау-Кипчаке, Меловом и Героевском [46, рис. 22, *1*]. Все они носят следы доработки на ручном круге. Котлы обожжены в восстановительно-окислительной среде обычным для салтовцев способом; обжиг полный. Диаметр венчика котла из Героевского около 27 см, Тау-Кипчака – около 30 см. Кроме того, на Кордон-Обе в усадьбе № 1 в слое пожара X в. найден фрагмент аналогичного котла, формованного на ручном круге. Их разновидностью могут быть глиняные котлы, обнаруженные нами в нижнем горизонте Сюйренской крепости и на участке античного театра в Херсонесе. Оба котла изготовлены из жирной глины с отощителями из крупного шамота и карбонатов. Обожжены в окислительной среде в тех же печах, что и амфоры. Черепок звонкий, цвет кирпично-красный; сосуды покрыты тем же ангобом, что и глина котлов. В отличие от лепных котлов, у сюйренского сосуда есть сквозные отверстия в венчике для крепления ремней [252, рис. 2, 3], а у херсонесского – горизонтальные массивные ручки в центре корпуса и петлеобразные маленькие ручки для ремней, прикрепленные к венчику.

Орнаментация различна. Котел из Героевского украшен по краю венчика тонким накладным жгутом, из Тау-Кипчака и Кордон-Обы – однорядной "волной" на внутрен-

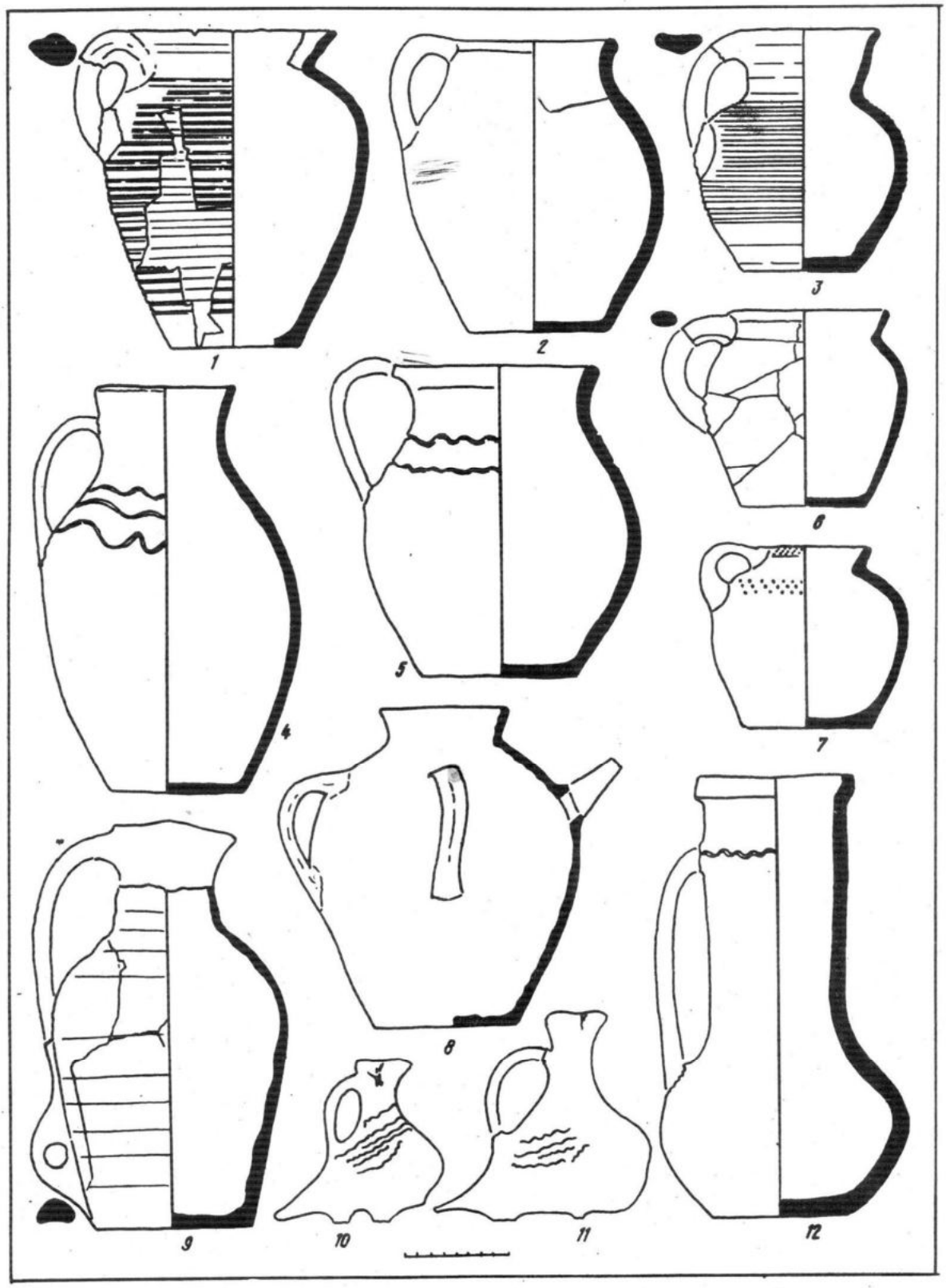


Рис. 33. Кухонные горшки-кувшины и кружки.
1, 3 – Тау-Кипчак, землянка № 22; *2, 4, 5, 10–12.* Бакла; *6, 7* – Кордон-Оба; *9* – Тау-Кипчак; *8* – Ай-Фока.

ней стороне венчика, из Сюйрени – косыми насечками, нанесенными штампом и многорядной гребенчатой "волной", из Херсонеса – орнаментом в виде зон гребенчатого рифления и гребенчатой "волной" между ними.

Аналогов котлам из Сюйрени и Херсонеса нет. Остальные сосуды известны на салтовских стойбищах и аилах Нижнего Дона и Северского Донца, Северного Приазовья, Тамани и Степного Приднепровья [14, с. 45–50; 35, с. 108–110; 34, с. 16–17, рис. 6–9]. Этот тип сосудов – определяющий при характеристике этнического состава носителей

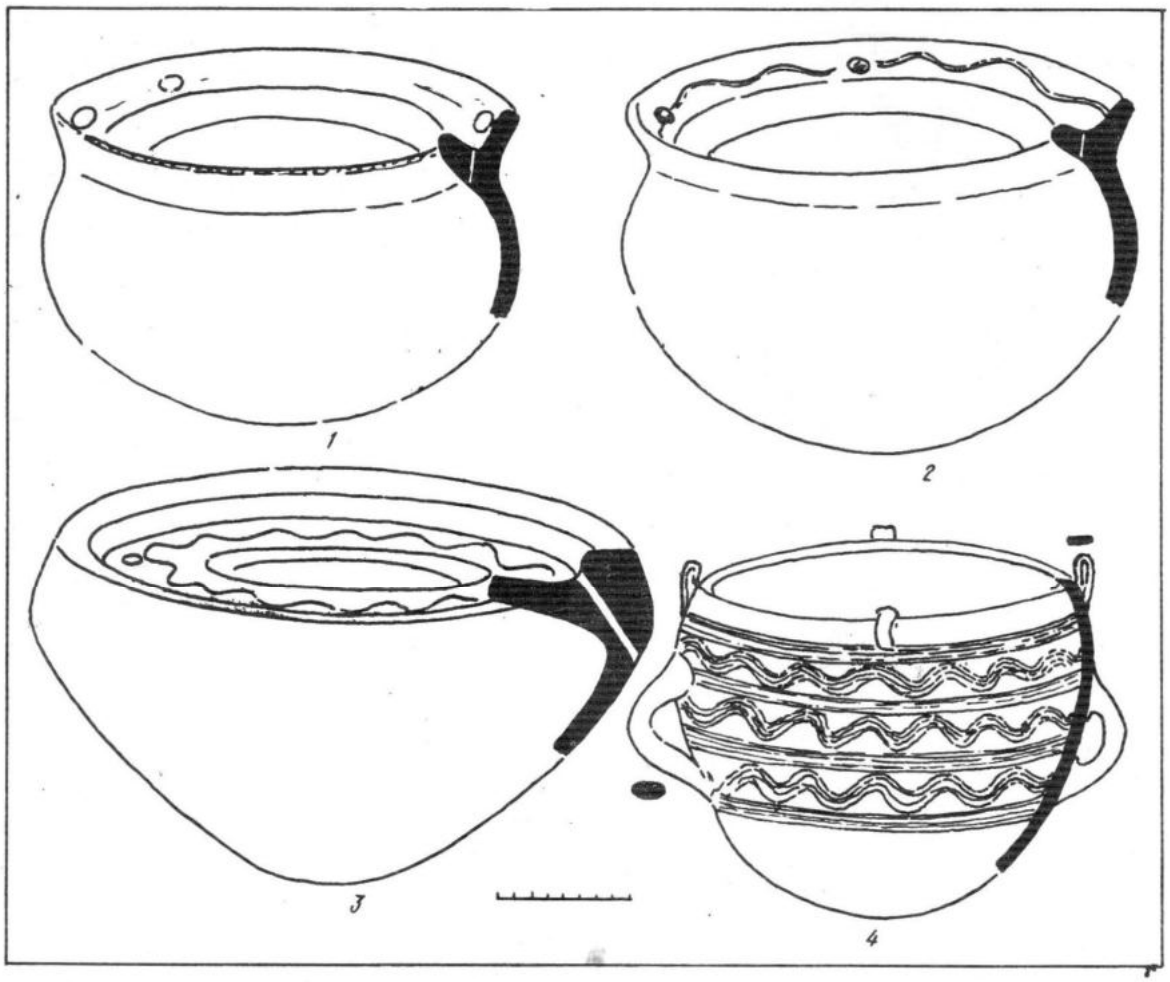


Рис. 34. Керамические котлы.
1, 2 – Героевское; *3* – Сюйренская крепость; *4* – Херсонес, участок античного театра.

салтово-маяцкой культуры в Крыму. По мнению Н.Я.Мерперта, котлы – наиболее характерная керамика кочевых и полукочевых ранних тюрок [43, с. 32]. В X–XIII вв. они были занесены из их среды в районы Подунавья – Румынию, Болгарию и Венгрию [350, с. 37].

Столовая салтовская посуда в Крыму менее многочисленна и разнообразна, чем на салтовских поселениях Подонья и Приазовья. Это объясняется соседством провинциально-византийских гончарных центров, производивших однотипную посуду значительно лучшего качества и более дешевую, ввиду ее массовости и стандартизации. В связи с этим салтовская столовая керамика в Таврике оказалась неконкурентоспособной, как с этнической, так и с коммерческой стороны, и была быстро вытеснена византийской.

Столовая посуда салтово-маяцкого типа в Крыму формовалась из жирной глины с сильно измельченными твердыми отощителями из толченой ракушки, карбонатов, слюды и мелкого песка. Она обожжена в окислительно-восстановительной среде до серого и серо-коричневого цвета (рис. 33, *4, 10–12*; 34). Однако среди лощеной посуды встречаются отдельные образцы, обожженные в окислительной среде до кирпично-красного цвета, желто-оранжевого и желто-коричневого цвета (рис. 35, *4–6*). Исключение составляет небольшая группа лепных столовых кувшинов, формованных из тощей глины с песком и обожженных до темно-серого цвета в примитивных печах восстановительного типа. На памятниках первого периода столовая салтовская посуда составляет около 5 % всей керамики, а на поселениях второго – 4,8 %. Для сравнения: только византийские кувшины-ойнохои в VII–VIII вв. на тех же поселениях составляли около 19,8 %, а во второй половине VIII–X в. – 15, 8 %.

Кувшины – основной тип салтовской столовой керамики. На поселениях первого периода они составляли 85 % салтовской столовой керамики и выделены нами в тип V с подтипами $А_1$–$Д_1$. По характеру обработки поверхности и технике декора сосуды

первого подтипа разделены на два варианта – А и Б. Остановимся на нелощеной посуде.

Тип V, подтип A_1, вариант А (рис. 33, *4, 12*) – кувшины нелощеные. Они двух видов. Лепные кувшины-ойнохои обнаружены лишь в нижнем слое Тау-Кипчака и в зачищенном нами в 1984 г. склепе салтовца-христианина на Бакле. Лепная ойнохоя, доработанная на круге, найдена в нижнем горизонте Героевского [46, рис. 22б]. Сосуды различаются деталями формы и пропорциями и являются, по существу, салтовскими подражаниями провинциально-византийской столовой посуде Южной Таврики, формованной на ножном круге [352, рис. 67; 68]. Лепные кувшины вытеснены из употребления византийской гончарной керамикой и собственно салтовскими гончарными кувшинами, формованными на ручном круге. Последние покрыты жидким ангобом из той же глины, что и сами сосуды.

Кувшины-ойнохои с ангобом входят в употребление у крымских салтовцев лишь на поселениях второго периода. Они обнаружены на поселении под Загайтанской скалой в Инкермане, а также в комплексах IX–X вв. на посаде Баклинского городища (рис. 33, *4, 12*). Как и лепные сосуды, ангобированные кувшины украшены одно- или двурядной "волной", и различаются по форме, сравнительно-пропорциональный анализ которой не имеет смысла, ввиду единичности находок одинаковых форм.

Подтип $Б_1$ (рис. 33, *10–11*) представлен кувшинами-водолеями в виде птиц с плоским хвостом и носиком-сливом вместо головы. Водолеи изготовлены из жирной глины с включениями карбонатов; поверхность красно-коричневого цвета. Боковые стенки украшены обрывочными волнообразными линиями, хаотично нанесенными по диагонали тулова. Хвост птиц украшен врезными полосами, имитирующими оперение. Водолеи типа $I\text{-}Б_1$ в Таврике обнаружены на Бакле и в Судакской крепости, в салтовском доме X в. в порту. За пределами Крыма аналогичный сосуд найден в салтовском селе Левобережного Цимлянского городища; прослеживается влияние северокавказской торевтики [14, с. 23, рис. 9]. Несколько забегая вперед, отметим, что орнамент цимлянского водолея идентичен орнаменту желтолощеной ойнохои из Херсонеса (рис. 35, *5*), которая полностью повторяет лощеный кувшин из Саркела [131, рис. 1, *1*]. Появление в Крыму такой посуды можно связать, с одной стороны, с инфильтрацией населения Подонья и Приазовья в период хазаро-оногурских войн середины VII в., а с другой – с резким усилением культурных и экономических контактов Таврики с Подоньем и Приазовьем во второй половине VIII–X в. в связи с включением полуострова в состав Хазарского каганата.

К подтипу $В_1$ относится водолей, обнаруженный нами в 1986 г. в салтовской яме VIII в. на мысе Ай-Фока (рис. 33, *8*). Это широкогорлый кувшин со слабо отогнутым венчиком, прикрепленным к яйцевидному корпусу без шейки. В наиболее широкой его части симметрично прикреплены овальные в сечении ручки, а с четвертой стороны на том же уровне – носик слива. Водолей формован из красной амфорной глины с крупным шамотом и обожжен в окислительной среде. Днище сосуда срезано ниткой при вращении на ножном круге. Сосуды типа $V\text{-}В_1$ ранее в Таврике не встречались. Не известны они и на других салтовских памятниках. Ближайшие аналоги таким водолеям можно найти лишь в аваро-кутригурских древностях Паннонии [342, с. 57, табл. 10, *8*].

К подтипу $Г_1$ отнесена небольшая группа кувшинов, изготовленных на скоростном гончарном круге из амфорной глины с шамотом и карбонатами и обожженных в окислительной среде. У них несколько вытянутый яйцевидный корпус с крутыми плечиками и цилиндрическое горло. Особенность кувшинов – наличие двух разнотипных ручек: ленточной ручки, обычной для ойнохой баклинского типа, прикрепленной к венчику кувшина, и петлевидной ручки для подвешивания у днища сосуда (рис. 33, *9*). Почти целый кувшин этого типа найден в жилище первой половины VIII в. на Тау-Кипчаке, а их фрагменты – на Тепсене, Кордон-Обе и Ай-Фоке. При этом, на тепсеньском кувшине основная ручка по профилю близка к ручкам причерноморских амфор. По технологии изготовления и деталям формы корпуса видно, что кувшины этого подтипа изготовлялись византийскими гончарами вместе с амфорами и из того же керамического теста. Однако полное отсутствие таких кувшинов на провинциально-византийских памятниках Таврики позволяет предположить, что они изготовлялись в расчете на салтовский рынок. Петлевидная ручка в нижней части сосуда могла предназначаться для подвешивания кувшина на ремне при перекочевках.

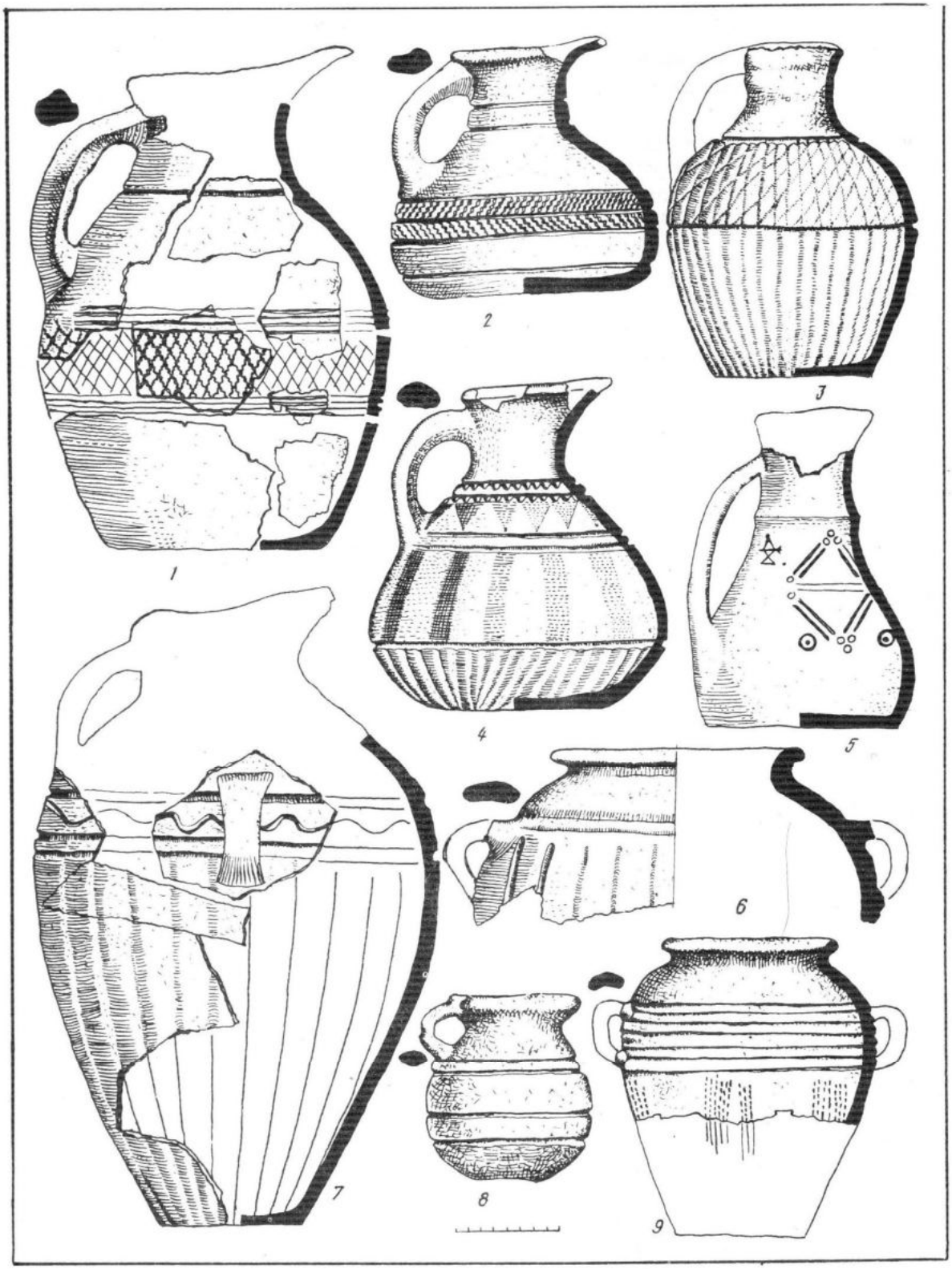


Рис. 35. Лощеная салтово-маяцкая посуда.
1, 3, 4 – Тау-Кипчак; *2* – Емельяновка; *5, 8* – Херсонес; *6, 9* – Героевское; *7* – Кордон-Оба.

Редки в Таврике и столовые лощеные сосуды собственно салтовского типа, получившие здесь распространение исключительно на салтовских поселениях и в Херсонесе. Такая керамика была широко распространена за пределами Крымского п-ова на памятниках аланского варианта салтово-маяцкой культуры, однако в Таврике ее находки единичны и составляют на поселениях первого периода около 1 % всей посуды, а на поселениях второго – 2,4 % (см. табл. 5).

Большая часть салтовской столовой лощеной керамики в Крыму представлена разнообразными кувшинами. Можно утверждать, что из полутора десятков сосудов

на салтовских поселениях полуострова не обнаружено ни одной тождественной пары. Тем не менее их можно разделить по основным признакам (форма корпуса и горла): на подтип $Д_1$ и вариант Б подтипа $А_1$.

Тип V, подтип $А_1$, вариант Б (рис. 35, *1, 3*) – лощеные кувшины-ойнохои с яйцевидным корпусом. Обнаружены только на поселениях первого периода. Они близки к ойнохоям баклинского типа. Целые сосуды, позволяющие судить о типе в целом, найдены лишь в Тау-Кипчаке. Украшены пролощеным орнаментом в виде вертикальных и перекрещивающихся ромбами врезных линий. У одного из них (рис. 35, *3*) на дне рельефное клеймо в виде равностороннего креста. Размеры этой ойнохои: $Д_1$ – 6 см, $Д_2$ – 18,8, $Д_3$ – 12 см, $Н_1$ – 25,5 см при толщине стенок 0,6 см и рельефе клейма 1,0 мм.

Тип V, подтип $Д_1$ (рис. 35, *2, 4*) – грушевидные кувшины с цилиндрическим горлом и сильно вытянутым носиком слива. Их высота не первышает 25 см. Один полностью лощеный кувшин обнаружен в с.Почтовое [133, рис. 49, *7*], другой, украшенный, помимо лощения, точечным штампованым орнаментом, нанесенным в виде "елочки", – найден близ с.Емельяновки (рис. 35, *2*). Кроме того, грушевидный кувшин с широкими вертикальными пролощеными линиями на корпусе и тонкими пролощеными линиями у дна найден в Героевском [46, рис. 19в], а несколько беспаспортных кувшинов того же подтипа происходят из разных мест Керченского п-ова; совершенно целый кувшин с орнаментом, аналогичным героевскому, обнаружен в хозяйственной яме Тау-Кипчака (рис. 35, *4*). Кувшин из Почтового имел на горле метку-граффити в виде решетки, а на дне – рельефное клеймо в виде креста.

Все паспортные кувшины грушевидной формы найдены в Крыму на поселениях первого периода. Салтовцы второй хронологической группы такой посудой не пользовались: нам не известно ни одного комплекса, где грушевидные кувшины находились бы с керамикой второй половины VIII–X в. Скорее всего, они вышли из употребления на поселениях Таврики не позднее середины VIII в. Время же их появления у тюрок и алан в Подонье и Приазовье пока остается невыясненным.

В IX–X вв. в комплексах памятников второго периода появляются новые типы лощеной посуды. В верхнем слое Героевского вместе с обломками византийского поливного белоглиняного блюда второй половины IX–X в. обнаружен крупный горшок-корчага с петлевидными ручками, формованный из красной глины и украшенный вертикальными лощеными полосами желто-коричневого цвета. Другой аналогичный сосуд обнаружен в хозяйственной яме того же поселения (рис. 35, *9*) [353, с. 32], а также в жилище салтово-маяцкой культуры в порту Судакской крепости. Кроме того, на Кордон-Обе в жилище усадьбы № 2 найдена верхняя часть крупного сероглиняного горшка-корчаги с вертикальным лощеным орнаментом (рис. 35, *7*). На поселениях Керченского п-ова и в Херсонесе известны единичные экземпляры лощеных кружек, кубышек и горшочков, обычных для салтовцев форм (рис. 35, *8*).

Известные в Крыму типы лощеной посуды, за исключением горшков-корчаг, широко представлены на памятниках салтово-маяцкой культуры Подонья и Приазовья, где они генетически связаны с аланской керамикой предсалтовского и более раннего времени. Небольшая коллекция крымских лощеных корчаг не характерна для салтово-маяцкой культуры. С.А.Плетнева связывает их появление у салтовцев Подонья и Тамани с влиянием волынцевской культуры [35, с. 121]. Однако нельзя исключить и влияние пастырской культуры, где аналогичные горшки с лощеным орнаментом, шаровидным корпусом и отогнутым венчиком (в отличие от прямых волынцевских) получили широкое распространение.

В заключение остановимся на организации производства и сбыта керамики салтово-маяцких поселений в Крыму.

Как уже отмечалось, с распространением ручного гончарного круга и двухъярусных обжиговых горнов гончарное ремесло крымских салтовцев выделилось из домашнего ремесла в отдельную отрасль производства. Это подтверждает появление в конце VII в. рельефных клейм на днищах кружальных кухонных горшков и столовых лощеных сосудов. Клейма обнаружены при раскопках Тау-Кипчака, Героевского, Мирмекия, Тиритаки, Тепсеня, Кордон-Обы, Баклы, Почтового, Мелового, Кыз-Кермена, Поворотного, Инкермана и Судака (рис. 36). Наиболее крупная коллекция клейм найдена в Тау-Кипчаке, где они появляются в закрытых комплексах второй половины VII в. Семантике клейм посвящено несколько десятков работ с взаимоисключающими

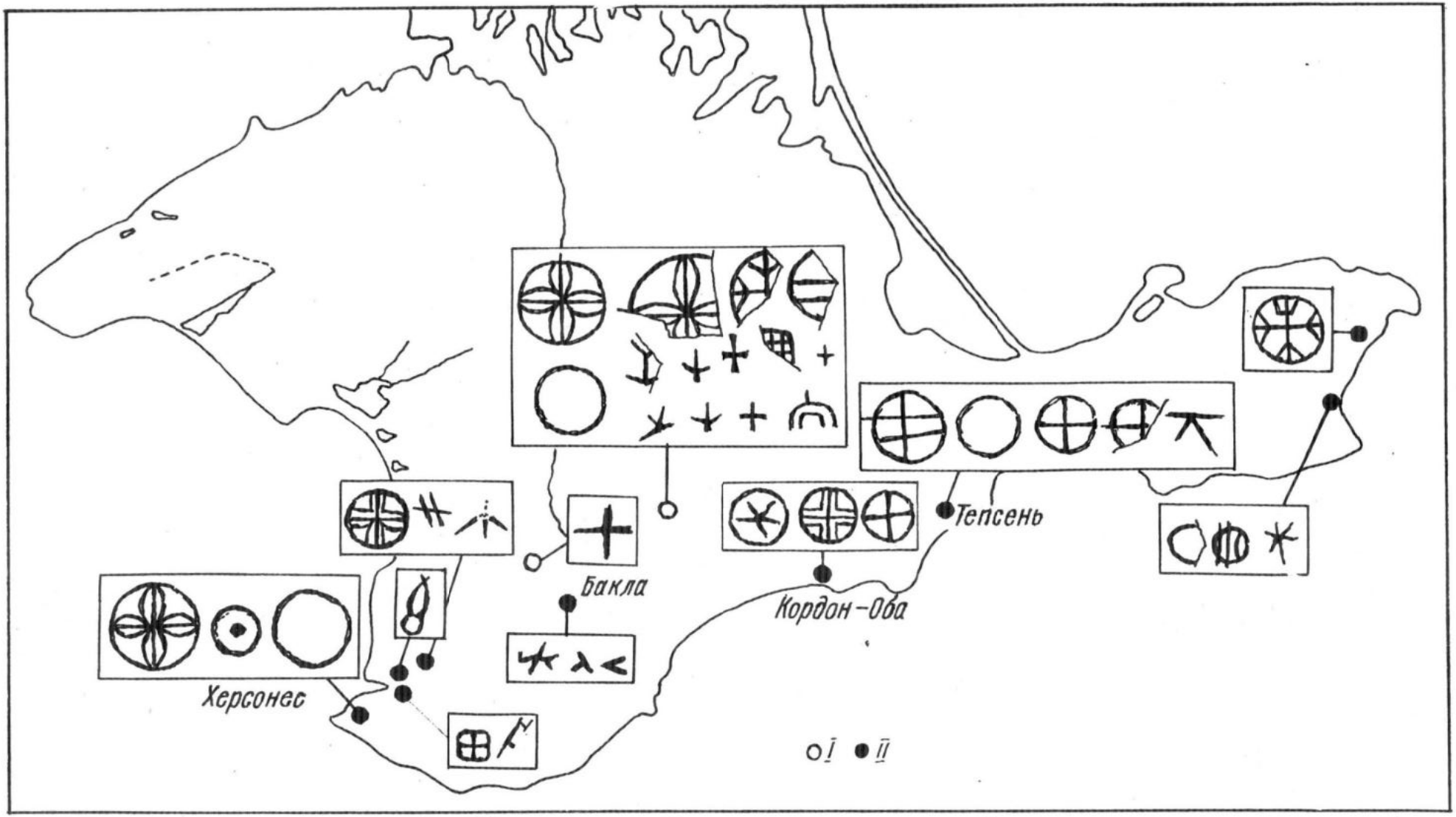


Рис. 36. Распространение клейм на днищах кухонных горшков в Крыму.
I – поселения второй половины VII – первой половины VIII в., II – поселения второй половины VIII–X в.

выводами: они подробно рассмотрены М.Комшей и нет необходимости на них останавливаться вновь [354, с. 450–451]. Наиболее убедительной нам кажется точка зрения Б.А.Рыбакова, согласно которой знак на днище горшка мог иметь одновременно магическое значение, связанное, как правило, с культом огня, и являться ремесленным знаком мастера [355, с. 17]. Эта гипотеза подтверждается крымскими материалами: из 14 вариантов клейм – 8 связаны с солярной символикой, 3 – рунические знаки, остальные – результат влияния христианства. При этом нельзя исключить возможность того, что и метки в виде креста у тюрок могли иметь магическое значение. За исключением клейм в форме простого круга, распространенных по всей территории Европы, остальные крымские клейма за пределами полуострова не встречались. Это указывает на местное производство большей части кухонных и столовых гончарных сосудов салтовского типа в Крыму. Картографирование клейм выявило еще одну закономерность: все метки кроме двух – крест в круге и четырехлепестковая розетка в круге – не имели аналогов на других крымских памятниках (см. рис. 36). Очевидно, как и на салтовских поселениях Подонья, в Таврике существовали специализированные гончарные мастерские в каждом салтовском селе или группе близлежащих сел, входивших в один "куст". Сбыт изделий осуществлялся гончарами на месте.

Характеристика хозяйственной жизни поселений салтово-маяцкой культуры в Крыму была бы неполной, если не рассмотреть вопросы экономических связей и денежного обращения.

Как показал анализ отдельных отраслей экономики, степень их развития была неодинаковой на разных этапах развития салтовского общества. Рассматривая памятники первого периода (середины VII – первая половина VIII в.), можно говорить лишь о товарности сельского хозяйства, которое стимулировалось потребностями византийских городов в продовольствии [306, с. 249]. Основным сельскохозяйственным рынком в этот период истории Таврики был византийский Херсон. Судя по отсутствию монет на сельских поселениях этого времени (как сказано выше, здесь найдено всего три медные византийские монеты середины VII в.), торговля салтовцев с греками носила меновый характер, т.е. деревня до середины VIII в. не знала товарно-денежных отношений. Значительное количество импортных амфор в Тау-Кипчаке и в Героевском позволяет предполагать, что основным продуктом обмена византийцев были, вероятно, вино и другие заморские продукты, перевозимые в амфорах (пряности, растительное масло и т.п.). Кроме того, на крымско-византийских поселениях салтовцы могли обменивать столовую посуду и пифосы.

В отличие от сельского хозяйства, изделия ремесленников этого периода носили потребительский характер. Несмотря на известную специализацию ремесла и внедрение к концу VII в. прогрессивной технологии, рынок сбыта кузнечных и гончарных изделий (не говоря уже о продукции домашнего ремесла) не выходил за пределы одного села. Изготовленная вещь передавалась из рук в руки без посредника и скорее всего оплачивалась натурой, т.е. изделие имело не меновую, а потребительскую стоимость. Как указывал В.И.Ленин, при такой организации значение ремесла ограничивалось не товарным производством, а лишь товарным обращением [356, с. 328–329]. Таким образом, было бы неверно говорить о развитом ремесленном производстве у салтовцев Таврики на первом этапе их оседания. Внутренний рынок и связанное с ним ремесленное производство начали складываться только к середине VIII в., о чем свидетельствует появление одинаковых клейм на днищах горшков в разных районах Таврики. Этот процесс оказался незавершенным из-за разрушительного вторжения войск Хазарского каганата.

Развитие обмена и торговли на салтовских поселениях второго периода (вторая половина VIII–X в.) вначале шло по тому же пути, что и на поселениях предыдущего периода. Переходному периоду их оседания на землю соответствовало преобладающее значение сбыта сельскохозяйственной продукции. Ремесло на начальном этапе носило такой же потребительский характер, как и у их предшественников. Положение коренным образом изменилось уже в первой половине IX в., свидетельством чему может служить появление черной и цветной металлургии, металлообработки и, возможно, гончарного производства, рассчитанного на внутренний и внешний рынки, т.е. изделия салтовских ремесленников IX–X вв. приобретают товарную стоимость.

Основными рынками сбыта земледельцев, скотоводов и ремесленников были Херсон и торжища в Сугдее и Партенитах. В Херсон в IX–X вв. тюрки, по сообщениям

Ибн Русте, Гардизи, Марвази и др., приводили на продажу рабов [357, с. 55–56]. Отметим, что торговля рабами в городах Северного Причерноморья сохраняла значение одной из важнейших отраслей торговли Византии со Степью вплоть до турецкого завоевания XV в. [358, с. 161–178]. Сбывая в Херсоне зерно, кожу, изделия из кожи и вошедшие в моду салтовские украшения, крымские салтовцы и их восточные соседи вывозили оттуда "греческую парчу, пестрые шерстяные ковры и другие греческие товары" [357, с. 55]. Кроме того, экономика крымско-хазарских городов укреплялась за счет транзитных купеческих караванов, следовавших из Поднепровья через Корчев и Хазарский рукав в страны Востока. С них дважды собирался налог – десятина с полной стоимости товаров: вначале в византийском Херсоне, а затем хазарскими чиновниками в Корчеве [234, с. 252]. Увеличение объема торговли не могло не отразиться на ее характере. На смену натуральному обмену (торговля по схеме "товар – товар") приходят более развитые торговые отношения, основанные на денежном эквиваленте товара. Об этом свидетельствует приток византийских монет и их варварских подражаний хазарского чекана, а также дирхемов и восточной меди на салтовских поселениях Таврики во второй половине VIII–X в. (подробный обзор см. в гл. I).

Анализ нумизматического материала дает основание говорить о преобладающем значении экономических связей крымских салтовцев с византийскими центрами Таврики и обращении на сельских поселениях полуострова монет, главным образом, местного херсонского чекана. Наличие восточных монет на тех же памятниках является надежным свидетельством их экономических связей с Хазарским каганатом. Более того, обращение в Таврике варварских подражаний византийским и абассидским монетам, чеканившихся в Хазарии и имевших хождение исключительно на территории каганата и его доменов [128, с. 53], позволяет предполагать, что салтовцы Таврики со второй половины VIII в. находились в сфере не только экономического, но и политического влияния Хазарского каганата.

Характер денежного обращения на поселениях салтово-маяцкой культуры в Крыму позволяет рассматривать ее носителей как общество, имеющее развитые товарно-денежные отношения и широкую внутреннюю и внешнюю торговлю, основанную на высоких денежных номиналах – золоте и серебре. Высокий процент золотых монет дает основание предполагать, что торговля на втором этапе носила оптовый и, возможно, посреднический характер. Последнее, в свою очередь, может свидетельствовать о появлении среди салтовцев купеческой прослойки и активном процессе классовой дифференциации общества.

ГЛАВА V
НАСЕЛЕНИЕ КРЫМСКОЙ ХАЗАРИИ

Археологические материалы из раскопок салтово-маяцких поселений и городищ второй половины VII–X в. дают представление об их хронологии, исторической периодизации и социально-экономической структуре. Об этническом составе и происхождении их обитателей могут свидетельствовать лишь погребальные обычаи и обряды. В связи с этим требуется четкое отделение погребальных обрядов и типов могил, привнесенных салтовцами в Таврику, от приобретенных ими в Крыму. Проанализируем крымские могильники середины VII–X в.

В настоящее время в Таврике известен 41 некрополь этого времени. Их можно разделить на три основные группы: некрополи с грунтовыми склепами и незначительным процентом грунтовых могил с заплечиками, перекрытых каменными плитами; плитовые могильники; грунтовые некрополи, состоящие из простых грунтовых ям, могил с заплечиками, перекрытых досками, а также погребений в деревянных гробовинах (ящиках без днищ, перекрытых деревянными плахами), которые устанавливались на дне могильных ям. Отдельную группу составляют единичные впускные погребения в курганах равнинной зоны (рис. 37).

Некрополи с грунтовыми склепами и погребениями в грунтовых могилах с заплечиками, перекрытыми плитами, были распространены в Юго-Западной Таврике и на Южном берегу Крыма задолго до появления здесь протоболгар. Е.В.Веймарн, опираясь на разработанное им районирование таких могильников, а также на материалы, полученные при их раскопках (могильники Чернореченский, Инкерманский, "Сахарная головка", Скалистое, Бакла, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Суук-Су и др.), доказал этническую неизменность основной части населения Южной Таврики на протяжении V–X вв. По его мнению, поддерживаемому большинством исследователей, могилы с заплечиками, перекрытые камнем, могли принадлежать потомкам сарматов, а грунтовые склепы с удлиненными трапециевидными дромосами – аланам, осевшим в Таврике еще в позднеантичную эпоху [164, с. 89]. К таким выводам, по существу, пришли и антропологи [359, с. 159; 360, с. 132–133].

В Центральном и Восточном Крыму, а также на северо-западе полуострова, т.е. в основных районах оседания салтовцев, могильники первой группы неизвестны. Можно предположить, что среди носителей салтово-маяцкой культуры в Крыму не было аланского компонента, составляющего, как известно, значительную часть салтовского населения Подонья. Культура сармато-аланских племен Крыма и Северного Кавказа имела много общих черт только на позднеантичном этапе своего развития: фактически это локальные варианты единой культурной общности. Положение изменилось уже в середине V в., когда крымские аланы оказались отрезанными от остального аланского мира гуннами и в значительной степени византинизировались. Они не принимали участия в сложении салтово-маяцкой культуры, которая, по общему мнению, зародилась в Подонье и Приазовье, но своими корнями уходит в сармато-аланскую культуру Северного Кавказа [35, с. 91]. Контакты населения Южнобережной и Юго-Западной Таврики с этническими группами Азово-Кавказского региона возобновились лишь во второй половине VII в. в рамках Хазарского каганата и носили исключительно экономический характер, проявив себя в заимствовании местным крымским населением некоторых типов салтовских украшений. Судя по материалам могильников Южной Таврики, общее количество салтовских вещей в этих районах незначительно [144, с. 225–238].

Большая часть салтовской торевтики обнаружена в могильниках Восточной Таврики. За исключением Керчи с ее многоэтничным населением и могильниками всех известных в крымском средневековье типов, на остальных могильниках обнаружены лишь

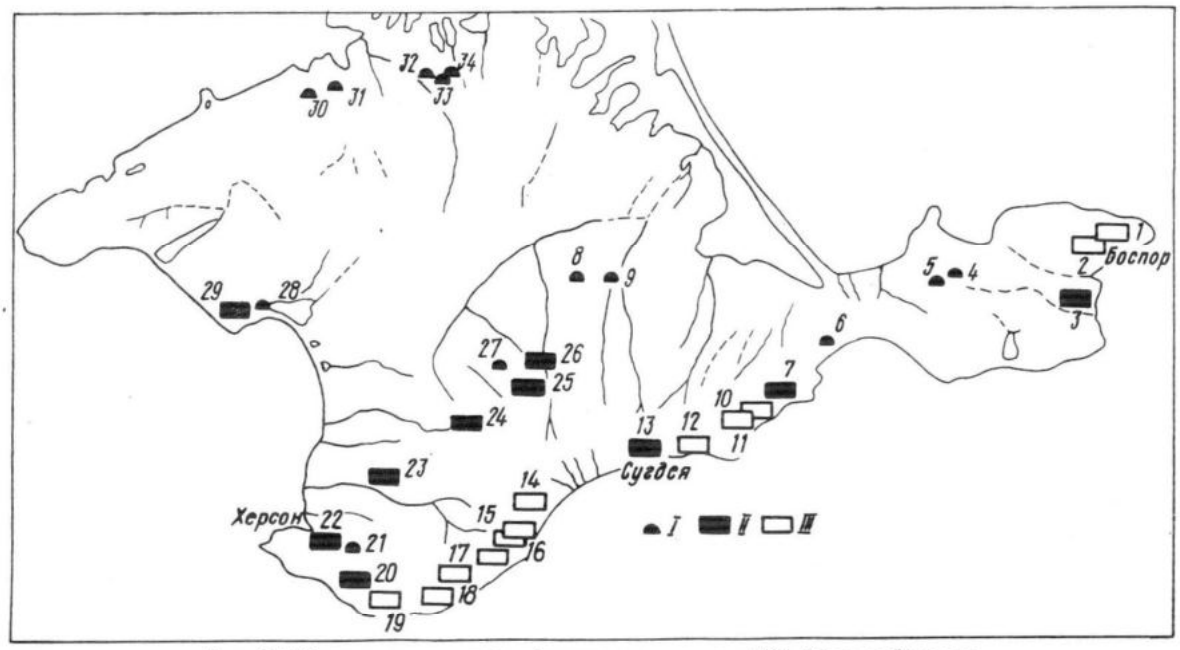


Рис. 37. Тюркские и византийские могильники VII–X вв. в Крыму.
I – впускные погребения второй половины VII в., II – грунтовые салтово-маяцкие могильники, III – плитовые византийские могильники.
1 – Тиритака: *2* – Керчь; *3* – Героевское; *4, 5* – Наташино; *6* – Айвазовское; *7* – Подгорное; *8, 9* – Богачевка; *10* – Тепсень; *11* – Планерское; *12, 13* – Судак; *14* – Алушта; *15* – Малый Маяк; *16* – Фрунзенское; *17* – Гурзуф; *18* – Ореанда; *19* – Бекетово; *20* – Родниковое; *21* – "Сахарная головка"; *22* – Инкерман; *23* – Бахчисарай, помологический заповедник; *24* – Фонтаны; *25* – Тау-Кипчак; *26* – Меловое; *27* – Донское; *28* – Мамай; *29* – "Чайка"; *30, 31* – Сары-Булат; *32–34* – Рисовое.

плитовые и грунтовые могилы. Ввиду того что последние два типа некрополей не получили должного освещения в научной литературе, а оставившее их население входило в VIII–X вв. в состав Хазарского каганата и принимало непосредственное участие в формировании культуры его крымского домена, остановимся на них подробнее.

1. ПОГРЕБЕНИЯ В ПЛИТОВЫХ МОГИЛАХ

Раннесредневековые плитовые могилы известны на побережье Южной Таврики и в Керчи, а также в Юго-Западной Таврике на территории византийских пещерных монастырей в Качи-Кальоне и на Бакле [361, с. 38–43; 362, с. 95–97; 363, с. 131–137; 364, с. 36–37; 9, с. 110–111, табл. I; 365, с. 85–88; 366, с. 111–112, рис. 71; 151, рис. 1; 367, рис. 1]. В настоящее время в Крыму обнаружено 18 некрополей второй половины VII–X в., где плитовые могилы составляли от 49 до 100 %. В основном эти могильники однообрядовые и состояли из погребальных сооружений одного типа: неглубоких могил подпрямоугольной формы, борта которых обложены пиленными известняковыми блоками или необработанными плитами местного сланца, а перекрытия изготовлены из таких же плоских плит. Однако на Тепсене, Кордон-Обе, в Керчи и Суук-Су в одних горизонтах с плитовыми могилами обнаружены синхронные им грунтовые могилы, что позволяет говорить о смешанном характере этнического состава погребенных (табл. 6).

Захоронения в плитовых могилах совершены по христианскому обряду. Погребенные лежали на спине головой на запад (с сезонными отклонениями), кисти рук находились в области таза или на груди. Могилы, как правило, семейные с многократными захоронениями. Большинство погребений совершалось на земляном полу без подсыпки, однако некоторые скелеты найдены в гробах, сколоченных из струганных досок при помощи железных гвоздей [364, с. 36–38]. На Тепсене обнаружена "спаренная" плитовая могила, сложенная из пиленых плит известняка с одной общей стенкой [9, с. 282]. Аналогичная могила с более поздним материалом известна и в Судаке [213, с. 149, рис. 12].

Таблица 6. **Плитовые могильники Крыма VII–X вв.**

Название могильника	Количество могил	Название могильника	Количество могил
Дженевис (Кореиз)	?	гора Балван (Судак)	10
п.Бекетово (зона г.Ялты)	34	гора Перчем (Судак)	6
Нижняя Массандра	2	гора Дженевис-Кая (Судак)	8
Балгота (Гурзуф)	6	гора Ай-Йоргий (Судак)	4
Суук-Су (Гурзуф)	97	Кордон-Оба (с.Курортный)	12
Гугуш (Гурзуф)	8	Тепсень (пгт Планерское)	13
Тоха-да-хыр (Артек)	6	гора Митридат (Керчь)	50
Партенит	20	Тиритака (Керчь)	9
Алушта	5	Качи-Кальон	?
Семидворье	3	Бакла	2

Обряд погребения в плитовых могилах вошел в обычай в Южной Таврике не ранее VIII в., а за столетие до того он отмечается на Боспоре. Этот вывод основывается на погребальном инвентаре и стратиграфии могильников на горе Митридат, Тепсеня, Семидворья, Судака, Партенита и Суук-Су. Так, плитовые могилы Большого тепсеньского храма датируются византийскими солидами первой половины VIII в. [9, табл. 1]. Во второй половине VIII в. храм был разрушен хазарами, а грунтовые могилы салтовского храма с сырцовыми стенами (в двух случаях они перекрыли плитовые могилы) содержали византийские и арабские монеты второй половины VIII в. [9, с. 110–111, табл. 1]. Дата сооружения Иоанном Готским базилики Апостолов в Партените (между 755 и 787 гг.) и появление вокруг нее плитового прихрамового могильника установлена по письменным источникам [362, с. 95–97]. Наиболее ранние плитовые могилы Суук-Су содержали пряжки с крестовидным щитком и пряжки типа "Коринф", датируемые А.И.Айбабиным первой половиной VIII в. [368, с. 168–172]. Пряжки последнего типа найдены и в могилах Семидворья, а в комплексах некрополя Судак 1 на склоне горы Балван оказался погребальный инвентарь, аналогичный суук-синскому [363, с. 131–137]. Кроме того, в плитовой могиле на горе Ай-Йоргий в Судаке найдены куски византийской шелковой ткани с набивным рисунком IX–X вв. [369, с. 25].

Со второй половины VII в. и до X в. существовал плитовый могильник на горе Митридат в Керчи. В отдельной могиле на 1-й Митридатской улице обнаружен комплекс, состоявший из пары пальчатых фибул, позднего варианта соколиноголовой пряжки, золотых серег с многогранными подвесками и стеклянного сосуда. В других могилах найдены пряжки типа "Сиракузы" второй половины VII в. [144, с. 236], поясной набор геральдического типа (по А.К.Амброзу – III этап развития таких поясных наборов) середины – второй половины VII в., пряжки типа "Коринф" второй половины VIII в., литые пряжки без орнамента VIII–IX вв., а также белоглиняный поливной кувшин и расписная ойнохоя баклинского типа [364, с. 33–37]. К тому же времени относятся могилы нижнего горизонта в районе храма Иоанна Предтечи [230, с. 91–106].

Антропологические материалы из плитовых могил VIII–X вв. в Судаке, на Тепсене, в Керчи и Байдарской долине принадлежат, по мнению К.Ф.Соколовой и Ю.Д.Бениволенской, к средиземноморскому типу и отличаются от краниологических серий из грунтовых склепов и подбойных могил некрополей Юго-Западной Таврики [370, с. 71–74; 371, с. 88–91; 372, с. 206].

В попытках объяснить появление плитовых могил в раннесредневековой Таврике наметились три основные точки зрения. Одна из них высказана М.А.Фронджуло, считавшего подобный обряд погребения традицией, унаследованной от позднеантичного Боспора [213, с. 150]. Того же мнения, по существу, придерживаются А.Л.Якобсон и О.А.Махнева [255, с. 27]. Чисто теоретически подобное явление могло бы иметь место, однако в данном конкретном случае это предположение не подкреплено археологическим материалом. Как уже говорилось, до настоящего времени в Юго-Восточной Таврике не обнаружено ни одной плитовой могилы V–VI вв.

Другая точка зрения высказывалась Е.В.Веймарном, а также нашла отражение в диссертации А.В.Гадло [24, с. 10–14]. По их мнению, появление плитовых могил – результат христианизации местного населения Таврики. Эта гипотеза также не может нас удовлетворить. Во-первых, раскопки могильников типа "Скалистое" показали, что проникновение христианства в местную аланскую среду началось еще в VII в., т.е. за

столетие до появления в Юго-Западной Таврике плитовых могил. Во-вторых, в Херсоне, несмотря на бесспорное господство христианства, уже с IV в. плитовые могилы появляются не ранее X–XI вв., а в VIII–IX вв. христиан этого византийского города хоронили в семейных склепах, традиционная форма которых дошла без изменений с античного времени. Последнее является убедительным свидетельством неизменности населения Херсона. Аналогичная картина наблюдалась и на Боспоре: наиболее ранние христианские погребения обнаружены в склепах античного типа [374].

Третья точка зрения выдвинута нами [29, с. 151–162; 56, с. 90–91]. Она основана на сопоставлении археологических данных с антропологическими материалами и свидетельствах письменных источников VIII–IX вв. Рассмотрим их.

Плитовые могилы появились в Таврике лишь в VIII–IX вв. и были новшеством для полуострова. По антропологическим данным, оставившее их население было близко к средиземноморско-византийскому и малоазийскому, но резко отличалось от основных групп населения раннесредневековой Таврики. Все плитовые могильники VIII–IX вв. располагались близ единовременных им открытых поселений и монастырей восточновизантийского типа. Последние, как известно, появились в течение относительно короткого промежутка времени на территории, до того пустовавшей более четырех столетий. Таким образом, есть все основания видеть в Таврике VIII–IX вв. своеобразный "демографический взрыв" – внезапное появление в ее южной части сравнительно большого числа переселенцев из районов Малой Азии и Средиземноморья. На малоазийское происхождение этой этнической группы прямо указывают письменные источники, главным образом агиографические, а также вотивные надписи на надгробиях с плитовых могил. Данные о малоазийских греках в Таврике можно найти в "Житиях" Стефана Нового, Федора Студита, Иосифа Песнописца, Иоанна Психаита, Стефана Сурожского и Иоанна Готского [29, с. 156; 375]. Так, дед последнего был "родом из так называемого Вона, лежащего в Полимониевом Понте, был кандофором в феме Армениаков" [243, § 1]. На малоазийско-средиземноморское происхождение населения, оставившего плитовые могилы, указывает и конструкция могил. Отметим, что обычай хоронить в плитовых могилах, задолго до его появления в Таврике, был распространен на значительной территории Малой Азии, Италии, Сирии, Византийской Африки и Балкан [376, с. 179–181; 377, табл. 84, 85; 378, табл. 7, *14*; 379, с. 165–180, рис. 18, *21–22, 25*; 380, с. 21–62]. Здесь он существовал от античности до позднего средневековья и может рассматриваться в качестве одного из проявлений греко-малоазийских традиций. Проникновение обряда погребения в плитовых могилах в другие районы Восточного и Северо-Западного Причерноморья, а также в Южную Италию было связано с миграциями населения Византийской империи – носителей византийской культуры и традиций. Так, появление плитовых могильников на Кавказе хронологически совпадает с появлением там византийского монашества и установлением византийского господства [381, с. 43, рис. 3]: в IX в. могилы этого типа появились в Юго-Западной Абхазии и Мцхета [382, с. 152–164], а в конце X – начале XI в. – в ущелье реки Большой Зеленчук [383, с. 137; 384, с. 152–164]. Можно предполагать, что подобными причинами вызвано и появление плитовых могильников в IX–X вв. на территории Болгарии и Румынии [385, с. 68–70; 386, табл. 1–44]. Подчеркнем, что на всех территориях, где малоазийские греки были пришельцами, захоронения в плитовых могилах в течение ряда столетий соседствовали на общих некрополях с христианскими могилами других типов, т.е. их нельзя считать показателем христианизации местного населения.

Мы уже делали попытку сопоставить появление в Таврике плитовых могил с иконопочитательской иммиграцией из Малой Азии, засвидетельствованной в ряде письменных источников. Наиболее важным из них являются "Житие" Стефана Нового, в которых при перечне мест, пригодных в качестве надежных убежищ для гонимых императорской властью иконопочитателей, наряду с Критом и Италией называется и Таврика [387, с. 164–184]. С самого начала иконоборческих гонений (первая половина VIII в.) из византийской метрополии началось массовое переселение иконопочитателей в безопасные места. Большую часть их составляли монахи и другое население, обеспечивавшее инфраструктуру монастырей. В это время только в одном Константинополе опустело 120 монастырей, крупнейшие из которых насчитывали до тысячи монахов [387, с. 153]. Хронологически оно совпадает с созданием на Южном побережье Таврики двух новых епархий: Сугдейской и Готской. Таким образом, изгоняя из городов Малой Азии иконо-

Таблица 7. Сравнительная таблица погребений кочевников Крыма VII в. по обряду и инвентарю

Погребение	Ориентация	Подбой с поворотом	Кости коня	Кости овцы	Положение рук: Левая кисть на тазе	Положение рук: Обе кисти на тазе	Положение рук: Правая кисть под тазом	Сбруя	Оружие: Лук	Оружие: Стрелы	Оружие: Меч	Поясной набор тюркского типа	В-образная пряжка	Костяная пряжка	Византийские золотые украшения	Лепные кухонные горшки	Столовая посуда	Кресало	Изделия из кости
Айвазовское	с-в																		+
Сарыг-Булат, 12/5	с-в	+	+	+	+			+	+	+	+	+				+		+	
Мамай, 4/6	с-в													+			+		
Рисовое, 12/10	с-в	+			+	+							+	+			+		
Рисовое, 1/1	с-в								+		+								
Рисовое, 13/12	с	+		+					+		+	+							
Богачевка, 8/12	с-в	+		+		+						+							
Богачевка, 9/5	в	+		+		+													
Источное, 1/5	с-в	+				+						+							
Наташино, 17/1	с-в	+				+		+				+			+	+		+	+
Сахарная головка	–	–													+			+	

почитательское монашество и закрывая монастыри, иконоборческие императоры объективно содействовали распространению иконопочитания и усилению всех сторон его влияния в далеких от столицы провинциях.

Не останавливаясь на экономических и политических последствиях всех этих событий для раннесредневековой Таврики, заметим, что именно благодаря притоку нового населения из византийской метрополии с его более передовыми методами хозяйствования были ликвидированы экономическая и культурная диспропорции между Южным берегом и юго-западными предгорьями Таврики. За короткий срок прибрежные районы стали играть ощутимую роль в экономике и политической жизни полуострова. Они являли лакомый кусок для соседней Хазарии и оказались насильно включенными в состав каганата.

2. ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ

В настоящее время в Таврике известно 13 грунтовых некрополей VII–X вв., составляющих единый культурно-исторический комплекс с синхронными им поселениями салтово-маяцкой культуры. Это западный могильник Тепсеня, некрополи Кордон-Обы, Судака, Ай-Фоки, Байдарской долины, поселения близ санатория "Чайка" в Евпатории, а также отдельные погребения, раскопанные в разные годы в Героевском, Тау-Кипчаке, помологическом рассаднике близ Бахчисарая, в Инкермане и на Бакле. В общей сложности в Таврике изучено более 250 погребений в грунтовых могилах, которые можно связать с салтово-маяцкой культурой (см. рис. 37). Однако могильники этой группы до сих пор наименее изучены, за исключением Тепсеня, Кордон-Обы, Ай-Фоки и "Чайки", раскопки остальных некрополей носили случайный характер, а материалы всех без исключения могильников еще не введены в научный оборот. Впрочем, та же картина наблюдается и при изучении салтовских грунтовых могильников других районов Хазарского каганата [35, с. 91].

ВПУСКНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ VII В.

Погребения кочевников предсалтовской эпохи в курганах равнинной части Крыма отнесены нами к первому этапу сложения салтово-маяцкой культуры (см. гл. I). Особен-

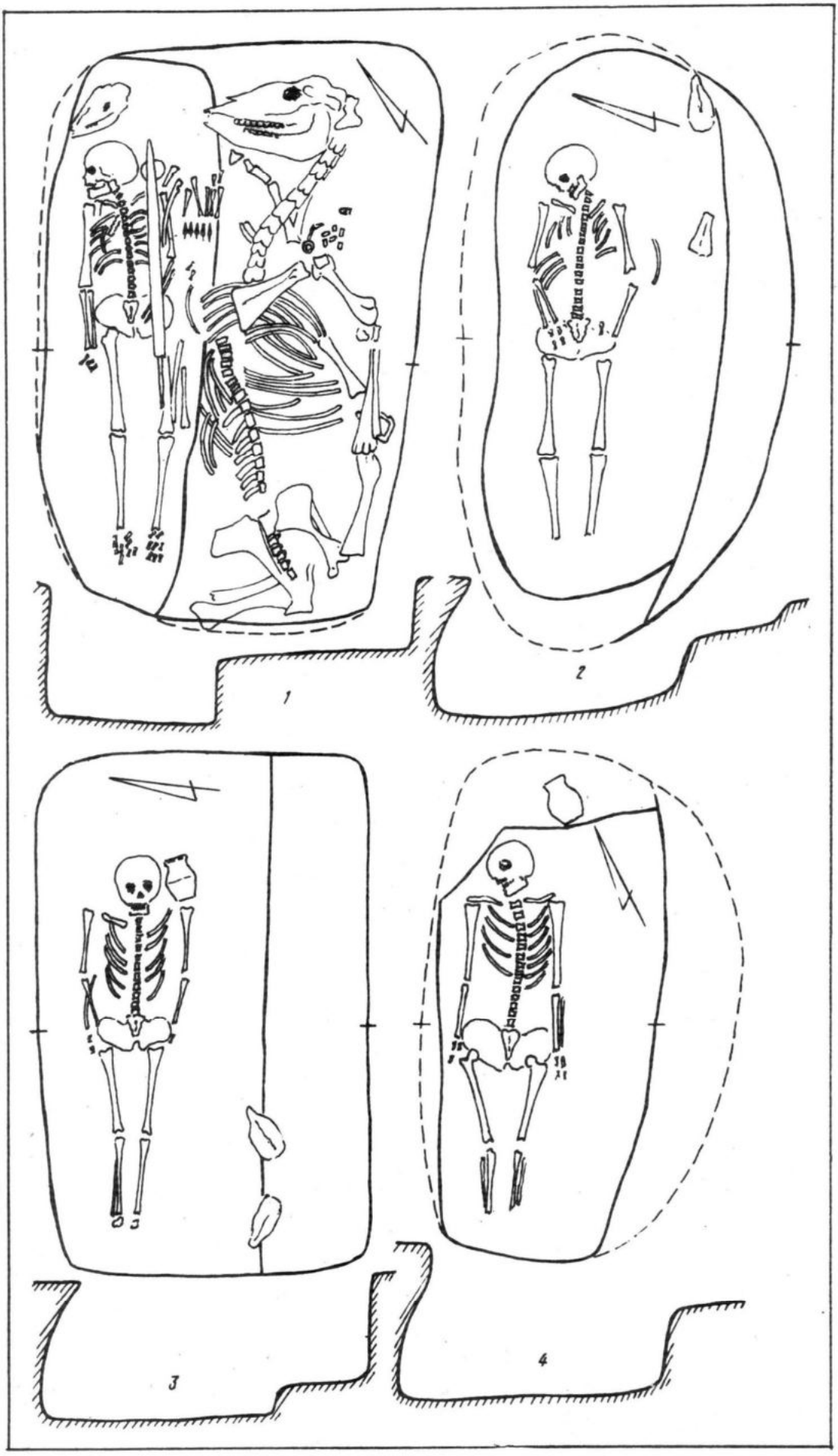

1
2
3
4

Рис. 38. Подбойные могилы кочевников второй половины VII в.
1 – Сары-Булат, курган № 5, погребение 12; *2* – Богачевка, курган № 8, погребение 12; *3* – Богачевка, курган № 9, погребение 5; *4* – Наташино, курган № 17, погребение 1.

ности устройства известных в настоящее время впускных могил VII в. и погребальные обряды сведены в табл. 7.

Как видно из таблицы, для кочевников первого хронологического этапа характерны подбойные могилы с вертикальным колодцем без дромоса, ориентированные на северо-восток. Три из них имели вдоль подпрямоугольной погребальной камеры ступеньку шириной до 0,5 м с юго-западной стороны (рис. 38, *2–4*), а могила в кургане близ кошары Сары-Булат – широкую полку, на которой находился скелет коня (рис. 38). Исключение составляет погребение у п.Айвазовское, где прямоугольная могила с вертикальными бортами была вырублена в скале. Однако в данном случае есть основание предполагать, что раннесредневековые кочевники использовали готовую могилу античного времени.

Для всех впускных погребений VII в. характерен обряд трупоположения на спине с вытянутыми ногами. Положение рук неустойчиво: дважды отмечено положение левой кисти под тазом, а правой у таза, по одному – обе кисти на тазе, правая кисть на тазе, а левая у таза и обе кисти у таза. В остальных погребениях положение рук проследить не удалось. В кургане № 8 у с.Богачевка под скелетом обнаружены остатки деревянного настила, на котором находился погребенный. Настил покрывала истлевшая кошма или ковер.

Особенность погребального обряда впускных могил второй половины VII в. – наличие в них расчлененных останков мелкого рогатого скота. Так, в сары-булатском погребении в изголовье кочевника лежал пролощеный сосуд с мясной пищей и отрубленная голова овцы. В кургане № 8 у с.Богачевки в юго-восточной части основания полочки находились две овечьи головы, четыре ноги и грудина, а в кургане № 9 у того же села на полочке в ногах погребенного – две козлинные головы, в изголовье стоял горшок с пищей.

Погребальный инвентарь впускных погребений первого этапа в целом беден и однообразен. Помимо костяных пряжек типа Кудыргэ, фаллических подвесок-амулетов и серебряной поясной гарнитуры геральдического типа середины – второй половины VII в. (см. рис. 6), послужившей основой для выделения первого хронологического этапа протоболгарской культуры в Крыму, в подбойных могилах обнаружены и другие предметы. Наиболее полные комплексы получены в кургане № 17 (могила 1) у с.Наташино и в кургане № 12 (могила 5) близ кошары Сары-Булат [111, рис. 171; 109, рис. 140].

В подбойной могиле у с.Наташино в изголовье погребенного находился лепной сероглиняный горшок, украшенный по венчику вдавлениями (отнесен выше к типу I–A_1), венчик аналогичного горшка и ручка сероглиняного гончарного кувшина в виде перекрученного жгута (рис. 39, *1–2*). Аналогичная ручка кувшина из пепельно-серой плотной глины обнаружена нами в жилом гроте поселения под скалой Ак-Кая. По характеру обработки поверхности и составу керамического теста кувшины с жгутовидными ручками близки к керамике типа Канцирка, датируемой VII в. [388, с. 118–149]. В области таза погребенного находился однолезвийный железный нож в деревянных ножнах (рис. 39, *13*), железная пряжка с трапециевидным щитком и неподвижной рамкой (рис. 39, *4*). Кроме того, в погребении найдены две железные пряжки, состоящие из круглой рамки без щитка (рис. 39, *3, 5*), фрагмент железного браслета (рис. 39, *7*), фрагменты каких-то предметов из трубчатых костей животных (рис. 39, *12, 27–29*), костяная накладка, украшенная врезными концентрическими окружностями (рис. 39, *26*), фрагмент серебряного ситечка (рис. 39, *6*). Прямым аналогом последнему может быть ситечко из некрополя Новый Пазар в Болгарии [389, табл. 25, 7]. Украшения представлены четырьмя серебряными проволочными кольцами с разомкнутыми концами (рис. 39, *8–11*), двумя пастовыми бусинами (рис. 39, *15–17*). Ремешки обуви крепились парными серебряными пряжками геральдического типа, штампованными из тонкой пластины. Они имеют небольшие щитки и узкие прямоугольные рамки (рис. 39, *22, 23*). Эти пряжки совершенно аналогичны пряжкам из кургана № 8 у с.Богачевка (см. рис. 6, *16, 17*); последние датированы Т-образными застежками третьего этапа

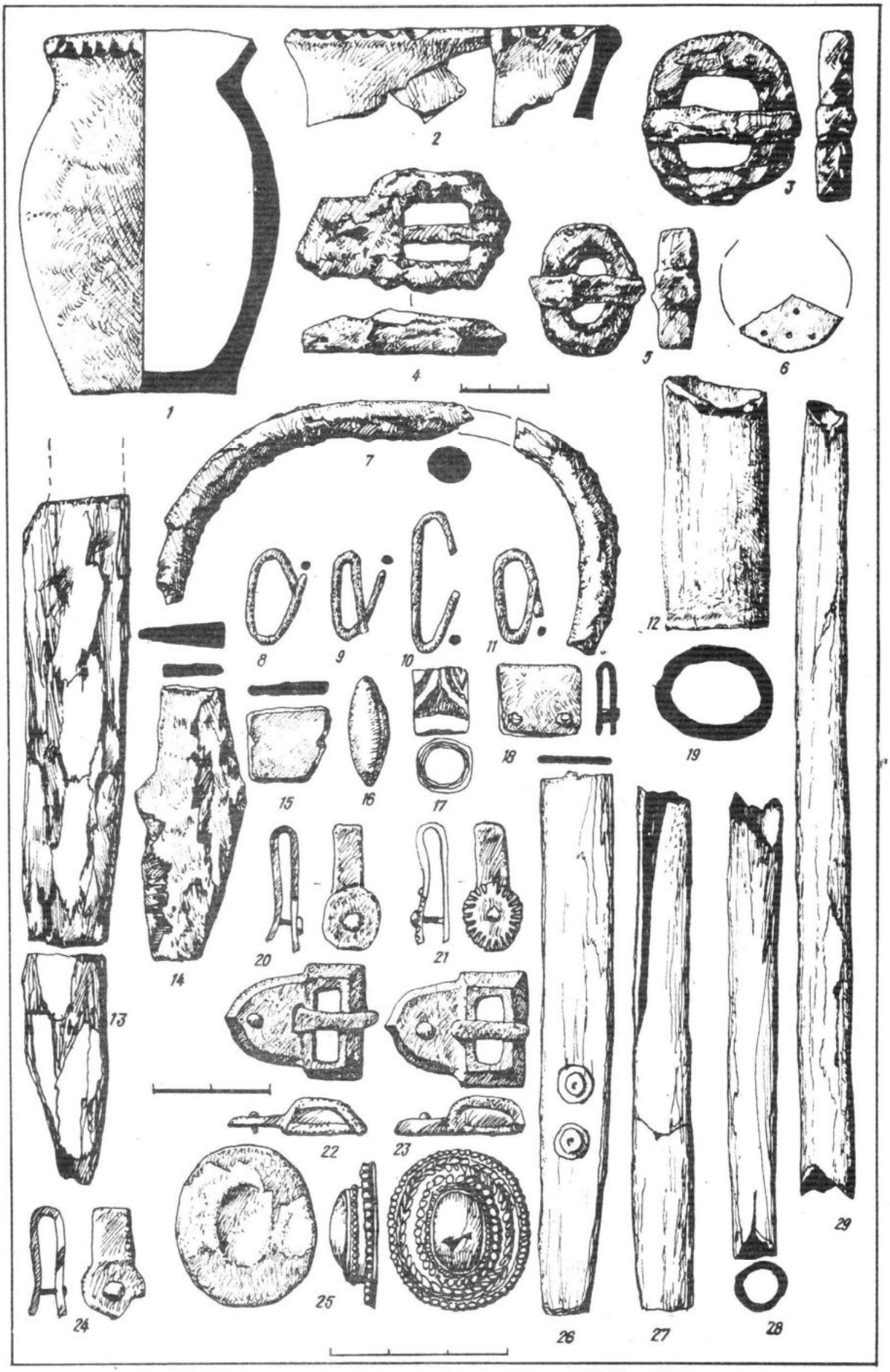


Рис. 39. Инвентарь впускного погребения в кургане № 17 у с.Наташино.

развития геральдических поясов – серединой – второй половиной VII в. (см. гл. I). Таким образом, погребение у с.Наташино может датироваться тем же временем.

Особый интерес в комплексе погребения у с.Наташино представляет овальный золотой медальон 2,7 х 2,2 см (рис. 39, *25*). В центре этого украшения – вставка из синей пасты в окружении ободка из мелкой псевдозерни, пояска скани, плетение которой напоминает колос, а край медальона украшен пояском из крупной псевдозерни. Украшение идентично известным золотым медальонам из погребения № 5 в Мадаре (Болгария), датировка и интерпретация которого с момента его открытия в 1934 г. вызывает серьезные разногласия [390, с. 429–438; 391, с. 223–226, рис. 254; 392, с. 38, рис. 39]. Совпадение размеров крымского и мадарских украшений, мельчайших деталей их декора, техники крепления вставок из пасты позволяют говорить, что они изготовлены не только в одной ювелирной мастерской, но и одним и тем же ювелиром. Таким образом, твердая дата комплекса погребения у с. Наташино дает основание для датировки мадарского комплекса тем же временем – серединой – второй половиной VII в. – и позволяет связать его с эпохой Аспаруха. Можно предположить, что все вещи этой группы изготовлялись в одном из центров Великой Булгарии в Приазовье и оттуда попали с кочевыми тюрками как в Таврику, так и в Подунавье.

Из крымских погребений первого этапа по обряду погребения и инвентарю выделяется лишь одно – погребение богатого воина-всадника (судя по количеству бляшек на поясе, военачальника), раскопанное А.А.Щепинским в 1966 г. у кошары Сары-Булат. Оно связывается А.И.Айбабиным с хазарами [106, с. 199, рис. 8, *23, 26, 28–31, 33–37*]. Погребение совершено в овальной подбойной могиле размерами 2,1 х 0,7 м, ориентированной на северо-восток. К восточной стенке могилы на высоте 0,25 м примыкала ступенька шириной 0,8 м (см. рис. 38). Погребенный лежал на спине с вытянутыми ногами; правая рука располагалась вдоль туловища, левая – на тазе. Череп скелета повернут вправо. В изголовье стоял раздавленный гончарный кувшин из серой глины с лощением, рядом с которым находился череп овцы. На полочке лежал скелет коня с отрубленными конечностями. Погребальный инвентарь состоял из 34 предметов (рис. 40; 41). На левой руке воина острием вверх находился обоюдоострый широкий меч в деревянных ножнах (рис. 40, *1*). Его длина 0,91 м, ширина у рукояти 0,06 и 0,03 м – у конца. Рядом с мечем на левом плече погребенного находился большой лук тюркского типа, от которого сохранились костяные обкладки, а у левой руки под луком – колчан со стрелами, имевшими железные наконечники двух типов – листовидные и трехлопастные (рис. 40, *24–26*). На поясе зачищен железный нож, а под тазом – железное кресало с кремневой вставкой и железный ударник для высекания огня (рис. 40, *21, 22*). С левой стороны у бедра на поясе было подвешено костяное острие для развязывания пут коня. На тазовых костях лежали большая бронзовая пряжка с литым геральдическим щитком, украшенным красной стеклянной вставкой, и с В-образной массивной рамкой, а также маленькая серебряная пряжка с золотой инкрустацией и вставками из цветной пасты и стекла на щитке. С левой стороны таза обнаружены два серебряных поясных наконечника, а на тазе и под ним – бляшки поясного набора геральдического типа (рис. 40, *2–16*). С левой стороны под тазом лежали бляшка-тройчатка, Т-образная бляшка и наконечник пояса (рис. 40). Кроме того, на скелете в области таза найдены десять биметаллических (золото с серебром) украшений пояса – семь бляшек и три наконечника (рис. 41, *2–11*): три бляшки – со стилизованными парными птичьими головками и перегородчатой инкрустацией со стеклянными вставками в обрамлении псевдозерни (рис. 41, *6–8*), две – с двурогими краями (рис. 41, *5, 11*) и две – Т-образные (рис. 41, *9. 10*), декорированные в той же технике. Золотые перегородки для гнезд напаивались на золотую пластинку основы, которая, в свою очередь, припаивалась к оборотной стороне литого серебряного украшения. При этом перегородки гнезд выступали на лицевую сторону предметов через прорези. Вставки из красных стекол, закрепленных в гнездах на мастике. Лишь в центральные гнезда наконечников и бляшек с птичьими головками вставлены синие стекла, а в Т-образные – зеленые. На двурогой бляхе и наконечниках сохранилась нижняя подкладка из тонкой серебряной пластины, скрепленная с основной частью украшения бронзовыми заклепками. Пространство между нижними – золотой и серебряной – пластинами заполнено пастой. Аналогичные украшения пояса, выполненные в той же технике, известны в Херсонесе, в керченской коллекции А.Л.Бертье-Делагарда, в Подунавье, Келегеях и в древностях

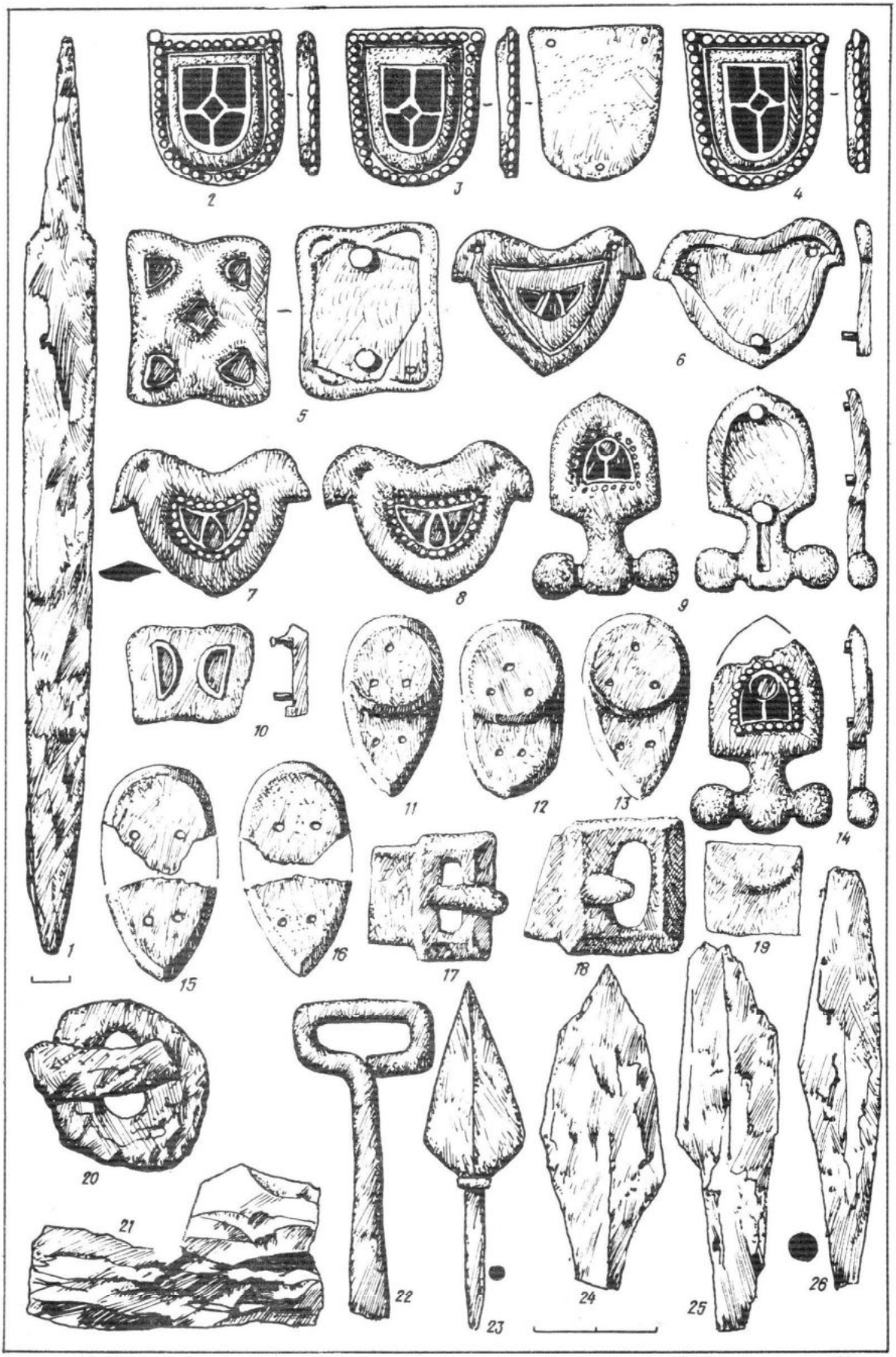


Рис. 40. Инвентарь погребения кочевника у кошары Сары-Булат (курган № 5, погребение 12).

Кабардино-Балкарии [106, с. 199–200]. По мнению А.К.Амброза, они генетически восходят к византийским образцам, получая распространение среди кочевников Северного Причерноморья и Кавказа лишь во второй половине VII в. [119, с. 17].

Рассмотренная группа погребений первого этапа имеет следующие общие признаки. Прежде всего все они входят в одну хронологическую группу и датируются однотипными поясными наборами геральдического типа серединой – второй половиной VII в. Во-вторых, их объединяет северо-восточная ориентация погребенных и конструктивные особенности подбойных могил, где с левой стороны погребенного находилась полка. В-третьих, во всех погребениях обнаружены черепа и отдельные кости мелкого рогатого скота – остатки ритуальной пищи. Эти признаки позволяют отнести кочевников Таврики середины – второй половины VII в. к одной этнокультурной группе, появившейся здесь в эпоху сложения Хазарского каганата, но вряд ли являвшейся собственно хазарами. Наличие в сары-булатском погребении коня и биметаллических украшений византийского типа, а также золотого медальона в кургане у с.Наташино свидетельствует не о принадлежности их владельцев к господствующей политической группе внутри Хазарского каганата, а лишь о социальной дифференциации, т.е. наличие коня и богатых украшений пояса и сбруи можно отнести к категории неустойчивых признаков. К такому же выводу пришел и Ч.Балинт на материалах Паннонии. Он показал, что погребения с конем нельзя связывать с конкретным этносом, так как они были характерны для определенных общественных групп у разных народов [393, с. 181]. Следовательно, интерпретация сары-булатского погребения как хазарского на основании имеющихся данных вряд ли возможна. Более приемлема точка зрения А.А.Спицина, Н.Фетиха, А.Мароши, Н.Мавродинова и др., считавших богатые кочевнические погребения Поднепровья, близкие по обряду и инвентарю к крымским, тюрко-оногурскими [394, с. 27–33; 395, с. 59–60; 291, с. 203]. Прямое подтверждение тому дают материалы раскопок последних лет. Так, в 1982 г. у с.Терновка Акимовского р-на Запорожской обл. обнаружено впускное погребение VI в. с пряжкой типа Суцидава [140, рис. 18, *14*], свидетельствующее о неизменности погребального обряда, а следовательно, и этноса в северопричерноморских степях за столетие до появления здесь хазар.

ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VIII В.

Ко второму хронологическому этапу можно отнести лишь десять могил, обнаруженных близ поселения Тау-Кипчак, и одно погребение в Херсонесе. Кроме того, грунтовый некрополь поселения этого времени у с.Меловое полностью уничтожен при разбивке сада, а другой такой же разрушен современной застройкой с.Вишенное. Обряд погребения этих могильников совершенно не отличается от могил Тау-Кипчака.

Грунтовые могилы Тау-Кипчака обнаружены на окраине правобережной части поселения. Четыре могилы полностью раскопаны, остальные разрушены при строительстве водохранилища, однако попутные наблюдения позволили выявить ориентацию могил и некоторые детали обряда. Могилы были разбросаны на значительном расстоянии друг от друга (до 50 м). Вероятно, некрополя как такового при поселении не имелось.

Погребения совершены в глубоких (до 2 м) грунтовых ямах длиной 1,8–2,0 м при ширине до 0,5 м. Скелеты лежали на спине головой на восток. Лишь одна разрушенная могила была ориентирована на север. Ноги погребенных вытянуты, руки – у таза. Кости сохранились в анатомическом порядке, однако у одного погребенного отсутствовали ступни ног. Во всех могилах зафиксирована подсыпка из углей и песка. В изголовье двух могил обнаружена посуда: расписная ойнохоя баклинского типа и горшок из серо-коричневой глины, аналогичный кухонной посуде из жилищ этого поселения. Помимо посуды, в одном погребении найдены кости ног лошади, а в другом – череп коня.

Салтовское погребение в Херсонесе открыто в 1937 г. на территории городского некрополя [396, с. 38–39, рис. 6]. Оно совершено в подбое византийского склепа. Погребенный лежал на спине с вытянутыми ногами головой на юго-запад. Положение рук не зафиксировано. В изголовье могилы стояли сероглиняный лепной кувшин и сероглиняный гончарный кухонный горшок с линейно-волнистым орнаментом и клеймом в виде четырехлепестковой розетки в круге. У таза лежал железный нож и пряслице. Клеймо на горшке аналогично клеймам из Тау-Кипчака и Мелового и позволяет датировать это погребение не позднее первой половины VIII в.

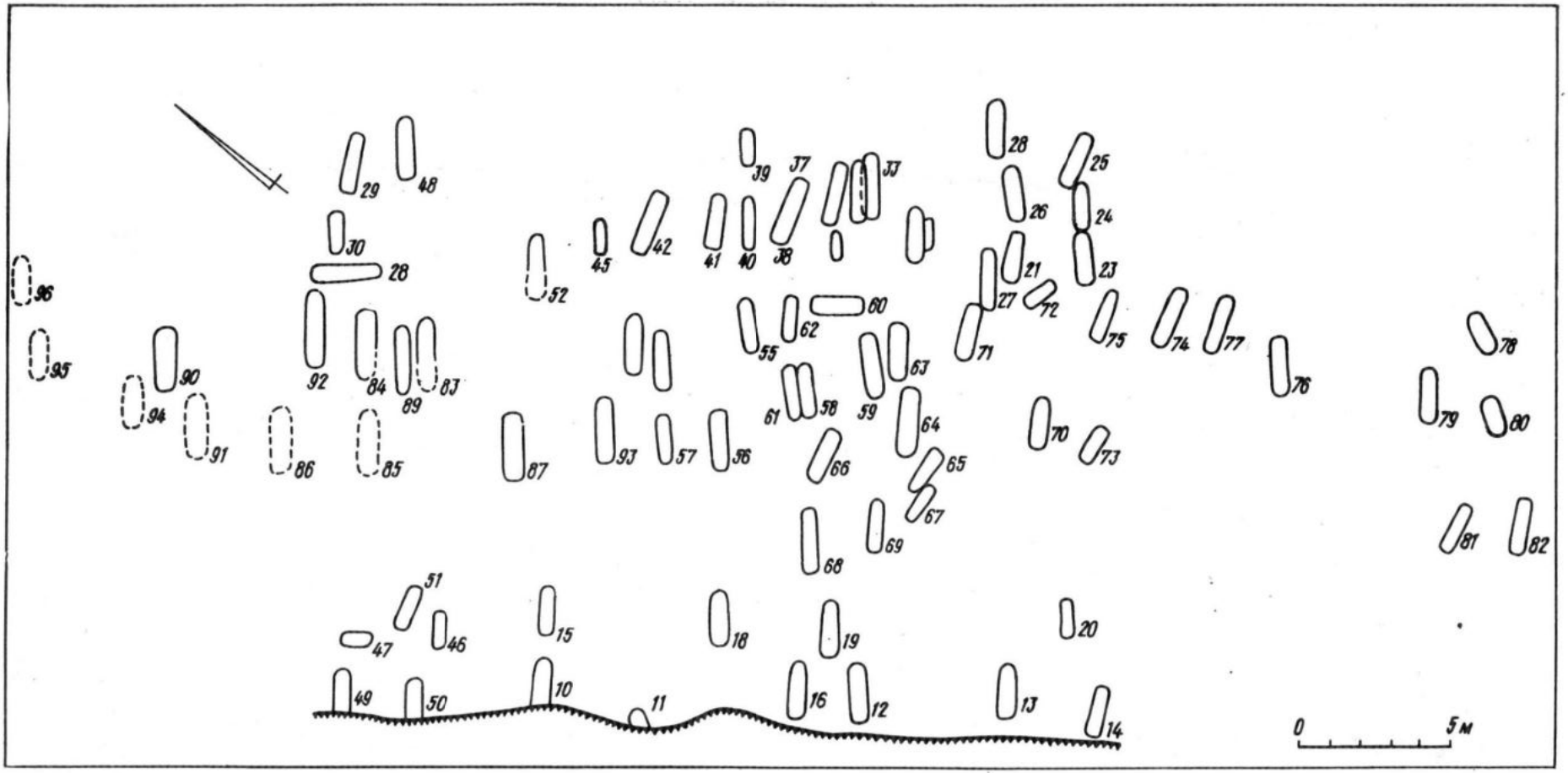


Рис. 42. План могильника на холме Тепсень.

Погребальный обряд, аналогичный крымскому второго этапа, отмечается в Нетайловском могильнике на Северском Донце. Как и в Таврике, там преобладали захоронения в длинных глубоких ямах с восточной ориентацией. Для Нетайловского могильника характерна и ритуальная потревоженность скелетов [397, с. 12]. Особый интерес представляет могила № 43, где обнаружены кувшин-ойнохоя баклинского типа и салтовский сероглиняный горшок с клеймом в виде четырехлепестковой розетки в круге [395, с. 33–34, табл. 24, № 198, 199], аналогичным клеймам Тау-Кипчака.

Кроме Подонья, подобные некрополи известны на Дунае. Наиболее близок к крымским грунтовый могильник у г.Нови Пазар, датированный VII–VIII вв. [389, с. 15–45]. В грунтовых могилах VIII–IX вв. у с.Девни и в Варне отмечена ампутация ступней (как и в Тау-Кипчаке), а также нарушение анатомического порядка скелета [397, с. 91]. Все могильники исследователи связывают с этническими группами, близкими по составу к крымским кочевникам VII в., что дает основание предполагать общность происхождения носителей салтово-маяцкой культуры как в Таврике, так и в Подонье и на Дунае в VII–VIII вв.

С салтовцами второй миграционной "волны" в Таврике связаны грунтовые некрополи поселений второй половины VIII–X в., обнаруженные на Тепсене, Кордон-Обе, в Героевке, Судаке и на Ай-Фоке.

ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VIII–X В.

Салтовский могильник на холме Тепсень (рис. 42) обнаружил в 1949 г. В.П.Бабенчиков; в 1952–1953 гг. раскопки вел Е.В.Веймарн, а в 1959–1960 гг. – снова первооткрыватель. Могильник расположен на двух участках: близ салтовского храма с сырцовыми стенами и в западной части холма на длинном узком отроге между крайними домами в пгт Планерское и так называемой Карьерной балкой. Могилы близ храма хорошо сохранились, в то время как западная часть некрополя значительно разрушена атмосферными водами и почвенной эрозией. Большинство погребений западного некрополя обнаружено на глубине 0,3 м. Всего на холме Тепсень раскопано 118 грунтовых могил, из которых 96 – на западном участке. Сохранившиеся погребения сведены в табл. 8.

Рассмотрим обряд погребения.

Погребения совершены в грунтовых ямах подпрямоугольной формы и ориентированы на юго-запад (рис. 42). Лишь одна могила ориентирована на юг. Погребальные сооружения можно разделить на три группы: простые грунтовые ямы (около 50 %), ямы с заплечиками, перекрытые досками (28 %), деревянные ящики-гробовины в грунтовых ямах (22 %). Три могилы с заплечиками имели подсыпку из песка, а в одной погребенный лежал на подстилке из кожи.

За исключением одного парного погребения, могилы содержали по одному скелету взрослого или подростка. Грудные дети в пяти случаях погребены вместе с матерью, 82 % захоронений совершены на спине с вытянутыми ногами (рис. 43, *1–4, 6*) и лишь 14 % – в скорченном положении на правом боку (рис. 43, *5, 8*). Руки у 78 % погребенных вытянуты вдоль тела, 7 % – кисть левой руки была на тазе и 2 % – правая кисть на тазе, левая под ним. Взаимосвязь между положением скелета и формой могилы не прослежена.

Кроме западного некрополя, на Тепсене в разные годы были обнаружены еще 19 грунтовых могил, пять из которых перекрыли руины византийского поселения первой половины VIII в. [9, с. 110–115]. Все могилы имели юго-западную ориентацию. В двух из них отмечены следы деревянных ящиков, а в трех – погребенные были обернуты в ткань фиолетового цвета. У семи погребенных кисти рук находились на тазу, остальные лежали в вытянутом положении. Обряд этих погребений совершенно не отличался от обряда остальных грунтовых могил Тепсеня. Не различаются они и по инвентарю. Следовательно, грунтовые погребения Тепсеня принадлежали одной культурной общности. Наличие грунтовых могил на участке храма можно объяснить распространением христианства среди салтовцев. Как известно, на месте большого тепсеньского храма, с которым связаны плитовые могилы, на последнем этапе раннесредневекового

Таблица 8. **Грунтовый некрополь на холме Тепсень**

Номер п/п	Ориентация	Тип могилы			Подсыпка	Трупоположение на спине	Трупоположение на боку	Положение рук					Положение ног		
		Грунтовая яма	Яма с заплечиками с досками	Яма с деревянным ящиком				Левая на тазе	Правая на тазе	Обе на тазе	Обе под тазом	Левая под тазом, правая на тазе	Вытянутое	Раздвинуты в коленях	Согнуты
1	с – з	+			+	+			+				+		
2	ю – з			+		+			+					+	
3	ю-з			+		+				+			+		
4	з			+		+					+		+		
5	ю-з			+		+				+			+		
6	ю-з			+		+					+		+		
7	з	+				+					+		+		
8	ю-з	+				+					+		+		
9	ю-з			+		+		+					+		
10	с-з		+				+	+							+
11	ю-з	+						+				+			
12	ю-з		+				+								+
13	ю-з	+												+	
14	ю-з	+				+		+					+		
15	ю-з			+					+				+		
16	ю-з			+		+					+		+		
17	ю-з		+			+							+		
18	ю-з	+			+						+		+		
19	ю-з		+								+		+		
20	ю-з			+		+			+				+		
21	ю-з			+				+	+						+
22	ю-з			+		+			+				+		
23	ю-з	+				+							+		
24	ю-з		+		+	+							+		
25	ю-з	+				+							+		
26	ю-з			+			+		+				+		
27	ю-з			+		+				+			+		
28	ю-з			+		+				+			+		
29	ю-з	+					+								+
30	ю-з	+				+									+
31	ю-з	+				+			+				+		
32	ю-з	+							+				+		

поселения на холме Тепсень был построен маленький храм с сырцовыми стенами "в елку". Грунтовые погребения синхронны сырцовому храму: раскопанная в нартексе большого храма грунтовая могила № 11 перекрыла плитовую могилу № 12 византийского периода [9, с. 111]. Христианизация проявилась и в заимствовании некоторых черт конструкции могил. В частности, внутри храма раскопана грунтовая могила № 15 с обкладкой из сырцового кирпича – материала, совершенно неизвестного в плитовых могильниках византийского типа [9, с. 114, табл. 1].

Погребальный инвентарь тепсеньского грунтового некрополя незначителен. За исключением трех золотых сережек, остальные предметы изготовлены из меди, бронзы или низкопробного серебра. Кроме проволочных серег и перстней с плоской жуковиной, широко встречающихся в раннесредневековых могильниках Северного Причерноморья, остальные предметы характерны только для памятников салтово-маяцкого типа. Прежде всего это восьмеркообразная пряжка с полукруглым, слегка заостренным кольцом и задней рамкой для крепления ремня (рис. 44, *8*), шарнирная копоушка с прорезным растительным орнаментом на щитке (рис. 44, *1*), а также две пряжки и бляшки от поясного набора салтовского типа (рис. 44, *5–7, 9–11*). Из украшений преобладают проволочные серьги с колесиком-пронизкой (рис. 44, *11, 24*), перстни со стеклянными жуковинами, укрепленными четырьмя лапками (рис. 44, *30, 37, 38*), и парные золотые серьги с восьмигранной пронизкой и шариком (рис. 44, *33, 34*). Единичными образцами представлены литая бронзовая подвеска-амулет, аналогичная подвеске из могилы № 57 Неволинского некрополя, датированной VIII в. [399, табл. 89, *8*], серебряное ситечко, подобное ситечку из погребения у с.Наташино (рис. 39, *б*), медный

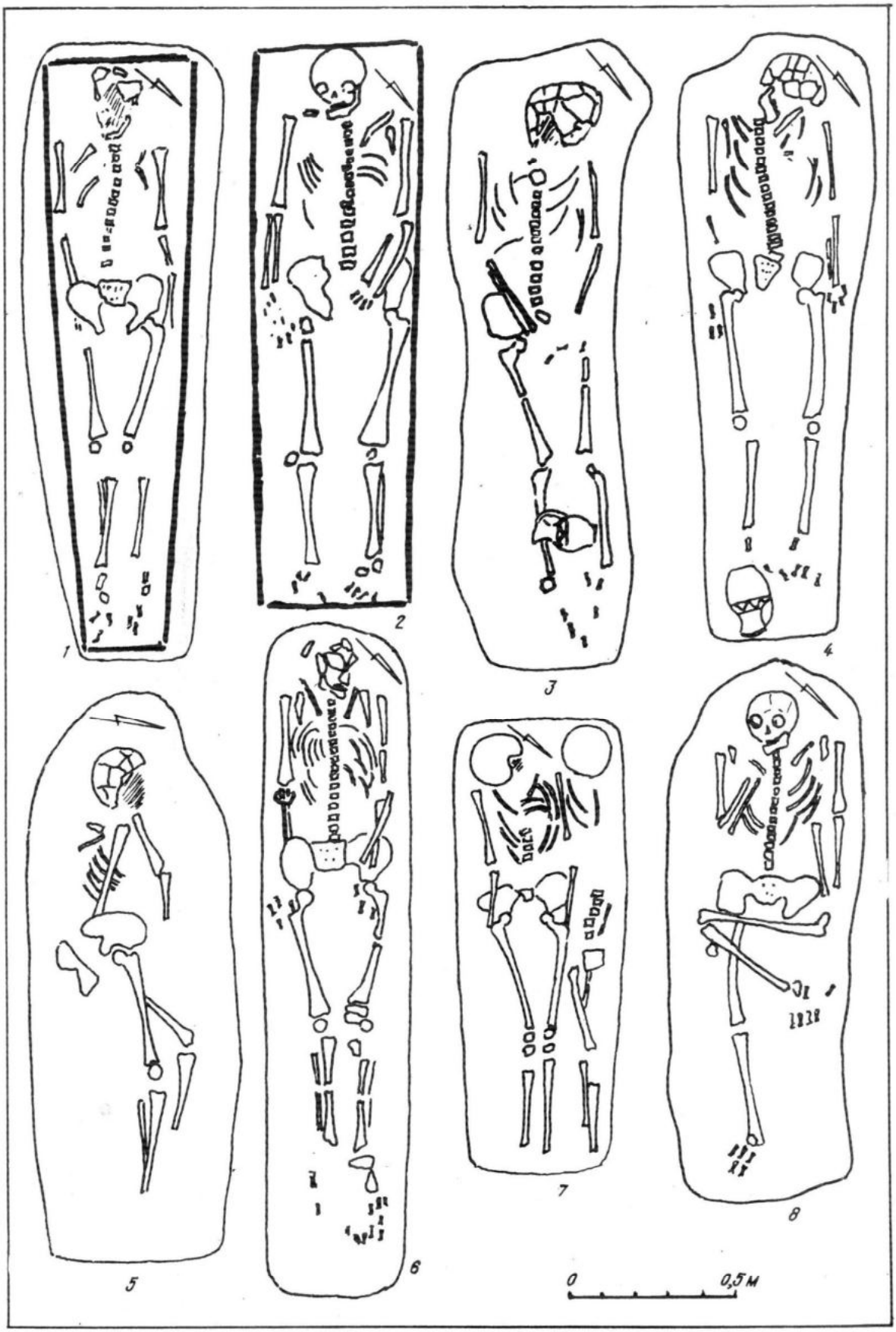


Рис. 43. Типы грунтовых могил Тепсеня.
1 – могила № 43; *2* – № 27; *3* – № 87; *4* – № 93; *5* – № 17; *6* – № 99; *7* – № 17; *8* – № 81.

пинцет и разнотипные бубенцы (рис. 44, *3, 18, 19, 27*). Находки вещей в могилах Тепсеня редки и единичны, поэтому нельзя скоррелировать погребальный инвентарь внутри могильника, и датируются они лишь по аналогам. Вещи этого типа широко встречаются

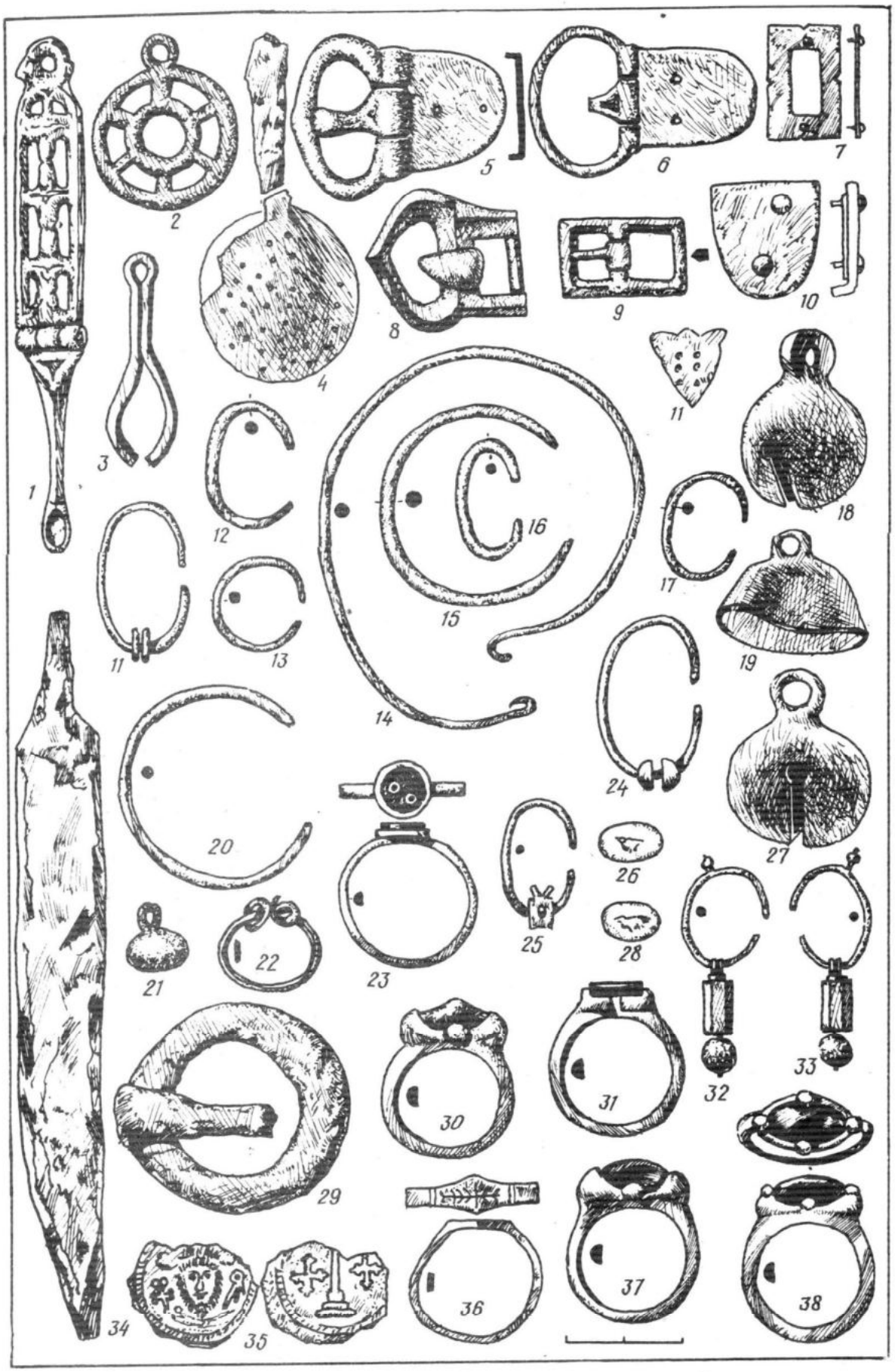


Рис. 44. Погребальный инвентарь грунтового могильника на холме Тепсень.
1, 3, – могила № 9; *5, 7, 36* – № 11; *9* – храм; *2, 37* – № 25; *13* – № 20; *14, 21, 41, 31* – из раскопок 1931 г.; *16, 19, 30* – № 43; *24, 25, 26, 28* – № 35; *17, 20* – № 57; *22, 23* – № 40; *27* – № 19; *32* – № 12; *38* – № 5; *29* – № 22. Остальной инвентарь – из депаспортизованных комплексов.

в салтовских могильниках Подонья, Средней Волги и Балкан; датируются концом VIII–X в. [35, с. 140–142, 162–167, рис. 36, *44*].

Антропологические материалы указывают на два совершенно разных краниологических типа в составе погребенных: женские черепа близки краниологическим типам Юго-Западной Таврики, обычно отождествляемых с аланами, а мужские – с сериями из Зливок, раннего Саркела и Букеевской степи, связываемыми с тюрками [370, с. 70–78; 372, с. 206]. Итак, вполне вероятно, что на руинах сожженного византийского монастыря на Тепсене первоначально осела группа салтовцев, состоявшая из одних мужчин, т.е. военный отряд. Женщины-аланки, скорее всего, служили военной добычей во время хазаро-булгарских походов в Юго-Западную Таврику.

Западный могильник Тепсеня по обряду и ориентации близок к некоторым грунтовым некрополям салтово-маяцкой культуры в Азово-Донском регионе. Так, западная ориентация могил характерна для Зливок, Волоконовского могильника, грунтовых могил VIII–X вв. в Кепах и на Тамани [400, с. 279–298; 401, с. 124, рис. 1; 402, с. 211; 13, с. 67–68]. Погребения в деревянных ящиках-гробовинах отмечены в Покровском могильнике на Дону, в Волоконовском – на Осколе, Больше-Тарханском и Танкеевском – на Волге, а также в некоторых некрополях IX–X вв. в Северной Болгарии [400, с. 279–280; 35, с. 92; 403, с. 81, рис. 8; 37, с. 10, 80]. Для салтовских могильников второй половины VIII–X в. характерны и детали погребального обряда: положение скелета, наличие подсыпок и состав погребального инвентаря. Для всех некрополей этой группы типично разнообразие форм погребальных сооружений и деталей обряда, отмеченное в могильнике Тепсеня. Единственное отличие тепсеньских могил – полное отсутствие в инвентаре погребений салтовских лощеных кувшинов. Вместо них в могилы ставили ойнохои баклинского типа, наполненные, судя по составу соскобов внутри сосудов, вином. Этот обряд прослежен и в Скалистинском могильнике, где все образцы дали винный камень. Замене ойнохоями салтовской столовой керамики не следует придавать решающего значения, так как смысл обряда и в Крыму, и в других районах распространения салтовской культуры остался неизменным. Тем более, что даже в салтовских могильниках Степного Подонья, Приазовья и Северного Кавказа прослеживается замена традиционно-салтовской столовой посуды кувшинами крымско-византийского производства. Расписные ойнохои стояли в грунтовых могилах Кеп и Тамани, в Нетайловском, Волоконовском и Верхне-Салтовском могильниках [400, рис. 6, *5, 8*; 401, с. 124, рис. 1, *7*; 396, табл. 24]. Таким образом, замена лощеных кувшинов ойнохоями в салтовских погребениях Крыма может рассматриваться лишь как одно из проявлений крымско-византийского влияния на салтовцев Таврики и Приазовья. Естественно, в Крыму подобные влияния более ощутимы.

Нельзя отрицать и влияния христианства на погребальный обряд протоболгар второй миграционной "волны" в Крыму. Вероятнее всего, именно с христианизацией тюрок связано появление небольшого некрополя около восстановленного салтовцами сырцового храма на Тепсене. Именно здесь, наряду с обычными грунтовыми погребениями, В.П.Бабенчиков раскопал погребение в грунтовой могиле с обкладкой из сырцового кирпича [404, с. 15]. Христианство было принято немногочисленной группой салтовцев Тепсеня и могло быть связано с социальной дифференциацией последних. В могилах прихрамового некрополя обнаружены четыре золотые монеты из шести, два из трех золотых украшений и единственный на Тепсене поясной набор, состоявший из большого количества бляшек [404, с. 15]. По общепринятому мнению, пояс салтовца в зависимости от количества на нем бляшек указывает на общественное положение [405, с. 300]. Можно предположить, что христианизация коснулась лишь социальной верхушки салтовцев Тепсеня.

В заключение остановимся на погребении Тепсеня, несколько отличавшемся от остальных обрядом погребения и инвентарем: погребении всадника, раскопанном Н.С.Барсамовым в 1929 г. Полевая документация и большая часть вещей утрачена в 40-х годах; сохранились лишь упоминание о нем в кратком отчете Н.С.Барсамова за 1931 г. и разрозненные предметы из погребального инвентаря. Кроме того, нам удалось установить, что комплекс находился на склоне холма близ западного некрополя Тепсеня и вскрыт при строительстве одного из близлежащих домов. Погребение совершено в грунтовой яме с западной ориентацией, а рядом с человеческим скелетом лежали отдельные кости коня и его череп. Инвентарь погребения состоял из деталей поясного

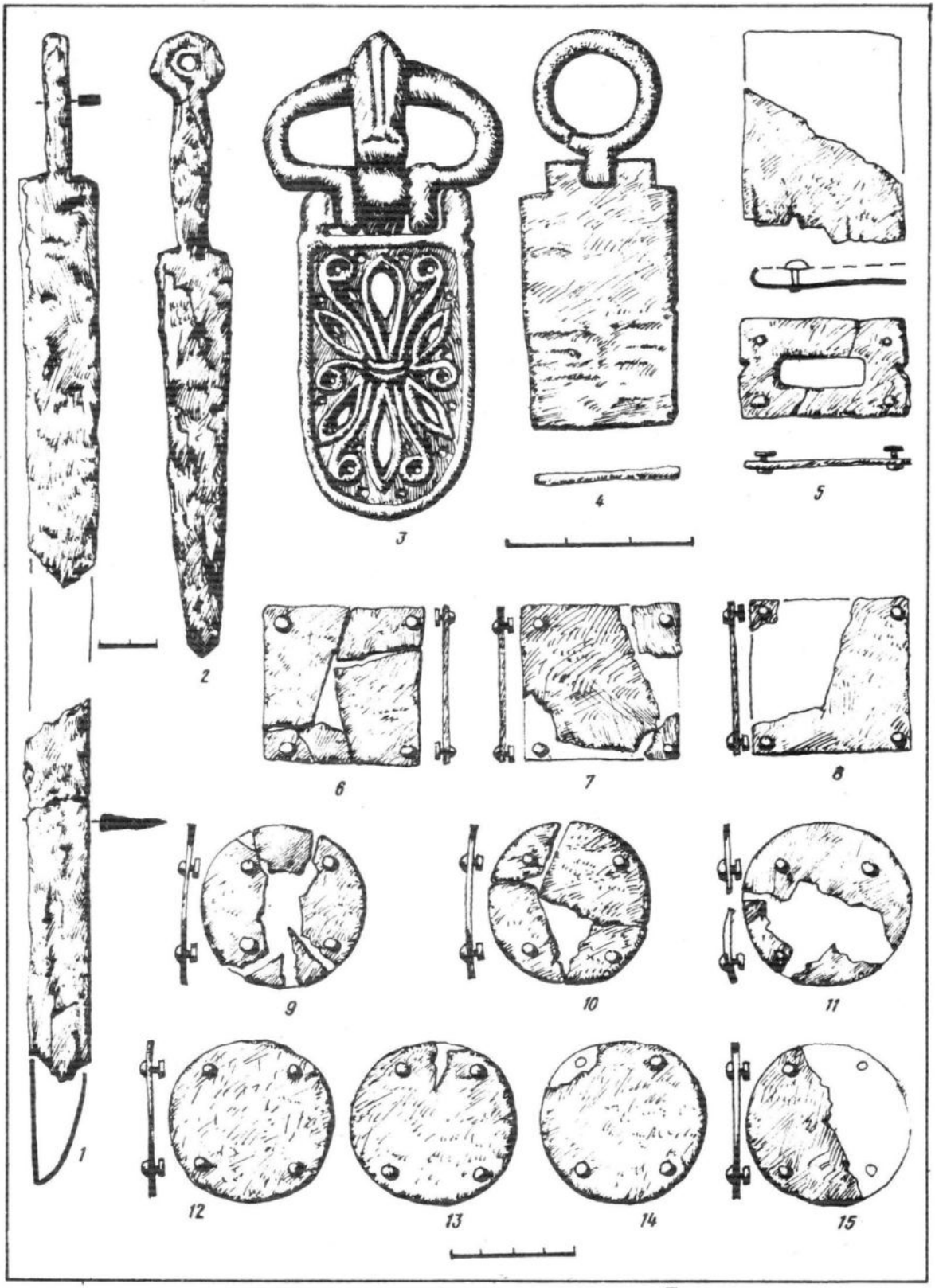


Рис. 45. Инвентарь погребения всадника на холме Тепсень.

набора, кресала, сабли, а также двух парных стремян, кинжала с кольцевым навершием на рукояти и нескольких наконечников стрел листовидной формы. Особую группу составляли квадратные и круглые серебряные с позолотой бляхи, украшавшие конскую сбрую (рис. 45) [368, с. 180].

Тепсеньский палаш длиной около 1,0 м при ширине 0,04 м, имеет прямой, треугольный в сечении клинок (рис. 45, *1*). На нем сохранились следы деревянных ножен. Подобный тип колюще-рубящего оружия характерен для кочевых тюрок Центральной и Восточной Европы VIII–IX вв. [406, с. 134], а в IX–X вв. палаши появляются на об-

ширной территории степей Центральной Азии, Южной Сибири и Приуралья [407, с. 218]. Для тех же районов Азии характерны и кинжалы с кольцевым навершием [407, с. 131], аналогичные кинжалу из погребения всадника на Тепсене (рис. 45, *2*).

В том же комплексе обнаружены шарнирное пластинчатое кресало и украшения конской сбруи. Кресало бронзовое, литое; его размеры 9,5 х 3,8 см при диаметре подвижного кольца 3,4 см (рис. 45, *4*). На ударной пластине кресала отчетливо видны глубокие поперечные вмятины – следы ударов. Кресала этого типа в Северном Причерноморье до сих пор не встречались. Они были распространены в Поволжье и на Урале в материалах финно-угров и тюрок. Конская сбруя украшалась квадратными и круглыми серебряными бляхами с позолотой (рис. 45, *7–16*). Сохранились 12 круглых блях диаметром 5 см и 4 квадратные того же размера. Они крепились на ремнях при помощи четырех круглых заклепок. Судя по отпечаткам на обратной стороне блях, кожаная сбруя была обшита яркой шерстяной тканью. Аналогичные украшения сбруи обнаружены в салтовских склепах Дмитровского и Салтовского могильников [35, с. 134].

От воинского пояса сохранились лишь две прямоугольные серебряные бляшки с прорезью и пряжка. Подобная бляшка найдена в грунтовой могиле того же некрополя (рис. 44, *7*; 45, *6*). За пределами Таврики бляшки этого типа обнаружены лишь в аварокутригурских древностях Среднего Подунавья в комплексах второй половины VII – VIII в. [408, табл. 34; 64, *17, 13*; 409, с. 88–91, рис. 3].

Особый интерес представляет бронзовая литая пряжка с овальным щитком и шарнирным креплением овально-трапециевидного кольца и язычка с четко выраженным ребром (рис. 45, *3*). Длина пряжки 8,5 см, ширина щитка 2,8 см. Щиток украшен прорезной пальметтой из шести реалистично выполненных лепестков, чередующихся с тонкими линиями, завершающимися волютой; они связаны в один пучок лентой. Пряжки с аналогичным декором, кроме Тепсеня, встречены в скалистинском склепе № 303, в Суук-Су в могиле № 123, в склепе с коробовым перекрытием в Симеизе и в Керчи [368, с. 178, рис. 1, *8–10*]. Комплексы с поясной гарнитурой этого типа датируются первой половиной VIII в. [368, с. 180].

Для этнокультурной характеристики тепсеньского погребения всадника важно знать происхождение пряжек с пальметтами. Незначительность их находок в Крыму и на Северном Кавказе свидетельствует об их привозном характере в этих районах. Они редко встречаются в Юго-Восточной Европе и совершенно неизвестны в Византии и Закавказье. Единственная пряжка с пальметтой обнаружена в Афинах [410, рис. 3], но и она явно импортная. Основной район распространения поясной гарнитуры этого типа – Поволжье, Приуралье и Средняя Азия. Наиболее ранние образцы известны в Согде в комплексах VII в. [411, с. 86–94, рис. 63, *7*; 64, *6*; 66, *1–2*]. В этом регионе пальметта использовалась для украшения не только предметов торевтики, но и в каменной резьбе, а также в орнаментах ковров и тканей [412, рис. 67, *1, 6*]. Можно предположить, что Средняя Азия была местом происхождения пряжек с пальметтой. В VIII в. из Согда они проникают в районы расселения финно-угорских и тюркских племен Поволжья, Южного Урала и Южной Сибири, а оттуда – на Северный Кавказ, в Крым и Центральную Европу. Пряжки с пальметтой и другие подобные ей поясные украшения обнаружены на Билярском городище в Поволжье и на некоторых памятниках Прикамья [413, с. 21–37, рис. 32; 33; 414, с. 117, табл. 23, *7*]. Они найдены в комплексах Бродовского и Неволинского могильников на Урале [415, рис. 1, *4*; 399]. В.Б.Ковалевская датирует их появление в этом районе около VIII в., т.е. столетие спустя после начала их производства в Согде [416, с. 280–287, рис. 1]. Тогда же пряжки с пальметтой проникают в Таврику, а столетие спустя – в Центральную Европу [417, табл. 103, *143*; 418, табл. 21, *17*; 25, *41*; 419, табл. 47, *85*]. При этом венгерские поясные наборы IX–X вв. стилистически и типологически несколько отличались от более ранних образцов: их декор усложнился, а пальметта стилизовалась. Этапы проникновения поясных наборов, украшенных прорезным растительным орнаментом, хронологически совпадают с миграцией древневенгерских племен из Южного Приуралья и Средней Волги в Центральную Европу. Можно предположить, что и в Таврику они попадают в VIII в. в ходе переселения мадьяр.

Таким образом, погребение 1929 г. на Тепсене по обряду и инвентарю отличается от остальных грунтовых могил салтовского горизонта этого поселения. Такие признаки, как ориентация, наличие расчлененных костей коня, оружие, стремена, сбруя и тип

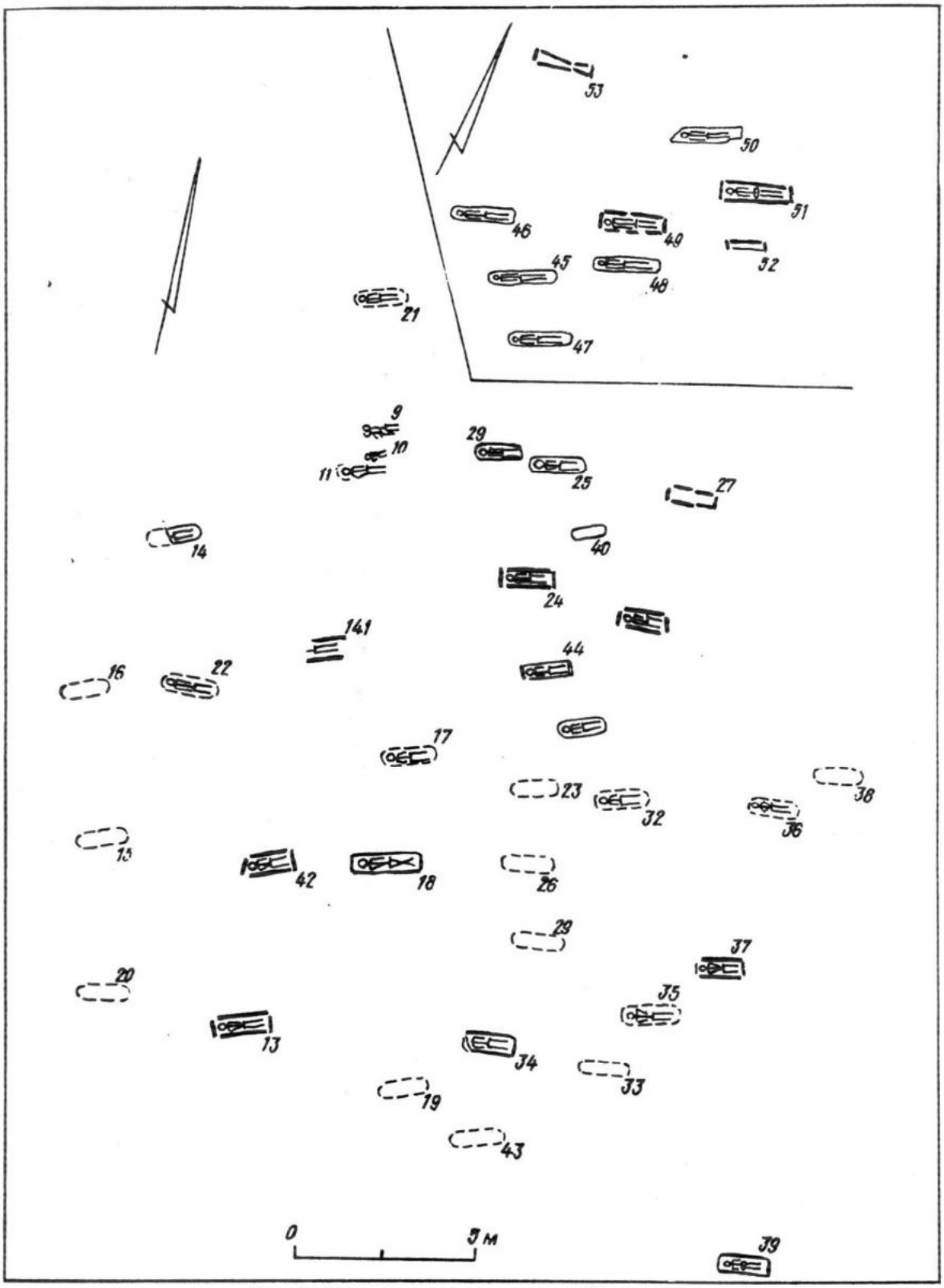


Рис. 46. План могильника на холме Кордон-Оба.

поясного набора сближают тепсеньский комплекс с воинскими могилами всадников на Тамани, с Воробьевским погребением близ Воронежа, Танкеевским комплексом 1904 г., могилами Больше-Тиганского некрополя и др. [401, с. 124–130; 420, с. 5; 6, с. 193; 421, с. 135–136; 422, с. 158–178]. Эта группа памятников подробно рассмотрена Е.А.Халиковой, которая связывала ее с погребениями венгров на территории Венгрии и Чехословакии [393, с. 176–188] и определила как мадьярские [422, с. 141–156; 423, с. 72–81]. Ее аргументация полностью принята нами.

Могильник на холме Кордон-Оба обнаружен А.И.Айбабиным при строительстве пансионата в пос. Курортный в 1972 г. Он расположен на узком водоразделе между

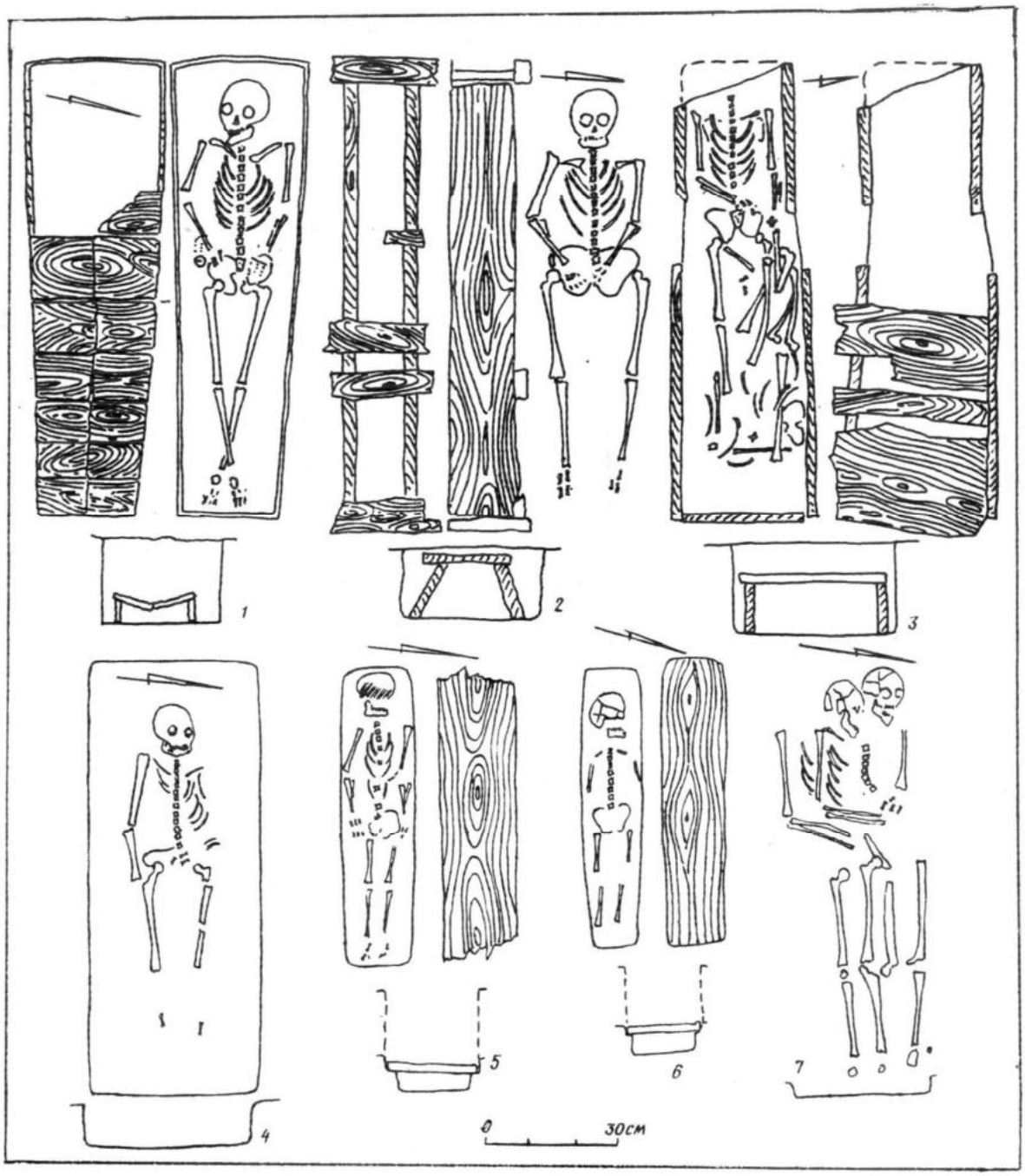


Рис. 47. Типы грунтовых могил Кордон-Обы.
1 – могила № 18; *2* – № 25; *3* – № 34; *4* – № 32; *5* – № 40; *6* – № 45; *7* – № 9, 10.

двумя глубокими оврагами и состоял из двух участков, находившихся на расстоянии 220 м друг от друга на южной и северной окраинах протоболгарского поселения. Судя по разведочным раскопкам, площадь между участками могильника была застроена домами поселения IX–X вв. Последнее дает основание предполагать, что эти участки являлись самостоятельными сельскими кладбищами одного поселения. Назовем их южным и северным могильниками Кордон-Обы.

На южном могильнике, границы которого выявлены полностью, раскопаны 32 могилы (рис. 46). Незначительное количество могил южного некрополя объясняется тем, что его большая часть была уничтожена при сооружении дороги к пансионату, а сохранившийся участок поврежден в результате почвенной эрозии: все погребения находились на глубине до 0,2 м.

Значительно лучше сохранился северный могильник (рис. 46, № 1–46). Находясь в небольшой седловине, он оказался менее подвержен воздействию поверхностных вод. Изучено 17 могил, впущенных на глубину до 0,1 м. Границы северного могильника не обнаружены и большая часть погребений ждет дальнейшего исследования.

Таблица 9. **Грунтовый некрополь на холме Кордон-Оба**

Номер могилы на плане	Количество скелетов	Ориентация*	Тип могилы				Подсыпка	Скелет на спине	Скелет на боку	Положение рук				Ноги раздвинуты в коленях	Ступни ног скрещены	Ноги вытянуты
			Грунтовая яма	Яма с заплечиками, перекрытая досками	Яма с заплечиками, перекрытая плитами	Ящик-гробовина				Обе на тазе	Левая на тазе	Правая на тазе	Скрещены на тазе			
1	2	з		+			+	+		+						+
9	2	з		+			+		+			+				
10	1	з	+				+	+		+						+
11	1	з		+			+			+						+
12	1	ю-з		+			+	+		+						+
18	1	з				+		+						+		
21	1	ю-з					+	+		+						+
22	1	з		+			+	+								+
23	1	з		+				+				+				+
24	2	ю-з				+	+	+								+
25	1	з				+	+			+						+
26	1	з			+		+	+		+						+
28	2	з	+						+			+				+
29	1	з	+				+	+		+						+
30	1	з		+				+			+					+
31	1	з	+				+	+			+					+
32	1	ю-з	+				+	+			+					+
34	4	з				+	+					+				+
35	1	з	+				+	+		+						+
36	1	з				+	+	+		+						+
37	2	з				+	+	+				+				+
39	1	з	+					+		+						+
40	1	ю-з		+			+	+								+
44	1	з		+			+	+				+				+
45	1	ю-з				+	+	+			+					+
47	1	з				+		+				+				+
49	1	ю-з				+		+			+			+		
50	1	ю-з				+	+	+					+			+
51	2	ю-з				+		+			+					+

* з – западная; ю-з – юго-западная.

В уроч. Кордон-Оба обнаружены два типа погребальных сооружений: 41 грунтовая могила и 8 плитовых. Но, вероятно, могильник не был двухобрядовым. Плитовые могилы синхронны византийскому поселению первой половины VIII в., сожженному протоболгарами (см. гл. I). С одной стороны, на это косвенно указывает стратиграфия поселения и существование в нем досалтовского слоя, а с другой – вторичное использование тюрками плитовой могилы № 41, где первоначальное погребение было перекрыто галечной подсыпкой и на ней лежал верхний скелет; перекрытие могилы сооружено не из каменных плит, как того требовал обряд захоронения в плитовых могилах, а из можжевеловых плах. Вторичное использование могилы № 41 дает основание утверждать, что плитовый некрополь Кордон-Обы предшествовал грунтовому, т.е. периодизация Кордон-Обы в общих чертах близка тепсеньской.

Подавляющее большинство погребений совершено в грунтовых ямах, ориентированных на запад и юго-запад (рис. 47). Их можно разделить на четыре группы: простые грунтовые могилы (32 %), могилы с заплечиками, перекрытые досками (44 %), могилы с заплечиками, перекрытые каменными плитами (11 %), погребения в деревянных ящиках-гробовинах (13 %). Могилы с заплечиками, вероятно, были более распространены на Кордон-Обе, что отличает его от Тепсеня. Появление могил с заплечиками, перекрытых каменными плитами (исключительно детских), можно объяснить влиянием местных погребальных обрядов на салтовские, принесенных, скорее всего, женами–гречанками или аланками. Как известно, могилы с заплечиками, перекрытые каменными плитами, предшествовали сооружению Партенитской базилики [362, с. 94–140].

На Кордон-Обе впервые в Крыму удалось полностью проследить обряд погребения в деревянных ящиках-гробовинах: они прямоугольной (рис. 47, *2*; 46), трапециевидной, сужающейся к ногам (рис. 47, *1*) или зауженной в изголовье (рис. 47, *3*), формы. Совершенно целый ящик обнаружен в могиле № 18 (рис. 47, *2*). В нем находился скелет взрослого человека, ориентированный на запад (табл. 9). Гробовина изготовлена из тесаных можжевеловых досок толщиной около 10 см, поставленных на ребро. Доски плотно подогнаны друг к другу без применения гвоздей или шипов. Гробовина была перекрыта семью плахами шириной от 15 до 25 см. Ширина ящика в изголовье 60 см, в ногах – 40, длина – 180, высота 35 см. По существу, такие ящики являлись деревянными обкладками грунтовых могил.

В грунтовом могильнике Кордон-Обы детали погребального обряда не связаны с формой погребального сооружения. Этот вывод сделан на основании 27 погребений, в которых удалось полностью проследить обряд (см. табл. 9). Нет повода говорить и о внутриродовых и социальных различиях обоих участков сельского некрополя. За исключением могилы № 9 с парным погребением, совершенным на левом боку в скорченном положении, остальные скелеты находились в вытянутом положении на спине. В могиле № 18 ноги погребенного были скрещены в щиколотках, а в могиле № 49 – раздвинуты в коленях. У 52 % погребенных кисти рук лежали на тазе, у 25 % – на тазе находилась правая рука, а левая – вдоль таза, у 14 % – кисть левой руки лежала на тазе, а правой – у таза. Кроме того, в могиле № 40 обе руки погребенного были вытянуты вдоль тела, а в могиле № 22 – скрещены на тазе.

Погребальный инвентарь обнаружен лишь в 30 % грунтовых могил Кордон-Обы (рис. 48). Как и на Тепсене, он беден и немногочислен. Предметы из железа представлены маленьким поясным ножом и двумя круглыми пряжками (рис. 48, *1–3*). Украшения можно разделить на три группы: серьги, перстни и подвески. Последние могли иметь значение амулетов. Вещи этих трех групп, хотя и определяющие при культурной характеристике могильника, датируются довольно широко. Они обычны для салтовцев. Их типология разработана А.К.Амброзом, С.А.Плетневой и др.

Серьги двух типов: простые проволочные и с подвижным кольцом-пронизкой (рис. 48, *6–8, 20–22*). Они типичны для салтовцев и датируются, как сказано при характеристике инвентаря Тепсеня, второй половиной VIII – первой половиной IX в. Все серьги парные и обнаружены в районе черепа.

Находки колец и перстней в могилах единичны. Как правило, они находились на фалангах пальцев или рядом с ними. Лишь в могиле № 31 два проволочных кольца, соединенные в цепочку, найдены на тазе – использовались в качестве подвески на поясе погребенного.

Кольца плоские или проволочные различного сечения. Изготовлены из меди или бронзы (рис. 48, *10–12, 14–16*). Форма перстней довольно разнообразна. На Кордон-Обе встречены бронзовые перстни с круглой или овальной жуковиной (рис. 48, *26–29*). На одном жуковина украшена гравированым изображением птицы (рис. 48, *26*). Четыре серебряных перстня имели стеклянные вставки темно-синего цвета. Стекло прозрачное или полупрозрачное, приближающееся к пасте. Вставки двух перстней украшены симметрично нанесенными мозаичными глазками: белая и темно-синяя паста нанесены на прозрачное синее стекло. Подобные перстни принято датировать в пределах второй половины VIII–X в.

Своеобразны бронзовые подвески, использовавшиеся, вероятнее всего, в качестве амулетов. Два из трех амулетов Кордон-Обы обнаружены в могиле № 18. У кисти левой руки находился амулет-подвеска в виде литого стержня с тремя петлями для крепления трех ниток бус (рис. 48, *4*). Длина стержня с петлями 4,7 см. На нем спиралевидная нарезка, имитирующая перекрученную проволоку. Бусы простые пастовые, мозаичные и гагатовые. Второй амулет найден у кисти правой руки (рис. 48, *5*). Он состоял из бронзового литого кольца диаметром 2,4 см с семью трапециевидными головками на внешней стороне; кольцо разделено тонкой бронзовой перекладиной на две половины. К нижним "головкам" прикреплены бусины (мозаичные, полосчатые, гагатовая и сердоликовая), петлей охватывавшие кисть погребенного. Бронзовой кольцевой подвеске есть аналоги в древностях VIII–IX вв. в Прикубанье, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Осетии [424, рис. 64, *59, 77*]; отличается от последних лишь отсутствием перекладины внутри кольца. Более близки к кордон-обинской аналогичные украшения

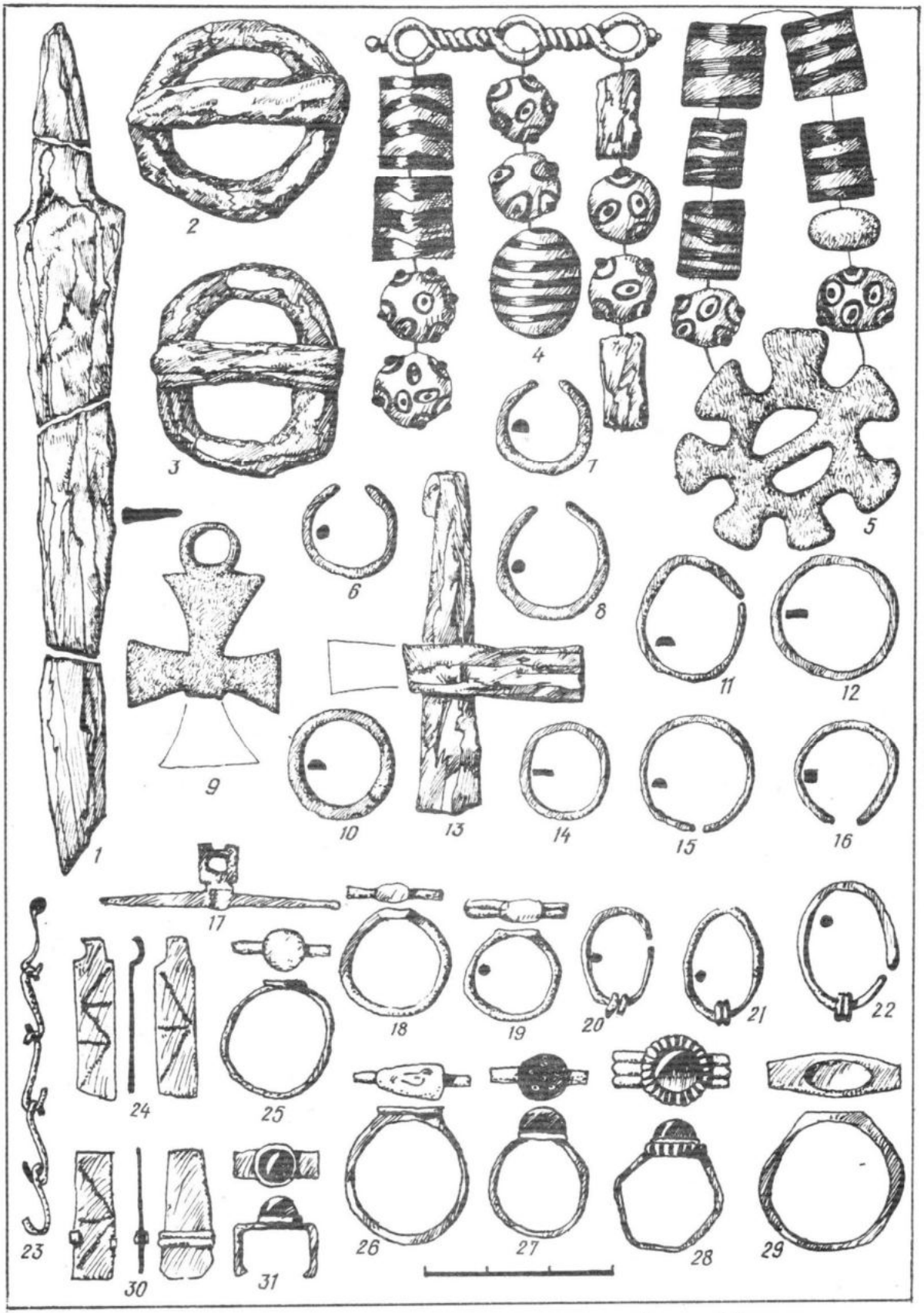


Рис. 48. Инвентарь погребений могильника на холме Кордон-Оба.
1, 10, 15, 30 – могила № 17; *2* – № 22; *3, 8, 16* – № 12; *4, 5, 17* – № 18; *6, 7* – № 29; *9, 13* – № 23; *11, 12* – № 32; *14* – № 25; *18, 26, 27* – № 31; *21–23* – № 48; *24, 25, 28* – № 25; *29* – № 44; *31* – № 34.

из могильников европейского северо-востока [425, табл. 13, *13*; 426, табл. 16, *5*]. Однако на уральских украшениях этого типа вместо литой перекладины – булавка; по существу, это обычные фибулы-броши. Кроме того, они бытовали за два столетия до появления протоболгар в Крыму. Можно предположить, что такие броши служили

образцами при изготовлении амулетов кордон-обинского типа, однако, попав в другую этнокультурную среду, постепенно утратили свое прежнее утилитарное назначение и превратились из фибул в подвески.

От третьего амулета сохранились лишь цепочка и две бронзовые пластины трапециевидной формы, украшенные точечным орнаментом и зигзагообразными насечками (рис. 48, *24–30*). Они крепились к цепочке с помощью петель, однако систему расположения пластин установить не удалось. Аналогичные подвески распространены в протоболгарских могильниках Поволжья [37, с. 56–57].

К числу амулетов, очевидно, следует отнести подвески из раковин "каури" и отдельные бусины, найденные на запястьях и поясах погребенных. Кроме того, на тазе двух скелетов обнаружены христианские нательные кресты (бронзовый и железный) с обломанным в древности одним концом (рис. 48, *9, 13*). Использование поврежденных крестов в качестве подвесок-амулетов свидетельствует о языческом характере могильников Кордон-Обы. Порча крестов могла иметь ритуальное значение, смысл которого сводился к обезвреживанию чуждого язычникам христианского бога.

3. ХРИСТИАНИЗАЦИЯ

Постоянные контакты салтовцев и хазар с христианским населением и религиозно-политическими центрами Боспорской, Сугдейский, Фульской, Готской и Херсонской епархий неизбежно вели к изменениям в идеологической структуре общества. Наиболее ярким проявлением такой тенденции было появление погребений, совершенных по салтовскому обряду в каменных склепах с коробовыми перекрытиями византийского типа, а также строительство салтовцами христианских храмов. В настоящее время в Крыму известны три склепа этого типа с погребениями по тюркскому обряду с антрибутами христианства и салтово-маяцким погребальным инвентарем: склеп у подножия Баклинского городища и два – в Судаке.

Баклинский склеп раскопан нами в 1984 г. Это сложенная из блоков альминского известняка прямоугольная погребальная камера размерами 4,0 х 2,2 х 1,6 м (рис. 49). Кладки стен и свод сложены на глине, внутри погребальная камера была полностью оштукатурена, а ее южная торцовая стена расписана по сухой штукатурке красной, синей и черной красками. Характер росписей, ввиду их фрагментарности, выявить не удалось. Склеп ориентирован с юго-запада на северо-восток, входное отверстие находилось в своде северо-восточной торцовой стены. В противоположной торцовой стене одновременно с сооружением склепа была сделана глубокая ниша, в которую вмонтирована известняковая плита размерами 0,8 х 0,5 х 1,0 м с трехстрочной греческой надписью (рис. 50):

+ Ὑπὲρ μνήμης (καὶ) ἀνα-	+ Ради памяти и вечного покоя
παυσέως τοῦ δούλου θ(εο)ῦ	раба божьего
θε(ο)δ(ώ)ρου (καὶ) τῆς συβίου αὐτοῦ.	Феодора и меня, его жены.
Τζὰλ βανδά. Ἀμήν. +	Цал соорудил, воистину + .

Особый интерес в надписи вызывает имя строителя склепа. Оно явно негреческого происхождения и может быть отождествлено с тюркским родовым именем Τζύλ (Цула), который был, согласно надписи на свинцовой печати, императорским спафарием Херсона [427, с. 159, № 42]. Другой представитель того же тюркского рода Георгий Цула, по известию Кедрина, был хазарским правителем в Таврике в 1016 г. [351, с. 15].

Помимо этой надписи внутри склепа обнаружены фрагмент известнякового блока с посвятительной надписью на греческом языке и изображением коня с лентой на шее, иконографически близкого лошадям на кирпичах Саркела и блоках Маяцкого городища (рис. 50, *2*), а также блок с прорезной тюркской тамгой (рис. 50, *3*).

Баклинский склеп ограблен в древности через пролом в своде. Однако при зачистке его пола обнаружены скопление большого количества человеческих костей и пять черепов. Кроме того, здесь зачищены остатки трех погребений, позволяющие частично реконструировать погребальный обряд. Они совершены в деревянных ящиках, поставленных на земляной пол погребальной камеры. Внутри ящиков отмечены подсыпки из мела и мелких углей. Погребения совершены на спине с вытянутыми ногами. Положение рук не зафиксировано. У черепа скелета, находившегося у южной стены склепа, обнаруже-

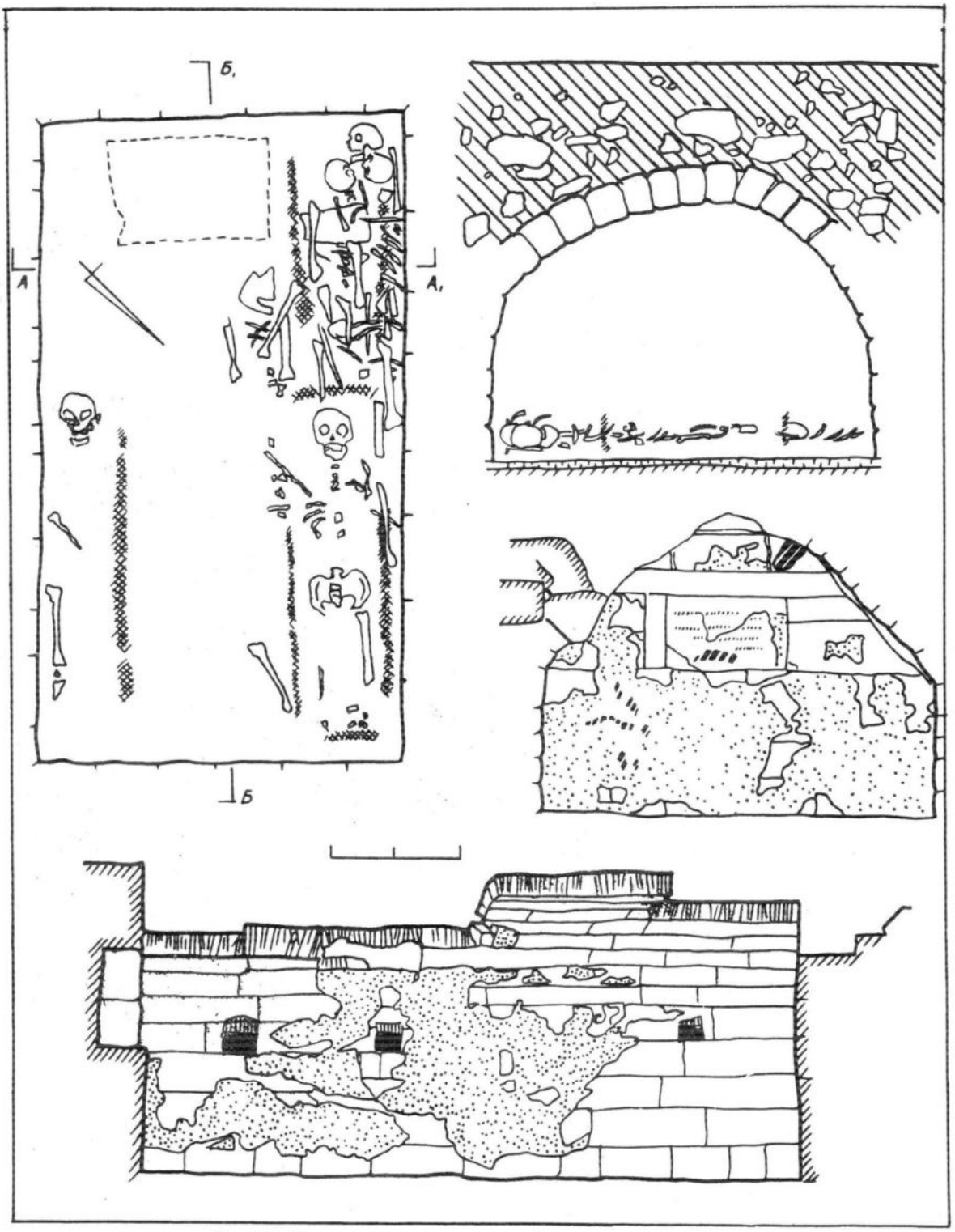


Рис. 49. Склеп VIII в. у подножия Баклинского городища.

на проволочная золотая серьга с подвеской в виде уплощенной сферы, завершающейся в нижней части напаянными шариками зерни (рис. 51, *5*), а также железный нож в деревянных ножнах и с деревянной черенковой рукоятью (рис. 51, *1*). В могиле у противоположной стены сохранились фрагменты двух сероглиняных кувшинов с плоской ручкой (рис. 51, *13*), обломки сосуда из тонкого прозрачного стекла (рис. 51, *4*), разбросанные внутри ящика бусины из пасты, горного хрусталя и сердолика (рис. 51, *6*), пуговицы в виде шарика (рис. 51, *9*), медный наперсток (рис. 51, *13*) и плоский известняковый диск с двумя отверстиями для подвешивания (рис. 51, *10*). На обеих сторонах диска видны специально соскобленные знаки, напоминающие начертаниями тюркские руны. Скорее всего, диск являлся тюркским языческим амулетом, магические знаки которого его хозяин пытался уничтожить после принятия христианства.

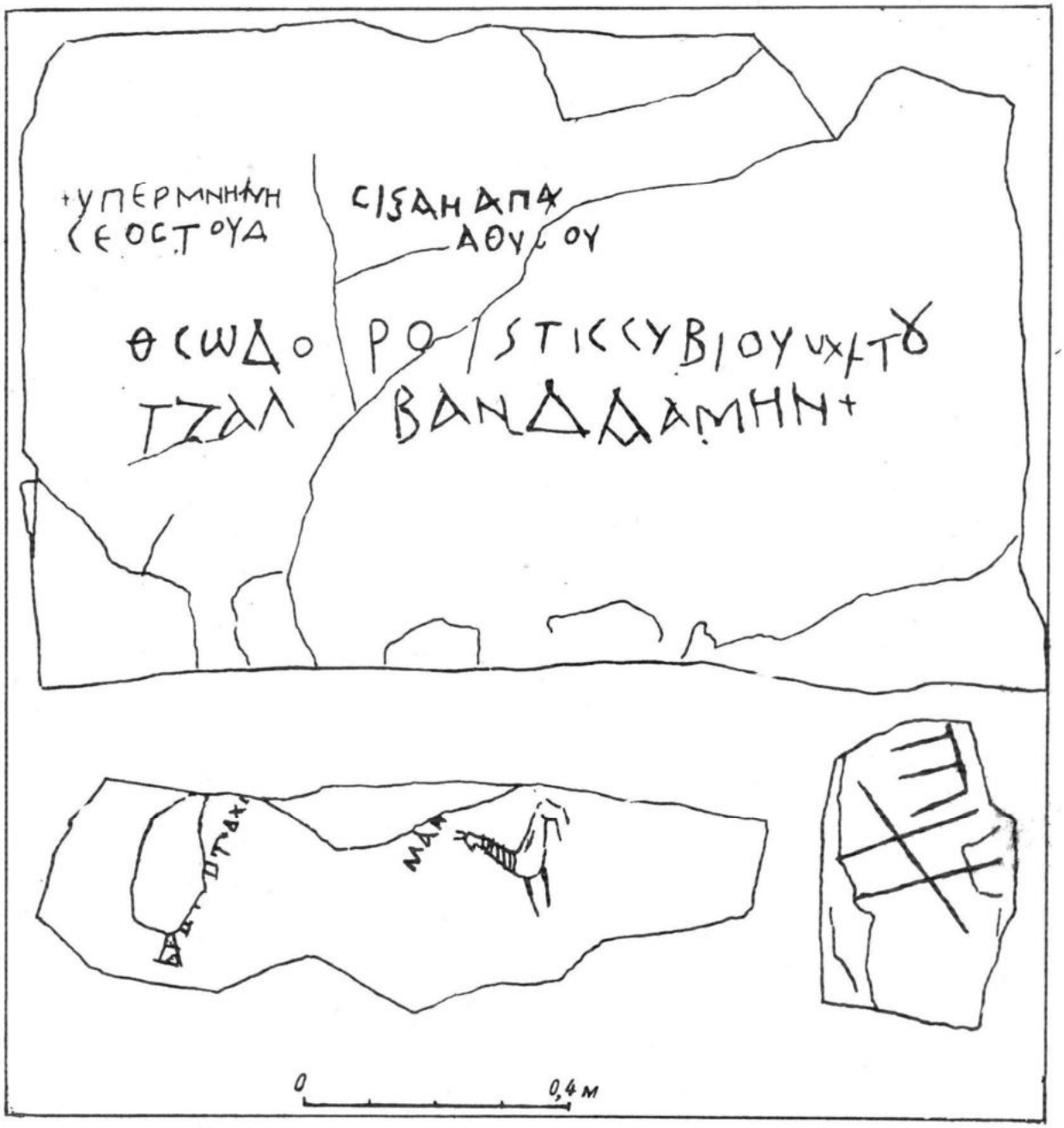


Рис. 50. Надписи на плитах из склепа под Баклинским городищем.

У тазовых костей погребенного найдена серебряная литая пряжка с неподвижным кольцом и язычком с ребром (рис. 51, *3*), а также поясная бляшка с наконечником из того же набора (рис. 51, *1, 2*). Наконечник украшен стилизованным колосом. Поясной набор характерен для салтово-маяцкой культуры. Аналогичные пряжки известны в Крыму в Скалистинском могильнике (склепы № 127е, 132, 247), в земляном склепе № 4 у подножья Баклинского городища, в Заветном и Керчи, датируются второй половиной VIII – первой половиной IX в. [144, с. 225–230, 238, рис. 1, *1–5*]; наконечники – в склепе № 128 Скалистинского могильника, комплекс которого датирован тем же временем [144, рис. 50]. Аналогов поясной бляшке нам не известно.

В целом баклинский склеп с коробовым перекрытием содержал относительно богатый и разнообразный погребальный инвентарь, что выделяет его из круга крымско-салтовских погребальных комплексов. Однако обряд погребения в деревянных ящиках-гробовинах без дна и ориентация погребений, отмеченные, помимо Баклы, на Тепсене и Кордон-Обе, позволяют уверенно связать этот комплекс с салтовцами второй миграционной "волны". Тип погребального сооружения, полихромные росписи его стен и наличие вотивной надписи позволяют предполагать, что склеп являлся родовой усыпальницей одного из тюркских родовых вождей, принявшего христианство. Если наше предположение о тождественности имени на надгробии, печати-моливдовула из

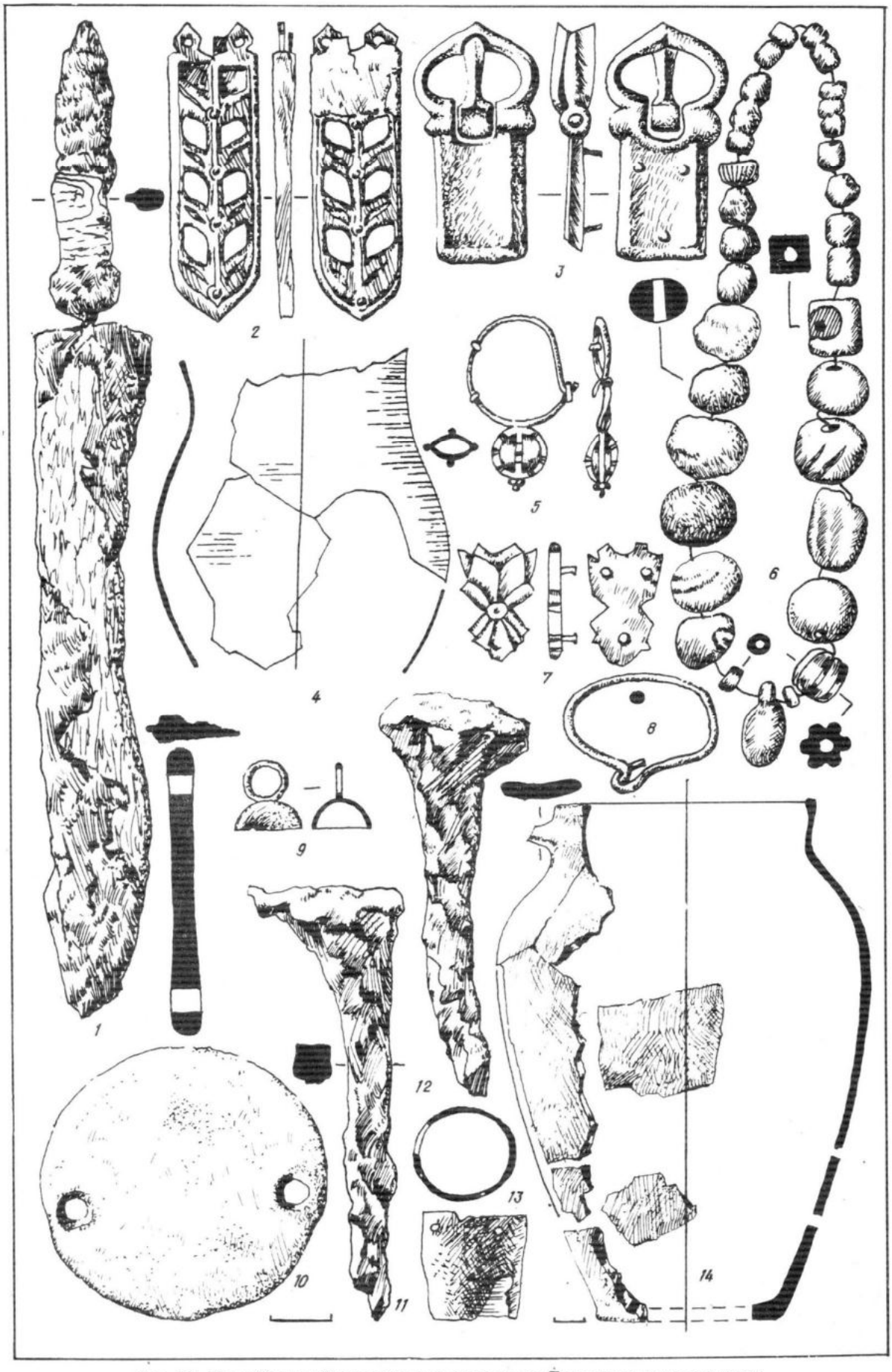


Рис. 51. Погребальный инвентарь из склепа под Баклинским городищем.

Херсонеса и в сообщении Кедрина верно, то представители рода Тцал-Дзал (Цул-Дзул) играли видную роль среди хазарской, а затем и византийской служилой знати тюркского происхождения в Таврике. Не исключено, что имя на баклинской плите, моливдовуле и в хронике Георгия Кедрина является греческой транскрипцией тюркского родового имени Дуло-Дулу, к которому принадлежал основатель оногурской конфедерации в Приазовье хан Кубрат [40, с. 162–163]. Согласно династической легенде, род Дуло ведет свое начало от Атиллы.

Другой склеп с коробовым перекрытием и остатками тюркского погребения хазарского времени раскопан нами в 1986 г. под хазарской оборонительной стеной Судакской крепости. Как и баклинский, это прямоугольная погребальная камера размерами 3,55 х 2,4 м, сложенная из известняковых блоков размерами 50 х 12 и 55 х 17 см. Коробовый свод циркульной формы начинался на высоте 1,0 м и завершался на отметке 1,86 м от уровня пола. Однако в отличие от баклинского склепа, стены которого сложены на глине, судакский сложен на белом известковом растворе с наполнителем из морского песка и был оштукатурен как внутри, так и снаружи. Кроме того, его отличает и наличие дромоса длиной 1,8 м, глубиной до уровня древней дневной поверхности около 1,0 м. Дромос перекрывали шесть плоских плит. Из дромоса в погребальную камеру можно попасть через квадратный проем в торцовой стене склепа, заложенный точно подогнанной плитой с пазами. Внутри склепа обнаружена единственная плитовая могила, ориентированная по оси склепа с юга на север и примыкавшая северным бортом к входному отверстию. Могила сложена из хорошо обработанных известняковых плит со снятой фаской, ее размеры 2,0 х 0,6 х 0,4 м. Склеп ограблен в XIII в. через отверстие в своде. Скелет был вытащен из могилы, а ее заполнение выбрано до материка. Разрозненные кости погребенного грудой свалены с южной стороны плитовой могилы и в юго-западном углу склепа, а раздавленный череп – у входа с северной стороны могилы. При зачистке склепа обнаружены угли и мел подсыпки, конский череп и копыта, а также череп барана. Кроме того, за пределами плитовой могилы найдены два раздавленных светильника, аналогичные светильникам из аварских поселений Паннонии VII в. [342, табл. 31, *4, 5*], железные кольца сбруи, нож, пастовые, сердоликовые и гагатовые бусы, четыре сильно коррозированные поясные бляшки салтовского типа, аналогичные бляшкам из склепа № 17 могильника Чуфут-Кале [144, рис. 3, *10, 11*], и салтовская односоставная литая бронзовая пряжка с прямоугольной рамкой, аналогичная пряжке второй половины VIII–IX в. из склепа № 290 могильника Скалистое [144, рис. 1, *9*]. На полу погребальной камеры обнаружены мелкие фрагменты салтовского кухонного горшка с линейно-волнистым орнаментом и железный крест с расширяющимися лучами и шариками на концах лучей, аналогичный нательному кресту VIII–IX вв. из Египта [428, с. 56, табл. 40, № 64]. Мальтийский крест высотой 0,2 м прочерчен пальцем по сырой штукатурке на южной стене погребальной камеры.

Подводя итог анализу салтово-маяцких погребальных комплексов, отметим, что не позднее IX в. в Крымской Хазарии начался процесс христианизации тюрок, явившийся составной частью их византинизации. Последняя облегчала интеграцию салтовцев в провинциально-византийскую среду и их переход на византийскую военную и административную службу. Однако идеологические изменения носили лишь внешний, показной характер и не отразились на глубоких кочевнических традициях: погребальные обычаи и обряды тюрок, связанные с шаманизмом, оказались неистребимы. Эти две стороны христианизации проявились и в характере салтовского церковного строительства в Крыму.

Христианские храмы составляют особую группу построек на салтово-маяцких поселениях Таврики. Нам известно пять храмов, строительство которых можно связать с тюрками: в Героевском, Пташкино, в Поворотном, на Тепсене и Кордон-Обе [48, с. 137–139, рис. 4, 5; 429, с. 10–19, рис. 2; 39, с. 69, рис. 9]. За исключением начатого и недостроенного по неизвестной причине храма у с.Пташкино, раскопанного А.В.Гадло, остальные салтовские церкви возведены на руинах византийских храмов VIII в., разрушенных в эпоху завоевания Таврики хазарами. Остановимся на наиболее полно сохранившихся постройках. Все они относятся к типу однонефных базилик.

Храм Кордон-Обы расположен на краю южного склона холма рядом с жилыми домами поселения (см. рис. 2). Он сооружен на кладках стен более раннего византийского храма. Последний построен в два панциря с забутовкой из крупных бутовых

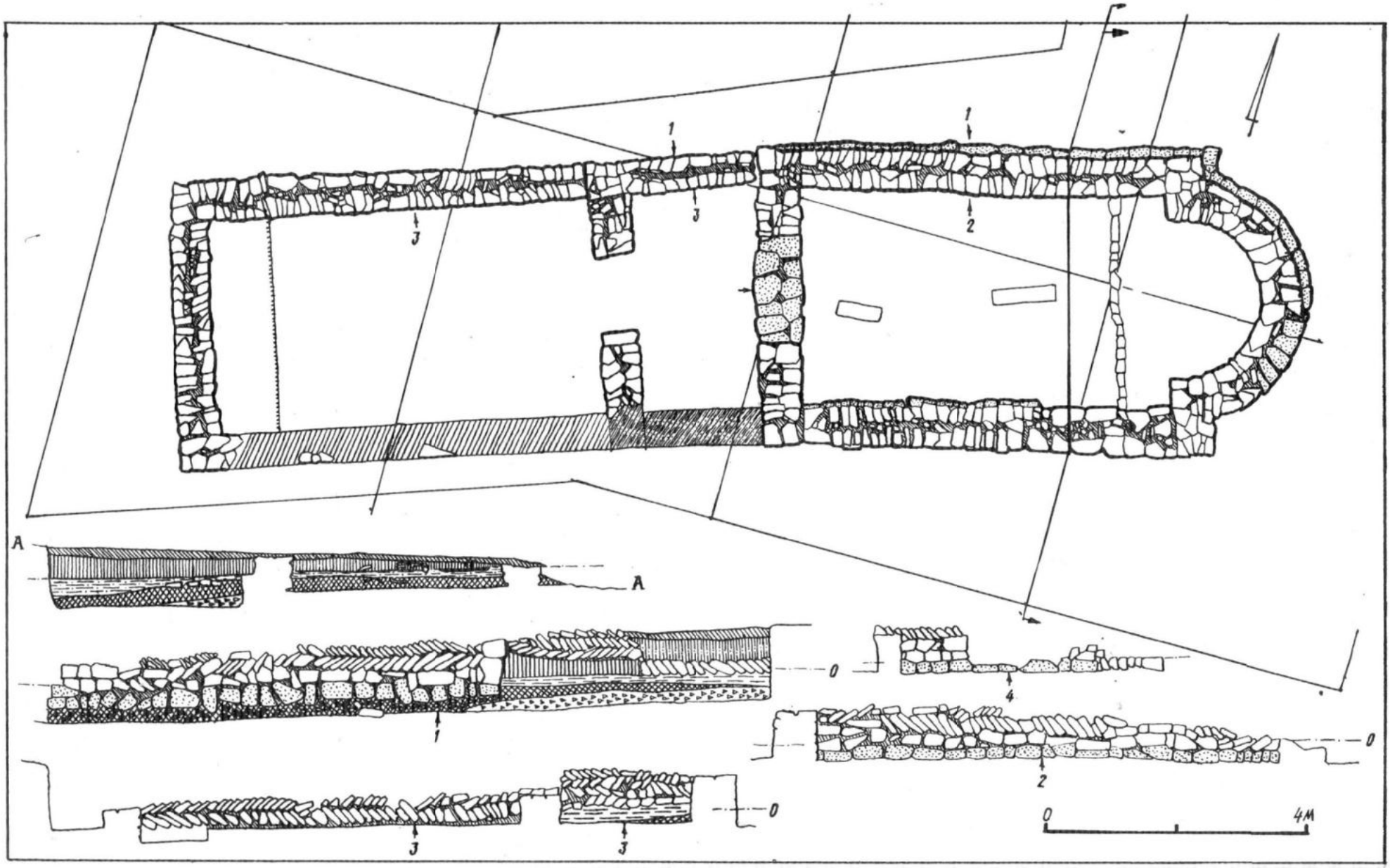

1
1
2
3
3
A
A
0
4
1
0
2
0
3
3
0
4M

Рис. 52. Храм VIII, IX–X вв. на холме Кордон-Оба.

I – реконструкция стен жилища первой половины IX в.; II – реконструкция стен притвора храма IX–X вв.; III – кладки стен византийского храма первой половины VIII в.; IV – слой, насыщенный обломками черепицы и камня; V – продолжение того же слоя за пределами храма; VI – стирильная прослойка; VII – слой, насыщенный известковым раствором; VIII – материковый суглинок; IX – щебень и гравий; X – прослойки углей и гари; XI – дерновый слой.

камней известняка на известковом растворе в форме полуэллипсоидной абсиды: при расстоянии между плечами 2,4 м она вытянута в глубину на 1,6 м. Размер византийского храма 7,4 х 3,2 м (рис. 52, III). Ранний храм возведен на фундаменте, от которого сохранился один ряд кладки.

Византийская церковь сгорела во второй половине VIII в. и первоначально была разобрана салтовцами на камень почти до основания. Они полностью уничтожили легко доступную южную стену и примыкавшую к ней часть абсиды. Северная и западная стены частично уцелели благодаря тому, что находились в верхней части склона и имели более глубокий фундамент. Камень с византийской базилики, вероятнее всего, пошел на строительство салтовского жилища в 2,0 м от его западной стены, которое существовало короткий срок и разрушено не позднее середины IX в. при реконструкции церкви. Салтовский храм в основном повторил контуры византийской постройки, однако их планы совпали не полностью (рис. 52). Северная стена храма второй половины IX в. оказалась на 0,3 м короче стены VIII в., а оси построек разошлись на 20°. Наиболее заметна перестройка в абсиде: использовав древнее основание у северного плеча храма, салтовцы заново отстроили всю ее южную часть. При этом к большим известняковым глыбам, уложенным "ложком" и скрепленных известковым раствором, они пристроили кладку "в елку", сложенную насухо. Кроме того, в стыках стен салтовского храма, как и в жилищах Кордон-Обы, отсутствует перевязь.

На первом этапе существования салтовский храм был однонефным без нартекса и притвора. Несколько позднее (археологический материал не дает возможности определить точнее) к его торцовой стене с дверным проемом пристроили притвор. От последнего уцелели две стены полностью (северная – 2,4 и западная – 3,2 м) и несколько камней кладки от третьей. Вход в притвор также находился в западной стене.

Храм Кордон-Обы легко реконструируется. Его крыша была двускатной: на полу храма найдена обуглившаяся коньковая балка диаметром около 0,2 м. Обнаруженные здесь же целые черепицы свидетельствуют, что крыша покрывалась обычным для византийских построек способом: две положенные рядом черепицы-керамиды перекрывались калиптером. Размеры керамид: 0,42 х 0,23 м, 0,42 х 0,28, 0,39 х 0,29 и 0,41 х 0,25 м; калиптеров – 0,42 х 0,12 и 0,39 х 0,13 м. Керамиды имеют одну и ту же метку – монограмму Христа, выполненную в технике граффито по обожженной глине. Аналогичные метки, нанесенные в рельефе по сырой глине, ставились на черепицах, предназначенных для покрытия византийских храмов Таврики [430, с. 91–92]. Типологическая близость всех меток на керамидах Кордон-Обы позволяет предполагать, что изготовлены они специально для перекрытия этого храма. При этом значительно меньшие, чем обычные византийские, размеры черепиц, а также манера нанесения меток, совершенно не характерная для византийских черепиц, позволяют утверждать, что вся партия черепицы изготовлена местным гончаром.

Благодаря тому, что церковь не восстанавливалась после повторного разрушения в X в., ее интерьер реконструируется довольно полно. Пол храма, глинобитный и неровный, не хранит никаких следов вымостки. Стены его не штукатурились. В 0,7 м от плечей в алтарной части возвышалась небольшая стена, сложенная в один ряд "в елку". Она служила основанием для деревянного помоста – алтарного возвышения, – от которого сохранилась древесная труха и скопления углей. Никаких следов престольного камня в алтаре не обнаружено.

Остается неясным устройство конхи. Отсутствие клинчатых камней, применявшихся при сооружении сводов, позволяет отвергнуть возможность арочных конструкций как в конхе, так и в нефе храма. Скорее всего сооружение сводов оказалось технически недоступным протоболгарам, и абсида была сложена не полусферой, а плоским

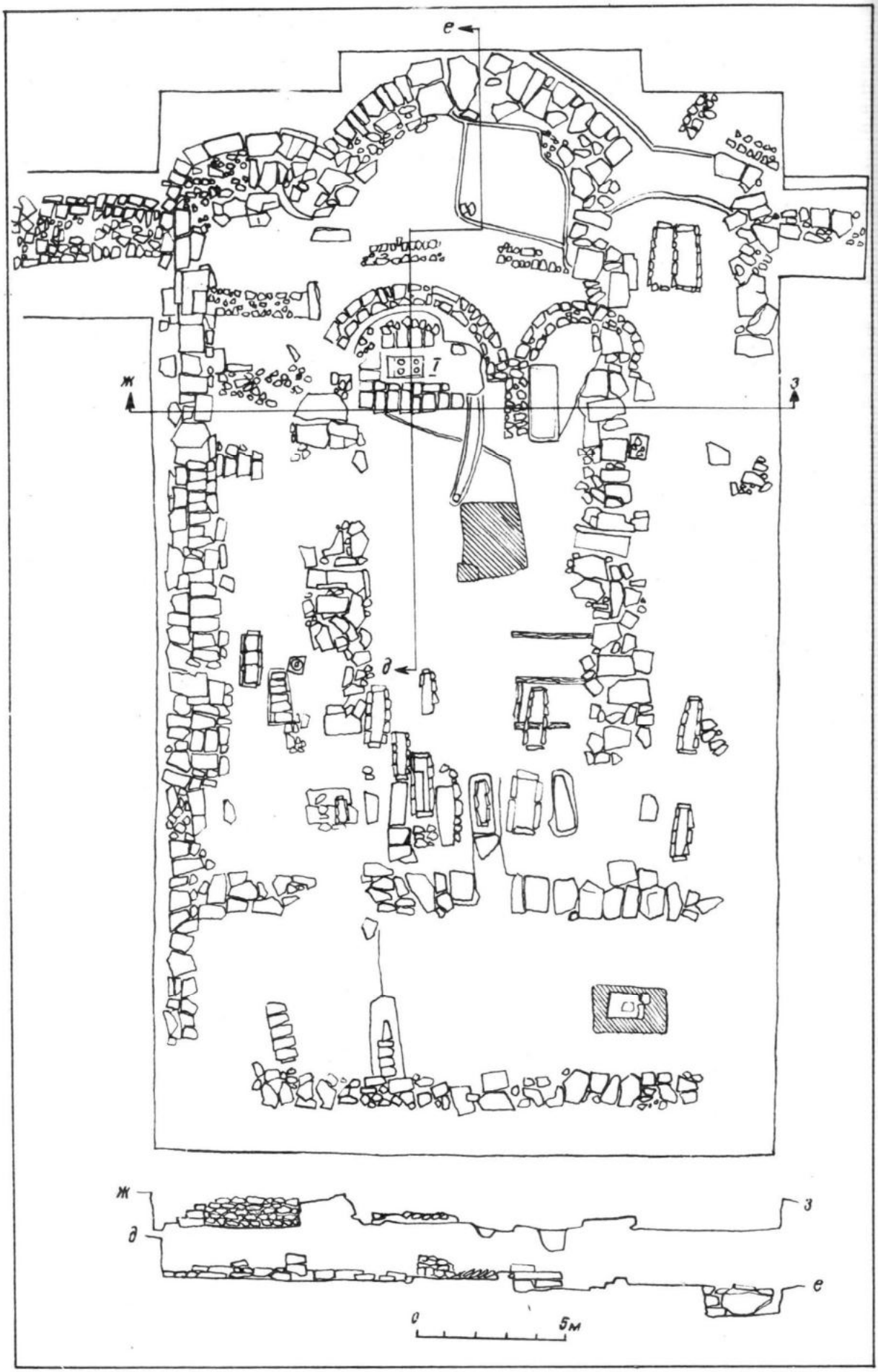


Рис. 53. Большой храм на холме Тепсень.

перекрытием. Последнее могло достигаться плитками обычного песчанника или сланца при укладке внапуск одна на другую.

Еще одна особенность храма Кордон-Обы – полное отсутствие могил как внутри, так и снаружи храма. Последнее совершенно не характерно ни для византийско-малоазийских, ни для крымско-византийских церквей этого времени.

Салтовский храм на Кордон-Обе погиб в результате сильного пожара: обгорела, как сказано выше, коньковая балка постройки, прокалился докрасна глинобитный пол, а черепица, перекрывавшая неф и притвор, перекалилась и деформировалась. В слое углей и гари на полу найдены обломки белоглиняной тарелки с пятнисто-зеленой кроющей поливой, позволяющие определить время пожара не позднее конца X в.

Аналогичный кордон-обинскому салтовский храм Тепсеня раскопал в 1953 г. В.П.Бабенчиков [9, рис. 2; 431, с. 243, рис. 56]. Он сложен из сырцового кирпича "в елку" и, по мнению исследователя, имел фахверковую конструкцию: сырцовые кирпичи ограничивались со всех углов стен деревянными конструкциями, от которых сохранились остатки балок (рис. 53). Сырцовые кирпичи хорошо сохранились лишь в абсидной части храма, где на них уцелели остатки штукатурки (рис. 54). Пол сырцового храма был вымощен плитами известняка размерами от 0,7 х 0,45 до 0,45 х 0,45 м, взятыми, вероятно, из вымостки пола византийской Большой базилики (рис. 54). В центре абсиды на полу стояла большая плита (0,9 х 0,75 м) с четырьмя отверстиями диаметром 0,2 м, являвшаяся основанием престола [9, с. 104]. Размеры всей вымостки пола 3,0 х 3,5 м. Первая публикация материалов раскопок этого храма в 1958 г. была неполной: совершенно отсутствовали разрезы храмов, обмеры их фасадов и стратиграфические чертежи [9, рис. 4]. Неполнота данных привела автора к ошибочному утверждению, что сырцовый храм предшествовал Большому [9, с. 101–106]. Это предположение полностью отвергается данными разрезов (рис. 53): основание сырцовой абсиды возвышается над разобранной в древности стеной трехнефной Большой базилики. Особенно отчетливо это заметно на фотографии, где под сырцовой стеной по всей площади раскопа прослеживается мощный слой углей и гари темного цвета, перекрывающий более ранние кладки каменной абсиды Большого храма. Кроме того, на полу Большого храма не уцелело ни одной плиты вымостки, в то время как в храме с сырцовыми стенами такие плиты сохранились. В пользу нашей периодизации тепсеньских храмов может свидетельствовать тот факт, что нижние балки фахверковой конструкции сырцового храма находятся несколько выше основания разобранной стены южного нефа Большого храма, перекрывая при этом плитовую могилу византийского горизонта (рис. 53). Относительная периодизация могил в храме также однозначна: плитовую могилу № 12 перекрывала протоболгарская грунтовая могила № 11. Не вызывает сомнений и абсолютная хронология могил обоих типов: плитовые датируются византийскими солидами Льва Исавра и Константина Копронима первой половины VIII в., грунтовые – золотыми арабскими динарами не ранее второй половины VIII в. [9, с. 114, № 13, 14, 16].

Храм в с.Поворотное, раскопанный А.И.Романчук в 1974 г. [429, с. 10–19], как и два предыдущих салтово-маяцких храма, сложен насухо "в елку" (рис. 55). Он перекрывает северный неф большой византийской трехнефной базилики VIII в. [429, с. 18]. Время гибели последней устанавливается на основании амфор с зональным рифлением VIII–IX вв. и высокогорлых кувшинов середины IX–X вв. [429, с. 21], т.е. ранний храм в Поворотном погиб не позднее середины IX в. Небольшой однонефный базиликальный храм "в елку" возведен на фундаментах византийской постройки, что указывает на незначительную разницу во времени между гибелью одного и строительством другого. Время гибели позднего храма трактуется неоднозначно. Датировка, предложенная А.И.Романчук, на основании находки тарелки XIII–XIV вв. и кухонного горшка с двумя ручками [429, рис. 9, 10], вызывает сомнение, поскольку подобный ассортимент посуды был бы на месте в хозяйственном помещении жилого дома, а не в церкви, и тем более не у ее алтаря. Наши сомнения подкрепляет и автор раскопок, говоря, что в алтарной части северного нефа была вырублена яма округлых очертаний глубиной 0,8 и диаметром 1,3–1,4 м, т.е. типичная хозяйственная яма [429, с. 21–22].

Салтовский храм у с.Поворотное возведен на фундаменте византийской базилики, т.е. его строительная история та же, что и у тепсеньского и кордон-обинского храмов. Церковь небольших размеров, базиликальной формы. Длина ее от плеча абсиды до за-

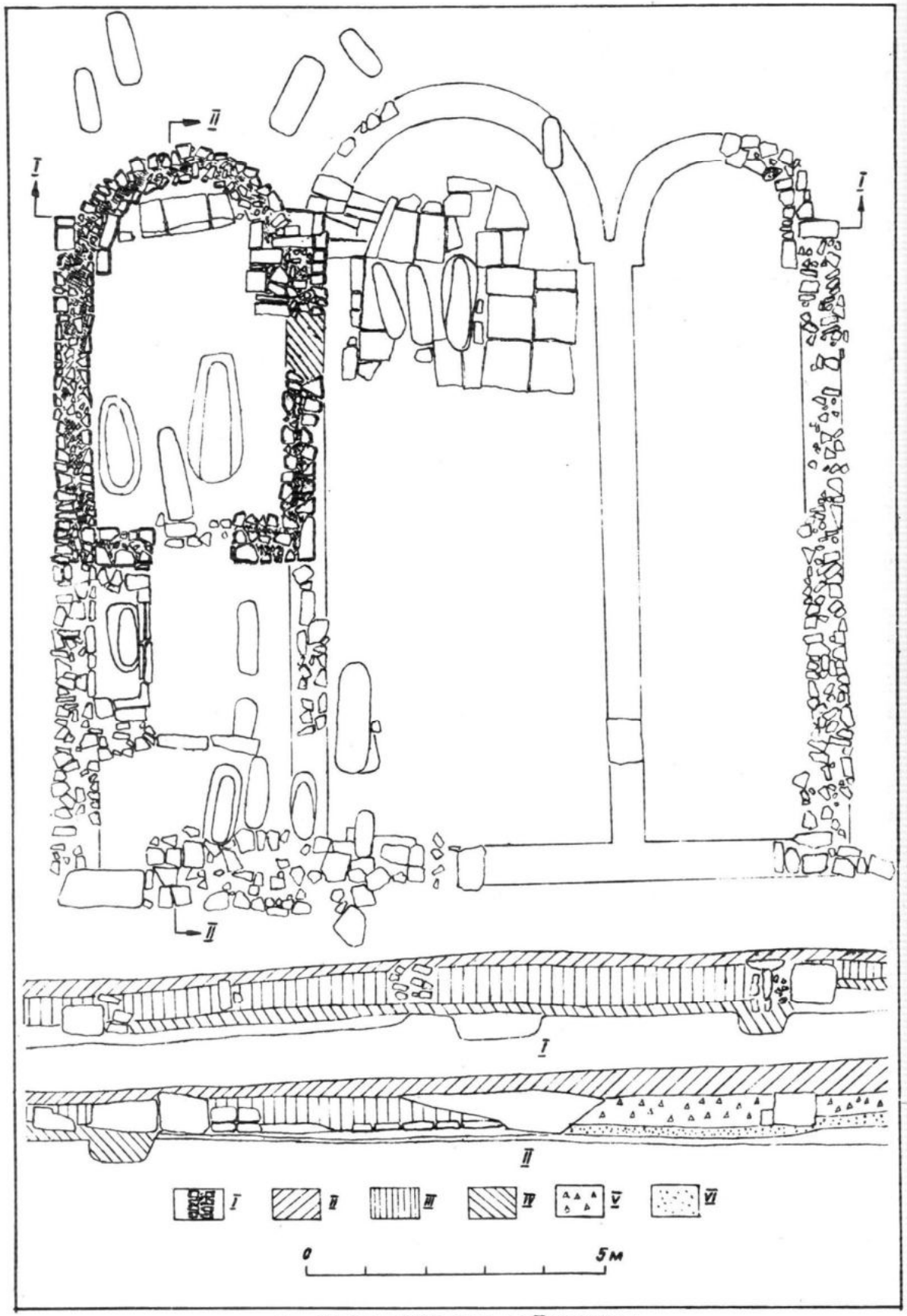


Рис. 55. Храм VIII–X вв. у с.Поворотное.

I – кладка "в елку" салтово-маяцкой церкви IX–X вв.; II – кладка стен византийского храма VIII в.; III – слой разрушения храма "в елку"; IV – строительный мусор времени возведения храма "в елку"; V – слой разрушения византийского храма; VI – строительный мусор времени возведения византийского храма.

падной торцовой стены 5,2 м при толщине стен 0,65–0,75 м. Как и на Кордон-Обе, оси храмов разных периодов не совпали – расхождение составило около 3°, в абсидной части поворотненской церкви была возведена небольшая стена, перегородившая алтарь, а пространство между ней и абсидной забито землей. На этом своеобразном алтарном возвышении установлен четырехгранный столб с плитой алтарного столика. Высота алтаря от уровня пола составляет 0,75 м [429, с. 21].

Завершая обзор салтовских храмов в Крыму, можно констатировать, что если в планировке жилищ прослеживается кочевническая традиция, то при возведении церквей салтовцы полностью заимствовали местный тип постройки. Для сельских поселений раннесредневековой Таврики (VIII–X вв.) характерны небольшие по площади и удлиненные в плане базилики с постропильными крышами и циркульными, реже эллипсоидными, абсидами. Нартекс и атриум, типичные для раннесредневековых церквей Кавказа, Балкан и Византийского Подунавья, в сельских храмах Крыма отсутствуют полностью [432, с. 511]. Наиболее близки к храмам у с.Поворотное и на Кордон-Обе базилика византийского монастыря на скале Панеа в Симеизе, сельский храм в Верхней Массандре, церковь на скале Ильяс-Кая в Ласпи и др. [39, с. 70]. Три аналогичные церкви известны в Судаке и одна – в пос.Лагерное [431, с. 243]. Помимо Крыма, сельские храмы аналогичной архитектуры широко распространены в Сирии, Палестине и Килликийской Армении [433, с. 116–129; 434, с.434–435; 435]. В иконоборческую эпоху этот тип храма вместе с иммигрантами-иконопочитателями мог попасть из Южного Причерноморья в Таврику, а уже здесь проник вместе с христианством в салтово-маяцкую среду. Следует отметить, что обращение хазар в христианство в Таврике некоторые исследователи связывают с миссионерской деятельностью Константина Философа в Хазарии в 861 г. [436, с. 58–65]. Согласно евангельской легенде, во время посольства в Хазарию Константин Философ в районе Фулл встретил народ, который был язычником и поклонялся священному дубу. Дуб срублен Константином после крещения фуллъского народа [437, с. 85–86, § XII]. Как бы то ни было, легенда передает конкретный исторический факт, подтверждаемый другими источниками. Проповедников, подобных Константину, история Таврики знала немало. Не все их имена сохранили византийские хроники и агеографическая литература. До нас дошли лишь их деяния: деятельность отдельных миссионеров, направляемая церковью и государством, завершилась созданием в X в. епархии Ходзиров, которую Э.Арвейлер идентифицирует с епархией Хазария [436, с. 61–62] и Г.Вернадский локализует в Восточной Таврике и Приазовье с центром в Фуллах [438, с. 69]. Несколько позже епархия Хотциров переименована в Фуллъскую. Ее центр – крепость Фуллы – В.А.Мошин, Ю.А.Кулаковский, В.Г.Васильевский и другие локализуют в Юго-Восточном Крыму [147, с. 199–218].

4. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

Мы рассмотрели погребальные обычаи и обряды некоторых могильников Крымской Хазарии, оставленных кочевым и полукочевым населением предсалтовского и салтовского этапов. Традиционно они объединяются в собирательное имя ранних тюрков. Между тем если культурная принадлежность этого населения не вызывает особых разногласий у большинства исследователей, то в определении его этнического состава и имени носителей культуры на каждом из этапов ее сложения существуют спорные моменты.

Так, Э.Арвейлер, анализируя сведения о военных мероприятиях местного населения против Византии в середине IX в., содержащиеся в письмах патриарха Фотия, в "Житиях" патриарха Игнатия, принадлежащих перу Никиты Пафлагонского, в рассказе Продолжателя Феофана, в хронике Кедрина, Зонары, Иоанна Антиохийского и Брюсельского Анонима, пришла к вполне обоснованному выводу, что исходным рубежом походов был "район Тавра Скифского... который в это время начал обозначаться как Хазария" [437, с. 50–52, 56]. Его население она отождествила с этническими хазарами, но исключила из круга проблем вопрос об их культурной принадлежности [437, с. 58–59]. Близкой точки зрения придерживался и Д.Л.Талис, взяв за основу гипотезу Д.Т.Березовца об имени носителей салтово-маяцкой культуры в Подонье [439, с. 229–234; 440, с. 59–74].

В пользу тюркско-приазовского происхождения населения Таврики в хазарскую эпоху выступает А.В.Гадло [8, с. 56–65]. Его аргументацию частично поддержал А.Л.Якобсон [441, с. 231–238]. Оба исследователя полагали, что носители салтово-маяцкой культуры пришли в Таврику из Приазовья и, смешавшись с местным византинизированным населением, создали новый локальный вариант этой культуры. По их мнению, а оно вполне обоснованно для второй половины VII – первой половины VIII в., основные этнические группы салтовцев до появления в Таврике входили в состав оногурского объединения в Приазовье. А.Л.Якобсон определяет эти племена как прабулгарские [441, с. 137–138], а А.В.Гадло более осторожно называет их так же, как и византийские хронисты, хотцирами – кочевниками [8, с. 63].

Казалось бы, во взглядах А.Л.Якобсона и А.В.Гадло существует противоречие. Однако, по нашему мнению, правомерны обе точки зрения: А.Л.Якобсона при оценке тюркского этноса первой миграционной "волны" (тем более, что он рассматривал этот этноним как условный, без какого-либо конкретного этнического содержания), а А.В.Гадло – второй. А.Л.Якобсон исходил из предположения, что салтовская культура сложилась в Подонье и Приазовье и, судя по раскопанным им в Байдарской долине грунтовым могильникам, не могла быть принесена никем, кроме кочевых тюрок. Появление последних в Крыму он связал с вторжением хазар. Мы полностью поддерживаем А.Л.Якобсона, если речь идет о салтовцах первого периода. Они находят подтверждение в материалах раскопок погребений второй половины VII – первой половины VIII в. Для них, как сказано выше, были характерны трупоположение на спине, восточная ориентация погребений и ритуальное расчленение скелетов. Ближайшие аналоги этому обряду можно найти в Нетайловском могильнике на Северском Донце и в некрополях типа "Нови Пазар" на Дунае. Последние, как принято считать, оставлены народом В-н-н-тр или н-др, который, будучи разгромленным хазарами, не подчинился им, а бежал из Приазовья [228, с. 92; 442, с. 1–49]. Византийские хронисты называют этот народ оногурами и связывают его появление в Северо-Западном Причерноморье с распадом приазовской конфедерации после смерти кагана Кубрата [40, с. 172]. Г.Моравчик считает их выходцами из Оногурии, которую он помещает в Восточном Приазовье [443, с. 71], т.е. в районе сложения приазовского варианта салтово-маяцкой культуры. Можно предположить, что из состава одной из оногурских кочевых орд, разгромленной и преследуемой хазарами, отделилась небольшая группа, кочевавшая в южной части Восточного Приазовья и в Степной Таврике. По неизвестным нам причинам они не смогли соединиться с остальной частью племени и оказались отрезанными в Крыму. Именно они, как мы уже неоднократно говорили, и принесли с собой в Таврику основные элементы салтово-маяцкой культуры. Оседая в непосредственной близости от провинциально-византийских городов Южной Таврики, салтовцы этой группы быстро ассимилировались местным населением. Ко второй половине VIII в. эти тюрки сохраняли культурную индивидуальность лишь в слабозаселенных глубинных районах Центральной Таврики (Тау-Кипчак, Меловое, Ак-Кая и др.), а также на Боспоре (Героевское, Пташкино), захваченном у Византии хазарами. В зоне непосредственного контакта оногур с местным византинизированным населением (район междуречья Альмы и Бодрака) они растворились в местной среде, впитав в себя более высокую провинциально-византийскую культуру и окрасив ее, в свою очередь, тюркскими влияниями. Подобный процесс характерен для малочисленных этнических групп, которые находились если не в дружественных, то, по крайней мере, в мирных добрососедских отношениях с местным населением.

Салтовцы второй миграционной "волны" несколько отличались в этническом отношении от первой группы. На это прежде всего указывают другая (западная с сезонными отклонениями) ориентация погребений и некоторые детали погребального обряда и инвентаря. Конструктивные же особенности могил этой группы, в свою очередь, могут свидетельствовать об их этнической неоднородности. Красноречивая картина этой пестроты вырисовывается при сравнении типов могил грунтовых некрополей Тепсеня и Кордон-Обы (табл. 10).

Три типа погребальных сооружений, приведенные в табл. 10, не были известны в Таврике в дохазарский период. При этом погребения в простых грунтовых ямах (правда, с восточной ориентацией) мы встречали, анализируя погребальный обряд салтово-маяцких могильников первой группы. Два других типа отмечаются в Таврике исключи-

тельно в могильниках поселений второй половины VIII–X в. Судя по датировке погребального инвентаря и положению могил в рядах на некрополях, все три типа погребальных сооружений сосуществовали как на Кордон-Обе, так и на Тепсене, что может свидетельствовать о неоднородности носителей салтово-маяцкой культуры в Крыму в это время. Подобная картина наблюдается в обряде и инвентаре некрополей Судакской долины, Героевки, Тиритаки, Боспора, Бахчисарая, "Чайки" и др.

Таблица 10. **Сравнительная характеристика грунтовых могил в некрополях второй половины VIII–X в.**

Тип могилы	Состав могил в некрополях, %	
	Тепсень	Кордон-Оба
Простые грунтовые ямы	50	32
Могилы с заплечиками, перекрытые досками	28	44
Погребения в деревянных ящиках	22	13

Перечисленные признаки подтверждают сомнения А.В.Гадло относительно этнического определения салтовцев второй половины VIII–X в. в Таврике исключительно как тюрок, родственных оногурам Аспаруха. Тогда возникает вопрос: кто же они в этническом отношении и откуда пришли на Крымский полуостров? Для его решения важную роль играет сравнительный анализ погребальных сооружений, не характерных для Приазовья и дунайских могильников типа "Нови Пазар". К ним прежде всего следует отнести могилы с заплечиками, перекрытые досками, а также погребения в деревянных ящиках-гробовинах.

Оба типа могил характеризуются применением дерева. Они составляли в салтовских некрополях Таврики более 50 % всех погребений. Отметим, что большинство грунтовых могильников второй половины VIII–X в. расположены в бедных лесом, а то и совсем безлесых районах Крымского п-ова. Основным строительным материалом в этих местах был камень; он применялся и при сооружении могил как в византийских, так и в местных некрополях. Однако камень в грунтовых могилах второго периода почти не использовался. Более того, сила традиции оказалась столь велика, что твердые породы дерева для гробовищ и перекрытий (например, древовидный можжевельник) везли за десятки километров из Юго-Западной Таврики. Подобный обычай мог сложиться только в районах, богатых лесом, но никак не в Донских и Приазовских степях или на Керченском п-ове; не подходит сюда и совершенно безлесое восточное побережье Таврики. По этим показателям грунтовые могильники Таврики второй половины VIII–X вв. близки к могильникам Поволжья и Южного Приуралья.

Среди тюрко-булгарских могильников Восточной и Юго-Восточной Европы наиболее высокий процент могил с деревом отмечается в некрополях Поволжья. В Больше-Тарханском могильнике только могилы с заплечиками, перекрытые досками, составляли около 30 % [37, с. 8–12], что близко к содержанию подобных могил в Таврике. Приблизительно совпадают и отдельные показатели: количественное соотношение простых грунтовых ям и погребений в гробовинах, наличие групповых погребений, их ориентация, положение скелетов, наличие подсыпки и пр. Аналогичная картина наблюдалась в других булгарских могильниках Средней Волги [37, с. 72–89].

Не вызывает сомнений и происхождение могил с гробовинами и заплечиками. Их появление в раннеболгарских некрополях Поволжья В.Ф.Генинг связывает с инфильтрацией в тюрко-булгарскую среду тюрок и финно-угров Урала и Южной Сибири [37, с. 131–135]. Проникновение сибирских племен в Западное Приуралье и Поволжье носило, по его мнению, массовый характер и началось за пять столетий до появления в Поволжье приазовских тюрок [37, с. 131–175; 444, с. 23–47; 445, с. 111–129]. Из тех же районов, возможно, происходит и второй тип могилы – грунтовая яма с установленным в ней ящиком-гробовиной. Задолго до появления таких могил у булгар Поволжья они были широко распространены в Поволжье и Приуралье в могильниках бахмутинского, тураевского и харинского типов, датирующихся не позднее VII в. и связывающихся, опять-таки с финно-угорскими и тюркскими племенами [446, с. 12, 30; 447, с. 224–225, табл. 2; 448, с. 55–108, рис. 4, *7, 12, 14, 20*; 449, с. 164–171; 450, с. 58–131]. Е.А.Халикова считает обряд захоронения в деревянной гробовине без дна специфическим для угров Волги и Камы, откуда он был занесен на территорию Паннонии и в Карпато-Дунайский бассейн [451, с. 154].

Могильники Прикарпатья, Поволжья и Таврики сближаются между собой и по другим характерным признакам: относительно длинными (до 2,5 м) грунтовыми могилами с устойчивой западной ориентацией погребенных, сопровождением умерших украшениями и отдельными предметами вооружения, использованием кожанных подстилок и подсыпки и, наконец, захоронением в ряде случаев вместе с умершими расчлененных остатков коня. На подобное совпадение обрядов в свое время обращали внимание В.Аренд и Н.Феттих [2, с. 74; 452, с. 175]. Наиболее четкие параллели прослеживаются в обряде погребений воинов-всадников и деталях украшений женского этнографического костюма. Напомним, что такие погребения раскопаны на Тепсене и Тамани, а И.Эрдели показал взаимосвязь последнего с венгерскими воинскими погребениями в Паннонии [420, с. 5]. Несомненная близость прослеживается и в женском костюме. Так, А.А.Миллер в районе Таманского городища изучил погребение в удлиненной яме, ориентированной на запад. Слева в изголовье погребенной стоял серолощеный кувшин и лежали кости лошади, на груди лежала медная подвеска с обращенными в разные стороны конскими головками, а на поясе – два железных ножа в одних деревянных ножнах. Во рту погребенной находился солид Константина V (741–775 гг.), который и датирует погребение [13, с. 67–68]. Аналогичная подвеска обнаружена М.Я.Чорефом в грунтовой могиле у подножия городища Тепе-Кермен в Юго-Западном Крыму. Коньковые подвески – наиболее характерные украшения женского костюма в Прикамье и Приуралье; за исключением Таврики и Тамани на территории Европы вне Волго-Уральского региона они не известны. По мнению Л.С.Грибовой, такие подвески отражали родовую принадлежность, являясь тотемом рода [453, с. 75]. Известны в Крыму и коньковые подвески в виде скачущих лошадок, характерные для Волго-Камья. Кроме них в Таврике встречаются другие украшения финно-угорского типа, к которым можно отнести проволочные серьги с колесиком-пронизкой, обнаруженные в салтовских некрополях Тепсеня, Героевки и Кордон-Обы. Ближайшие аналоги им можно найти лишь в комплексах Больше-Тарханского могильника [37, табл. XIV], а также в тюркских и мохэтских древностях Сибири и Дальнего Востока [454, табл. XI, VII]. Серьги такого типа известны и в могильниках древних венгров в Паннонии [455, с. 247, рис. 4]. Там же известны и ближайшие аналоги подвескодержателям из крученной проволоки [456, рис. 7, *13*].

Наиболее убедительно подчеркивают связи Таврики с районами распространения финно-угров поясные наборы. Помимо пряжек и поясной гарнитуры с прорезными пальметтами, о которых шла речь выше, с торевтикой того же региона можно связать и поясной бронзовый наконечник из раскопок К.К.Косцюшко-Валюжинича в Херсоне. Наконечник по краю украшен ободком из псевдозерни; в центре – изображение безбородого скуластого мужского лица с раскосыми большими глазами [рис. 56, 18]. На голове – высокая, скорее всего фетровая или войлочная, шапка с закругленным верхом. Подобные шапки встречались в Крыму у потомков хазар в XIX в. и являлись принадлежностью этнографического костюма. Портрет выполнен с нарочито подчеркнутой монголоидностью. Типологически бляшка может датироваться VIII–IX вв. Прямого аналога портрету на наконечнике из Херсонеса мы не знаем. Наиболее близок ему наконечник с изображением фигуры стоящего тюрка из Ишимбаевского кургана.

К категории волго-уральских поясных украшений можно отнести еще два типа наборов. Первый представлен пятью прямоугольными бляхами, служившими для подвешивания вспомогательных ремней к основному поясу (рис. 56, *1–4*), и подковообразной бляшкой, которая держала язычек пряжки (рис. 56, *5*). Эти предметы, найденные на полу эски-керменского склепа № 181, входили в один поясной набор вместе с пряжкой типа "Бал-Гота" [368, с. 175, рис. 4, *2–6*]. Все бляхи цельнолитые с прямоугольным прорезным щитком и подвижным приемником. По форме они аналогичны бляхам из Деменок и Крюковско-Кужновского могильника, где они обнаружены в комплексах второй половины VIII в. Поясные наборы другого типа представлены луновидной бляшкой и двухчастными бляшками без орнамента, а также бляшками в виде трех соединенных между собой полусфер (рис. 56, *6–9, 11*). Поясная гарнитура обнаружена в Крыму в склепах № 291 и 325 Скалистинского могильника [368, рис. 7, *7, 8, 19*]. Женское украшение в виде пластины с полусферами и псевдозернью отливалось в салтовской ювелирной мастерской Солхата (рис. 56, *13*). Ближайшие аналоги луновидной бляшке найдены в Неволинском могильнике в комплексе первой половины VIII в.

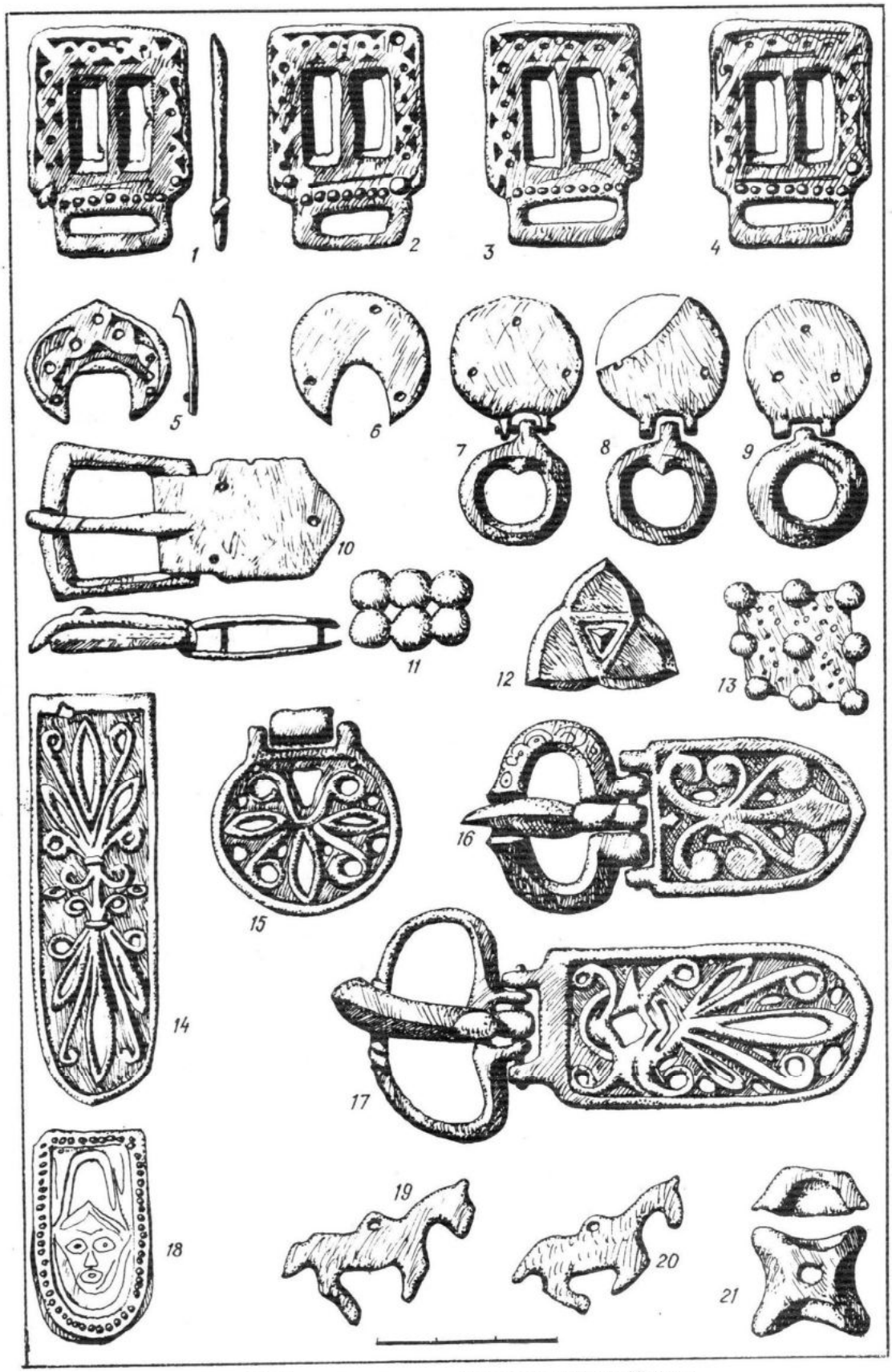


Рис. 56. Торевтика урало-сибирского круга в Крыму.

(могила № 48); в том же кругу памятников есть аналоги остальным деталям поясных наборов этого типа. Появление украшений волго-уральского и сибирского типов в Таврике мы связываем с миграцией в VIII в. этнических групп с европейского северо-востока [38, с. 7–14]. Эту точку зрения поддержал А.И.Айбабин, который впервые систематизировал и хронологизировал поясные наборы волго-уральского типа в Крыму [368, с. 184].

Особую группу археологического материала, уходящую корнями в финно-угорскую и тюрко-сибирскую пластику, составляют каменные и бронзовые изваяния. Прежде всего это скульптурное тюркское надгробие-стела из кургана у с.Донское Симферопольского р-на (рис. 57). Каменная плита стояла на вершине кургана. На ней в технике невысокого рельефа изображен воин-всадник с копьем и бунчуком в одной руке и чашей – в другой. Чаша с округлым корпусом, высоким прямым горлом и вертикально профилированным поддоном. Типологически близкие сосуды из золота и серебра были распространены на Алтае и в Минусинской котловине в VII–XII вв. По мнению В.Д.Кубарева, их форма восходит к традиционным алтайским образцам. Такая же посуда характерна и для Сибири, где встречается с орхоно-енисейскими надписями в комплексах VII–VIII вв. Тип изваяния нередок у тюрок VII–VIII вв. в тех же районах, однако в Северном Причерноморье такие надгробия до сих пор не известны.

Кроме надгробия из Донского, в Таврике найдены четыре бронзовых изваяния, три из которых обнаружены в разное время в Херсонесе, а одно беспаспортное – из коллекции Воронцовых – хранится в Одесском археологическом музее.

Одно изваяние высотой 13 см найдено в 1891 г., хранится в Государственном Историческом музее. Статуэтка отлита в технике восковой модели и подправлена резцом. Она представляет собой скорее всего шамана в момент ритуальной пляски и предназначалась для подвешивания. Отсутствие в скульптуре рук и ног (они заменены какими-то обрубками) позволяет видеть в ней шаманское изображение духа типа харги, известного в шаманизме эвенков. Интересна иконография головы: лицо округлое, нарочито грубое с подчеркнутым изображением орлиного носа, выпуклых круглых глаз и толстых губ, на короткой шее изображена гривна, а на голове – мягкая островерхая шапка, напоминающая шапку с наконечника из Херсонеса или головные уборы каменных изваяний Алтая и Сибири [460, рис. 3]. На затылке из-под шапки выпущена толстая коса, рельефное плетение которой обозначено косыми насечками. Торс фигуры обнажен, или облачен в облегающую одежду, а от пояса до колен – широкие одежды, напоминающие нижнюю часть кафтана с распахнутыми полами, между которыми подчеркнуто обозначен фаля.

По мнению Н.В.Пятышевой, антропологический тип, одежда и прическа изваяния приближаются к племенам тунгусо-манчжурской группы. Типологически она сближает ее с гуннами или сибирскими тюрками эпохи раннего средневековья.

Другое изваяние – из раскопок К.К.Косцюшко-Валюжинича – находится в экспозиции Одесского археологического музея (рис. 58, *8*). Оно отлито в той же технике, что и первое. Размеры фигурки 11,5 х 2,5 см, ширина в изголовье 3,2 см, а у основания – 1,0 см. Изваяние служило навершием посоха, являющегося, скорее всего, шаманским жезлом: с его тыльной стороны находится втулка для крепления деревянной части жезла. Фигурка представляет собой стилизованное изображение человека в полный рост с сомкнутыми ногами и прижатыми к туловищу руками, кисти которых прижимают к животу два небольших непонятных предмета. Утрированно-круглая голова посажена на короткую толстую шею, которую украшает массивная гривна. На голове небольшая коническая шапочка, напоминающая кушанский шлем на скульптуре из Таксилы. В лице прослеживаются признаки монголоидности: большие раскосые глаза и нос с широко поставленными ноздрями. Как и у предыдущей фигурки, в изваянии реалистично проработаны мужские половые органы.

Третья фигурка также найдена К.К.Косцюшко-Валюжиничем в 1903 г. Изваяние не сохранилось. По описанию автора, это "бронзовая женская фигурка, крайне уродливая, с коротко обрезанными руками и ногами, 14 см высотой, полая наподобие маски, с головным украшением в виде остроконечной шапки 3 см высотой". А.А.Спицин отнес эту фигурку к памятникам сибирского круга и связал ее появление в Херсонесе с кочевниками.

Список параллелей можно продолжить и за счет сходства антропологического материала в некрополях Таврики, Северо-Восточной Европы и Карпат. Напомним, что К.Ф.Соколова и Ю.Д.Беневоленская отмечали факт различной антропологической принадлежности мужского и женского населения Тепсеня, Судака и Байдарской долины: мужские черепа принадлежали тюркам, близким антропологически к носителям салтово-маяцкой культуры в Приазовье, Подонье, а также кочевым тюркам Букеевской степи; женские – местному населению. Аналогичная картина наблюдается и в этничес-

ких процессах Карпатского бассейна: мужские черепа принадлежали венграм-завоевателям, женские – аборигенам. И.Диенеш объясняет это тем, что по пути в Карпаты венгерские отряды понесли большие потери в столкновениях с кутригурами Прикарпатья и печенегами, утратив обозы с женами и детьми. Последнее привело к тому, что первые набеги венгров в Паннонии преследовали одну цель – захват женщин в жены [40, с. 348].

Наличие волго-уральского этнического компонента в раннесредневековом Крыму подтверждается и данными топонимики. М.П.Сосногорова отмечает связь между названиями некоторых крымских деревень с топонимами Приуралья в районах расселения чуди. К топонимам уральского происхождения она относит названия сел Тейли, Кайту, Каледа, Бага и др. В.Н.Юргевич, анализируя несколько десятков других топонимов, в том числе Алмазы, Копан, Дорте, Монай и др., пришел к выводу об их угорском происхождении и несомненных связях с Паннонией. То же происхождение, по мнению А.Н.Маркевича, имело название хазарской крепости Фуллы и сел Сюйрен и Шуры.

Приведенные материалы позволяют предположить, что тюрко-булгары второй миграционной "волны" пришли в Таврику, вероятнее всего, из Поволжья. Об их этническом составе можно судить по типам могил в грунтовых некрополях Таврики. Так, около 50 % погребений (см. табл. 10) совершено в простых грунтовых ямах, обряд погребения в которых большинство исследователей связывает с приазовскими тюрками, входившими ранее в состав гуннской орды. Однако западная ориентация могил второй половины VIII–X в. не позволяет нам считать этих тюрок оногурами – для последних была характерна исключительно восточная ориентация. Исходя из сообщений письменных источников и анализа погребального обряда, В.Ф.Генинг убедительно показал, что на Среднюю Волгу и Каму во второй половине VII в. могли переселиться только кутригуры или котраги, кочевавшие в момент удара хазар на северной окраине Великой Булгарии. Эти кутригуры, избежавшие прямого удара хазар и сохранившие свою военно-племенную организацию, подчинили и частично ассимилировали тюркские и финно-угорские племена Поволжья и Прикамья [357, с. 48–49]. Они оказались во главе нового тюркского объединения, дав ему свое имя. В письменных источниках не указываются причины их частичной откочевки с Поволжья обратно в степи Северного Причерноморья и Таврики. Отголосок этой миграции содержится лишь в "Римской истории" Никифора Григоры: "Булгары с женами и детьми пришли от Волги, от которой они получили свое название, перешли Истр в громадном числе и распространились по обеим Мезиям" [469, с. 25]. Вероятнее всего, тюрки Поволжья в первой половине VIII в. были вовлечены в широкую по масштабам миграцию тюркских и угорских племен, известную в литературе как вторичная миграция тюрок Евразии [408, с. 180, 184; 415, с. 448–453]. Именно в это время отмечается массовый уход населения из долины р.Белой и степей Южного Приуралья. Таким образом, эта многочисленная волна кочевников была очень пестрой в этническом отношении. Вполне вероятно, что в нее входили и отдельные отряды угров, засвидетельствованные в IX в. в степях Приазовья и Крыму [437, § 12]. Эти народы, вовлеченные во вторичную миграцию тюрок Евразии, существенно изменили этническую обстановку на Крымском п-ове.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многочисленные и разнообразные археологические памятники, изучавшиеся в сочетании с письменными источниками, позволяют воссоздать историю Крымской Хазарии и впервые заполнить многочисленные лакуны в "темных веках" Крымского средневековья.

Древнейшие упоминания об оногурах, кутригурах и родственных им тюркоязычных племенах, ранее входивших в гуннский союз, относятся ко времени не ранее середины V в. и связаны с событиями второго этапа Великого переселения народов (Иордан, Прокопий Кессарийский, Агафий, Иоанн Малала и др.). Все они кочевали в степях Северного и Восточного Приазовья, используя крымские степи лишь в качестве кратковременных сезонных пастбищ [81, с. 61–64]. Именно в Приазовье в начале VII в. в результате консолидации раннетюркских племен и возникает первое на Юге нашей страны раннефеодальное государственное объединение, вошедшее в историю под именем Оногурского государства. Юго-западную границу конфедерации в этот период составляли степи и предгорья Крымского п-ова, которые использовались тюрками лишь в период весенней кольцевой перекочевки вдоль побережья Азовского моря. Их зимники находились в низовьях Дона, на Северском Донце, Северном Кавказе и в Восточном Приазовье близ Таматархи и Фанагории. Последняя стала столицей нового объединения. Именно в этих районах в зоне контактов с аланами-земледельцами начала формироваться салтово-маяцкая культура. Зародившись за пределами Крымского п-ова, она проникла в Таврику в ходе миграций ранних тюрок из Приазовья не ранее середины VII в.

Судя по погребальным обрядам (прежде всего восточной ориентации могил и однотипному инвентарю), кочевые тюрки крымских степей в VII в. составляли часть большого северопричерноморского родственного этнического массива. Аналогичные погребения были распространены, помимо Таврики, в степях юга Херсонщины, Днепропетровщины, Запорожья, Северного и Восточного Приазовья. Картографирование этих памятников позволяет наметить границы раннетюркской конфедерации и отождествить крымских тюрок середины – второй половины VII в. с оногурами. Если исходить из распространения могил с восточной ориентацией, Оногурия эпохи Кубрата занимала обширную степную территорию, ограниченную с востока Ставропольской возвышенностью (Гипийские горы, по Анании Шаракаци) [73, с. 11–113], с юга – побережьем Эвлисии, с юго-запада – горами Крымской Готии и византийскими владениями в округе Херсона, а на северо-западе – левобережьем нижнего течения Днепра. На Днепровском Правобережье аналогичные памятники пока не отмечены. Менее определена северная граница Оногурии: слабая изученность степей между Средним Доном и Днепром не позволяет с уверенностью говорить об этническом и культурном составе кочевников этого района. В качестве рабочей гипотезы можно принять точку зрения В.Ф.Генинга и А.Х.Халикова о заселенности Среднего Дона и Северского Донца котрагами или гунно-кутригурами – племенами, родственными оногурам и входившими в середине VII в. в состав оногурской конфедерации [37, с. 113]. После распада Оногурии около середины VII в. под ударом Хазарского каганата вся территория этого объединения, за исключением Таврики к западу от Боспора Киммерийского, вошла в состав нового хазарского государства. Продвижение хазар за пределы Керченского п-ова во второй половине VII в. было приостановлено дипломатическими усилиями Византии и присутствием ее войск, а также войск их федератов в крепостях Готии и в Херсоне.

О дальнейшей судьбе оногур в Таврике и их взаимоотношениях с хазарами, Византийской империей и местным византинизированным населением Готии можно судить лишь по косвенным данным, и наши рассуждения по данному вопросу носят гипотетический характер.

Картографирование салтово-маяцких памятников второй половины VII – первой половины VIII в. свидетельствует, что тюрки этой группы расселились в центральной части Таврики компактным этнокультурным массивом. Не менее плотно они осели и в юго-западной части Крымского п-ова, издревле заселенного византинизированными и принявшими в VII в. христианство аланскими племенами. Поселения последних находились в зоне контакта с салтово-маяцкими, но как бы отделялись от них границей, проходившей на востоке по р.Альме между селами Почтовое и Скалистое (самая южная точка – Баклинское городище) и на севере – по отрогам Второй горной гряды по линии Бакла, Чуфут-Кале, Кыз-Кермен, Сюйрен, Байдарская долина. Эта территория, по крайней мере в период правления императора Ираклия, находилась под византийским военно-политическим контролем [460, с. 360, 374, карта]. Полное отсутствие салтовских аилов VII в. в глубине Южной Таврики, а также этнокультурная ассимиляция тюрок местным населением в контактной зоне (примером может служить селище под Баклинским городищем) могут свидетельствовать о мирных отношениях между оногурами и византийской администрацией Херсона. Этому предположению соответствует характер оногуро-византийских связей накануне образования Хазарского каганата. Достаточно вспомнить, что в 619 г. в Константинополе крестилась и приняла византийское покровительство племенная верхушка оногур во главе с каганом Орханом, а семь лет спустя установившиеся отношения были закреплены военным договором между императором Ираклием и новым каганом Кубратом, возглавившим оногурскую конфедерацию. Кубрат получил из рук императора титул патрикия, что равнозначно признанию им византийского протектората. Такие отношения между Византией и оногурами сохранялись и при приемниках Ираклия вплоть до появления на политической арене хазар [461, с. 15–16]. Таким образом, в Таврику под давлением хазар фактически переселились федераты Византии. Наша гипотеза оправдана и тем, что главная причина оногуро-византийского сближения в первой половине VII в. – аварская опасность – не утратила своей злободневности и во второй его половине. Напротив, она усилилась с появлением на северных границах империи нового грозного противника – Хазарского каганата. При этом необходимо иметь в виду, что собственно византийской военной силы для защиты владений в Таврике во второй половине VII в. попросту не хватало. Несколько эпидемий чумы и беспрерывные войны Ираклия с Ираном и Арабским халифатом так истощили людские резервы Византии, что их едва хватало для обороны восточных и южных границ и столицы: армия была численно мала и децентрализована [306, с. 110–111]. Такое положение принуждало Византию, с одной стороны, отказаться от борьбы за захваченные еще тюркютами и перешедшие по наследству оногурам, а затем хазарам старые византийские владения на Тамани и Боспоре, а с другой – привлекать для обороны северных границ империи в Таврике варварские племена, расселяя их на аваро- и хазароопасных направлениях в пограничной зоне. Эта оборонительная стратегия наиболее ярко проявилась на балканских границах Византии.

Подобным военным поселенцам предоставлялся статус "союзных народов Рима" или "друзей" империи. Союзникам в этом случае отводилась роль федератов – полуподданных империи, которые по договору (взамен византийского покровительства и византийского облегченного золота – пример тому облегченные солиды Ираклия в Перещепинском кладе) обязаны были защищать ее границы [462, с. 10–13; 461, с. 15–17; 463, с. 57–58]. В этой связи вполне объяснимо запоздалое появление фемы в Крыму. Как известно, фемное устройство Малой Азии в целом завершилось к концу VII в. Реорганизация военно-административной системы северных провинций произошла значительно позже: Фракийская фема на Балканах учреждается лишь в конце VIII в., а Херсонская в Таврике – не ранее IX в. [431, с. 248]. Между тем именно эти районы во второй половине VII в. приобретают значение главной житницы империи [306, с. 124–125]. После потери Византией Египта, Ближнего Востока и некоторых крупных средиземноморских островов Балканы и Таврика становятся стратегически важными для империи и, следовательно, требовали самого пристального ее внимания. Вполне вероятно, что присутствие федератов тормозило здесь до какого-то времени организацию фемы. Подобная ситуация сложилась в Таврике и в первой половине VIII в., когда из-за отсутствия реальной силы Херсон вынужден был окружить себя поселениями алан, располагавшимися "словно некое ограждение и охрана" [69, с. 17].

Рассмотрим взаимоотношения между хазарами и Византией в Таврике.

Политика Хазарского каганата в Крыму распадается, согласно письменным источникам, на два этапа. Первый этап, совпадающий с возникновением Хазарского каганата и борьбой хазар с другими тюрками за гегемонию в Северном Причерноморье, можно охарактеризовать как время вооруженного нейтралитета между хазарами и Византией. Захватив крупные города Боспор, Фанагорию и Тмутаракань по обе стороны пролива, получившего на несколько столетий название Хазарского рукава, каганат долгое время не предпринимал в Таврике активных действий. Заботы каганата в этот период ограничивались, скорее всего, охраной Хазарского торгового пути и брода через пролив, для чего на Боспоре, как отмечалось ранее, возводится новая хазарская крепость и вводится постоянный гарнизон. Временами нейтралитет перерастал в кратковременные союзнические отношения, направленные против совместных врагов – Халифата и Ирана. Временами, в частности в конце VII – начале VIII в., эти отношения накалялись до состояния, предшествовавшего войне. Особенно они обострились в период правления Юстиниана II в. 711/712 г., когда хазары сделали попытку вмешаться в династические проблемы империи [232, с. 63–67]. Однако на первом этапе такие эксцессы в хазаро-византийских отношениях были исключением и носили кратковременный характер. До 30-х годов VIII в. нет прямых свидетельств о враждебных действиях хазар в Византийской Таврике. Даже в момент разгрома Оногурии они фактически оставили в покое беглецов из Приазовья, нашедших покровительство Византии в Крыму, что собственно не характерно для их наступательной политики. Подобную сдержанность отмечают даже византийские хронисты. На Боспоре помимо хазарского военачальника управлял и византийский архонт, исполнявший одновременно указания каганата и по приказу последнего готовивший убийство Юстиниана II [232, с. 163]. т.е. на Боспоре еще в начале VIII в. было двоевластие. Однако западнее Боспора власть Хазарского каганата, скорее всего, не распространялась; традиционное представление о хазарском наместнике в Херсоне [459, с. 83–85] основано на крайне сомнительном сообщении Феофана [232, с. 64], которому полностью противоречит, совпадающее с ним в других деталях, аналогичное известие Никифора [232, с. 165].

В сообщении о событиях в Херсоне 711/712 г. оба хрониста использовали в качестве первоисточника одну и ту же более раннюю хронику, не сохранившуюся до настоящего времени. Говоря о Херсоне и Готии, оба хрониста пишут о главе городского самоуправления Херсона протополите Зоиле и неком архонте. У Феофана рядом с титулом архонт стоит слово Τουδοῦνον, которое с подачи С.П.Шестакова понималось исследователями "Хронографии" Феофана как тюркский должностной титул и переводилось в значении "тудун – хазарский наместник" [307, с. 31–35]. Сообщение "Бревиария" Никифора об этом же лице попросту не принималось во внимание, и все дальнейшие рассуждения о хазарском господстве в Херсоне в начале VIII в. строились исключительно на одном источнике [библиогр. см.: 268, с. 38–39]. Между тем у Никифора в том же контексте, что и у Феофана, рядом с византийским титулом архонт стоит слово Τουδοῦνον, которое Е.А.Липшиц и И.С.Чичуров переводят как имя Тондун [464, с. 368; 232, с. 165]. Исходя из контекста источника, И.С.Чичуров совершенно справедливо считает, что оба херсонеских должностных лица – Тондуна и Зоила – ромеи [232, с. 165]. Употребив слово Тондун в качестве имени собственного, Никифор и далее использует его в том же значении, что исключает случайность словоупотребления: "... и передал им Тондуна и Зоила, с тем чтобы восстановить их в прежней власти" [232, с. 165]; "оставшихся за стенами стратиотов, а также Тондуна и Зоила они передали подступившим туда хазарам и отправили к хакану" [232, с. 165]. Говоря о Тондуне, Никифор нигде даже не намекает о хазарской принадлежности или подчиненности этого лица, в то же время, говоря о хазарском архонте на Боспоре, он подчеркивает его неромейское происхождение: "Архонту из единоплеменников, жившему при Юстиниане... хакан приказывает выжидать, пока он не поручит им убить Юстиниана как можно быстрее" [232, с. 163]. Таким образом, у одного из двух хронистов, описавших события в Херсоне 711/712 г., налицо смысловое искажение текста, связанное с ошибкой, допущенной при переписке сообщения из общего для них первоисточника. На наш взгляд, более правдоподобна информация Никифора.

Во-первых, текст "Хронографии" Феофана, по мнению его первого переводчика де-Боора и других исследователей, был сильно искажен при переводе его с греческого

оригинала на латынь папским библиотекарем Анастасием, который, как считает К.Н.Успенский, к тому же плохо знал греческий язык [465, с. 397–438]. Кроме того, греческие тексты "Хронографии" не раз страдали от вмешательства средневековых переписчиков и схолиастов [465, с. 397]. В противоположность им Ватиканский список "Бревиария" Никифора более оригинален и, по мнению его исследователей, на редкость точен в деталях [466, с. 105].

Во-вторых, в качестве термина слово "тудун" не имеет аналогов в титулатуре ни одного из народов Евразии и, как показал Г.Моравчик, кроме "Хронографии" Феофана не употреблен ни в одном из письменных источников, будь то византийские или тюркоязычные [233, с. 361]. Тот же Феофан, говоря о хазарском наместнике в Фанагории, употребляет титул ἐντειλάμενος Παπατζύν, а Никифор для того же лица – близкий по значению византийский титул архонт [232, с. 39, 163]. Арабские источники IX–X вв. для должностных лиц на уровне наместника у тюрок употребляют титул "тархан" – "знатный" (ал-Бируни, ал-Хорезми, ал-Йа'куби, Табари), а Ибн-Хардабех писал, что "Тархан" – владыка Хазар" [467, с. 130, 197]. Он же сообщает, что тархан у тюрок – следующее лицо после хакана (кагана), после которого идут более мелкие по значению тюркские владыки – низак, хуртакин, тамрун, гузак, сухраб и фурак [467, с. 69, § 20].

В-третьих, Тондон в качестве имени собственного встречается, хотя и редко, у среднеазиатских тюрок. Один из примеров – упоминание этого имени Рюи Гонсалесом де Клавихо, находившимся в 1403–1406 гг. при дворе Тимура [468, с. 154]. Можно предположить, что и в Херсоне на византийской службе в 711/712 г. служил тюрок Тондон в должности архонта какого-то военного отряда скорее всего городского гарнизона. Это нередко практиковалось: на византийскую службу в армию привлекались русы, хазары, булгары, армяне, аланы и др. Достаточно вспомнить хронику XI в. Георгия Кедрина, где сообщается о подавлении мятежа византийского правителя Таврики, тюрка по происхождению, Георгия Цулы, представители рода которого, по нашему предположению, похоронены в фамильном склепе монастыря у подножья Баклинского городища; того же происхождения, вероятно, и Цула – императорский спафарий Херсона, имя которого известно из печатей [352, с. 15; 427, с. 159, № 42].

Этого, на наш взгляд, вполне достаточно для того, чтобы отказаться от столь спорного места "Хронографии" Феофана для обоснования хазарского владычества в Херсоне конца VII – начала VIII в. Напротив, мнения обоих хронистов в оценке хазарской политики в Таврике единодушно совпадают: они подчеркивают, что хазары были союзниками владетеля Готии и находились в таких же отношениях с византийской администрацией Херсона: они приходили на помощь лишь по просьбе последних. Так, когда Юстиниан II послал в Таврику в 711/712 г. карательную экспедицию, "архонты тех областей, проведав об этой вести, защитились насколько могли своими силами и послали послов к хазарам, чтобы прислали людей для защиты их и чтобы спасли оставшихся у них жителей" [464, с. 368]. При повторной карательной экспедиции против Херсона "хазарский народ неожиданно напал на него (войско Юстиниана II); город был спасен" [464, с. 369].

Известия о хазарах в Таврике в первой половине VIII в. этим и ограничиваются. Еще раз подчеркнем, что в обоих хрониках сказано о дружественных отношениях между хазарами и городами Таврики. Такое положение, судя по археологическим данным, сохранялось по крайней мере до середины VIII в. Когда и почему произошел перелом в хазаро-византийских отношениях на почве Таврики – трудно сказать. Результатом его явилась аннексия хазарами Восточной Таврики с центром в Сугдее, а также Готии с ее клисурами и главными крепостями. Скорее всего эти события последовали за обращением в иудаизм кагана Булана около 740 г. [40, с. 266–269].

Для реконструкции событий в Таврике в VIII в. важна локализация места обращения хазар. Согласно легенде, переданной Иехудой Гелеви в "Хазарской книге", обращение Булана произошло в гористой местности близ Харсана (в других транскрипциях – Хрсн, Врсн), находившейся на берегу моря [228, с. 75–77, 92–94, 100]. Попытка М.И.Артамонова отождествить это место с Харасаном в Иране [40, с. 273–274] вряд ли может считаться удачной. Харасан находился вдали от моря, что противоречит источнику. Во-вторых, районы Северо-Западного Ирана в первой половине VIII в. полностью контролировались арабами и служили для них базой в походах на Хазарию. В 737 г.

каганат потерпел в Закавказье сокрушительное поражение от арабов [37, с. 40–41], и трудно поверить, что всего через три года хазары смогли захватить арабскую территорию.

Более приемлема локализация Д.А.Хвольсона и С.Б.Шишмана. Первый увязал события похода Булана 740 г. с Таврикой на основании данных эпиграфики и известия о вновь обращенном хазарском князе в приписке № 8 на полях крымско-хазарского Пятикнижия VIII в. [469, с. 3, 52–63]. Другой провел анализ одиннадцати известных списков этой легенды, хранящихся в библиотеках Западной Европы и в частных коллекциях, и показал, что место обращения Булана передается в источниках в двух формах: хрс-н и врс-н, а в латинском и испанском переводах 1506 и 1666 гг. – Харсан [470, с. 529].

Отвергая, вслед за А.Я.Гаркави, отождествление места обращения Булана с иранским Харасаном [471, с. 54] и соглашаясь с крымской локализацией похода хазар 740 г., мы, однако, не можем не согласиться с идентификацией пункта Хрс-н – Врс-н с византийским Херсоном, как это пытается показать С.Б.Шишман [470, с. 530–531; 471, с. 183]. Нет никаких данных о присутствии хазар в Херсоне после Юстиниана II. Более того, во всех источниках, как византийских, так и восточных, подчеркивается византийский суверенитет над Херсоном, а агиографические письменные источники сообщают, что город на протяжении всей хазарской эпохи сохранял независимость от каганата и являлся местом ссылки неугодных императору политических и религиозных деятелей.

Обращение кагана Булана могло произойти в крымском местечке Карасан (ему соответствуют обе формы Хрс-н и Врс-н), находящемся на берегу моря в гористом месте, что полностью соответствует описанию местности у Гелеви. В крымской топонимике нередка замена твердого К на гортанное КХ тюркских говоров, что дает основание предполагать возможность одновременного существования двух вариантов названия урочища – Карасан и Харасан.

Урочище Карасан находится в 3 км к востоку от Партенита, бывшего в хазарскую эпоху центром Готской епархии и главным очагом противодействия хазарской экспансии в Таврике. В Карасане удобная для корабельной стоянки бухта, прикрытая от восточных ветров мысом Плака, а западных – горой Аю-Даг. На мысе Плака нами изучены остатки большого поселения, укрепленного с напольной стороны оборонительной стеной; в его жилищах обнаружена салтово-маяцкая кухонная посуда. В бухте неоднократно находили остатки груза торговых кораблей, датирующиеся в пределах VII–X вв. Эти материалы позволяют выдвинуть предположение о локализации в урочище Карасан торжища Курасаиты (Κουρασαττοις) "Жития" Иоанна Готского [243, § 8]. Руины другого салтовского поселения с жилищами "в елку" обнаружены нами в Партените в 1968 г. на территории санаторного парка у моря. Кроме того, в следующей к западу долине на территории пионерского лагеря "Артек" есть урочище "Хазар". Таким образом, в этом районе крымского южнобережья налицо материалы топонимики и археологии, которые можно связать с хазарами. О его значении для хазар в Таврике в VIII–X вв. говорит находка единственного в Крыму хазарского могильника с надгробиями с семисвечниками и родовыми тюркскими тамгами. Наиболее крупная коллекция таких надгробий обнаружена Д.М.Струковым в 70-х годах XIX в. в районе Партенита – Карасана [473, № 619; 474, с. 63]. Отдельные надгробия были найдены в том же районе В.Х.Кондараки и в районе Алушты – В.Ф.Миллером [475, с. 132–133; 488, с. 113]. Особый интерес представляет надгробие с семисвечником и изображением сабли – символа воинской принадлежности тюрка [476, с. 113]. Ближайшими аналогами сабли на надгробии могут являться клинки сибирских тюрок IX–X вв. [407, рис. 98]; они и датируют надгробие хазарской эпохой. Помимо района Алушты – Партенита подобные надгробия обнаружены в Судаке и под Мангупом. При этом мангупская плита, обнаруженная Н.И.Репниковым в 1928 г. в балке Табана-Дере, имела на обороте тюркскую тамгу, типологически близкую тамгам на хазарских надгробиях из Фанагории [40, с. 277].

Судя по надгробным памятникам и сведениям приписок на полях хазарских священных книг VIII–X вв., со второй половины VIII в. хазарские общины, помимо Южного берега, появляются и в других районах Таврики – на Боспоре, в Солхате, Онкате (пригороде Солхата?), Сугдее и др. [469, с. 53, 75; 477, с. 12, 24, 26, 39, 65]. Обраще-

ние хазар именно в Таврике и появление в ее главных политических и религиозных центрах хазарских общин имело, по нашему мнению, политическую, а не религиозную окраску. Эти события ознаменовали фактическое включение всей Таврики за исключением Херсона в состав Хазарского каганата и окончательный разрыв последнего с Византией. Восстание Иоанна Готского 787 г. носило ярко выраженный антихазарский характер и являлось уже ответной реакцией светских и церковных властей Готии на ее аннексию хазарами [29, с. 157].

Захват Готии и обращение кагана Булана хронологически совпадают с появлением на территории Таврики салтовцев второй миграционной "волны". Это дает основание предполагать, что они сыграли далеко не рядовую роль в хазарской политике и во взаимоотношениях между каганатом и империей. Согласно предложенной нами периодизации, вторая группа салтовцев вторглась в Таврику около середины VIII в. Ее продвижение сопровождалось разгромом византийских крепостей и поселений, а также оногурских аилов первого периода; на них повсеместно отмечаются следы пожаров и разрушений именно этого времени. В результате этих военных действий значительно сократилось количество поселений в долинах Центральной и Юго-Восточной Таврики. Лишь некоторые из них были восстановлены, а большинство так и не поднялось из пепла. Население этих районов вынуждено было уходить в труднодоступные для кочевников горы Главной гряды, заселяя пещеры и яйла, малопригодные для оседлого земледелия. В этот период местным населением и салтовцами первой группы осваиваются районы Караби (поселение Казанлы, пещера Туакская), Базмана, Бойки, Ялтинской яйлы (пещера Йограф) и др. При раскопках в пещере Данильча-Коба на северных отрогах Ай-Петринской яйлы обнаружен храм VIII–X вв., в котором наряду с обычным византийским материалом найдено известняковое христианское надгробие с четко вырезанной, по тюркской традиции, на оборотной стороне двухчастной тамгой, аналогичной тамгам на надгробиях из Фанагории и Мангупа. Наличие такого материала на памятнике провинциально-византийского типа позволяет выдвинуть предположение, что хазарское завоевание Таврики середины VIII в., с одной стороны, привело к резкому сокращению оногурского массива, а с другой – ускорило процесс интеграции переживших разгром салтовцев в провинциально-византийскую среду.

Как показано выше, салтовцы второй миграционной "волны" в этническом отношении были близки к тюркам Поволжья и Приуралья и состояли в основном из кутригур Волжской Булгарии и влившихся в их орду волго-уральских тюрок и угров. Эти племенные группы оказались вовлеченными во второе переселение тюрок Евразии в первой половине VIII в., о чем, как мы говорили, сообщает Никифор Григора. Их появление на территории Хазарского каганата в период его наивысшего могущества позволяет видеть в пришельцах союзников хазар и рассматривать их положение в Таврике в зависимости от проводимой там хазарской политики.

Салтовцы второй миграционной "волны" осели возле Херсона, в Байдарской долине, на Юго-Западном и Северо-Западном побережьях Таврики, а также плотно заселили Керченский п-ов и районы, прилегающие к Сугдее. Последняя стала их главным политическим центром в Крыму и являлась местом развертывания хазарского тумена в периоды военных действий. Таким образом, в отличие от оногур середины VII – первой половины VIII в., расселявшихся за пределами зоны, занятой местными племенами и греко-византийским населением и служившей последним щитом, салтовцы новой группы осели внутри этой территории и, частично, на развалинах сожженных ими оногурских и византийских поселений и крепостей. Отношения между этими тюрками и хазарской администрацией до конца хазарского владычества носили двойственный характер. С одной стороны, они были относительно независимы внутри Хазарского каганата и даже, как пишет Константин Багрянородный, могли воевать с хазарами [227, с. 11], с другой, они были подданными каганата, платили налоги и являлись хазарским оплотом в Крыму. Хазары приходили им на помощь во время столкновений с Византией и местными византинизированными племенами Готии.

Попытка освободиться от хазаро-кутригурского владычества была предпринята населением Южной Таврики около 804 г., но оказалась неудачной. Сведения об этом, уже втором, антихазарском восстании в Готии обнаружил Д.А.Хвольсон на полях раннесредневекового хазарского Пятикнижия, в одной из приписок которого благословлялся бог за спасение союзников хазар при нападении тетракситов и говорилось,

что "наши братья хазары пришли на нашу помощь, разбили тетракситов, отняли у них крепость Дорос..." [244, с. 140]. Последствия поражения для Готии были катастрофическими – она потеряла не только свою столицу, но и утратила даже религиозную самостоятельность и более чем на столетие вошла в состав Хазарского каганата. В списке христианских епархий, составленном между 806–815 гг., отсутствуют не только Готская метрополия, учрежденная после восстания 787 г., но и входившие в ее состав епископии в Сугдее, Фуллах и Таматархе [40, с. 325]. В это время архиепископии сохранялись лишь в городах с преобладающим христианским населением – Боспоре и Херсоне, да и последние, наряду с Зихией, Фанагорией и Никопсисом, входили в состав епархии Зихия [489, № 8, с. 293]. При этом, в цитадели Боспора сидел хазарский наместник с военным отрядом, а Херсон платил дань хазарам в течение IX в.: по свидетельству Константина Багрянородного, "обладатели Боспора (в контексте хазары) владели самим Херсоном и остальными Климатами" [227, с. 45].

Несмотря на полное подчинение Готии, остановка там скорее всего была нестабильной. Около 820 г. хазары вновь наводят порядок на этой территории и угрожают Херсону, как это видно из "Жития" Иоанна Психаита [436, с. 66]. Однако уже два года спустя хазарские отряды вновь разоряют христианские поселения на Крымском п-ове и возводят крепость Мангуп, заселив ее выходцами из Таматархи [244, с. 858]. Название Дорос с этого времени полностью исчезает из источников – вероятно, хазары уничтожили главную крепость и столицу Готии. В IX в. по всей территории Таврики появляются салтово-маяцкие крепости и городища, наиболее крупные из которых Сугдея, Кырк-Ор, Сюйренская, Кыз-Кермен и Баксанская. Именно в это время, как следует из разнообразных письменных источников, полуостров начинает называться Хазарией [436, с. 68–70].

В IX – начале X в. Херсон номинально входил в состав Византии, но его положение было весьма незавидным. В конце 60-х – начале 70-х годов IX в. Анастасий Библиотекарь писал, что жители Херсона "казалось были скорее жителями тюрьмы, чем города, из которого не смели выходить" [478, с. 6–10]. Это сообщение подтверждается и археологическими материалами: со второй половины VIII в. салтово-маяцкие поселения появляются на территории ближайшей округи Херсона – на Гераклейском п-ове, в Килен-Балке, Инкермане и на Северной стороне [39, рис. 1]. Все согласуется с сообщением Анастасия, что "этот город пограничен с хазарской землей" [490, с. 6–7], а также с известием Константина Багрянородного о хазарском контроле над Херсоном в IX в. и сообщением Истахри о дани, которую платил Херсон тюркам еще в X в. [357, с. 55].

В 932 г. при Романе I Византия предприняла новую попытку вернуть земли в Таврике. Воспользовавшись войной между хазарами и князем русов Хельгу, который захватил Тмутаракань, Роман I овладел Климатами в Таврике [479, с. 313]. Развивая успех, войска Романа вторглись на территорию Хазарии, но, по сообщению Масуди, были разгромлены в 933/934 г. под стенами крепости Валендар объединенными силами четырех тюркских племен, обитавших к западу от Алании по соседству с Хазарией [480, с. 18]. Судя по описанию, сражение между византийскими войсками и тюрками произошло в районе Тамани или на Боспоре, а в тюрках можно видеть объединенные войска хазар. По сообщению Кембриджского Анонима, вслед за разгромом греков хазары в 935 г. предприняли опустошительный поход на Крымский п-ов, где хазарский полководец Пейсах "выступил против городов Романа и убил мужчин и женщин. И отсюда он пошел на Шоршун и начал с ним войну... и они (греки) ушли из страны..." [479, с. 313]. В свете этих данных становится вполне правдоподобным известие о том, что во времена кагана Иосифа (около 960 г.) бóльшая часть Таврики входила в состав Хазарского каганата.

Хазарское господство в Крыму прекратилось во второй половине X в. и совпало с гибелью салтово-маяцких поселений и городищ. О причине их гибели в настоящее время нельзя дать однозначный ответ. Общепринято мнение, что эти разрушения связаны с вторжением печенегов. Однако упоминание в приписке № 59 хазарского Пятикнижия, переписанного в 977 г. в Сугдее, хазар "под владычеством печенегов, которые покорили (этот город)" [469, с. 66–67], позволяет усомниться в том, что единственной причиной исчезновения салтовцев в Таврике были враждебные им кочевники. Гибель салтовских поселений была объективно предрешена всем ходом русско-хазарско-византий-

ских отношений, вылившихся в борьбу за гегемонию в Приазовье и Северном Причерноморье: булгары, являясь оплотом Хазарского каганата в Таврике, стояли на пути как русских, так и византийских интересов. Начало крушения хазарского могущества ознаменовалось восстановлением позиций константинопольского патриархата на полуострове в конце IX – начале X в. Согласно византийской концепции утверждения государственности в пограничных районах, крест всегда предшествовал мечу.

Нам представляется несомненным, что христианизация Крымской Хазарии должна быть поставлена в прямую связь с так называемой хазарской миссией Константина Философа, которая датируется 861 г. и протекала, в основном, как отмечает целый ряд исследователей, в пределах Таврики [436, с. 60–65]. Латинские и паннонические легенды, сообщающие о миссии Константина, единодушно говорят об обращении в христианство варварского народа Фулл и сугдов, живущих в горном районе Тавра. Из "Жития" Иоанна Готского мы уже знаем, что во главе этого народа в 787 г. стоял хазарский князь, так что есть все основания видеть в "народе Фулл" и язычниках-сугдах носителей салтово-маяцкой культуры и хазар.

Сразу же вслед за миссией Константина в Таврике создается епархия Хотцирон, включавшая в себя, по мнению Э.Арвейлер, вновь обращенное население Фулл и хазар полуострова [436, с. 59–60, 63–64]. Она, как отмечалось, отождествила епархию Хотцирон с епископией Хазария, упомянутой в письмах Николая Мистика и другие византийских авторов. Именно к этому времени можно отнести строительство салтово-маяцких храмов и появление христианских погребений тюрко-хазарской родовой знати на Бакле и в Сугдее.

Помимо крещения хазар, следствием миссии Константина Философа было восстановление позиций церкви в традиционно христианских районах Таврики и Тмутаракани. Первое определенное свидетельство о существовании Матрахской епархии находится в деяниях Константинопольского собора 789 г. [481, с. 52]. В списке епархий Льва VI в Таврике и Северо-Восточном Причерноморье мы находим не епископии, а архиепископии Херсона, Боспора, Готии, Сугдеи, Фулл и Сотириуполя [481, с. 52]. Те же архиепископии упомянуты в нотиции времени Константина Багрянородного (913–959 гг.) [481, с. 53].

Христианизация Таврики была дипломатической победой Византии в борьбе с Хазарским каганатом, верхушка которого исповедовала чуждую и враждебную православию религию. Религиозный раскол и евангелизация союзников хазар в Крыму, в которых мы видим носителей салтово-маяцкой культуры, еще два столетия спустя преподносились в Константинополе в качестве примера успехов имперской дипломатии, что неоспоримым образом свидетельствует о включении крымских тюрок в сферу византийского влияния. Будучи христианизированными, они более тесно контактировали с местным населением Таврики и византийских городов, подвергаясь греко-малоазийскому влиянию и одновременно отделяясь от своих соотечественников.

Вслед за религиозно-дипломатическим поражением Хазарский каганат постепенно утратил в Крыму и военно-политические позиции. Начало крушению хазарского могущества в Таврике положил восточный поход Святослава 965 г., в результате которого были разгромлены основные силы Хазарского каганата и его союзников в Поволжье, собственно Хазарии, на Дону и Северном Кавказе. Следствием этого похода была попытка Руси закрепиться в устье Хазарского рукава на Боспоре Киммерийском и установить контроль над обоими берегами пролива, что свидетельствовало о возросшем влиянии киевского князя в районе Северного Причерноморья и Приазовья [494, с. 99]. Лев Дьякон в своей "Истории" говорит о Боспоре Киммерийском как о месте, где руссы к его времени уже издавна имели свои базы. Так, упоминая переговоры Святослава с греками, Лев Дьякон пишет о просьбе последних, чтобы Святослав "возвратился в свои области к Киммерийскому Боспору", а сообщая о подготовке Иоанна Цимисхия к войне со Святославом в 971 г., он говорит, что главной задачей флота должна быть блокада руссов, чтобы не дать им уйти "в свое отечество к Киммерийскому Боспору" [483, с. 103, 129].

Воспользовавшись победами Святослава над хазарами в 965 г., Византия присоединила Готию, изгнав хазарские войска из Юго-Западной Таврики. После поражения Святослава в русско-византийской войне 971 г. Иоанн Цимисхий с выгодой для империи использовал новую ситуацию, вытеснив Русь из районов Южного Приазовья, восстано-

вив влияние Византии на востоке Крымского п-ова и Тамани. В правление Цимисхия, согласно тактикону Икономидиса, в этих районах создаются две новые фемы: Боспора и военно-морская Понта Эвксинского [484, с. 269–270]. Центром последней, по нашему мнению, была Сугдея, где обнаружена свинцовая печать стратига этой фемы и куда в конце X в. из Херсона переводятся византийский флот и верфи. С этого времени в источниках прекращается упоминание о хазарах и их тюркоязычных союзниках в Крыму. Последние, как показывают повсеместные пожары середины X в. на салтово-маяцких поселениях Крыма, были частично уничтожены, а их остатки ассимилированы местным провинциально-византийским населением Таврики. Та же судьба постигла и их культуру: она была поглощена провинциально-византийской культурой Таврики, окрасив последнюю салтово-маяцкими влияниями, проявившимися в византийском ремесле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hampel J.* Alterthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn. – T. 2. – Braunschweig, 1905. – 1006 p.
2. *Zakkarov A., Arendt W.* Studia Levedica. Archeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX Jh. // AH – 1934. – **16**. – P. 80.
3. *Ильинский Г.* Лебедия Константина Багрянородного // Byzantinoslavica. – 1930. – **2**. – С. 32–55.
4. *Артамонов М.И.* [Рецензия] // ПИДО. – 1935. – № 9/10. – С. 243–246. – Рец. на кн.: Zakkarov A., Arendt W. Studia Levedica. Archeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX Jh.
5. *Мерперт Н.Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. – 1955. – № 23. – С. 131–168.
6. *Москаленко А.Н.* Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население Среднего и Верхнего Дона // Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972. – С. 189–196.
7. *Dienes I.* The hungarians at the time of the conquest and their ancient beliefs // Ancient cultures of the Uralian peoples. – Budapest, 1976. – P. 79–114.
8. *Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв. // Вестн. ЛГУ. – 1968. – № 14/3. – С. 55–65.
9. *Бабенчиков В.П.* Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. – М., 1957. – С. 88–146.
10. *Барсамов Н.С.* Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле в 1929–31 гг. – Феодосия, 1932. – 11 с.
11. *Гайдукевич В.Ф.* Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. – 1940. – № 6. – С. 190–204.
12. *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. – 1952. – № 25. – С. 15–134.
13. *Миллер А.А.* Таманская экспедиция ГАИМК 1931 г. // Сообщения ГАИМК. – 1932. – № 7/8. – С. 67–68.
14. *Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. – 1932. – № 131. – 118 с.
15. *Ляпушкин И.И.* Славяно-русские поселения IX–XII вв. на Дону и Тамани // МИА. – 1941. – № 6. – С. 161–246.
16. *Насонов Н.Н.* Тмутаракань в истории Восточной Европы X в. // Исторические записки. – 1940. – № 6. – С. 81–83.
17. *Надинский Н.П.* Очерки по истории Крыма. – Симферополь, 1951. – Т. 1. – 230 с.
18. *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. – М., 1948. – С. 792.
19. *Смирнов А.П.* К вопросу об истоках Приазовской Руси // СА. – 1958. – № 2. – С. 270–279.
20. *Фронджуло М.А.* Розкопки жилих комплексів на середньовічному поселенні поблизу с.Планерське (1954–1955 рр.) // Археологія. – 1961. – № 12. – С. 168–182.
21. *Фронджуло М.А.* Раскопки средневекового поселения на окраине с.Планерское в 1957–1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма. – Киев, 1968. – С. 99–132.
22. *Фронджуло М.А.* Пам'ятки Південно-Східного Криму // Археологія Української РСР. – К., 1975. – Т. 3. – С. 476–484.
23. *Гадло А.В.* О культуре городища на плато Тепсень близ с.Планерского // Археологический сборник. – Л., 1964. – С. 96–104.
24. *Гадло А.В.* Южное Приазовье в период Хазарского каганата : Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1969. – 14 с.
25. *Домбровский О.И.* Предисловие // Феодальная Таврика. – Киев, 1974. – С. 3–4.
26. *Сорокина Н.П.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Жилые здания // Всеобщая история архитектуры. – М., 1973. – Т. 2. – С. 377–381.
27. *Леви Е.И., Карасев А.Н.* Дома античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. – М., 1955. – С. 215–247.
28. *Крыжицкий С.Д.* Жилые дома // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. – М., 1984. – С. 204–207.
29. *Баранов И.А.* О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. – Киев, 1974. – С. 151–161.
30. *Шульц П.Н.* Историко-археологические исследования в Крыму (1920–1958) // Крым. – Симферополь, 1950. – № 6. – С. 145–157.
31. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. – 1958. – № 85. – С. 458–501.
32. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – № 168. – 223 с.

33. *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – М., 1973. – 171 с.
34. *Плетнева С.А.* Средневековые поселения верховьев Северского Донца // КСИИМК. – 1960. – № 79. – С. 3–21.
35. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам : Салтово-маяцкая культура // МИА. – 1967. – № 142. – 196 с.
36. *Плетнева С.А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска – Преслав. – София, 1981. – Т. 2. – С. 9–17.
37. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге. – М., 1964. – 196 с.
38. *Баранов И.А.* Ранние болгары в Крыму. Локальный вариант салтово-маяцкой культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1977. – 17 с.
39. *Баранов И.А.* Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска – Преслав. – Т. 2. – С. 57–71.
40. *Артамонов М.И.* История хазар. – Л., 1962. – С. 521.
41. *Ляпушкин И.И.* Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища // МИА. – 1958. – № 62. – С. 227–262.
42. *Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р.Дона // Там же. – С. 85–150.
43. *Мерперт Н.Я.* К вопросу о древнейших болгарских племенах. – Казань, 1957. – 37 с.
44. *Плетнева С.А.* Хазары. – М., 1976. – 91 с.
45. *Гадло А.В.* О черных и внутренних болгарах. (Одна из спорных проблем исторической этногеографии Южно-Русской степи) // Докл. по этнографии. Географическое о-во СССР. – Л., 1968. – Вып. 6. – С. 3–25.
46. *Гадло А.В.* Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) // КСИА АН СССР. – 1968. – № 113. – С. 78–84.
47. *Гадло А.В.* Раскопки раннесредневекового селища у д.Героевки в 1964 г. // СА. – 1969. – № 1. – С. 160–168.
48. *Гадло А.В.* К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980. – С. 130–145.
49. *Гадло А.В.* Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X вв.) // Этнография народов СССР. – Л., 1971. – С. 61–75.
50. *Щеглов А.Н.* Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма // СА. – 1970. – № 1. – С. 254–261.
51. *Рудаков В.Е.* Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища // Социальное развитие Византии. – Свердловск, 1979. – С. 105–111.
52. *Романчук А.И., Рудаков Е.Е.* Керамический комплекс IX–X вв. Баклинского городища // СА. – 1975. – № 2. – С. 217–236.
53. *Романчук А.И.* Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции // Античные традиции и византийские реалии. – С. 71–85.
54. *Романчук А.И.* Салтово-маяцкие памятники в Крыму // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1983. – С. 117–120.
55. *Талис Д.Л.* Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1982. – С. 55–67.
56. *Домбровский О.И., Столбунов А.А., Баранов И.А.* Аю-Даг – "святая" гора. – Симферополь, 1975. – 165 с.
57. *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. – М., 1966. – 222 с.
58. *Щеглов А.Н.* Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. – М., 1968. – С. 232–242.
59. *Яценко И.В.* Археологические раскопки в предместье Евпатории // ВИ. – 1974. – № 4. – С. 211–215.
60. *Дашевская О.Д.* Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий // Проблемы скифской археологии. – М., 1971. – С. 171–154.
61. *Высотская Т.Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. – Киев, 1972. – 191 с.
62. *Высотская Т.Н.* Неаполь – столица государства поздних скифов. – Киев, 1979. – 205 с.
63. *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – Спб., 1893. – Т 1. – 946 с.
64. *Иордан* о происхождении и деяниях гетов / Вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч.Скржинской. – М., 1960. – С. 435.
65. *Блаватский В.Д.* Пантикапей. – М., 1964. – 230 с.
66. *Лобода И.И.* Новые раннесредневековые могильники в Юго-Западном Крыму // СА. – 1976. – № 2. – С. 135–147.
67. *Кропоткин В.В.* Из истории средневекового Крыма // СА. – 1958. – № 28. – С. 198–218.
68. *Веймарн Е.В.* Одне з важливих питань ранньосередньовічної історії Криму // Середні віки на Україні. – К., 1971. – Т. 1. – С. 61–64.
69. *Кулаковский Ю.* Епископа Федора "Аланское Послание" // ЗООИД. – 1898. – Т. 21. – С. 15–27.
70. *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. – 1971. – № 2. – С. 96–123.
71. *Прокопий* из Кесарии. Война с готами / Пер. с греческого С.П.Кондратьева; вступ. ст. З.В.Удальцовой. – М., 1950. – 154 с.
72. *Федоров Я.А., Федоров Г.С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. – М., 1978. – 294 с.

73. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – Л., 1979. – 214 с.
74. *Высотская Т.Н., Черепанова Е.Н.* Находки из погребений IV–V вв. в Крыму // СА. – 1966. – № 3. – С. 187–196.
75. *Дашевская О.Д.* Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // Древности Восточной Европы. – М., 1969. – С. 52–61.
76. *Баранов И.А.* Погребение V в. в Северо-Восточном Крыму // СА. – 1973. – № 3. – С. 243–245.
77. *Щепинский А.А., Черепанова Е.Н.* Исследования в Северном Крыму // АО – 1966 г. – М., 1967.– 180 с.
78. *Прокопий Кесарийский.* О постройках / Пер. С.П.Кондратьева // ВДИ. – 1939. – №4. – С. 203–283.
79. *Васильев А.А.* Готы в Крыму // ИГАИМК. – 1927. – № 5. – С. 179–282.
80. *Grousset R.* L'empire des Steppes. Attila, Gengis-hhan, Tamerlan. – Paris, 1969. – P. 651.
81. *Баранов И.А.* Некоторые закономерности процесса седентаризации кочевых тюрко-болгар в Крыму в середине VII–X вв. // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами. – Тбилиси, 1984. – С. 61–64.
82. *Даль К.В.* Обследование пастбищных земель и овцеводство на Яйле. – Ялта, 1915. – С. 28–35.
83. *Троицкий Н.А.* Итоги и дальнейшие задачи научно-исследовательских и опытных работ на Крымской яйле // Тр. Гос. Никитского ботанического сада. – Ялта, 1948. – Т. 25, вып. 1/2. – С. 69–83.
84. *Владимирцев В.Я.* Общественный строй монголов // Монгольский кочевой феодализм. – Л., 1935. – С. 36–37.
85. *Ялата А.А.* Яйла // Экономика и культура Крыма. – Симферополь, 1931. – С. 32–35.
86. *Вульф Е.В.* Демерджи и Караби-Яйла в Крыму и задачи мелиорации яйлы // По Крыму. – Симферополь, 1914. – Вып. 2. – С. 19–52.
87. *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. – М., 1982. – 187 с.
88. *Ядринцев Н.М.* Начало оседлости // Литературный сборник. – Спб., 1885. – С. 140–156.
89. *Дзенс-Литовская Н.Н.* Флористический очерк Тарханкутского полуострова в Крыму // Учен. зап. ЛГУ. Сер. геогр. – 1950. – № 125, вып. 7. – С. 134–173.
90. *Левковская Г.М.* Реконструкция палеогеографических условий городища Чайка по данным споро-пыльцевого анализа // КСИА. – 1970. – № 124. – С. 102–108.
91. *Бабков И.И.* Климат Крыма. – Л., 1961. – 85 с.
92. *Павлова Н.Н.* Физическая география Крыма. – Л., 1964. – 105 с.
93. *Шнитников А.В.* Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Зап. ГО СССР. – 1957. – Вып. 16. – 115 с.
94. *Хотинский Н.А.* Голоцен Северной Евразии. – М., 1977. – С. 198.
95. *Раунер Ю.Л.* Динамика экстремумов увлажнения за исторический период // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1981. – № 6. – С. 5–22.
96. *Шостакович В.Б.* Иловые отложения озер и периодические колебания в явлениях природы // Зап. Гос. гидрогеол. ин-та. – М., 1934. – Т. 13. – С. 95–140.
97. *Шостакович В.Б.* Иловые отложения Сакского озера как летопись климата // Саки-курорт. – Симферополь, 1935. – Т. 1. – С. 255–272.
98. *Дзенс-Литовский А.И.* Геологический возраст донных отложений минеральных озер // Природа. – 1936. – № 12. – С. 106–110.
99. *Швец Г.И.* Многовековая изменчивость стока Днепра. – Л., 1978. – 83 с.
100. *Щепинский А.А.* Взаимоотношение нагорий и равнин Крыма в эпоху камня – начала железа // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами. – Тбилиси, 1984. – С. 19–23.
101. *Гумилев Л.Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в древности // Ландшафт и этнос. – Вестн. ЛГУ. – 1966. – № 6. – С. 64–71.
102. *Гумилев Л.Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Там же. – № 5. – С. 81–90.
103. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. – Л., 1979. – 251 с. – Деп. № 1001–79.
104. *Борисова В.В.* Могильник у высоты "Сахарная головка" // Херсонесский сборник. – 1959. – Вып. 5. – С. 169–190.
105. *Кругликова И.Т.* Погребение IV–V вв. у дер. Айвазовское // СА. – 1957. – № 2. – С. 253–257.
106. *Айбабин А.И.* Погребение хазарского воина // СА. – 1985. – № 3. – С. 191–205.
107. *Щепинский А.А., Черепанова Е.Н.* Древности Степного Крыма. Северное Присивашье в V–I тыс. до н.э. – Симферополь, 1969. – 328 с.
108. *Черепанова Е.Н., Щепинский А.А.* Там, где пройдет Северо-Крымский. – Симферополь, 1966. – 94 с.
109. *Щепинский А.А.* Отчет о работе Северо-Крымской экспедиции в 1966 г. // Арх. ИА АН УССР. – 1966/33.
110. *Корпусова В.Н., Бессонова С.С., Молодчикова И.А., Черных Л.А.* Отчет о работе Северо-Крымской экспедиции в 1978 г. // Арх. ИА АН УССР. – 1978/12.
111. *Колотухин В.А.* Отчет о раскопках Северо-Крымской экспедиции в 1983 г. // Арх. ИА АН УССР. – 1983/10.
112. *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г.Керчи и его окрестностях в 1909 г. // ИАК. – 1913. – №47. – С. 1–41.
113. *Шкорпил В.В.* Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи // ЗООИД. – 1898. – Т. 21. – С. 12–47.
114. *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г.Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // ИАК. – 1910. – № 35. – С. 32–33.

115. *Амброз А.К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V–IX вв.: Дис. ... доктор. ист. наук: ИА АН СССР. – М., 1974. // Арх. ИА АН СССР. – Р. 2 № 2142 (текст) : Р. 2 № 2142а (альбом).
116. *Кропоткин В.В.* Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. – 1965. № 100. – С. 108–115.
117. *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965. – 111 с.
118. *Амброз А.К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. – 1973. – № 4. – С. 81–98.
119. *Амброз А.К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья : Археология СССР. – М., 1981. – С. 10–22.
120. *Амброз А.К.* [Рецензия] // СА. – 1973. – № 2. – С. 288–298. – Рец. на кн. : Erdélyi J., Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino. – Budapest, 1969.
121. *Рутковская Л.М.* Археологические памятники IV–VI вв. в районе Кременчугского моря (Украина) // SA. – 1979. – XXVII-2 – P. 317–364.
122. *Бобринский А.А.* Перещепинский клад // МАР. – 1914. – № 34. – 120 с.
123. *Айбабин А.И.* О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсонесе // СА. – 1982. – № 3. – С. 190–198.
124. *Кропоткин В.В.* Новые находки византийских монет на территории СССР // САИ. – 1961. – Г4-4. – 64 с.
125. *Марти Ю.Ю.* Городища Боспорского царства к югу от Керчи (Киммерик, Китей, Акра) // ИГОИАЭ. – 1928. – Вып. 2 (59). – С. 103–126.
126. *Марков А.* Топография кладов восточных монет. – Спб., 1910. – 148 с.
127. *Бабенчиков В.П.* Отчет о полевых работах Коктебельского отряда в 1954 г. – Арх. Отдела археологии Крыма ИА АН УССР. – № 13/4.
128. *Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. – М., 1967. – 135 с.
129. *Demangel R., Mamboury E.* Le quartier des Manganes et la premiére région de Constantinopole. – Paris, 1939. – 167 p.
130. *Brusic Z.* Byzantine amphorae (9-th to 12-th century) from Eastern Adriatic undewater cites // AA. – 1976. – **17. – P. 37–49.**
131. *Плетнева С.А.* Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. – 1959. – № 75. – С. 212–272.
132. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // Там же. – № 63. – 364 с.
133. *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Л., 1979. – 164 с.
134. *Баранов И.А.* Отчет о раскопках Судакской экспедиции в 1986 г. // Арх. ИА АН УССР. – 1986/6.
135. *Morgan Ch. H.* The Byzantine pottery // Corinth. – 1942. – **11.** – 361 с.
136. *Stevenson R.* The pottery, 1936–7 // The Greate Palace of the Byzantine Emperors. – London, 1947. – P. 31–63.
137. *Баранов И.А.* Отчет о раскопках на холме Кордон-Оба в 1976 г. // Арх. ИА АН УССР, 1976/93.
138. *Шелов Д.Б.* Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму // КСИИМК. – 1957. – № 68. – С. 98–103.
139. *Баранов І.А.* Розкопки салтово-маяцького поселення на р.Зуї в Криму // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. – К., 1972. – Вып. 4. – С. 248–250.
140. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. – Киев, 1985. – 183 с.
141. *Плетнева С.А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. – М., 1963. – С. 5–72.
142. *Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985. – 147 с.
143. *Рыжова Л.А.* Гончарная печь VIII–IX вв. вблизи Херсона (в районе Радиогорки) // Византия и ее провинции. – Свердловск, 1982. – С. 149–156.
144. *Айбабин А.И.* Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. – 1977. – № 1. – С. 225–239.
145. *Фронджуло М.А.* О раннесредневековом ремесленном производстве в Юго-Восточном Крыму // Археологические исследования средневекового Крыма. – Киев, 1968. – С. 133–154.
146. *Рудаков В.Е., Цибулькова В.А.* К характеристике металлических изделий из раскопок Баклинского городища // Византия и ее провинции. – Свердловск, 1982. – С. 134–144.
147. *Кропоткин В.В.* Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА. – 1958. – № 28. – С. 198–218.
148. *Саханев В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–12 гг. // ИАК. – 1914. – № 56.
149. *Сокольский Н.И.* Ильичевское городище // СА. – 1966. – № 4. – С. 125–140.
150. *Миллер А.А.* Раскопки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ИАК. – 1909. – № 33. – С. 71–102.
151. *Романчук А.И.* Об этнической принадлежности некоторых памятников Юго-Западного Крыма (по материалам раскопок храма и могильника на поселении под Баклой) // Историческая этнография: традиции и современность. – Л., 1983. – С. 130–140.
152. *Николаева Э.Я.* Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // КСИА. – 1978. – № 156. – С. 110–113.
153. *Waage F.* The Roman and Byzantine pottery // Hesperia. – 1933. – **2.** – P. 279–328.
154. *Waage F.* Hellenistik and Roman table ware // Antioch-on-the–Oronts. – Princeton, 1948. – **4(1).**
155. *Hayes J.W.* Late Roman pottery. – London, 1972. – 477 p.
156. *Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П.* и др. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. – Свердловск, 1971. – Вып. 7. – С. 81–101.

157. *Кузманов Е.* Типология и хронология на ранновизантийски амфоры (IV–VI вв.) // Археология. – София., 1973. – № 1. – С. 14–21.
158. *Robinson H.* Pottery of the Roman period // The Athenian Agora. – New Jersey, 1959. – **5**. – 141 p.
159. *Adams W.* An introductory classification of Christian Nubian pottery // Kush. – Khartoum, 1962. – **10**. – P. 245–288.
160. *Омелькова Л.А.* Отчет о спасательных работах в Бельбекской долине в 1983 г. // Арх. ИА АН УССР. – 1983/66. – 29 с.
161. *Ballance S.* The architecture // The Haghia Sophia at Trebizond. – Edinburgh, 1967. – P. 8–36.
162. *Кузманов Г.* Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV – началото на VII в.) // Разкопки и проучвания. – София, 1985. – Кн. 13. – 111 с.
163. *Scorpan C.* Contribution á la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins (IV–VII siécles) dans l'espace Istro-Pontique // Dacia. N 3. – 1977. – **21**. – P. 269–297.
164. *Веймарн Е.В.* Археологічні роботи в районі Інкермана // АП УССР. – 1963. – № 13. – С. 15–89.
165. *Айбабин А.И., Веймарн Е.В.* Склеп 406 Скалистинского могильника // СА. – 1983. – № 4. – С. 213–218.
166. *Scorpan C.* Ceramica Romano–Bizantina de la Sacidava // Pontica. – 1975. – 8. – P. 263–313.
167. *Böttger B.* Die Keramikfude aus dem Kastell Jatrus und ihr entwicklungsgeschichtlicher Zusammenhang hang mit der spätantiken Keramik der Balkanländer // Klio. – 1967. – **48**. – P. 251–314.
168. *D'Andria F.* La documentazione archeologica medioevale Nella Puglia meridionale // Le aree omogenee della Civiltà Rupestre nell' – ambito dell'Impero Bizantino: la Serbia. Atti del quarto convegno internazionale di studio sulla cività rupestre medoievale nell mezzogiorno D'Italia. – Lecce, 1979. – P. 223–227.
169. *Баранов И.А.* Погребение V в. н.э. в Северо-Восточном Крыму // СА. – 1973. – № 3. – С. 243–245.
170. *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. – 1960. – № 83. – 177 с.
171. *Schneider A.M.* Samos in früchristlicher und Byzantinischer Zeit // AM. – 1929. – **54**.
172. *Kondurachi E.* Ceramica din epoca romana târzie // Histria. – 1954. – **1**. – P. 451–465.
173. *Böttger B.* Die Gefäbkeramik aus dem Kastell Iatrus // Iatrus – Krivina. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. – Berlin, 1982. – **2**. – S. 33–148.
174. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. – Т. 1. – 382 с.
175. *Давыдов А.Д.* Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. – М., 1979. – 134 с.
176. *Косвен М.О.* Семейная община и патронимия. – М., 1963. – 220 с.
177. *Аммиан Марцеллин.* Истории // ВДИ. – 1949. – № 3. – С. 1003–1028.
178. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. – М.; Л., 1946. – Т. 1.
179. *Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р.Дона // МИА. – 1958. – № 62. – С. 85–150.
180. *Гадло А.В.* Южное Приазовье в период Хазарского каганата. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв.: Дис. канд. ист. наук: – Л., 1969 // Арх. ЛГУ. – 268 с.
181. *Авербух М.С.* Законы народонаселения докапиталистических формаций. – М., 1967. – 207 с.
182. *Инал-Ипа Ш.Д.* Абхазы (историко-этнографические очерки). – Сухуми, 1965. – 693 с.
183. *Афанасьев Г.Е.* Большая семья у алан // СА. – 1984. – № 3. – С. 66–82.
184. *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. – Л., 1976. – 192 с.
185. *Магометов А.Х.* Семья и семейный быт осетин в прошлом и настоящем. – Орджоникидзе, 1962. – С. 6–7.
186. *Ламберти Аркадий.* Описание Колхиды // СМОИПК. – 1913. – № 43. – С. 188–189.
187. *Калоев Б.А.* Осетины. – М., 1967. – 243 с.
188. *Генко А.Н.* Задача этнографического изучения Кавказа // СЭ. – 1936. – № 4/5. – С. 5–6.
189. *Захариев И.* Каменица. Географиско-этнографиско изучване // СКУН. – 1955. – № 40. – С. 266–267.
190. *Гончаров В.К.* Лука-Райковецкая // МИА. – 1963. – № 108. – С. 282–315.
191. *Березовец Д.Т.* Поселение уличей на р.Тясмине // Там же. – С. 145–208.
192. *Довженок В.И.* Об экономических предпосылках сложения феодальных отношений у восточных славян // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. – М.,.1969. – С. 34–35.
193. *Zaharia E.* Sapaturile de la Dridu. – Bucureşti, 1967.
194. *Бырня П.П.* Кут – древний тип сельского поселения на территории Молдавии // ИМФ. – 1961. – № 5.
195. *Кисляков Н.А.* Очерки истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1978. – 240 с.
196–197. *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. – М., 1941. – 436 с.
198. *Третьяков П.Н.* Подсечное земледелие в Восточной Европе // ИГАИМК. – 1932. – № 14. – 39 с.
199. *Степанов Н.Н.* Социальный строй тунгусов в XVII в. // Советский Север. – Л., 1939. – Т. 3. – С. 54–55.
200. *Певцов М.В.* Путешествие по Китаю и Монголии. – М., 1951. – 284 с.
201. *Карлов В.В.* Социальная и этническая структура енисейских эвенков в XVII–XVIII вв. // СЭ. – 1971. – № 1. – С. 110–115.
202. *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). – М., 1968. – Вып. 1. – 177 с.

203. *Харузин Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. – Спб., 1896. – С. 124.
204. *Дубровский М.И.* Жилища крымских горных татар // По Крыму. – 1914. – № 1. – С. 1–21.
205. *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. – М., 1983. – 224 с.
206. *Плетнева С.А.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья : Археология СССР. – С. 62–75.
207. *Ковалевская В.Б.* Центральное Предкавказье // Там же. – С. 83–89.
208. *Башкиров А.С.* Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г. // Уч. зап. ЛГПИ. – М., 1950. – Вып. 13/2. – С. 133–156.
209. *Долгоруков В.С.* Исследования береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. // КСИА. – 1975. – № 143. – С. 54–59.
210. *Домбровский О.И.* Базманские пещеры в Горном Крыму // Крымский государственный заповедник. – Симферополь, 1963. – С. 21–31.
211. *Баранов И.А.* Отчет о раскопках поселения под Загайтанской скалой в Инкермане в 1977 г. // Арх. ИА АН УССР. – 1977/44.
212. *Баранов И.А.* Отчет о раскопках на холмах Кордон-Оба в 1975 г. // Там же. – 1975/101.
213. *Фронджуло М.А.* Раскопки в Судаке // Феодальная Таврика. – С. 139–150.
214. *Баранов И.А.* Сугдея в VII–XIII вв. (к проблеме формирования средневекового города) // Тез. докл. сов. делегации на V Междунар. конгр. славянской археологии. – М., 1985. – С. 53–54.
215. *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. – 1952. – № 25. – С. 135–222.
216. *Талис Д.Л.* Раскопки Баклинского городища в 1961–1965 гг. // КСИА. – 1969. – № 120. – С. 57–63.
217. *Бабенчиков В.П.* Отчет о полевых работах Коктебельского отряда в 1954 г. // Арх. Отдела археологии Крыма ИА АН УССР. – № 13/4.
218. *Баранов И.А.* Отчет о раскопках на мысе Троицы в 1968 г. // Арх. ИА АН УССР. – 1968/17.
219. *Домбровский О.И.* Средневековое поселение и "Исары" Крымского Южнобережья // Феодальная Таврика. – С. 5–55.
220. *Домбровський О.І.* Середньовічний Крим X–XV ст. // Археологія Української РСР. – К., 1975. – Т. 3. – С. 518–534.
221. *Tchalenko G.* Villages antiques de la Syrie du Nord. Le massif du Bélus a L'époque Romaine. – Paris, 1953. – Pl. CCXII.
222. *Белый А.В.* Раскопки на городище Кыз-Кермен // АО 1982 г. – М., 1984. – С. 243.
223. *Белый А.В.* Раскопки усадьбы VIII–IX вв. на городище Кыз-Кермен // АО 1983 г. – М., 1985. – С. 259–260.
224. *Веймарн Е.В.* Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // Византия и ее провинции. – Свердловск, 1982. – С. 69–88.
225. *Неразик Е.Е.* Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). – М., 1976. – С. 256.
226. *Повесть* временных лет. Лаврентьевский список. – М.; Л., 1950. – Т. 2. – 556 с.
227. *Константин Багрянородный.* Об управлении государством. О фемах Запада. Изложение царского чина // ИГАИМК. – 1934. – № 91. – С. 72.
228. *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л., 1932. – 135 с.
229. *Макарова Т.И.* Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи) // КСИА. – 1965. – № 104. – С. 70–76.
230. *Макарова Т.И.* Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА.– 1982. – № 4. – С. 91–106.
231. *Гадло А.В.* Городище Казар-кала (к вопросу о хазарской культуре в Северном Дагестане) // КСИА. – 1975. – № 144. – С. 60–66.
232. *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана, "Бревиарий" Никифора. – М., 1980. – 214 с.
233. *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. – Berlin, 1958. – Bd 2. – 315 s.
234. *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X в. по Р.Х.). – Спб., 1870. – 308 с.
235. *Васильевский В.Г.* Введение в Житие св. Стефана Сурожского // Труды. – Пг., 1915. – Т. 3. – С. 142–288.
236. *Герцен А.Г.* Система оборонительных сооружений Мангупа: Дис. ... канд. ист. наук. – Симферополь, 1984. – 233 с.
237. *Шкорпил К.* Знаки на строительных материалах. Материалы для болгарских древностей Абобы-Плиска // ИРАИК. – 1905. – Т. 10. – С. 247–268.
238. *Афанасьев Г.Е.* Исследования южного угла Маяцкой крепости // Маяцкое городище. – М., 1984. – С. 26–55.
239. *Биджиев Х.Х., Гадло А.В.* Раскопки Хумаринского городища в 1974 г. // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1979. – С. 27–51.
240. *Биджиев Х.Х., Гадло А.В.* Раскопки Хумаринского городища в 1976 г. // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1979. – С. 15–21.
241. *Овчаров Д.* Византийски и български крепости V–X век. – София, 1982. – 170 с.
242. *Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // Готский сборник. – ИГАИМК. – 1932. – Т. 12, вып. 1–8. – С. 107–152.
243. *Никитский А.* Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готии // ЗООИД. – 1883. – Т. 13. – С. 25–34.

244. *Хвольсон Д.А.* Выступление на заседании VI отделения // Тр. I Археол. съезда в Москве 1869 г.– М., 1871. – Т. 1. – 140 с.
245. *Хвольсон Д.А.* Еврейские древности в Крыму // Там же. – Т. 2. – С. 853–859.
246. *Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чореф М.Я.* Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. – С. 123–139.
247. *Веймарн Е.В.* Отчет о работе Мангупского отряда Крымской экспедиции Института археологии АН УССР в 1972 году // Арх. Отдела археологии Крыма ИА АН УССР. – № 64. – А–23. – С. 35.
248. *Быков А.А.* Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – М., 1974. – С. 24–101.
249. *Макаренко Н.Е.* Археологические исследования 1907–1909 гг. // ИАК. – 1911. – №43. – С. 1–47.
250. *Fehér G.* Les monuments de la culture protobalgare et leurs relations hongroises. – Budapest, 1931. – 164 p.
251. *Талис Д.Л.* Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1974. – С. 89–114.
252. *Баранов И.А.* Археологическая разведка на территории Сюйренского укрепления в Крыму // Археологические исследования на Украине в 1968 г. – 1971. – Вып. 3. – С. 88–92.
253. *Воронин Ю.С., Даниленко В.Н. и др.* Работы в Бахчисарайском районе // АО 1978 г. – М., 1979.– С. 313–315.
254. *Караулов Г.Э.* Древнее Сюйренское укрепление и башня на Бельбеке // Новороссийский календарь 1871 г. – Одесса, 1871. – С. 1–23.
255. *Веймарн Е.В., Репников Н.И.* Сюйренское укрепление. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. // ИГАИМК. – 1935. – № 117. – С. 115–125.
256. *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – М.; Л., 1964. – 183 с.
257. *Воронин Ю.С.* Отчет о раскопках в Сюйренской крепости в 1978 г. // Арх. ИА АН УССР. – 1978/14. – 28 с.
258. *Витрувий.* Десять книг об архитектуре / Пер. Ф.А.Петровского. – М., 1936. – 331 с.
259. *Овчаров Д.* Български средневековни рисунки-графити. – София, 1982. – 367 с.
260. *Плетнева С.А.* Рисунки на стенах Маяцкого городища // Маяцкое городище. – М., 1984. – С. 57–94.
261. *Белый А.В.* Работы Бахчисарайского музея // АО 1980 г. – М., 1981. – С. 229–230.
262. *Белый А.Н.* Раскопки на городище Кыз-Кермен // АО 1981 г. – М., 1983. – 242 с.
263. *Якобсон А.Л.* О раннесредневековых крепостных стенах Чуфут-Кале // КСИА. – 1974. – № 140. – С. 110–114.
264. *Веймарн Е.В.* О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. – Киев, 1968. – С. 45–82.
265. *Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н., Акчокраклы О.А.* Чуфут-Кале. По материалам раскопок 1928–1929 гг. // ИТОИАЭ. – 1929. – Т. 3. – С. 170–183.
266. *Барсамов Н.С.* Археологические раскопки в Отузах 1927 и 1928 гг. // Там же. – С. 165–169.
267. *Яценко И.В.* Новые сведения о планировке скифского поселения у санатория "Чайка" в Евпатории // АО 1973 г. – 1974. – 368 с.
268. *Баранов І.А.* Нові середньовічні пам'ятки на горі Аю-Даг // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. – 1972. – Вип. 4. – С. 250–253.
269. *Diehl Ch.* L'Afriquem Byzantine. Histoire de la domination Byzantine en Afrique (533–709). – Paris, 1896. – P. 644.
270. *Kroll G.* Auf den Spuren Jesu. – Leipzig, 1983. – 613 s.
271. *Paradissis A.* Fortresses and castles of Greece. – Athens, 1982. – 3. – 231 p.
272. *Хвольсон Д.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских, Абу Али Ахмеда Бен Омар Ибн Даста, арабского писателя начала X в. // ЖМНП. – 1869. – С. 657–771. – Отт.
273. *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – М., 1962. – Т. 1. – С. 278.
274. *Феофилакт Симокатта.* История / Вступ. ст. Н.В.Пигулевской; пер. С.П.Кондратьева. – М., 1957.– С. 223.
275. Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. / Подготовка текста, введ., пер. и коммент. Г.Г.Литаврина. – М., 1972. – 742 с.
276. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. – Харьков, 1956. – 345 с.
277. *Довженок В.И.* Землеробство Древньої Русі. – К., 1961. – 268 с.
278. *Краснов Ю.А.* Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий по археологическим материалам Восточной Европы // СА. – 1978. – № 4. – С. 98–114.
279. *Краснов Ю.А.* Средневековые плуги Восточной Европы // СА. – 1979. – № 4. – С. 56–71.
280. *Сорокин С.С.* Железные изделия Саркела – Белой Вежи // МИА. – 1959. – № 75. – С. 135–199.
281. *Кеппен П.И.* О древностях Южного берега и гор Таврических. – Спб., 1837. – 409 с.
282. Народы Кавказа. – М., 1962. – Т. 2. – 683 с.
283. *Михайлов С.* Археологически материалы от Плиска // ИАИ. – София, 1955. – Т. 20. – С. 49–182.
284. *Neamtu V.* Aratrul plaz Contributii la conoasterea vechilor unete de arat pe teritoiul Romanici // Memoria antiqvitatis. – 1970. – 2. – P. 423–437.
285. *Heinz K.* Historiche pfluggrenzen im westslawischen // 2-й Международный конгресс славянской археологии. – Берлин, 1970. – Т. 2. – 437 с.
286. *Pallas P.S.* Bemerkungen auf einer Reise in die Statthalterschaften des Russischen Reichs. – Leipzig, 1801. – 2. – 206 s.

287. *Сюзюмов М.Я.* О характере и сущности Византийской общины // ВВ. – 1950. – Вып. 5. – С. 25–31.
288. Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. // Введ., пер. с греческого и коммент. Е.Э.Липшиц. – М.; Л., 1960. – 375 с.
289. *Мухиддинов И.* Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX – начале XX в. – М., 1975. – 125 с.
290. *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. – Л., 1978. – 157 с.
291. *Талис Д.Л.* Отчет о работе Баклинской экспедиции Государственного исторического музея в 1965 г. // Арх. Отдела археологии Крыма ИА АН УССР. – № 53/1.
292. *Гадло А.В.* Отчет о работах Приазовской экспедиции в 1963 г. // Арх. ИА АН УССР. – № 163/32.
293. *Якубцинер М.М.* К истории культуры пшеницы в СССР // Материалы по истории земледелия в СССР. – М., 1956. – Т. 2.
294. *Янушевич З.В.* Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. – Кишинев, 1976. – 214 с.
295. *Секиринский С.А.* Об урожайности зерновых в Таврической губернии (начало XIX – начало XX в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1966 г. – Таллин, 1971. – С. 315–320.
296. *Красков Ю.А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной зоне Восточной Европы. – М., 1971. – 166 с.
297. *Третьяков П.Н.* Подсечное земледелие в Восточной Европе // ИГАИМК. – 1932. – № 14. – 39 с.
298. *Слободин В.М.* Развитие и смена систем земледелия до I тыс. н.э. // Материалы по истории земледелия в СССР. – М., 1952. – Т. 2.
299. *Блаватский В.Д.* Краткий очерк античного земледелия в Северном Причерноморье // Там же.
300. *Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. – М., 1958. – 206 с.
301. *Сказкин С.Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. – М., 1968. – 377 с.
302. План села Тау-Кипчак 1872 г. // Крымский областной государственный архив. – Фонд Губернской чертежной. – Ф. 377, оп. 7, д.К-54. – К-12/26, К-Ш, К-15/70, 3203/166.
303. *Сухобоков О.В.* Славяне Днепровского Левобережья. – Киев, 1975. – 166 с.
304. *Бибиков С.Н.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого триполья // СА. – 1965. – С. 48–62.
305. *Массон В.М.* Поселение Джейтун // МИА. – 1971. – № 18. – С. 208.
306. *Teall J.* The grein of the Byzantine Impire // DOP. – 1959. – 13. – P. 88–139.
307. *Шестаков С.П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. – Вып. 3. – 142 с.
308. *Obolensky D.* Byzantium and Russia in the late middle ages // Europe in late middle ages. – London, 1965. – P. 242–260.
309. *Качиони С.А.* В дебрях Крыма. – Спб., 1917.
310. *Лашков Ф.И.* Сельская община в Крымском ханстве. – Симферополь, 1887. – С. 59.
311. *Шаманов И.М.* Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX – начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. – М., 1972. – Вып. 5. – С. 67–97.
312. *Лордкипанидзе Г.А.* Животноводство и промыслы античной Колхиды // СА. – 1967. – № 1. – С. 27–39.
313. *Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство Руси конца XIII – начала XIV в. – М., 1965. – 463 с.
314. *Курылев В.П.* Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства. – М., 1976. – 142 с.
315. *Москаленко А.Н.* Городище Титчиха. – Воронеж, 1965. – 308 с.
316. *Калоев Б.А.* Материальная культура и прикладное искусство Осетии. – М., 1973. – 136 с.
317. *Левенок В.П.* Пряслица городища Саркел – Белая Вежа // МИА. – 1959. – № 75. – С. 340–352.
318. *Березин Б.И., Загаринская Л.А.* Полиграфические материалы. – М., 1955. – 631 с.
319. *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество восточных славян // Тр. института этнографии. – М., 1956. – Т. 31. – С. 461–535.
320. *Талис Д.Л.* О железоделательном производстве средневекового времени в Горном Крыму // Древности Восточной Европы. – М., 1969. – С. 233–234.
321. *Рудаков В.Е., Цибульникова В.А.* К характеристике металлических изделий из раскопок Баклинского городища // Византия и ее провинции. – Свердловск, 1982. – С. 134–144.
322. *Давыдов П.Д.* Очерки Крыма. – Харьков, 1881. – 113 с.
323. *Колчин Б.А.* Техника обработки металла в Древней Руси. – М., 1953. – 160 с.
324. *Dienes I.* The Hungarians cross the Carpathians. – Budapest, 1972. – 94 p.
325. *Генинг В.Ф.* Мыдлань-Шай – удмурдский могильник VIII–IX вв. // ВАУ. – 1962. – № 3. – С. 7–111.
326. *Баранов И.А.* Средневековая литейная форма из Старого Крыма // СА. – 1977. – № 2. – С. 242–246.
327. *Рыбаков Б.А.* Средневековая литейная форма из Фанагории // МИА. – 1956. – № 57. – С. 180–182.
328. *Артамонов М.И.* Белая Вежа // СА. – 1952. – № 16. – С. 42–76.
329. *Смирнов А.П.* Волжские Булгары. – М., 1951. – С. 275.
330. *Teodor D.Gh.* Romanitatea Carpato–Dunăreană si Bizantul în veacurile V–XI E.N. – Iaşi, 1981. – P. 120.
331. *Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. 1973. – Е1-36. – С. 140.
332. Lietuviu liaudies menas. – Vilnius, 1966. – T. 2. – P. 16.

333. *Шрамко Б.А.* Керамiка салтiвської культури // Тр. Iст. фак. ХДУ. – 1959. – № 7. – С. 241–267.
334. *Хлебникова Т.А.* Керамика болгар Поволжья VIII – начала X в. (Этнокультурные группы и их истоки) // Плиска – Преслав. – София, 1981. – Т. 2. – С. 146–159.
335. *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. – М., 1984. – С. 240.
336. *Дончева-Петкова Л.* Българска битова керамика през ранното средновековие (втората половина на VI – края на X в.). – София, 1977. – С. 223.
337. *Florescu F.B.* Ceramica neagra lustruita de la marginea. – Bucureşti, 1958. – P. 77.
338. *Красильников К.И.* Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. – 1976. – № 3. – С. 367–378.
339. *Бабенчиков В.П.* Гончарное ремесло раннесредневекового Крыма // Арх. Отдела археологии Крыма. – В22.
340. *Горюнов Е.А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. – Л., 1981. – С. 133.
341. *Артамонов М.И.* Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья // Докл. ГО СССР. – 1970. – Вып. 15. – С. 3–37.
342. *Bona I.* VII. Századi avar települések és Arpád–Kori Magyar falu dunaújvárosban. – Budapest, 1973. – 162 p.
343. *Garam E.* The Homokmégy – Halom cemetery. // Avar finds in the Hungarian National Museum. – Budapest, 1975. – 1. – P. 11–42.
344. *Артамонов М.И.* Етническата принадлежност и историческото значение на пастирската култура // Археология. – София, 1969. – № 3. – С. 1–10.
345. *Приходнюк О.М.* Археологiчнi пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н.е. – К., 1980. – 150 с.
346. *Bálint C.* Über einige östliche Beziehungen der Frühawarenzeit (568 – circa 670/680) // Mitteilungen des Archäologischen instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. – Budapest, 1980. – 10/11. – P. 131–146.
347. *Ляпушкин И.И.* Средневековое поселение близ ст.Суворовской // МИА. – 1958. – № 62. – С. 323–336.
348. *Хынку И.Г.* Памятники Балкано-Дунайской культуры (X–XIV вв) // Древняя культура Молдавии. – Кишинев, 1974. – С. 127–150.
349. *Рудаков В.Е.* Исследования Баклинского городища в 1971–1972 гг. // АДСВ. – 1975. – Вып. 11. – С. 23–29.
350. *Флеров В.С.* Маяцкий могильник // Маяцкое городище. – М., 1984. – С. 142–199.
351. *Кузнецов В.А.* Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА. – 1964. – № 99. – С. 34–39.
352. *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес // МИА. – 1950. – № 17. – 255 с.
353. *Гадло А.В.* Отчет о работах Приазовской экспедиции 1962 г. // Арх. ИА АН УССР. – 163/32.
354. *Комша М.* О значении гончарных клейм раннефеодальной эпохи // Dacia. – Bucuresti, 1961. – 5. – P. 449–461.
355. *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. – М., 1948. – 792 с.
356. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – Т. 3.
357. *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – М., 1967. – Т. 2. – 210 с.
358. *Ahrweiler H.* Byzance et la mer. La marine de guerre la politique et les Institutions maritimes de Byzance aux VII–XV siecles. – Paris, 1966. – 502 p.
359. *Соколова К.Ф.* Антропологические материалы могильников Инкерманской долины // АП УССР. – 1963. – Т. 13. – С. 124–159.
360. *Зиневич Г.П.* Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. – Киев, 1973. – 261 с.
361. *Репников Н.И.* Некоторые могильники в области крымских готов // ИАК. – 1906. – № 19. – С. 3–80.
362. *Репников Н.И.* Партенитская базилика // ИАК. – 1909. – № 32. – С. 3–52.
363. *Новикова Л.* Могильник на горе Болван в Судаке // ИТОИАЭ. – 1929. – № 3. – С. 131–137.
364. *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. – 1962. – № 103. – С. 6–85.
365. *Когонашвили К.К., Махнева О.А.* Раскопки на Бекетовском могильнике // Археологические исследования на Украине в 1968 г. – 1971. – Вып. 3. – С. 85–87.
366. *Репников Н.И.* Городище Качи-Кальон. // Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. // ИГАИМК. – 1935. – № 117. – С. 102–114.
367. *Рудаков В.Е.* Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X–XIII вв. // Античная и средневековая идеология. – Свердловск, 1984. – С. 35–57.
368. *Айбабин А.И.* Погребения конца VII – первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII в. – М., 1982. – С. 165–192.
369. *Бабенчиков В.П.* Средневековые поселения и ремесленные гончарные центры V–XV вв. в Юго-Восточном Крыму // Арх. Отдела археологии Крыма ИА АН УССР. – В-21.
370. *Соколова К.Ф.* Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма // История и археология средневекового Крыма. – М., 1958. – С. 63–87.
371. *Соколова К.Ф.* Антропологiчнi данні про черепи з Керчі // Матеріали з антропології України. – 1962. – № 2. – С. 88–91.
372. *Бениволенская Ю.Д.* Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма // МИА. – 1970. – № 168. – С. 197–222.

373. *Махнева О.А.* О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. – С. 155–168.
374. *Кулаковский Ю.* Керченская христианская катакомба 491 года // Древности Южной России. – Спб., 1891. – 30 с.
375. *Лопарев Хр.М.* Греческие жития VIII–IX вв. – Пг., 1914. – 450 с.
376. *Travlos J., Frants A.* The chirch of the St. Dionisios the Areopagite and the Palace of the archlishop of Athens in the 16-th sentury // Hisperia. – 1965. – **24/3.** – P. 157–202.
377. *Wiseman J.* Excavation an Corinth the Gumnasium area 1966 // Hesperia. – Baltimore, 1967. – **26/4.** – P. 402–428.
378. *Rotili M.* I monumenti della Longobardia meridionale attraverso gli ultimi studi // La Civiltá dei Longobardi in Europa. – Roma, 1974. – P. 203–239.
379. *D'Andria F.* La documentazione archeologica negli insediamenti del materano tra tardoantico e alto medioevo // Habitat – Strtture Territorio. Atti del terzo Convegno Internazionale di studio sulla civilta rupestre medioevale nel mezzogiorno d'Italia. – Lecce. – 1978. – P. 157–180.
380. *Jelovina D.* Starohrvatske nekropole. – Split, 1976. – P. 176.
381. *Philoppson A.* Das Byzantiniche Reich als geographiche Erscheinung. – Leiden, 1939. – 324 p.
382. *Мцхета.* Археологические памятники Армазис-Хеви. – Тбилиси, 1958. – 282 с.
383. *Кузнецов В.А.* Северный Зеленчукский храм // СА. – 1964. – № 4. – С. 136–150.
384. *Кузнецов В.А.* Средний Зеленчукский храм // СА. – 1968. – № 3. – С. 137–147.
385. *Мирчев М.* Новооткрит средневековен некропол при Каварна // ИВАД. – Варна, 1961. – № 12.
386. *Preda C.* Callatis. Necropola romano–bizantina. – Bucureşti, 1980. – 224 p.
387. *Лопарев Хр.М.* Византийские жития VIII–IX вв. // ВВ. – 1911. – № 17. – С. 1–224.
388. *Сміленко А.Т.* Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II–XIII ст.) – К., 1975. – 209 с.
389. *Станчев Ст., Иванов С.* Некрополь до Нови Пазар. – София, 1958. – 229 с.
390. *Миков В.* Последни могилни находки // Мадара. – София, 1934. – Кн. 1. – С. 429–438.
390. *Миков В.* Последни могилни находки // Мадара. – София, 1934. – Кн. 1. – С. 429–438.
391. *Мавродинов Н.* Прабългарската художествена индустрия // Там же. – 1936. – Кн. 2. – С. 155–273.
392. *Ваклинов Ст., Ваклинова М.* Съкровището от над сент Миклош. – София, 1983. – 87 с.
393. *Балинт Ч.* Погребения с конем у венгров в IX–X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972. – С. 176–188.
394. *Спицин А.А.* Аварские древности // Арх. ЛОИА АН СССР. – Ф. 5. – Д. 31а. – С. 25–34.
395. *Marosi A., Fettich N.* Trouvailles avares de Dunapentele // AH. – 1936. – **18.** – 107 p.
396. *Тахтай А.К.* Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 году // Херсонесский сборник. – 1948. – № 4. – С. 19–43.
397. *Березовец Д.Т.* Отчет о раскопках 1959–61 гг. // Арх. ИА АН УССР. – 1959–61/6а.
398. *Димитров Д.Д.* Древнеболгарские некрополи в Варненском округе // Славяните и средиземноморският свят VI–XI век. – София, 1973. – С. 75–91.
399. *Erdélyi I., Ojtozi E., Gening W.* Das gräberfeld von Newolino. – Budapest, 1969. – 93 p.
400. *Плетнева С.А., Николаенко А.Г.* Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. – 1976. – № 3. – С. 279–298.
401. *Сорокина Н.П.* Средневековое погребение из некрополя г.Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции ГИМ. – М., 1969. – С. 124–130.
402. *Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде // Тр. XII Археол. съезда в Москве. – М., 1905. – Т. 1.
403. *Димитров Д.И.* Погребалният обряд при раннобългарските некрополи във Варненско (VIII–X вв.) // ИАИ. – 1974. – № 34.
404. *Бабенчиков В.П.* Отчет Коктебельского отряда за 1952 г. // Арх. отд. археологии Крыма ИА АН УССР. – А-8.
405. *Кузнецов В.А.* [Рецензия] // СА. – 1969. – № 2. – С. 296–300. – Рец. на кн.: Плетнева С.А. От кочевий к городам.
406. *Мерперт Н.Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. – 1955. – № 23. – С. 131–168.
407. *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – 267 с.
408. *László G.* Etudes archéologiques sur l'histoire de la société des avars // AH. – 1955. – **34.** – 296 p.
409. *Амброз А.К.* [Рецензия] // СА. – 1973. – № 4. – С. 289–294. – Рец. на кн. : Salamon A., Erdélyi I. Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe.
410. *Vinski Z.* Kasnoantički starosjedioci u salonitanskoj regiji prema arheološkoj ostavštini predslavenskog supstrata // Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmatibsku. – Split, 1974. – **23.** – P. 5–86.
411. *Распопова В.И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л., 1980. – 137 с.
412. *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. – Л., 1973. – 389 с.
413. *Халиков А.Х.* Столицата на Волжска България от домонголско время – София, 1973. – С. 21–37. – (Археология, № 1).
414. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. – 1952. – № 28. – 276 с.
415. *Cilinská Z.* Zur frage des zweiten Awarischen Kaganats // SA. – 1967. – **15/2.** – P. 447–454.
416. *Ковалевская В.Б., Краснов Ю.А.* [Рецензия] // СА. – 1973. – **2.** – С. 280–287. – Рец. на кн. : Erdeli I., Ojtori E., Gening W. Das Graberfeld von Nevolino.
417. *László G.* A népvándorláskor művészete Magyarországon. – Budapest, 1974. – 131 p.
418. *Garam E.* Das awarenzeitliche gräberfeld von Kisköre. – Budapest, 1979. – 106 p.

419. *Dekan Ján.* Velka Morava. – Bratislava, 1976. – 281 p.
420. *Эрдели И.* К вопросу о пребывании древних венгров на Кубани // Congressus tertius internationalis fennougristarum. – Talli, 1970. – 5 p.
421. ОАК за 1904 г. – Спб., 1907. – С. 135–136.
422. *Халикова Е.А.* Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. – 1976. – № 3. – С. 141–156.
423. *Халикова Е.А.* К вопросу о контактах древних венгров с болгаро-тюркскими племенами в Восточной Европе // Плиска – Преслав. – Вып. 2. – С. 72–81.
424. *Ковалевская В.Б.* Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 83–93.
425. *Смирнов К.А.* Дьяковская культура // Дьяковская культура. – М., 1974. – С. 7–90.
426. *Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тыс. н.э. – М., 1968. – 161 с.
427. *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983. – 175 с.
428. *Ross M.C.* Catalogue of the Byzantine and early mediaeval antiquities in the Dumbarton Oaks collection. Metalwork, ceramics, glass, glyptics, painting. – Washington, 1962. – 1. – 115 p.
429. *Романчук А.И.* Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // АДСВ. – 1976. – С. 9–26.
430. *Паршина Е.А.* Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика. – С. 56–93.
431. *Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. – Киев, 1986. – Т. 3. – С. 231–248.
432. *Асеев Ю.С.* Архитектура Крыма V–IX вв. // Всеобщая история архитектуры. – М.; Л., 1966. – Т. 3. – С. 502–511.
433. *Tchalenko G.* Travaux en cours dans la Syrie du Nord. // Syria. – Paris, 1973. – **50**, fas. 1/2. – P. 115–136.
434. *Rice D.T.* Arte cristiana in Asia // Le civiltá dell'Oriente. – 1962. – **4**. – P. 431–450.
435. *Crowfoot J.W.* Early churches in Palestine. – London, 1911. – 325 p.
436. *Ahrweiler H.* Les relations entre les Byzantins et les Russes au IX siécle // Byzance : les pays et les terivoires. Bulletin d'Information et Internationale des Etudes. – London, 1976. – P. 44–71.
437. *Сказания* о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б.Н.Флори // Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы. – М., 1981. – 197 с.
438. *Vernadsky G.* Byzantium and Southern Russia // Byzantion. – **15**. – 1940/1941.
439. *Талис Д.Л.* Топонимы Крыма с корнем -рос,-рус // АДСВ. – 1973. – № 10. – С. 229–234.
440. *Березовець Д.Т.* Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. – 1970. – Вип. 24. – С. 59–74.
441. *Якобсон А.Л.* Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. – 1973. – № 10. – С. 131–138.
442. *Артамонов М.И.* Очерки древнейшей истории хазар. – Л., 1936. – 137 с.
443. *Moravcsik G.* Zur Geschichte der Onoguren // Ungarische Jahrbücher. – 1930. – **10**.
444. *Генинг В.Ф.* Проблемы железного века Урала // ВАУ. – 1961. – № 1. – С. 23–47.
445. *Генинг В.Ф.* К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н.э. // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1964. – Т. 2. – С. 111–129.
446. *Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тыс. н.э. – 161 с.
447. *Генинг В.Ф.* Южное Приуралье в III–VII вв. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972. – С. 221–295.
448. *Генинг В.Ф.* Тураевский могильник V в. н.э. // Из археологии Волго-Камья. – Казань, 1976. – С. 55–108.
449. *Семенов В.А.* Петропавловский могильник VI–VII вв. в Южной Удмурдии // ВАУ. – 1967. – № 7. – С. 164–171.
450. *Генинг В.Ф., Голдина Р.Д.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. – 1973. – № 12. – С. 60–125.
451. *Халикова Е.А.* Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. – С. 145–160.
452. *Fettich N.* Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn // AH. – 1937. – **21**. – 303 p.
453. *Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль. – М., 1975. – 146 с.
454. *Деревянко Е.И.* Мохэтские памятники Среднего Амура. – Новосибирск, 1975. – 252 с.
455. *Szöke B.* A honfoglaló és kora Árpád–kori magyarsg régészeti enlékei // Régészeti Füzetek. – Budapest, 1956. – T. 1. – C. 247.
456. *Török G.* The Visznek ce metery // Avar finds in the Hungarian National Museum. – Budapest, 1975. – T. 1. – C. 323–341.
457. *Никифор Григора.* Римская история / Пер. И.Шалфеева // Византийские историки, переведенные с греческого при С.Петербургской Духовной Академии. – Спб., 1862. – Т. 1. – 564 с.
458. *Kovrig I.* Das Awarenzeiliche Gräberfeld von Alattyán // AH. – 1963. – **40**. – 239 с.
459. *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. – Cambridge, 1936. – 202 p.
460. *Удальцова З.В.* Внутреннее и внешнее положение империи во второй половине VI–VII вв. // История Византии. – М., 1967. – Т. 1. – С. 354–378.
461. *Ostrogorsky G.* Byzantium in the seventh century // DOP. – 1959. – **13**. – С. 3–21.
462. *Дворник Фр.* Миссии греческой и западной церквей в Восточной Европе в средние века // Докл. на III Междунар. конгр. истор. наук. – М., 1970. – 15 с.

463. *Obolensky D.* The principles and methods of Byzantines Diplomacy // Actes du XIII-e Congrés International d'Etudes Byzantines. – Beograde, 1963. – С. 57–58.
464. Никифора, патриарха Константинопольского краткая история со времен Маврикия / Пер. Е.Э. Липшиц // ВВ. – 1950. – № 3. – С. 349–387.
465. *Успенский К.Н.* Очерки истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII–IX вв. Феофан и его хронография // Там же. – С. 393–438.
466. *Липшиц Е.А.* Никифор и его исторический труд // Там же. – С. 85–105.
467. *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Пер. с арабского, коментарии, исследование, указатели и карты Наили Велихановой. – Баку, 1986. – 427 с.
468. *Рюи Гонсалес де Клавихо.* Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. – Спб., 1881. – 158 с.
469. *Хвольсон Д.А.* Восемнадцать надгробий из Крыма. – Спб., 1866. – 189 с.
470. *Szyszman S.* Oú la conversion du roil khazar Bulan a–t–elle eu lieu? // Hommages a André Dupont–Sommer. – Paris, 1971. – P. 523–538.
471. *Гаркави А.Я.* Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. – Спб., 1874. – 162 с.
472. *Szyszman S.* Le roi Bulan et le probleme de la conversion des Khazars // Ephemerides Theologicae Lovanienses. – Bruges, 1957. – 33, asc. 1. – P. 70–76.
473. *Струков Д.М.* Дело ИАК о предоставлении художником Струковым альбома рисунков крымских древностей с просьбой об асигновании 6 тыс.руб. // Арх. ЛОИА АН СССР. – Д. № 35.
474. *Латышев В.В.* Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 гг. // МАР. – 1895. – № 23. – 68 с.
475. *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. – Спб., 1875. – Вып. 15. – 235 с.
476. *Миллер В.Ф.* Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1866 году // Древности: МАО. – М., 1898. – Т. 12. – С. 118–138.
477. *Darrouzs J.* Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae. – Paris, 1981. – 370 с.
478. *Ягич И.В.* Новое свидетельство о деятельности Константина Философа // ЗАН. – Спб., 1893. – Т. 1. – Прилож. 6. – 21 с.
479. *Mošin V.* Les Khazares et les Byzantins. D'Aprés L'anonyme Cambridge // Byzantion. – 1931. – 6. – P. 309–325.
480. *Брун Ф.* О разных названиях Керчи и ее окрестностей в древности и средних веках. – Одесса, 1877. – 32 с.
481. *Мошин В.А.* Николай, епископ Тмутараканский // Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый Ин-том им. Н.П.Кондакова. – Прага, 1932. – Вып. 5. – С. 47–62.
482. *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. – М., 1982. – 238 с.
483. *Oikonomidés N.* Les listes de préséance Byzantines des IX et X siécles. – Paris, 1972. – 403 p.
484. Leonis Diaconi Kaloensis Historiae libri decem. – Bonnae, 1828. – 129 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	–	Античная древность и средние века
АИУ	–	Археологические исследования на Украине
АО	–	Археологические открытия
АП УССР	–	Археологічні пам'ятки УРСР
Архив ИА АН УССР	–	Архив Института археологии АН УССР
ВАУ	–	Вопросы археологии Урала
ВВ	–	Византийский временник
ВДИ	–	Вестник древней истории
ВИ	–	Вопросы истории
Доклады ГО	–	Доклады Географического общества СССР
ЖМНП	–	Журнал министерства народного просвещения
ЗАН	–	Записки Академии наук
ЗООИД	–	Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК	–	Известия археологической комиссии
ИАИ	–	Известия на Археологическия институт
ИВАД	–	Известия на Варненското историческо дружество
ИГАИМК	–	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИМФ	–	Известия Молдавского филиала АН СССР
ИРАИК	–	Известия русского археологического института в Константинополе
ИНМВ	–	Известия на народния музей Варны
ИТОИАЭ	–	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
КСИА АН СССР	–	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА	–	Ленинградское отделение Института археологии
МАР	–	Материалы по археологии России
МИА	–	Материалы и исследования по археологии
ОАК	–	Отчеты археологической комиссии
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
Сообщ. ГАИМК	–	Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СМОИПК	–	Сборник материалов для описания мест и племен Кавказа
СЭ	–	Советская этнография
ПИДО	–	Проблемы истории докапиталистических обществ
Труды ... АС	–	Труды ... Археологического съезда
Эксп. ГИМ	–	Экспедиции Государственного исторического музея
Чт. МОИДОР	–	Чтения Московского общества истории и древностей российских
AA	–	Acta arheologica
AH	–	Archaeologia Hungarica
SA	–	Slovenská archeológia
DOP	–	Dumbarton Oaks Papers

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ 7

1. Исторические закономерности седентаризации кочевников 9
2. Хронология и периодизация памятников 18

ГЛАВА II. ПОСЕЛЕНИЯ 35

1. Стойбища 35
2. Аилы 36

ГЛАВА III. ХАЗАРСКИЕ ГОРОДИЩА 54

ГЛАВА IV. ЭКОНОМИКА 69

1. Земледелие 69
2. Животноводство 76
3. Ремесла и торговля 80

ГЛАВА V. НАСЕЛЕНИЕ КРЫМСКОЙ ХАЗАРИИ 105

1. Погребения в плитовых могилах 106
2. Грунтовые могильники 109
3. Христианизация 129
4. Этнический состав населения 139

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 146

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 155

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 167

3 р. 50 к.

ТАВРИКА В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР